

Н О В Ъ И Т Ы
М И Р

Н О В Ъ И Т Ы
М И Р

1954

5

1954

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXX

№ 5

Май, 1954 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
АНДРЕЙ МАЛЫШКО — Из «Книги братьев», стихи. Переводы с украинского Марии Комиссаровой, М. Максимова, Александра Прокофьева.	3
М. ПРИШВИН — Корабельная чаша, повесть-сказка	12
КОНСТАНТИН СИМОНОВ — Из новой книги стихов	70
М. ГАНИНА — Первые испытания, повесть. Окончание	82
ЯКОВ УХСАЙ — Дед Кельбук. Из повести в стихах. Переводы с чувашского Льва Пеньковского, Николая Чуковского	158
СЕРГЕЙ ОСТРОУМОВ — Рассказы об Иране	170
ПУБЛИЦИСТИКА	
С. СУТОЦКИЙ — Начало большого года. (Внутреннее обозрение)	194
В. ВЛАДКО — Накануне всенародного праздника. (Письмо из Киева)	214
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
МАРК ЩЕГЛОВ — «Русский лес» Леонида Леонова	220
Е. ГОРОДЕЦКАЯ — Украинская поэзия для детей	242
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	
ДИН ЛИН — О литературе и писателях. Перевод с китайского Г. Головнева	253
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
А. Аликан. Стихи молодого поэта. — В. Борисов. Новые веяния в арабской литературе. — Ник. Арденс. Л. Н. Толстой в Китайской Народной Республике.	264
<i>Политика и наука</i>	
Кандидат исторических наук И. Греков, кандидат исторических наук А. Мальцев. Единство навсегда. — Е. Шведов. Друзья и враги немецкого народа. — Кандидат сельскохозяйственных наук С. Воробьев. Книга об освоении целинных земель. — Руд. Бершадский. Без ясной цели.	271
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	286

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»

Москва

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

★

ИЗ „КНИГИ БРАТЬЕВ“

(С украинского)

ВСТУПЛЕНИЕ*

...Я вижу дальней битвы свет
И путь, который триста лет
Вёл к нам, пожаром озарённый,
Покрытый изгарью, бессонный;
Увядшей вишни первоцвет
И тот извечный — у порога —
Взгляд материнский на дорогу:
С похода сыновей всё нет.

...Шляхетской полночью беззвёздной
Ползут измена и обман.
По Запорожской Сечи прозной
Идёт, задумавшись, Богдан.

Проходит ночь. Светает. Рань.
Под ветром клонится крушина.
Пускай колеблется старшина,
Бойтся слов: иди, восстань,—

Он поднимает в бой полки,
Идёт голота, казаки...
И впереди она, голота,
Идёт, как совесть, как забота
О жизни, смерти вопреки.

Рассвет высокий, голубой,
Полки идут, грохочет бой,
Идёт, идёт моя голота,
Раскованный, не снёсший гнёта,
Идёт народ восставший мой.

Идите ж все, кто жил без доли,
Кто не согнулся и в неволе,

* Отрывок.

Кто в бой выходит в чистом поле,
 За родину выходит в бой,—
 Не как поток,— потоп сплошной,
 Подняв малиновые стяги,
 Иди, исполненный отваги,
 Ты, верный братству и присяге,
 Народ родной!

Лучи косые

Рассвет простёр, легко итти,
 От Украины до России
 Легли пути. Ведут пути.

Моя отчизна дорогая
 Светла от края и до края.
 В дыханьи домен, в росах, в дыме,
 В просторах нив неисходимых
 Советский край непобедимый,
 Моя отчизна дорогая
 Светла от края и до края.

Перевод М. Максимова.

КОРСУНСКОЕ ПОЛЕ

(Песня)

Ой ты, поле
 Подле Корсуня,
 Поле тихое, широкое,
 Тучи над тобой не нависают,
 Звёзды над тобой не угасают,
 Поле тихое, широкое!

Пали росы,
 Да легли туманы.
 В этом поле видно два кургана,
 Два, обвитых стёжкой крутою,
 Два, травой поросших золотою,
 Поле тихое, широкое!

Лежат в первом
 Казаки Богдана,
 А в другом — как вспомнишь, ноет рана —
 Спят друзья — советские герои,
 Лёгшие суровою порою.
 Ой ты, поле
 Подле Корсуня,
 Поле тихое, широкое!

В ясный день
 И ночью голубою
 Говорят курганы меж собою
 Про друзей отважных, братьев милых,
 Про друзей, что в братских спят могилах.

А над ними тучи пролетают,
Звёзды в вышине не угасают.

Ой ты, поле
Подле Корсуня,
Поле тихое, широкое!

Перевод Александра Прокофьева.

ЗА РЕЧКОЮ, ЗА САМАРКОЮ

За речкою, за Самаркою,
Где за полем крутой буерак,
Там лежал казак,
Умирал казак.

Сбоку сабля его кривая,
Шапка в травах лежит густых,
Приключилась беда такая —
В теле раны две горевых.

Травы шепчутся у оврага,
Вся в крови казачья сермяга,
Солнцем выжжена, ливнями мыта,
Серой пылью дорог покрыта.

Как он полз до реки Самары,
Как сразили его татары!
Ноют раны — в боку, в плече,
Будто в каждой жгут по свече.

Кто его напоит водою,
Принесёт ему кулеша? —
Только солнце над той рекою
Подымается не спеша.

Где жена, где вы — брат с сестрою?
Никого в степи, никого,
Только травы густой рососою
Напоили в ночи его.

Он два дня не сдавался смерти,
Ждал друзей боевых два дня,
Зашумела над ним на третий
Туча тёмная воронья.

Когти острые, в клювах — силища.
Синевой отливают крылища.
Смотрят вброны в очи с ночи,
Поклевать их всегда охочи.

Так за речкою, за Самаркою,
Где за полем крутой буерак,
Там лежал казак,
Умирал казак.

Раны жгли его, молодого.
 Рот от жажды пересыхал.
 Вдруг он женщины русой слово
 Ранней зорькою услышал.

— Что ж, казак, ты лежишь иссеченный,
 Не наградами, кровью меченный,
 Головой на холодном камне,
 Повернись, посмотри в глаза мне!

Подняла его и с собою
 Повела через буерак,
 Русским полем, русской тропкою,
 Чтоб остался живым казак.

Раны чистой водой омыла,
 Как за сыном, за ним ходила,
 Подняла и средь бела дня
 Оседлала ему коня.

И опять он рубился с татарами
 И со шляхтой в родной стороне,
 Под Пилявцами, под Санжарами,
 В Берестечке при Богуне.

Было всяко: холодно, жарко,
 Но всегда вспоминал в дыму
 Эту женщину у Самарки,
 Что была словно мать ему.

Видел он тесовую хату
 Русской женщины небогатой,
 Видел поле, крутой буерак,
 Где лежал казак,
 Да не умер казак!

Перевод Марии Комиссаровой.

БАЛЛАДА ПРО БЕДУ

В Запорожской Сечи объявилась беда,
 И не диво беду
 Опознать без труда,
 Видно — голь перекатная:
 Посто́лы сыромятны́е
 Да лошадка — хоть рёбра считай, так худа.

А парняга на ней — две сажени в плечах,
 И у парня — не взгляд,
 А зарницы в очах
 Да улыбка лучистая,
 Белозубая, чистая, —
 Ну такая, что светит в ночах!

Видно, знался тот парень
 С отвагою,

Правда, плечи покрыты сермягою,
Что давненько за парня засватана, —
Трижды латана
И перелатана.

Есть заплата — от встречи с пожарами,
Две другие —
От рубки с татарами,
А четвёртая с пятою —
От знакомства со шляхтою,
Плена польского с пытками-карами.

Засмеялся подвыпивший дука¹.
— Що то едет, глядите, за штука
В рваной свитке на кляче?
Где ж оружие казачье?
Не казак, вам скажу, — казарлюка!
Ха-ха-ха! Казарлюка!
Ха-ха-ха! Вот так штука! —
И затряс бороною рудою.
— Назовём его, братцы, бедою. —
И назвали бедою...

Побледнел от обиды парняга,
Роет землю копытом коняга,
А кобзарь седобровый
Утешает сурово:
— Вместе справимся, парень, с нуждою.
В дни и ночи тревоги
Ты беду гни под ноги!
Пусть лишь будет рука твоя, хлопче, тверда,
Будешь зваться меж нами
Нагни-Беда!

Стяг малиновый дали
В грозу-непогоду
Пареньку, чтобы нёс
От похода к походу.
И летел он грозовый,
Стяг вздымая суровый,
Возвещая свободу народу.

Перевод М. Максимова.

ВДОВА

Та же хата с крышей из соломы,
Под окном две розы, как в огне.
И опять всё мило и знакомо,
Всё моё, забытое — при мне.

Тополёк над тыном у сарая,
Гребень хаты и вишнёвый сад,
Сны мои проходят, оживая
Наяву, как десять лет назад.

¹ Дука — богатей.

Пусть они на краски небогаты
И скупы на вздохи и слова:
Я лежал под кровом этой хаты,
И склонялась надо мной вдова.

Добрая хозяйка неустанно
Хлопотала, бинтовала рану,
Тихим словом унимала боль
И звала к столу на хлеб и соль.

Был со мной сибирячок-солдат,
У хозяйки — дочь...

И, словом, рад
Вспомнить я, как до зари всю ночь
Мать гуляла, выдав замуж дочку.

Сколько лет прошло до этой встречи
С часа той разлуки поутру, —
Счёт ведёт высокий синий вечер
За селом кукушками в бору.

Стёжка, дверь, оконце — всё знакомо,
У плетня стоит старик-сосед.
— Тётя Ганна дома?
— Как же, дома,
Только что с бригады — на обед.

Что ж ты, сердце? Ладно, не перечу,
Бейся, я не стану унимать...
...Вышла в сени, бросилась навстречу,
Словно к сыну, словно вправду мать.

Тот же на платке горошек белый,
И морщинка та же меж бровей,
Только, вроде, больше поседела,
Только, видно, трудно было ей.

Мне известно всё, что с нею случилось
И чему не в силах я помочь,
Знала — муж погиб, а дожидалась
И растила трёх сынов и дочь.

А в работе горе забывала,
То в бригаде сев, а то жнива,
Всё её рукам казалось мало,
Всё она хозяйкою — вдова.

И лежит в косе когда-то русой
Седина — и горе в ней и труд.
Называли двадцать лет Ганнусей,
Тридцать — тётей Ганною зовут.

Солнце нежно золотит ей руки,
Теплится во взгляде доброта,
За оконцем зашумели внуки —
Радость, и заботы, и мечта.

Что же, сядем у стола под вишней,
Посердечней выберем слова,
С вами, Ганна, запоём чуть слышно,
Как пшеницу сеяла вдова.

И о той, о чайке, о крылатой,
О любви, о хмеле по устам...
Сеют звёзды свет на вдовью хату,
Пролетают годы по мостам.

Перевод М. Максимова.

ДОРОГА

Вечерние тени у лога
И туч золотые края.
Зовёт меня снова дорога,
Тревога и радость моя.

Такая, что в детстве, бывало,
К огням горизонта звала,
Такая, что по сердцу стала,
По жизни меня повела.

И вот уже с ней, как с невестой,
Я в паре счастливой навек
И кланяюсь тучке небесной,
Дубравам и рокоту рек,

Лугам под зелёным покровом,
И грому над взгорьем седым,
И неповторимым, суровым
Годам беспокойным моим.

Сестра моей жизни — дорога!
Не жди и веди сквозь года,
По кручам, по долам, по логу,
Легка и трудна, как всегда.

То в росах, то пылью покрыта,
То чёрной асфальтной рекой,
То стёжкой по спелому житю.
Спешешь ты, утратив покой.

То лентой, как ночь, голубую
Уходишь по взгорью в полёт.
И мир мой огромный с тобою
Бушует, цветёт и поёт.

Ты радость моя, и тревога,
И юность, кипящая вновь,
Сестра моей жизни, дорога,
Отрада моя и любовь.

Прощаний и встреч моих мера,
 Нелёгкий мой горный подъём.
 Всё тесно сплелось — и не в сером,
 А в светлом разбеге твоём.

Вон, за руки взявшись, как дочки,
 Берёзки бегут босиком.
 Как строй пионерский, кленочки
 Идут в МТС большаком.

Пылает и стяг свой парчовый
 В полнеба вздымает закат.
 Девчата артели Хрущёва
 К открытию клуба спешат.

И время — в полёте орлином.
 Дороги осенний хрусталь
 Ведёт нас к московским равнинам,
 Ведёт к белорусским долинам,
 Ведёт по отчизне единой
 И только всё дальше и — вдаль.

И мысли поток бесконечный
 Течёт и рождает слова.
 И другом становится встречный,
 И память о прошлом жива.

Водитель, нажми на педали,
 Пусть в отсветах встречных огней
 Дорога сквозь новые дали
 Ложится по жизни моей!

Перевод М. Максимова.

ТАНЕЦ

— А ну, давай, а ну, давай,
 Весёлые, красивые,
 Зарёю небосвод пылай
 Над сёлами, над нивами.
 Над сёлами, над нивами,
 Над юностью счастливою.

И встали хлопцы на подбор,
 Пыль в хороводе стелется.
 И гармонист ведёт в простор
 «Берёзку» и «Метелицу».

А трактористам всё с руки,
 Дробь выбивают каблуки,
 А скрипка свой ведёт смычок,
 И песня всюду слышится,
 И в пляс вступает башмачок,
 Бьёт каблuchок о каблuchок,
 Берёзка рядом с вишенкой;
 Как подружились, как сошлись

Кслхозными денёчками
И не ветвями обнялись,
А обвились платочками,
Платочками-батистами,
Богатыми, цветистыми!
И горлинкой одна идёт,
Другая вслед дорожкою,
Одна чуть бровью поведёт,
Другая топчет ножкою,
Одна цветёт, как маков цвет,
Другой в округе краше нет,
Одна ударит каблучком,
Другая — острым язычком!

— А ну, давай, а ну, давай,
Красивые, нарядные,
Откроет небосклон пускай
Даль нашу неотглядную!

Одна — от русских светлых нив,
Другая — с украинских нив.
— Ну, гармонист, давай в разлив! —
Тут не одна красуется...

И вся-то русская земля,
Вся украинская земля
На танец тот лобуется!

Перевод Александра Прокофьева.

М. ПРИШВИН

★

КОРАБЕЛЬНАЯ ЧАЩА

Повесть-сказка

«Корабельная чаща» — последнее произведение недавно скончавшегося замечательного мастера русской прозы Михаила Михайловича Пришвина.

Творчество М. М. Пришвина навсегда вошло в сокровищницу советской литературы. Изумительное богатство русской речи, глубокое знание и тонкое поэтическое чувство родной природы, освещённое любовью к человеку-труженику, неустанное стремление к большой человеческой правде — все эти черты долголетнего творчества художника-патриота всегда были и будут дороги нашему читателю.

До последних дней жизни не угасало вдохновение писателя. «Корабельная чаща» прокизана тем же светлым, поэтическим мироощущением, которым пленяют нас все его творения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Васина ёлочка

Глава 1

Солнце светит одинаково всем — и человеку, и зверю, и дереву. Но судьба одного живого существа часто решается тенью, падающей на него от другого.

Так было, ранней весной горячий луч солнца всё осветил и тронул даже семенную шишку наверху старой ели. На своём парашютике семя, кружась, медленно слетело вниз и упало на тающий снег. Вскоре снег разбежался водой и оставил на земле семечко.

Из этого семечка и родилось дерево — васина ёлочка.

Да, конечно, солнце-то светит всем одинаково, а это от нас самих рождается тень. И мы, и животные, и деревья, и всё на земле даёт разную тень — и добрую и злую, и даже сама земля по временам тенью своей закрывает иную планету.

Так вот и семечко ёлки, конечно, упало в лесу под чью-то добрую тень.

Было это в селе Усолье, вблизи города Переславля-Залесского, за много лет до того, как родиться самому Василию Весёлкину. Даже и самого старого нашего лесника, Антипыча, тогда ещё не было на свете. Никакой человек не был свидетелем жизни первых лет этого дерева. Родилось оно и росло само собой, и «васиным» оно сделалось долго спустя, когда стало даже так, что не будь этого Васи на свете, так и не было бы и его ёлочки.

Была-жила ёлочка чуть ли не за сто лет до рождения Васи.

Семечко её, подхваченное весенней водой, сплылось со множеством таких же семян и было выброшено в лесное урочище Ведёрки.

В далёкие времена тут был великий сосновый бор. Никто не помнит его, но так понимают его происхождение: там и тут от великого, ещё более давнего прежнего леса оставались отдельные деревья-семенники и от старости засыхали и падали; каждое дерево, падая, разрушало возле себя много молодых деревьев, и оттого в сплошном тесном лесу оставалась каждый раз светлая полянка; молодые деревья, обступая полянку, тянулись вверх, догоняли кроны старых деревьев и, догнав, смыкались со всем пологом леса.

Когда деревья наверху смыкались, то лесная полянка делалась похожей на высокое ведро с зелёным доньшком. Вот оттого-то и получилось лесное урочище Ведёрки, что из каждого последнего дерева старого бора в новом лесу вышло ведёрко.

Догадка эта была верная: великаны-сосны с тех незапамятных времён кое-где сохранились и до нашего времени. Тут-то вот, под тенью одного такого великого дерева, на вспаханную кротами земельку были брошены семена елей, и среди них было семя васиной ёлочки.

Еловой породе деревьев тень вначале бывает даже нужна. Елку губит не тень высокого материнского дерева, а малая тень своих собственных мелких собратьев.

Счастливым было семечко, что оно попало в тень великой сосны: такая первая материнская тень охраняет ростки от ожогов мороза и солнца.

Это была первая материнская тень.

Как всегда, семян было множество. Васина ёлочка была неотличима в ровном бобрике ростков. Иному доброму человеку по такому ельничку даже рукой погладить хочется, как по шерсти его друга-собаки. Но далека, вот как далека от человека эта жизнь беспризорных существ, брошенных игрою случая в рыхлую, вспаханную кротами землю для борьбы между собою за свет.

Да, конечно, солнце даёт нам только свет и тепло, но откуда же среди нас берётся тень?

Надо думать, солнце в тенях не виновато: свет — от солнца, а тень выходит ото всех нас, живущих на земле.

Это, конечно, истинная правда, что солнце для всех деревьев, и всех ёлок, и всех зверей, и для каждого человека светит одинаково, да мы-то вот на земле все разные, и от каждого из нас на другого падает разная тень...

Мало того, что маленькие деревья затеняли друг друга. Они и просто силой движения теснили, уродовали свои мутовки: каждому хотелось раньше другого подвинуться к солнцу. Вот почему от каждого на каждого падала тень.

А тут вышла и ещё беда: лосю вздумалось лечь и почесать себе спину об эти ёлочки.

Медленно после тяжёлого лося поднимались помятые маленькие деревья, но васина ёлочка не успела за всеми подняться и осталась в тени. Так, из-за того только, что лосю надо было почесать себе бок, ей это было, как верная смерть.

Случилось ещё, гром ударил почему-то не в самое высокое дерево — в нашу великую сосну, пионера всего этого леса, — а рядом с нею, в догонявшую её издавна ёлку. После падения этого дерева от всего нашего елового бобрика осталась только васина ёлочка, и над ней другая, её затеняющая, отнимала свет до темноты.

С тех пор прошло больше ста лет. За это время родился, и вырос, и застарел старый наш лесник Антипыч. Вот это он-то и любил повторять всем, и от него мы берём эти слова, что солнце светит всем одинаково и свету солнечного хватало бы всем, да вот мы-то, земные жители, разные и друг другу порой закрываем солнечный свет.

— А из-за чего,— спрашивал часто Антипыч,— закрываем мы свет?

И, помучив собеседника, сам отвечал:

— Из-за того, что все поодиночке гонимся за своим счастьем.

Собеседник тогда пробовал заступиться за счастье:

— Без этого счастья жить нельзя ни человеку, ни зверю, даже и ни дереву.

— Нет! — говорил Антипыч.— Нельзя зверю и дереву, а человеку можно: у человека своё счастье, и оно — в правде.

И тут выкладывал всё, из-за чего начинал спор свой о тени и свете.

— Не гонитесь, — говорил он, — как звери, поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой.

И эти-то слова о правде, наверно, и слышал ещё маленький Вася, и скорее всего от этих слов у него всё и началось.

Было это в годы первой войны с немцами.

Пришёл однажды Антипыч к великой сосне, и с ним был мальчик Вася Весёлкин. Тут впервые Вася встретился со своею ёлочкой.

Радостно каждому глубоко вздохнуть чистым воздухом под пологом сомкнутых кронами деревьев. Редкий человек, обрадованный чистым воздухом, обратит внимание на деревце бледное, высотой не больше как в рост человека с поднятой вверх рукой. Хвоя на этом деревце тощая, бледная, сучки покрыты сплошь лишаями. Ствол — не толще руки человека, корни поверхностные.

Сильный может легко вытащить дерево и отшвырнуть, а между тем рядом с этим лесным сиротой стоит ёлка, его ровесница, могучее столетнее дерево. В тени-то этой счастливицы и хилится маленькая её ровесница, в сто лет собравшая себе высоту в рост человека с поднятой вверх рукой.

Антипыч уже поднял было топор, чтобы прикончить эту несчастную, ненужную жизнь, но Вася остановил его.

— Ладно! — согласился Антипыч.

И минуточку глядел в большие серые серьёзные глаза мальчика, вроде как бы даже и с удивлением.

Оно и вправду было чему подивиться в лесу: во всей жизни всех лесов на свете не было такого случая, чтобы кто-нибудь, кроме человека, мог заступиться за слабого. И какой же это ещё человек — Вася Весёлкин, чтобы против всех лесных законов вдруг ни с того ни с сего выставить свой, человеческий!

С другой стороны, тоже подумаешь: почему бы ему не выставить этот закон, если с незапамятных времён человек начал выбирать в лесу деревья, сажать их возле дома своего, поливать, навозить, ухаживать и — мало того! — уходя на войну, потом уносить в душе своей наряду со своими близкими и память о родной берёзке возле своего дома, сосне или ёлочке.

Когда Антипыч заносил топор над васиной ёлочкой, наверно, это наше всеобщее человеческое чувство мелькнуло в душе мальчика и перешло на дерево.

— Ладно, — ответил Антипыч, отчасти, конечно, и понимая причуду мальчишки: все ведь — и мы, старики, — мальчишками были.

У Антипыча в этот раз был не просто его очередной обход лесного участка Ведёрки. В лесничестве был получен приказ найти материал для фанеры. Требовалась сосна не меньше четырёх обхватов толщиной и без единого сучка на высоту пяти метров. Во всех Ведёрках оставалось только одно такое дерево. Вот за этим-то деревом и пришёл теперь Антипыч.

Нечего было и мерить толщину: было видно на глаз — дерево больше четырёх обхватов. И какие там пять метров вверх без сучка — куда больше! И смотреть было нечего.

Но Антипыч почему-то всё глядел и глядел вверх, всё больше и больше откидывая назад свою голову. Вася тоже за ним глядел вверх, пока не стало ему очень трудно. Тогда оба, и старый и малый, отступили дальше от дерева и всё глядели и глядели вверх. И это было без всякого дела, безо всякой надобности.

Так бывает с каждым в чистом бору: движение чистых стволов вверх, к солнцу, поднимает человека, и ему хочется туда, вверх, как дереву, тянуться к солнцу.

Голова скоро устаёт от высоты, приходится возвращаться на землю. Антипыч сел, свернул себе козью ножку и сказал:

— У нас в Ведёрках это будет последнее дерево. Упадёт — и останется на память последнее ведро в наших Ведёрках. Нового больше не будет.

— А есть ещё где-нибудь на свете такое? — спросил Вася.

— Есть, — ответил Антипыч. — Мой отец бурлачил на севере, так он зимой нам, детишкам, много рассказывал. Там где-то есть заповедная Корабельная чаща: её там не рубят, а берегут, как святыню.

Так вот эта чаща сосновая стоит высоко на третьей горе, и нет в ней ни одного лишнего дерева, там нигде стяга не вырубить. Вот как часты деревья: срубишь — оно не падает, а остаётся стоять меж других, как живое.

Каждое дерево такое, что два человека будут догонять друг друга кругом и не увидятся. Каждое дерево прямое и стоит высоко, как свеча. А внизу — белый олений мох, сухой и чистый.

— Высоко, как свеча? — повторил Вася. — И так-таки ни одного сучка доверху?

На этот вопрос постоянный шутник Антипыч ответил шуткой.

— Есть, — сказал он, — во всей гриве одно дерево, и в нём выпал сучок. Но и то в эту дырочку жёлтая птичка-зарянка натаскала хламу и свила себе там гнездо.

— Это сказка? — спросил Вася.

В глазах мальчика была такая тревога! Так, видно, хотелось ему, чтобы заповедная чаща не была просто сказкой!

— Это сказка? — повторил он.

Антипыч бросил шутить.

— Про птичку, — ответил он, — я сам выдумал, да и то — что я! В каждом бору есть дерево с пустым сучком, и в дырочке живёт жёлтая птичка-зарянка. А заповедную чашу отец мой видел своими глазами: это правда истинная.

— Истинная, — повторил Вася, — а какая же ещё бывает на свете правда?

— Кроме правды истинной? — спросил Антипыч.

И опять его щёки начали собираться в гармоникку, а ястребинный нос — опускаться к усам. Но тут же и опять, заглянув Васе в глаза, Антипыч бросил шутить и сказал:

— Правда на свете одна, только истинная.

— А где она?

— В уме и сердце человека.

— И у тебя?

— Конечно.

— Скажи, Антипыч, какая она сама, эта истинная правда?

Антипыч засмеялся, нос его крючковатый направился к усам.

— Видишь, Вася, — сказал он, — правда, она такая, что её надо каждому держать в уме, а сказать о ней трудно.

— Отчего же трудно?

— Первое, трудно оттого, что в делах она, а не только в словах. Второе, оттого, что, коли дел у тебя нет, то как скажешь, сам ни с чем и останешься.

— Ты мне одному только скажи!

— Скажу, — согласился Антипыч, — только не сейчас: вот буду помирать — ты к тому времени, кстати, подрастёшь, маленько поумнеешь, — ты ко мне подойди тогда, и я тебе на ушко скажу. Хорошо?

— Конечно, хорошо! — согласился Вася. — Только я знаю, что ты мне скажешь тогда.

— Неужто знаешь? — удивился Антипыч.

— А вот и знаю, хоть ещё и не подрост и не поумнел. Ты скажешь так: не гонитесь поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой.

После васиных слов Антипыч в изумлении остановился и, подумав, сказал:

— Ну и память у тебя, Вася!

После этих слов Антипыч выплюнул свою козью ножку, поднял топор, подошёл к великой сосне, зачистил на сером стволе белое местечко и на белом старательно вывел лиловым карандашом букву «Ф» (фанера).

Глава 2

Когда-то учёные-лесоводы думали — есть растения светлюбивые, вроде берёзки или сосны, и есть, как ёлка, тенелюбивые.

Так это и понимали: одни растения любят свет, другие какие-то любят тьму.

Учёные люди, сами не зная того, с человеческих отношений переносили мысль свою на деревья. В то время, в XVIII веке, положение господ считалось высоким положением, и один король Франции назывался даже «Король-Солнце», а положение раба было положение низкое, но сверху казалось, будто раб любит своё низкое положение...

Лесоводы с человеческого общества перенесли это на деревья и разделили их на светлюбивые, вроде сосны и берёзы, и на тенелюбивые, как ёлка.

Когда же человеческие отношения изменились, то спала пелена с глаз и у лесоводов: оказалось, и ёлка любит свет не меньше деревьев-господ, но боится на свету ожогов мороза и оттого прячется в тень.

В этом сближении людей и деревьев нет ничего особенного. Стоит только распилить ствол дерева поперёк, сосчитать на срезе круги годового прироста, и часто оказывается — год, благоприятный для роста дерева, был и у людей урожайным, а тощий для дерева был голодным и у людей: для солнца всё одинаково, что деревья, что люди, — у тех и других для солнца природа одна.

Другое выходит, когда люди переносят на природу такое, чего в ней нет: неравенство, как будто бы высшее установление.

Вот почему скорее всего и Антипыч постоянно нам всем с детства говорил, что солнце светит для всех одинаково.

Спрашивали Антипыча:

— Откуда же тень?

Как мог верно ответить Антипыч, если даже в учебниках мало говорилось о происхождении тени? А раз нет в учебниках, то само собою приходилось слушать мудрость старых людей.

— Тень, — объяснял нам Антипыч, — берётся от нас самих. Каждый из нас, — говорил он, — всё равно, люди, растения или звери — дорожит светом солнца и спешит: каждому хочется перед другим скорее продвинуться к тёпленькому местечку на солнышке. Вот отчего на другого

от этого счастливого и падает тень: от нас самих приходит тень, а солнце всех любит ровно.

Смешные были у нас деревенские мудрецы в лесах, но и мы, школьники, были не лучше. Мы отвечали:

— А если солнце любит нас, то у него тоже должны быть любимцы: всех-то всех, а кого-тонибудь любит больше.

— Солнце всех любит ровно, — повторял Антипыч, — никого нет у него любимого, но каждый из нас думает, будто солнце любит всех ровно и только его самого любит больше, и оттого сам лезет вперёд. Вот отчего в споре за место и рождается тень.

И правда, только слепому не видно, что борьба деревьев и всяких растений в лесу бывает больше всего только за место своё к источнику света. И особенно это было заметно, когда пришли с Антипычем лесорубы к тому месту, где стояла великан-сосна.

Было это ещё на нашей памяти, когда выпала из лесного полога последняя сосна, последний свидетель давно прошедших времён.

Мы слышали не раз обвалы в горах, но почему-то не так эти обвалы хватили за сердце, как хватает каждый раз, когда вдруг в лесу из-под руки человека валится огромное дерево.

В горах бывает гул нечеловеческий, а дерево падает — всегда пони-маешь про себя: так и ты сам, человек, можешь прошуметь, потрясти всё кругом и навсегда замолчать.

Много было наломано деревьев и подлеска падением великана, и сплошной теневой полог был продырявлен. Вот в эту дыру и бросился на лесную поляну свет прямой и великий.

Никто у нас раньше и не задумывался над тем, почему лесное урочище называлось Ведёрками. А когда упала древняя сосна, то круглая поляна после неё в лесу стала очень похожа на огромное лесное ведро. И все поняли: оттого и стали Ведёрки, что издавна древние сосны падали одна за другой.

Сотни лет на том месте, где стояла великая сосна, всё было без перемен, но, когда упала сосна, всё стало быстро изменяться. Свет великий, желанный и страшный ринулся в дыру лесного полога и начал внутри леса на поляне всё изменять, кому на счастье, кому на гибель.

Золотые стрелы света летели неустанно, непрерывно падали на донышко лесного ведра — на светолюбивые травы. И мы все, у кого были на это глаза, видели, как у растений открывались глазки, подобные солнцу, с белыми, голубыми, красными и всякими лучами.

Васина ёлочка, столетняя и маленькая, уродливая, в бледнозелёных лишаях, открылась на весь великий солнечный свет, и по виду невозможно было понять, что такое в ней самой происходит. Ёлочка эта только наводила на мысль о тех людях, нам лично знакомых, кому вдруг нечаянно доставалось незаслуженное богатство, и редко кому оно шло на пользу. Глядя на ёлку, все думали о человеческом счастье, но никто не мог видеть, что же происходило внутри неё самой под влиянием огромного света.

Во всём лесном районе нашего края справиться о научных вопросах можно было только у нашего учителя Фокина Ивана Ивановича, и это он-то для нас и нашёл в книгах справку о том, что дерево, внезапно выставленное на яркий свет, перестраивает свои теневыносливые клеточки на световыносливые и от этого на некоторое время слепнет.

Так и наша ёлочка в борьбе за новую жизнь на какое-то время скорей всего тоже ослепла.

Не всякая ёлка выдерживает такую борьбу, и одно время некоторые сучки в лишаях стали так отпадать, будто лишай тут же на свету

и догрызают те сучки, на которых сами сидят. А ещё хуже было, что некоторые другие сучки начали желтеть и хвоя на них — осыпаться.

Так и думали Антипыч с Васей, что этой затее пришёл конец и ёлка должна неминуемо скоро погибнуть.

Год за годом уходили, и стало забываться когда-то замеченное деревце в Ведёрках, на доньщке последнего ведра. В лесных обходах, в случайных налётах за грибами, за ягодами стали проходить мимо ёлки, её не замечая.

Пришла к людям Великая Революция. К этому времени Вася Весёлкин был школьником и вот тут-то, на радостях, вспомнил о когда-то спасённом им деревце.

— Антипыч! — сказал он, — Давай с тобой сходим, поглядим, как наша ёлочка: совсем ли засохла или, может быть, поправляется. Ты как, при обходах своих не замечал?

— Нет, — ответил Антипыч, — проходить-то проходил, а в глаза чего-то не казалось: скорей всего дерево осыпалось, оттого и не кажется. А поглядеть — отчего же не поглядеть, пойдём, мне как раз там сейчас надо оглобли достать.

Так и пошли.

И вот как это бывает иногда удивительно: думали, были уверены, что там, на полянке, теперь нет ничего, только пень великого дерева возле скелета столетней ёлочки в рост человека с поднятой вверх рукой. Когда же подошли, то ещё издали увидели возле большого, как обеденный стол, пня деревце, хотя, конечно, и не великое, но совсем свежее и зелёное.

— Гляди! — воскликнул удивлённый Антипыч.

И когда совсем подошли близко, опять повторил с удивлением своё:

— Гляди!

И показал на сучки дерева: они все очистились от лишайёв бледно-зелёных, все покрылись темнозелёными хвоинками, и каждая веточка кончалась резко светложёлтой, чуть-чуть с зелёною надставкой, весёлой и сильной.

— Это новый прирост! — указал Антипыч.

— А что это? — спросил Вася.

— Это значит, — ответил Антипыч, — что дерево стало на свой путь.

— Какой же это у дерева путь?

— А как же, — ответил Антипыч, — у дерева путь прямой, самый прямой — к солнцу.

И показал кругом в ведре лесном на стволы прямые и, все как один, напрямик от земли и к солнцу.

После того Антипыч показал и на сучья, что у каждого хлыста, как он называл стволы, непременно множество сучьев, и каждый сук растёт тоже вверх, но непременно гнётся каждый в свою сторону.

Чудак этот Антипыч! Вот, сколько ни помнишь его, всё говорил то ли шутками, то ли на что-то словами своими указывал... Тут он тоже взялся указать на то, что хлысты все одинаковые, прямые, а питающие их сучья все непременно разные.

Могло даже быть и так, что Антипыч вздумал свой ум показать перед важным человеком — школьником.

— Смекнул? — спросил он.

— Нет, — ответил удивлённо и просто Вася, — я ничего не смекнул.

— Вот смекни, — сказал он. — Ты смекни это, что у дерева есть прямо путь к солнцу, и он один путь, а сучьев великое множество, и они все разные, и бывает, что кривые. Ствол идёт к солнцу по правде, а сучки — по кривде. У вас там учат в школе, что это значит?

— Наверно, учат, — ответил Вася, — только мы до этого ещё не дошли.

— То-то вот, — засмеялся Антипыч, — что не дошли и, должно быть, не скоро дойдёте!

— А ты, — спросил Вася, — ты-то дошёл, ты это знаешь?

— Нет, — ответил Антипыч, — скорей всего до этого и я не дошёл, мы же ведь и люди все, как кривые сучки, все говорим в одно слово: правда и правда, а когда доходим до дела, то ни у кого правды нет, все мы, как кривые сучки.

— Что ты, что ты, Антипыч! — воскликнул до крайности огорчённый Вася. — Какие же мы все кривые? И неправду ты говоришь про сучки! — говорил мальчик, широко раскинув руки и обнимая ими свою ёлочку. — Посмотри, сучки выгибаются кругло, а не криво, и каждый каждого держит, и кончики у каждого тоже к солнцу, как ствол.

Антипыч молчал, и глазок его острый любопытно и недобро поблёскивал из-под клокастых бровей.

И вдруг Васе стало страшно этого нового Антипыча. «Убежать? Оставить его навсегда в лесу на этом пне?»

Но Вася преодолел непонятный страх и отвращение и сказал, обращаясь к тому, прежнему Антипычу:

— Помнишь, ты мне давным-давно говорил, что знаешь правду истинную и когда умирать будешь, то мне перешепнёшь её на ушко.

— Милый ты мой! — воскликнул Антипычи засмеялся и долго не мог остановиться: всё смеялся и смеялся.

А Вася, не обижаясь, удивлённо глядел на него, как мы глядим на что-нибудь такое диковинное в природе и спрашиваем себя постоянно, почему бывает то, а почему другое. Так и Вася серьёзно спрашивает:

— Почему ты смеёшься, Антипыч?

— Милый ты мой! — сказал наконец Антипыч. — Ведь это я тогда с тобой шутил.

— Ты шутил? — сказал Вася. — А скажи мне теперь, для чего ты в таком деле, в таком важном деле, шутил?

Антипыч вдруг сильно смутился, как будто вдруг почувствовал над собою власть этого небольшого мальчонки-школьника.

Ничего так и не мог ответить Антипыч на вопрос мальчика, для чего он над ним так шутил.

— Шутил... — грустно повторил Вася. — А что если я спрошу учителя нашего Ивана Ивановича, скажет он мне, что такое есть правда истинная?

Антипыч серьёзно задумался и потом ответил:

— Наверяд ли даже и Фокин тебе тут ответит: для правды у человека вернее всего что нет слов, она вся в делах, а как слово, так это говорят взамен дела, взамен правды...

— Нет! — ответил Вася решительно и серьёзно. — Ты всё шутишь и теперь, я тебе не верю — есть слово и для правды, говорят же все: правда истинная. Я спрошу у Ивана Ивановича!

— Конечно, спроси, — согласился Антипыч, всё ещё немного смущённый, — спроси, на что же вас там и учат. А что нас, лесников, спрашивать, что мы знаем?

Глава 3

Какие разные времена, какие разные леса, какие разные в лесах деревья, и как по-разному люди их понимают!

В старину говорили так: «В сосновом бору богу молиться, в берёзовом лесу веселиться, а в еловом — трудиться».

Елочка и Васе на это указывала: Васе досталось трудиться.

Елка — дерево собранное, она сучок подбирает к сучку, мутовку — к мутовке, она, вырастая, как будто и нам всем путь свой даёт, как пример.

Дерево неласковое, но растёт чередом, и нашему Васе, может быть, оно с малолетства указало добиваться своего во что бы то ни стало.

Долго Вася не решался спросить учителя Ивана Ивановича Фокина о том, что решено было в беседе с Антипычем: спросить хорошего, умного, учёного человека о слове, отвечающем правде.

Да и как спросишь? Дома, про себя, кажется всё так ясно, и в школу придёшь, кажется, вот только бы увидеть Ивана Ивановича — и всё сразу так и слетит с языка. Но как только появится учитель, то сейчас же приходит в голову — непременно надо то всё рассказать, что было перед этим, и о том надо тоже, как и с чего всё взялось.

Поди-ка, расскажи всё в двух словах строгому и справедливому учителю! И так вот получается у Васи каждый раз, что, когда надо спросить, и можно, и учитель тут рядом стоит и дожидается, всё исчезает из головы, всё испаряется. А чтобы не показаться явным дураком, то что-нибудь другое спросишь и, значит, соврёшь. И от этого усилия и в жар бросит, и в пот, и в краску.

После таких неудач Вася и зарок даже себе давал, чтобы не думать о таком чём-то и забыть. Но был у Васи какой-то ноготок в душе: точит и точит до тех пор, пока опять захочется спросить Ивана Ивановича это же самое.

Червяк точит дерево, пока жив сам и пока не источит всё. И этот ноготок в уме если заведётся, то уж и не останавливается и будет точить до конца. Так пришёл и этой васиной затее конец...

Однажды в классе было очень шумно и на задних скамейках даже дрались; казалось, весь класс был, как крона лиственного дерева в ветреный день: каждый листик, каждый гибкий сучок хотел сорваться с места, не послушаться и улететь.

И вдруг кто-то услышал шаги и крикнул:

— Идёт!

В один миг в классе всё стихло, и каждый, кому хотелось жить, как хочется самому, только для себя, стал делать то самое, что каждому надо делать для всего класса.

Каждый бросился решать свою задачу.

Учитель вошёл. В классе была тишина не мёртвая. Такая живая тишина бывает в лесу, когда зеленеют деревья и в тепле горячего света каждый час всё переменяется.

Вася быстро решил трудную задачу и сидел в ожидании учителя: Фокин всех обходил поочерёдно — кому помогал, кого наводил на ум, на кого сердился, с кем радовался.

Вася, положив перо, сидел на парте своей, ждал и слушал. Один ученик, решая задачу, говорил громким шёпотом:

— Два в уме!

Другой, прошептав «пятью семь», повторял:

— Три в уме!

Так было и «четыре в уме», и «пять в уме», и весь класс повторял всё то же: в уме и в уме.

Это повторение напомнило Васе ясно вопрос о правде в уме, и, когда Иван Иванович подошёл и очень обрадовался отлично сделанной работе, Вася вдруг осмелился и решительно произнёс:

— Иван Иванович!

Он хотел спросить:

«Говорят, что правда живёт только, как число в умножении, а что самой правды вовсе и нет на свете. Или, может быть, она есть и живёт меж нас правда истинная?»

Вася, по годам своим, конечно, не мог бы уложить в слова свой смутный вопрос, как мы теперь его укладываем, но мы знаем это тоже и по себе, что такой был вопрос в васиной голове, и если бы вышел вопрос, то как бы Фокин обрадовался!

Но случилось, когда Вася назвал учителя по имени и хотел спросить о правде, Иван Иванович что-то заметил в классе и положил руку на плечо Васе.

— погоди! — сказал он.

Так делают учителя в классе: там надо остановить, здесь — переждать.

И, пристыдив того нехорошего мальчика, кто хотел списать задачу у другого, вернулся Иван Иванович к Васе и спросил:

— Ну, Вася, что-то ты хотел спросить?

— Иван Иванович!.. — начал было Вася.

И вдруг весь покраснел и сказать не мог ничего.

Учитель погладил его по голове.

— Ты, — сказал он, — ведь о чём-то большом хочешь спросить?

— Ага, — ответил Вася.

— Приходи ко мне после обеда, поговорим, — серьёзно сказал Фокин. И Вася успокоился.

После обеда у Ивана Ивановича был счастливейший час, когда он жил для себя. Конечно, дело своё он любил, и всё в деле у него шло хорошо, но это всё было для будущего, когда ещё дети вырастут, когда ещё будущие граждане помянут его добром: его самого тогда, может быть, и не будет на свете.

Когда в такой час Вася пришёл и остановился в дверях, Иван Иванович поманил его пальцем к себе, усадил на кушетке и спросил:

— Ты, Вася, мне что-то хотел сказать в классе, трудно там при всех о чём-то таком своём спрашивать. Давай с тобой потихоньку обсудим, а потом, может быть, полезно будет наш разговор вынести в класс. Ничего ты со мной не бойся, не церемонься, через какие-нибудь десять лет ты, может быть, сам будешь учителем.

Васю Фокин очень любил.

Конечно, был грех у Васи с этим вопросом о правде. Он уже стал привыкать к тому, что учитель отличает его, и сейчас с этим вопросом втайне его не так правда к себе тянула, как хотелось удивить Ивана Ивановича. Вот, скорее всего, отчего он так и волновался.

Но теперь, при спокойных, ласковых словах учителя, всё напускное прошло, и в душе Вася собирался учителя по всей правде спросить.

И это мы поймём: сама душевная правда умным котёночком глядела из детской души, как глядит на лесной полянке цветочек.

— Хочется мне знать, Иван Иванович, — сказал Вася совсем спокойно, — верно ли это, что правда на свете одна для всех — правда истинная?

— Это бесспорно! — ответил учитель.

— И Антипыч тоже мне говорил, что правда на свете должна быть одна, а когда я пристал к нему и просил показать правду, он ответил, что правда у каждого человека своя и, сколько ни есть на свете людей, столько есть и разных правд.

Хорошие, хорошие, чуткие люди бывают среди деревенских учителей! Мальчик что-то о правде спросил — и нужно же так обрадоваться!

Иван Иванович вскочил с кушетки и быстро зашагал по комнате взад и вперёд. Шагал и думал о правде, думал и думал, а о Васе как будто совсем и забыл.

О чём он думал?

Он думал о Виссарионе Белинском, соединявшем в своё время в себе пути русской правды. Личность этого человека была ему воплощением правды. Но Вася ничего не знал о Белинском, этим Васе ничего не скажешь.

Вдруг Фокин перестал шагать и спросил:

— Скажи, Вася, как это было у тебя, с чего у тебя начался этот вопрос, потрудись хорошенько, припомни.

— Мне трудиться нечего, — сказал Вася, — началось это давно, я ещё и в школе не был. Антипыч указал мне на ёлочку в лесу маленькую, в рост человека, и сказал: «Этой ёлочке больше ста лет, и это она не растёт оттого, что её затеняет другая. Солнце светит, — сказал Антипыч, — для всех одинаково, да мы-то все разные: каждому хочется стать поближе к тёпленькому местечку на свете. Солнце любит всех, но каждый думает — его оно любит больше, и оттого рождается тень».

— Молодец твой Антипыч! — не удержался Фокин. — Но как же всё-таки вы добрались с ним до разговора о правде?

— Так и добрались мало-помалу. Эту ёлочку мы освободили от тени, и она стала у нас поправляться. Как-то раз и вышел у нас разговор о том, почему это ствол у дерева прямой, а сучья неправильные.

И Вася рассказал Ивану Ивановичу всё про Антипыча.

Тут Вася увидал такое, чего никак ожидать было нельзя от нашего доброго Ивана Ивановича, — учитель весь загорелся гневом, стукнул кулаком по столу и сказал:

— Твой Антипыч нарочно мутит твою душу, и я ему этого так не спущу! В старое время он бы непременно в лесного обернулся и в лес убежал.

— Вы это шутите, Иван Иванович?

— Про лесного, конечно, шучу, только ты не слушай его больше, Вася. А теперь давай-ка вместе посидим, подумаем.

Так они и сидели на кушетке рядом, ученик с учителем, и оба думали о правде...

Никто не знал лучше Ивана Ивановича, сколько нужно было проводить времени и перетерпеть его в пустяках, пока наконец не придёт такой крылатый час, когда нам не нужно бывает никаких приёмов и способов, чтобы самому держаться в воздухе.

Это кому-нибудь со стороны, может быть, и покажется, будто учитель после ухода своего ученика просто ходил, размышляя, из угла в угол. На самом же деле Иван Иванович не ходил, а летал из одной земли в другую в поисках такого слова, чтобы оно вполне совмещалось с делом и было бы словом истинной правды.

Летал Иван Иванович и в наших столетиях и в далёких от нас временах. Смутно ему чудилось — скорее всего слово правды надо бы ему искать у Белинского.

И вот он подходит к своему шкафу, переносит книги на стол, пересматривает, перелистывает...

— Нет! — говорит он вслух. — Кажется, это уже встречалось... — Наконец он взял в руки томик Ленина, и всё осветилось: правда его, как особая материя, осязаемая сердцем русского человека, соединяла между собой поколения...

Глава 4

Как ни теснятся деревья, но всегда, если захочется, найдёшь себе светлое пятнышко, и с ним приходит надежда на скорый выход из тёмного, нудного в походе елового долгомошника.

Так идёшь, идёшь, высматриваешь себе светлое пятнышко и надеешься на скорый выход из леса. Но большею частью это бывает не выход на свет, а сквозь деревья просто небо показывается.

Сколько-то времени идёшь без надежды и учишься поневоле понимать глубоко природу северного дерева — ёлки. Это дерево может чахнуть в тени, под пологом затеняющих его деревьев, целое столетие и при первом соприкосновении со светом раскрыться во всю свою затаённую мощь.

Бывает часто, над чем работаешь всю жизнь, на то и сам мало-помалу становишься немного похож.

Так, может быть, и древний наш славянин, как ёлка под пологом, жил много лет, вырубаясь к свету из леса, и каждое пятнышко света принимал за свет, надеялся и терял надежду и всё вырубался и вырубался.

И когда вырубился, то и сам победитель чем-то стал похож на дерево, никогда не теряющее надежды выйти на свет.

Нам за то, может быть, и приглянулось васино дерево, что захотелось ближе самого Васю понять.

До сих пор, если сверху посмотреть на северные леса, то кажется лес сплошным от самой Москвы и до северных морей. Там и тут мелькнёт среди лесного массива светлое пятнышко, и это пятнышко с полями и есть всё счастье человека в северном лесу, и это счастье он себе, вырубаясь, создал своим топором.

Вокруг такого светлого пятна полей узенькой пилой по небу глядит северный лес на дела человека. Северный человек по себе понимал природу леса, своего врага, он грозил ему топором, повторяя с древних времён: «Лес — это бес!»

А лес тоже стоял и, напряжённо прищурясь, ждал случая покрыть собой эти вспаханные и удобренные для себя человеком поля.

Чуть война — и мужское население уходит из сёл, лес сейчас же приходит в движение. На опушке у него для этого всегда стоит готовая стража. Лес движется по земле опушками: тут стоят его воины — семенные деревья, и ветер с них бросает на человеческие поля семена.

Чуть война затянулась — и в бороздах и в кротовых кучах уже зеленеют берёзки, а под берёзками, в тени их, спасаясь от заморозков, переходят ёлочки, и так лес, собирая силу из множества, идёт по земле и часто не оставляет никакого следа от прежней борьбы с ним человека.

Вот она где и таится, разгадка и ответ людям, упрекающим северного человека за то, что он редко сажает дерево возле своей хаты. Не дожил он ещё до того, не срубил ещё далеко свой лес, чтобы ему захотелось сажать у себя возле дома деревья.

Так оно выходит как бы какой-то закон по всей земле: чтобы дикий лес у себя извести, а потом сажать вновь и любить отдельное дерево.

Для чего так делают на всём свете: изведут — и опять всё сначала?

Мы так делать не будем!

Конечно, и у нас в Усолье эта дикая повадка в борьбе с лесом человека оставалась в полной сохранности: мало ухаживали за лесом, и всякий тащил себе оттуда на еду ягоды и грибы, на топливо — дрова, на стройку — деревья. Обходиться с деревьями, с каждым отдельно, как с человеком, сажать, удобрять, поливать — это первый завёл у нас учитель Фокин Иван Иванович.

Это он первый вздумал весь большой школьный участок засадить двойным рядом лип, и, что самое главное, он заставлял самих своих учеников находить в лесу эти липы в десятилетнем возрасте, выкапывать их, переносить, рыть ямы, удобрять, сажать, поливать.

И каждое посаженное кем-нибудь дерево непременно сохраняло в себе особенности того, кто его сажал. Иногда казалось, будто человек не дерево посадил, а сам себя на стороне увидал, и что хорошо особенно: с хорошей стороны себя самого увидал!

Так говорил у нас в Усолье учитель Фокин.

Не будь этой посадки лип, может быть, и Вася Весёлкин забыл бы в лесу свою ёлочку вместе с детской правдой своей? Скорее всего так бы и забыл, а когда потом хватился, так и не нашёл бы в лесу, может быть, и того ведёрка, где стояла сосна-великан и в её фильтрованном свете стояла глубокой тенью угнетавшая его ёлочку, сытая и довольная ёлка.

Тоже, может быть, и так совершается переход от леса дикого к лесу саженому в сознании самого человека: человек, посадивший дерево, начинает, как всякий, ценить свой собственный труд и через это ценить и любить самое дерево?

А от своего трудового дерева перекинется к дикому и задумается над тем, что и дикие леса, даровые, тоже надо хранить.

Так было и с Васей. Он вспомнил, сколько борьбы с Антипычем он перенёс, чтобы заставить срубить угнетавшую его деревце большую сытую ёлку.

В время Антипыч ещё был жив, они вместе с ним пришли к лесному ведёрку, где сейчас мох зелёный, кукушкин лён, травы, цветы, грибы хоронили пень великого дерева — последнего пионера и могикана в Ведёрках.

Васина ёлочка на первый взгляд была всё ещё угнетённым деревом, ничем не отличаясь во всём множестве угнетённых деревьев, составляющих особый лес в лесу, называемый подлеском.

Но для опытного глаза старого лесника Антипыча много было изменений. Много и знать было надо о жизни ёлки, чтобы понять эти изменения.

Дерево лиственное то ли не успевает за короткое время жизни своих листьев выработать себе форму — лиственное дерево бесформенное, как нечёсаная голова, а у ёлки веточка к веточке прибирается, и ветви все вместе образуют нам хорошо известную форму.

Почему-то ночью в закрытых глазах нам представляется, будто ёлки в лесу держат единую правильную форму. Но когда пойдёшь в лес с топором, чтобы к Новому году найти себе ёлочку, то правильную не скоро найдёшь, а если и попадётся такая, то всё-таки и у правильной надо бывает что-то подправить.

Тогда ясно становится, что родилась-то ёлка в лесу неправильной формы, но человек понял её форму как стремление к свету и на этом пути всё поправляет и направляет.

Шли годы, и ёлочка, перестроив на свету свои клеточки, изменяла из года в год форму своих ветвей. А Вася, конечно, как и всякий человек, глядел на неё и ожидал от неё свершения правильной формы.

Комсомольцем он, после нескольких лет, застал свою ёлочку однажды, когда она большинство своих ветвей начала поднимать вверх, как руки. Это было оттого, что каждая более нижняя ветка старалась выйти из-под тени более верхней. И, обогнав её, нижняя ветка поднималась, загибалась вверх, к свету, как поднимается каждый сук, выходящий из тени на свет.

От этого каждый сук выходил рогом, снизу более длинным, кверху всё более коротким.

Пришло время, Вася кончил школу, ёлка была не очень велика в высоту, но неузнаваемо расширилась снизу. Только самые нижние ветви почему-то не поднимались, как все, а оставались внизу.

После школы Вася стал лесником на место умершего Антипыча и во время ежедневных обходов встречался со своей ёлочкой и, каждый день глядя на неё, изменения перестал замечать.

Так он женился и с молодой женой Лизой был тут, рассказывал ей о великой сосне, показывал пень, больше и больше зарастающий цветами. И тут, показывая жене на своё дерево, вдруг заметил он всю огромную перемену.

Когда Лиза, не знаящая прошлого ёлочки, стала любоваться деревом, каким оно стало, Вася вдруг начал понимать, почему ёлка его растёт и очень быстро и правильно.

Заметил он что-нибудь? Нет, он в первую минуту ничего не заметил, отчего так стало. Но так и со всеми бывает: сначала представится что-нибудь через перемену, а потом начинаешь и сам разбираться, отчего так представилось.

Теперь не хилая ёлка стояла, а красавица во всём своём счастливом дыхании...

Но отчего она такая была, какая перемена случилась, что она стала такая, Вася не знал.

— Только почему же нижние ветви её не поднимаются? — спросила Лиза.

И Вася не мог ничего ей на это сказать.

После того опять каждый день в лесном обходе он встречался со своей ёлочкой и не обращал на неё особенного внимания.

Потом, когда первый раз пришли с ним в лесное ведёрко его детишки — Митраша и Настя, он опять обратил внимание, до чего правильно и роскошно на великом свету образуются его прежняя ёлочка.

Митраша, как и мать его, Лиза, сразу обратил внимание на нижние ветки, лежащие на земле. С того он и начал знакомство с ёлкой, что стал поднимать ветку. А когда поднял, то увидел, что она пустила свои корешки и держится за землю. Он дёрнул ветку с силой и оторвал. Эта ветка у него стала дверцей для входа в шатёр.

Он вошёл туда, в шатёр, позвал Настю и дома ответил своей матери, для чего нижние ветви держались за землю и не поднимались к свету: для того, чтобы они с Настей могли в своём любимом шатре складывать грибы, ягоды, спастись от внезапного дождя или просто сидеть.

— Как грибы под ёлкой? — спросила мать.

А Митраша отчего-то обиделся и ответил:

— Грибы не просто под ёлкой сидят...

— А зачем же они там сидят? — спросила мать.

— Они там растут, — ответил, насупившись, Митраша.

— Ну что ж, растите и вы, детки! — ответила Лиза и отчего-то тревожно вздохнула.

Детям было — Митраше девять, Насте одиннадцать, когда началась война и отец их Василий Весёлкин ушёл...

Сказать, чтобы перед уходом лесник нарочно пришёл к своей ёлочке проститься, — это нельзя так сказать: наши люди таких чувств стыдятся и их не показывают... Так тоже нельзя сказать ни о ком, чтобы память о любимой, свободно растущей на круче сосне, или о весёлой берёзке возле родной хаты, или о ёлочке, вроде васиной, оставалась в душе...

Скорее всего она оставалась, как заступница родины, но сказывалась только в крайней беде.

Так было и с Василием. Он просто в раздумье перед уходом зашёл на ту поляну, где стояла его ёлка. Первое, что он увидел, — это, что пенёк великой сосны весь скрылся во мху и цветах. Тут ему вспомнилось, что когда хоронили Антипыча, то родные и в гроб ему положили цветов полевых и на могиле тоже посадили цветы.

Посмотрев на убранный цветами пенёк великой сосны, Василий подумал:

«Вот оно откуда взялось у людей убирать цветами покойников».

И тут же, взглянув на ёлку, он навсегда потерял свою мысль о том, что природа могилы своих покойников убирает цветами и что люди это взяли себе у природы.

Он увидел на своей ёлке, что каждый сук, рогом выходящий из тени вышележащего сука, держал и как бы торжественно поднимал на себе несколько маленьких шишек кровавого цвета.

Сколько времени, сколько незаметного труда было истрачено у этой ёлки на образование её правильной формы — и вот пришёл конец: всякий изгиб любого сука находил себе оправдание и награду, он держал на себе знамя будущей жизни — маленькую шишку кровавого цвета.

С других веток на эти красные шишки летела великой массой золотая пыльца. У ёлки наступила брачная пора: её семенные годы.

Василий, конечно, не мог бы сказать, как мы сейчас после всего говорим, что новая, законченная форма ёлки была охватом бурных стремлений, направляемых к свету. Всё это движение заканчивалось верхней мутовкой с единственным верхним пальцем, указующим на солнце.

Так было, что сломись этот пальчик — и всё сочетание миллионов сучков и хвоинок теряло бы смысл.

Сказать, чтобы Василий Весёлкин так-таки всё и думал на войне о своей ёлке в шишках кровавого цвета, осыпаемых золотой пыльцой, — нет, он никогда об этом не думал. Но случилось однажды, когда война уже решалась в пользу нас, сержант Весёлкин вышел из окопа и приказал своим бойцам подниматься в атаку.

Казалось, всё было вокруг обыкновенно и просто, но вдруг свет, великий свет больше солнца, может быть, свет самой истинной правды просиял перед ним, и он открытыми глазами мог смотреть на него! Он видел на поле ёлочку правильной формы, и каждый сук, каждая ветка на ней выносила из тени на свет знамя будущего, сложенное в шишечку кровавого цвета, и на шишечку со всех сторон летела золотая пыльца.

Так было человеку, так ему и бывает порой, а люди видели самое обыкновенное, то, что видят они каждый день на войне: сержант Весёлкин упал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Круглые сироты

Глава 5

С тех пор, как пришла «похоронная» о сержанте Весёлкине, убитом где-то на Западе, жена его Елизавета каждый вечер, уложив детей, уходила в лес, и всю ночь, если очень прислушаться, долетал до села её надрывный стон.

Раньше, в прежние войны, мужики очень боялись этого бабьего стога, слабый на сердце человек не мог выносить его и отводил душу по-своему как-нибудь, больше, конечно, в вине.

В этом женском вопле каждый у нас из войны в войну, от пожара к пожару являлся наследником переходящего из поколения в поколение чувства сиротства.

Казалось иногда, мы сиротами переходим из одного времени в другое, а там — тоже война, и опять переходим куда-то, и нет этому конца...

Но неправда! Время народного сиротства нашего кончилось, и новый человек выходит в историю с чувством беззаветной любви к матери своей — родной земле — и с полным сознанием своего культурного мирового достоинства.

Мало того. Мы думаем сейчас, что прежний сирота, утверждённый новым сознанием своей родины и своего отечества, несёт с собой правду для всего мира.

Утром дети Весёлкины уходили к матери в лес, к тому самому месту, где клюква, брусника, черника, папоротники, горошки, незабудки, гвоздички и всякие цветы хоронили навсегда пень великой сосны, и тут малопомалу расцветала васина ёлочка.

Тут, на широком ложе соснового пня, на его цветах, дети находили мать свою и начинали плакать. И мать, слушая детский плач, приходила в себя, поднималась...

Так и пришёл этот страшный час для сирот, когда мать их и не поднялась.

Тогда, в первые дни, кто бы ни встречал детей, каждый старался выразить им своё сочувствие и со слезами на глазах говорил:

— Круглые сироты!

Попробуйте весной ударьте в берёзу ножом — сок польётся из дерева белый, потом рана делается красной: сок перестанет литься, но рана, след её, останется навсегда. Так и с нашими детьми было, как с берёзой, только что на берёзе рану всем видно, а люди привыкают свои душевные раны таить: каждый таит, а все вместе, конечно, к чему-то выходят. Наши дети с виду скоро поправились и всех удивляли своим недетским мужеством.

Все мы видели, как, не без помощи, конечно, добрых людей, дети справились с хозяйством и стали жить между нами на селе настоящими большими хозяевами: Митраша, как маленький, настойчивый и упрямый мужичок, Настя, постарше его, вела себя, как женщина совсем взрослая, умница.

У всех на глазах так это удивительно случилось, что Митраша из большого отцовского ружья убил страшного вредителя деревенских стад — известного волка, прозванного Серым помещиком. Всем тоже пришлось по нраву, что когда из колонии ленинградских детей явились в село за помощью сиротам, то Настя отдала им весь свой годовой запас весенней сладкой клюквы, целебной ягоды, собранной ею самой в болотах.

Этот поступок возвышал нашу жизнь и воплощал в неё настоящее добро: ведь это своя же, обыкновенная девочка Настя, девочка, какие живут у нас в Усолье, — эта девочка подавала милость души своей тем необыкновенным сиротам и через это сама становилась не случайной, а как бы причастной общему великому делу жизни.

Так можно сказать, что в какой-то мере в это время сироты Митраша и Настя вели и оказывали всю тайную сердечную жизнь нашего села.

Было однажды, в первые дни самой ранней весны, Митраша с Настей вышли на солнечную опушку.

Тут они хотели вместе подумать, не пора ли собираться в болота за вытаивающей из-под снега сладкой весенней и полезной от всех болезней клюквой.

Само собой так сложилось, что дети пришли и сели на пни у той самой опушки, у той самой полосы колхозных полей, где корчевал перед

самой войной пни их отец, и вся семья — и жена и дети — ему помогала. Работа была трудная, отец и мать выкапывали пни, а ямы на поле от пней заделывали дети. Приказ от старших детям был такой, чтобы нижнюю землю, бесплодный песок, укладывать в яму на низ, а наверх чтобы приходилась тёмная хорошая земля из-под леса. Теперь, за годы войны, лес успел собраться с силами и повёл своё наступление на дела человека. На каждой разделанной ямке, разрыхлённой, удобренной, трёхлетняя берёзка маленькая под тенью своей выводила совсем крошечную малютку-ёлочку.

Через дело отцовское, через труд его, через ужасное горе Митраша, как сильный мужичок, вник в самую жизнь этих маленьких деревьев, самовольно выросших на месте труда человека, и, преодолев горе, обрадовался одной своей догадке. Он так ей обрадовался, что захотел сию же минуту об этом Насте сказать, и сказал, не оглядываясь на неё:

— Настя, а деревья-то ведь тоже ходят!

Это и была его догадка, что деревья живые и тоже, как люди, могут ходить по полям.

Мало того. Разве не удивительно, что и по всему полю, там и тут, деревья вышли на простор полей, как маленькие люди!

— Настя! — даже немного и рассердился Митраша. — Чего же ты молчишь? Ты погляди только, ведь под каждой берёзой на поле укрывается ёлочка. Деревья, как люди, выходят из леса и расходятся полями.

Настя, однако, молчала. Когда же Митраша на неё оглянулся, то лицо её всё было облитое слезами, и сквозь слёзы блестели большие карие, чуть-чуть с раскосом глаза.

Митраша сильно испугался этого лица настиного, отвернулся и долго молчал, дёргаясь изредка плечами.

Тут весенний первый дождь пошёл, и он под дождиком на своём пне мокрым кобчиком, не оглядываясь, всё сидел и сидел. Но дождик не проходил, и Митраша наконец сказал:

— Настя, ты не плачь, отец наш, может быть, ещё и жив.

Настя же давно поняла, почему Митраша сидит молча так долго, не оглядываясь, почему плечи его дёргаются время от времени, собралась с духом и на слова митрашины, сказанные ей в утешение, ответила:

— А ты это верно, Митраша, сказал: деревья тоже по нашим полям ходят, как люди.

Глава 6

Не у нас одних, в Усолье, это было, а тоже на торфоразработках в Купани: пришёл домой скороненный и оплаканный Михаил Новосёлов. За озером, в Хмельниках, было двое, об одном бумага пришла, что убит, о другом — как о без вести пропавшем, — тоже оба пришли. За лесами же Бармазовскими, в селе Половецком, был и такой случай, что жена успела и похоронить и устроиться по-новому с другим, с новым мужем, и только устроилась — откуда ни возьмись приходит старый муж.

Тожe бывало и так, что никакого нового мужа не было, а просто женщина мысль ту о муже потеряла, схоронила её, стала на свои ноги, полюбила свою независимость, а тут-то вот и появляется этот не крепко ею любимый муж... Всё было!

Если подсчитать, сколько таких случаев во всём нашем большом Переславском районе, так и задумаешься и спросишь себя: отчего же раньше-то, в прежних войнах, случалось такое редко до крайности?

Мы опять скажем на это: а ведь раньше и войн таких страшных не бывало, чтобы кругом всего земного шара люди сходились убивать друг друга такими массами. Вот в таком-то массовом деле и выходили неминуемо ошибки: кому на печаль, а кому на великую радость.

Так было, когда Митраша и Настя вернулись домой из леса, возле избы у них на завалинке в ожидании их сидела почтальонша и с ней двое наших любопытных. И уж, конечно, любопытные держали в уме догадку о хороших вестях для наших сирот.

Письмо было трудное для чтения. Василий Весёлкин писал его левой рукой и с этого и начал писать, что правую руку ему хотели отнять, да он не дал: рука висит, и он учится писать левой рукой. Это было понятно написано, а дальше приходилось по отдельным словам только догадываться. Всё складывалось в письме к такому смыслу, что после первого большого ранения, когда все думали, что он убит, он не скоро поправился и в это время посылал письма. Этих-то писем дома и не получили, и оттого вся беда и вышла: получили только похоронную. Во второй раз он был ранен в руку на севере, и, когда поправился, ему сказали, что больше в строй не возьмут, и он стал просить назначить его в северные леса искать материал на фанеру для военных целей. За весну и за лето он надеется работу свою закончить, и его совсем отпустят домой, всё равно: кончится война или затянется.

Пока это письмо разбирали, народу собралось возле хаты Весёлкиных множество, и всем хотелось помочь написать сейчас же Весёлкину ответ.

Так случается в жизни людям даже и в такое ужасное время, какого никогда на свете не бывало: приходит к ним радость. Такая была это радость, что дети сидели на завалинке с горящими щеками, с блестящими глазами: у Насти блестели глаза карие чуть-чуть с раскосом, у Митраши серые большие глаза были точь-в-точь, как у отца.

Дети сидели и радовались, а вокруг народ всё прибывал, пока наконец всем миром не решили, что писать ответ надо немедленно, и о чём писать — надо детям помочь.

С этим решением писать сейчас же ответ все ввалились в избу. Митраша достал лист писчей бумаги, Настя что-то мешала в чернильнице, все стояли вокруг стола. И только бы вот начать вместе сочинять и диктовать хором маленькому Митраше, вдруг догадливый бондарь наш Скворешников Лёня носик острый свой просунул между плечами чужими к столу и так говорит:

— Писать, писать, а куда же мы посылать-то будем?

Ему, конечно, ответили:

— Писать по адресу.

Стали искать адрес, а в письме об этом ничего не было. Вертели, вертели, да так понемногу бросили, и человек по человеку стали выходить.

Так вот люди все ушли, да и радость тоже с ними ушла из избы. Что-то смешалось в душах детей, и радость о том, что отец жив, и печаль, что правая рука у него висит, и тревога о том, что нет адреса и что ждать надо до осени, а придёт осень — опять что-нибудь выйдет плохое...

Так, измученные за день и счастьем и горем, дети в этот раз, не зажигая огня, улеглись было спать.

И, конечно, дети и тут оставались детьми: как легли, так и заснули.

Ещё не было очень поздно, сосед Лёня Скворешников стругал своим ладилом дощечки для бочки и пел. Вскоре взялся петь и сверчок.

Вдруг Митраша как вскочит с постели, как закричит:

— Настя, Настя, скорей просыпайся, скорей вставай!

Настя села на постели заспанная, но быстро, умница, собралась:

— Что с тобой, Митраша?

— Настя,— сказал Митраша твёрдым и решительным голосом,— я пойду на север искать отца. Его, больного, нельзя так оставить. Ты пойдёшь со мной или тут останешься?

— А куда же мы пойдём, Митраша, ведь у нас нет адреса?

— Об этом мы поговорим с Фокиным Иваном Ивановичем. А ты мне сейчас говори твёрдо и навсегда: пойдёшь ты со мной искать отца?

— А куда мы пойдём? — повторила Настя.

Митраше не терпелось, и он резко сказал:

— Пойдём, Настя, отца искать, об этом я тебя спрашиваю, пойдём, куда глаза глядят. Понимаешь меня?

Настя и правда только сейчас спросонья очнулась и сразу всё поняла и ответила:

— Поняла, Митраша, я тебя только сейчас поняла. Куда же я тебя одного от себя пушу, — конечно, пойдём!

— Куда же пойдём? — спросил Митраша.

Настя улыбнулась, как старшая, и ответила:

— Куда глаза глядят!

И Митраша успокоился: Настя его поняла.

Тогда Митраша встал, сел на кровати рядом с сестрой и сказал:

— Сейчас ещё время не позднее, вставай, одевайся и пойдём к Ивану Ивановичу. У меня есть план: всё-всё ему скажем, всю правду истинную, и он, как отец наш, он станет за нас, даст верный совет и всё нам устроит.

— Как же сказать ему правду, какую?

— Так просто и скажем: умрём, а отца найдём.

— Да, это правда, — ответила Настя, — мы отца своего найдём.

Так, под горячую руку, Митраша нашего дорогого учителя Фокина назвал отцом и ему, как отцу, захотел тут же, ночью, открыть всю свою сиротскую правду истинную...

Так широка, велика, так огромна и, как часто, пустынна бывает наша дорога! Но каждый из нас знает — за каждым кустиком, из каждого овражка во все глаза на нас кто-то глядит, нас поджидает, чтобы рассеять наше одиночество.

Кто это? Это наш неведомый друг.

Ещё маленький человек, Митраша уже знал, уже понимал, кто это, но слова этой огромной правды не знал.

И к этому другу он звал свою Настю.

Тоже и Настя, конечно, это знала.

И дети к своему учителю сейчас вместе пошли, как к отцу.

Глава 7

Старые учителя деревенские у нас очень долго оставались на своих местах, и были такие, что даже и до конца своего оставались в той же школе.

Таким учителем был у нас Фокин. Липы, посаженные десятилетними четверть века тому назад, были свидетелями учительской жизни Ивана Ивановича. Все теперь, кто бы ни приехал, любовались летом тенистыми аллеями вокруг всего школьного участка. Зимой же, если окна не были совсем заморожены, ещё удивительнее были разросшиеся за четверть века фикусы. В каждом классе было большое дерево до потолка, и дети с того начинали свои занятия, что тряпочками протирали пыль с каждого листа своего фикуса.

Из окна же зимой, если снаружи посмотреть, удивительно казалось, что вокруг везде белый снег и трескучий мороз, а в классе дети сидят, как в раю, под своим классным фикусом или рододендроном.

В каждом городе нашей области и в самом Ярославле в начальниках были ученики Ивана Ивановича, но люди — особенно, хорошие люди — уходят в свои дела с головой, и в них закапываются, и забывают своего

старого учителя. А вот деревья вокруг школы и в классах, те сами собою показывают и рассказывают о хорошем человеке.

Большое это было дело, и много лет надо было, чтобы вырастить деревья вокруг школы и так устроиться внутри, чтобы зимой из окна школы выглядывал рай.

Зато через много лет теперь растения стали сами рассказывать каждому прохожему о хорошем человеке и о тех самых людях, кого вёл за собой учитель.

Поседели виски, побелели от времени усы. Лицо, всегда загорелое, теперь потемнело, как бронза.

Вечерний час для учителя — самый счастливый, когда он, ещё не раздеваясь, лежал на кушетке. В этот-то самый спокойный час кто-то постучался в окно.

Учитель приподнялся, открыл форточку и на свой вопрос: «Кто там?» — получил ответ:

— Мы Весёлкины, Митраша и Настя, пришли по большому делу. Пустите нас!

Фокин спокойно встал, снял с двери крючок, открыл дверь, и дети вошли.

Усадив гостей, учитель спросил:

— По какому делу на ночь глядя вы пришли ко мне?

— На ночь глядя, — ответил Митраша, — мы к вам, Иван Иванович, пришли по большому делу, по самому большому, какое только может быть у нас.

Чем хорош был Иван Иванович — это, что лишних слов никогда не тратил и нужные слова в другом человеке сразу узнавал и выбирал.

— Какое это дело? — спросил он.

— Отец находится! — ответил Митраша.

Иван Иванович от этих слов Митраши заметно вздрогнул: он вспомнил в это мгновение, что четверть века тому назад совершенно такой же мальчик, любимый ученик его Вася Весёлкин, разговаривал с ним на том же месте о правде истинной. Вспомнил он, как тогда сам чуть оторопел от вопроса мальчика и стал с ним вместе думать. И хорошо помнилось до сих пор, что вместе додумались: у правды нет слов, истинная правда в делах.

— Четверть века тому назад, — сказал Иван Иванович, — мы с отцом твоим говорили на этом самом месте, что истинная правда не в словах а в делах. Вот они, слова-то, — чего вернее казалось: похоронная! А оказывается, это неправда. Что же вы, письмо от отца получили?

Настя, умница, понимала, что нельзя у Ивана Ивановича отнимать на ночь глядя время на разговоры, и потому сказала учтиво:

— Извините нас, мы письмо получили — и прямо к вам, как к отцу.

И подала ему в руки письмо.

— А! — только и сказал Иван Иванович, сразу всё поняв и мгновенно по привычке учительской переходя от слова к делу.

Он повернулся к столу, к лампе. Долго читал, изучал письмо с таким видом, как будто делал самое, что только может быть главное. После того хватился за конверт, долго его разглядывал.

Закончив изучение конверта, он обратился к гостям в таком же раздумье, как, бывало, в старину к Васе Весёлкину: сам один не может решить, а необходимо вместе подумать.

Он пересел на кушетку и детей посадил рядом с собой.

— Всё понимаю, — начал Иван Иванович. — У нас было одно такое дерево, теперь от него остался только пенёк, и там растёт васина ёлочка, вы её знаете. Это старое дерево срубили на фанеру для войны. А старый лесник Антипыч тогда рассказывал Васе и мне тоже не раз говорил, что

где-то на севере, у какого-то маленького народа, есть священная чаша и там дерево к дереву стоит: стяга не вырубешь, и, если дерево срубить, оно не упадет, а только прислонится к соседнему и будет стоять. Эти деревья так чисты, что нет сучков на большую высоту, а под деревьями мох белый олений, и тоже чистый и теплый: станешь на коленки — и только чуть хрустнет, и будешь, как на ковре. Тогда кажется человеку, будто его эти деревья, поднимаясь к солнцу, с собой поднимают.

Сам Антипыч так рассказывал, а Вася ему тогда отвечал: «Ты, Антипыч, это нам сказку заводишь».

В ответ на эти слова Антипыч снимал с головы шапку и говорил: «Это не сказка — это правда истинная».

А после Вася ко мне приходил и спрашивал меня, есть ли на свете какая-нибудь другая правда: одна истинная, а другая какая-нибудь неистинная.

«Правда неистинная, — отвечал я, — называется ложью, истинная правда на свете одна, и эта правда не в словах, а в делах». Ты теперь меня понимаешь, Митраша?

— Хорошо понимаю, — ответил мальчик. — Мне тоже кажется, будто отец рассказывал про белый мох со слов Антипыча, что на мху чисто, как во дворце.

— Вот правда! — сказал учитель. — Я тоже помню: Антипыч любил говорить именно так: «Как во дворце».

Теперь я уверен, что это не сказка: чаша эта где-то на севере стоит. Отец её вспомнил и теперь хочет помочь нашему делу. Руки-то у него нет, и правой руки, значит воевать ему с оружием нельзя, так он хочет нашему общему делу помочь другим способом.

По-моему, чаша эта есть на свете, и отец ваш её непременно найдёт. Отец ваш — смелый, умный и правдивый человек: он правду не променяет на сказку, напротив, он и сказку сделает правдой, он эту чашу найдёт.

— Сказку сделает правдой! — повторил Митраша. — Разве это можно?

В это время, когда Митраша и сам его учитель, оба, как маленькие, пробирались к какой-то сказочной чаше и там искали какую-то правду истинную, маленькая женщина Настя сгорала от нетерпения перейти к правде, к самой правде, как она её понимала. Вот почему, улучив минутку, когда Митраша открыл учителю свой план идти на север искать отца, она тихонько сказала:

— Вот только, Иван Иванович, мы адреса-то не знаем: отец не пишет, где эта чаша, где даже он сам.

— Как не пишет? — ответил Иван Иванович. — А на конверте разве вы не заметили штемпель: Пинега? Чаша, наверно, где-нибудь там, и сам он где-нибудь в больнице или в лазарете. Очень даже просто его там найти. Поезжайте, поезжайте! — сказал Иван Иванович.

И детям показалось, будто учитель ушёл от них в свою учительскую, куда детям доступа нет, и оттуда глядит на них и всё знает, о чём дети думают. Но войти им туда никак нельзя, и оттого не поймёшь: то ли вправду можно ехать им за отцом, то ли учитель шутит.

Дети смущённо и осторожно спросили, сначала Митраша:

— Это правда, Иван Иванович?

А потом умница Настя хитро поправила:

— Как ты смеешь, Митраша, так говорить! Иван Иванович всегда говорит правду.

Между тем учитель, глядя на детей издали, вдруг как будто вышел из своей далёкой учительской, повеселел, погладил Настю по головке, сказал:

— Сейчас пока вы никому ничего не говорите. Пусть это будет ваша великая тайна, и вы храните её. Там, на Пинеге, живут простые, хорошие люди, такие, как у нас. Люди у нас везде свои и вам помогут. Поезжайте, детишки, смело, такое раз в жизни приходит! Счастьем будет великим, на всю жизнь вам силы и смелости прибавит.

Митраша поверил учителю и сказал:

— И отца найдём и Корабельную чашу!

Настя же всё сомневалась в серьёзности слов учителя и спросила опасно:

— А вы нам поможете, Иван Иванович?

Тогда Иван Иванович уже несомненно серьёзно ей ответил:

— Вы сейчас, детки, идите спать и будьте спокойны, я же всё обдумую, посоветуюсь в городе, с кем надо созвонюсь, кому надо напишу. Да, конечно, я вам постараюсь помочь.

Тогда дети, как будто и вправду свалив заботу о будущем на учителя, пошли домой и там сразу уснули.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Д р у з ь я

Глава 8

Медицинская сестра Клавдия Никитина, вставая утром, привыкла начинать день с того, что отрывала листок своего календаря на столе и, покручивая бумажку, некоторое время в постели собиралась с мыслями.

Она была немолодая, но нельзя сказать, чтобы совсем то же и старая девушка. Может быть, оттого каждое утро мысли её разлетались веером в стороны, и каждое утро их надо было связать.

Вот отчего она каждое утро скручивала в трубочку листик и всё крутила и крутила, пока не складывался ясный план рабочего дня.

Собравшись с мыслями, сестрица одевалась, умывалась, делала свою гимнастику и в то же время не выпускала из рук скрученный в трубочку листик отрывного календаря.

Бывало, положит где-нибудь рядом трубочку во время умывания или гимнастики, а потом непременно найдёт и всё крутит и крутит, теперь скорей всего уж без всякой мысли, а по одной только привычке.

До того её доводила эта досадная привычка, что потом и после чая хватит трубочку на службу, да так и ходит от больного к больному. Бывает, конечно, возле какого-нибудь серьёзного больного она и забудет трубочку. Так вот до чего же берёт в свои руки человека привычка, что деловая женщина тут же начинает искать свою игрушку.

— Чего это вы ищете, Клава? — спрашивает старшая сестра Махова.

Нельзя же ответить старшей сестре, что ищет свою кручёную трубочку из листика отрывного календаря. Клавдия ответит: пинцет потеряла, щипцы или бинт.

В этот раз, обходя поутру больных, Клавдия должна была поправить подушки у сержанта Весёлкина. И тут-то, в его постели, она и потеряла свою бумажку. После, когда она хватилась и вернулась к Весёлкину, чтобы взять свою трубочку, сержант уже нашёл её, раскрутил здоровой левой рукой и читал.

Охотно бы Клавдия подошла к сержанту и поболтала с ним. Была она далеко не молодая девушка, но сохранилась птичкой, летала и щебетала, как молоденькая. Старшая сестра Махова, женщина с большой семьёй на руках, говорила о Клавдии:

— Птичка всё о чём-то мечтает!

И вот как раз, когда птичка подлетала к сержанту, внезапно встречается Махова и спрашивает:

— Вы опять что-то ищете?

Клава без слов повернулась, и Весёлкин сделался обладателем календарного листка.

Часто бывает, даже и целая книга лежит-лежит в библиотеке на полке, и люди её обходят. Но случайно обратит на неё внимание её настоящий читатель, и книга оживает.

Так и этот календарный листик, скрученный в глупую трубочку, попал теперь в руки того, кто его ждал.

На развёрнутом листике был напечатан портрет Белинского, и Весёлкин прочитал под ним его знаменитые слова о том, что мы — русские — призваны сказать всему миру новое слово, подать новую мысль.

Так постоянно бывает между людьми: мысль, как крылатое семечко по ветру, находит какой-то свой способ лететь от человека к человеку и находить своего друга, хотя бы и через сто лет и за тысячи вёрст.

И в этот раз слово нашло своего человека и сделалось его собственной жизнью.

Кто знает, совсем это, может быть, и не случайно, если вникнуть всем своим умом и сердцем в жизнь этого человека, разобрать во всех подробностях, почему, может быть, сотни людей на то же самое слово глядели слепыми глазами, а тысяча первый взглянул и понял.

Весёлкин взглянул, и схваченное глазами слово проникло в него.

Весёлкин понял.

И вышло теперь, что мысль Белинского, как крылатое семечко, через сто лет прилетела к другому человеку и пришлось ему так же точно, как приходится на сухую, разогретую землю капля дождя.

Бывает же так!

Весёлкину сразу же вспомнилось, как он мальчиком со своим учителем Фокиным решал когда-то вопрос о правде.

Но как же это может быть, что правда отдельно, как голая, живёт только в делах, а слово о ней, как одежда, висит и болтается где-то в стороне на верёвочке?

А вот у Белинского сказано, что правда всего нашего дела должна перейти в слово. И это новое слово укажет всему миру новый путь.

Обернув страничку на другую сторону, Весёлкин прочитал о том, что великий демократ родился в 1811 году, а умер в 1848-м. Выходило, что новую мысль Белинский предсказал в первой половине прошлого столетия.

Как это могло быть, спросил сам себя Весёлкин, что Белинский задолго до нашей революции мог сказать так смело и решительно?

В прежнее время, когда был здоров, Весёлкин не стал бы заиматься праздными вопросами. Он бы просто вспомнил Фокина, примерился бы к его пониманию и так бы ответил сам себе:

— Каждый из нас понемногу думает вперёд, и это от каждого складывается в одно место, куда приходит великий человек, соединяет всё в одно и решает.

Теперь же из-за больной руки он шевельнуться не мог, и голова от нечего делать вертела вопрос, раньше казавшийся праздным.

Сержант, раздумывая, повернул глаза к окошку. Небо с его места нельзя было видеть. Но пойменный луг, заваленный снегом, широко простирался. Было на севере самое время начала весны света, когда свет после долгих, почти не размыкаемых между собою ночей приходит, как великая радость жизни.

Это — время весны света, когда о весне думают только хозяйственники, да мельчайшие чёрные блошки появляются во множестве великом и сидят на снегу, дожидаются.

По нарочно приготовленной зимней дороге лошади-«ледапочки» возили на берег для весеннего сплава из леса ошкуренные жёлтые «хлысты».

День был солнечный, и на белом снегу тени от сложенных ярусами хлыстов были голубые. Так и догадался Весёлкин, не видя неба, что голубые, голубые, переходящие пойму по снегу тени были от облаков.

«Вот, — подумал он, возвращаясь к своей мысли, — неба-то я и не вижу, а по этой пойме понимаю облака и что на воле сейчас ветер, и не очень сильный: тени проходят степенно. Так, может быть, и Белинский догадался о том, что родная земля когда-нибудь скажет новое слово для всего света. Родится у нас, а придётся для всех слово правды».

Ему представилось — где-то, на невидимом небе: всего человечества, бродят скопленные всеми веками великие мысли, бросают тени, как облака, и по этим теням особенно чуткие люди догадываются и понимают самые мысли...

Ещё раз прочитал он о Белинском и только теперь обратил внимание на заключительные слова: «...какое это слово, какая это мысль, об этом пока рано нам хлопотать...»

— «Служу Советскому Союзу», — ответил сам себе Весёлкин на эти слова Белинского. — Это и есть моё дело правды.

В чистой совести раненого воина сошлись и остановились без спора и те проходящие на невидимом небе облака и видимые голубые тени на снегу, и всё стало так — о чём только ни подумаешь, всё тут же мгновенно разрешается в согласие.

Тихо стало в душе, ясно в голове, и тут явилась на память угнетённая ёлочка, за сто лет набравшая рост человека с поднятой рукой. Но в минуту согласия даже такое несчастное деревце вдруг процвело.

Свет великий, желанный, могучий и страшный бросился к угнетённому существу, но этот страшный свет тут же был взят, измерен, устроен, жизнь победила — и ёлка покрылась красными кровяными цветами в золотой пылице.

Весёлкин радостно подумал и об этой своей ёлочке, и о себе самом, и обо всём русском угнетённом народе, и о том, что на всех нас бросился свет правды безмерной, желанной и страшной...

Если даже простая ёлка, думал Весёлкин, столько лет должна была болеть и перестраивать теньевые хвоинки на солнечные, то что же должен был преодолеть русский человек, переделываясь, чтобы вынести такой великий и страшный свет!

Приходило всё хорошее, всё складывалось, всё устраивалось так ладно в чистой совести раненого воина.

Или это он так выздоравливал? Скорей всего так, а то почему же его здоровая левая рука явно пыталась выкрутить из листка отрывного календаря козью ножку? А уж когда больному курить захотелось — это бывает самый верный признак выздоровления.

Глава 9

День весны света на севере, в снегах, сиял много ярче того, как он сияет на юге, над тёмной землёй. День сиял на радость и другого больного, лежащего недалеко от Весёлкина.

Человек этот был такой большой, что длины койки ему не хватало, и ноги свои он то подгибал, то помещал, вытягиваясь, сверх спинки железной кровати.

Такой большой человек и немолодой, лет под шестьдесят, видно очень крепкий, мощный, теперь лёжа внимательно глядел в одну точку, и глаза его, совсем детские и ясные, какие иногда бывают у больших людей, на досуге чему-то по-детски улыбались.

А это было, что он давно заметил, как Весёлкин своей здоровой левой рукой начал что-то выкручивать из календарного листика. Простой человек легко мог догадаться о добрых мыслях соседа и по тому, что мало-помалу ему становилась понятна цель кручения: пальцы здоровой руки делали козью ножку.

«Покурить захотел!» — понял большой человек, и тут-то он и стал следить за пальцами светящимся глазом и с детской улыбкой.

Кто не знает, что когда больному курить захотелось, то это значит то же самое, что жить захотелось.

Большой человек сочувствовал своему соседу. Видно, ему от души хотелось, чтобы больной сосед свернул козью ножку и, может быть, как-нибудь исхитрился и покурил.

Да и самому-то ему, наверное, захотелось вместе с соседом покурить и побеседовать.

Не так легко, однако, было одной рукой свернуть папиросу. Раненый, о чём-то размышляя, здоровой рукой подносит бумажку к забинтованной руке с торчащими из-под белого бинта белыми, бескровными пальцами с синими ногтями. Три пальца забинтованной руки: большой, средний и указательный, зашевелились и помогли здоровой руке скрутить козью ножку.

Вот тогда-то большой человек, уверенный, что дела у соседа пошли к лучшему, обратился к нему:

— Товарищ дорогой! Вижу, ты скрутил себе козью ножку. Может быть, ты знаешь, где бы нам с тобой можно было достать табачку и покурить?

Весёлкину нельзя было повернуться, чтобы увидеть лицо соседа. Но по голосу он чувствовал друга и ответил ему:

— Очень бы хотел покурить, но можно ли? Мне и в голову не приходило покурить. Я думал совсем о другом. А рука это сама крутила. Видно, должно быть, и в руке тоже свой какой-то умишко живёт.

Большому человеку эти слова очень понравились. Он засмеялся и, как водится у всех людей в дороге или на чужбине, спросил:

— Ты сам, товарищ, откулешный?

Охотно и с дружеским чувством, возбуждённым одним только голосом, сержант ответил:

— Я издалека, из-под города Переславля-Залесского.

И потом, отвечая на другие вопросы, и о том, где этот город, и что в этом городе люди делают, о всём таком рассказал. И ещё, что живёт он не в самом городе, а в селе Усолье, и что жена его Елизавета, и он не знает верно, жива ли она, и что дети у него, и тоже не знает, живы ли они двое.

До тех пор пришлось отвечать Весёлкину, пока соседу его стало всё ясно. И сержант стал ему своим близким человеком.

Вот только после этого длинного опроса Весёлкину тоже захотелось узнать, кто же его сосед.

На первый же вопрос, откуда он родом, сосед охотно ответил:

— Мы — пинжаки.

Весёлкину до того это показалось чудно, что он чуть-чуть не забылся и двинулся, чтобы повернуть голову в сторону «пинжака».

Это заметил сосед и, упредив вопрос, сам пояснил:

— Бурлачим мы, по всем северным рекам бурлачим, и как мы с Пинегги, так все и зовут нас «пинжаки».

— С Пинеги? — повторил Весёлкин.

И стал с трудом вспоминать, что́ это такое хорошее и даже прекрасное связано в его памяти с этим словом.

— Пинега-река впадает в Северную Двину, — сказал он.

— В Двину, — повторил за ним сосед. — А в Пинегу бегут наши две речки, две сестры — Кода и Лода.

— Что-то я, — сказал Весёлкин, — слышал такое хорошее о ваших местах, лучше чего и на свете нет...

Сосед ответил:

— Нет краше на свете места, где Кода и Лода, а между ними село Журавли.

И приподнялся над койкой, а ноги спустил и стал говорить в волнении, чуть заметно покачиваясь в стороны, как маятник, но такой великий маятник, что ему качаться много не надо и только чуть намекнуть на ту сторону, куда маленькому маятнику необходимо надо качнуться.

— Нет краше нашей Пинеги! — повторил сосед.

И чуть-чуть качнулся.

— Обрывы и скалы!

И намекнул другую сторону.

— Красные и белые горы!

И опять намёк.

— А на горе стоит монастырь.

Пятнадцать вёрст не доедешь —

И видко.

И пятнадцать вёрст переедешь —

И видко.

Под высокий берег уходит вода,

И под землёй едут карбасы,

Живые помочи!

На этом месте Весёлкин остановил своего соседа и спросил:

— А что это: живые помочи?

— Не знаю, — ответил сосед, — так пинжаки всегда говорят, когда гораздо высоко зайдёшь или гораздо низко спустишься, или станет порато жарко, или порато морозно, или страшно, или чудно, или зверь нападёт, или чёрт за ногу схватит.

— Вот оно что! — подивился Весёлкин. — Значит, ты сказочник?

— Нет, — ответил сосед, — сказками у нас заманивают в небывалое, а я говорю только то, что между нами самими: я только правду говорю и никуда не заманиваю. Я говорю: нет на свете краше того места, где реки текут Кода и Лода.

— А как тебя зовут?

— Меня зовут Мануйло, и они все думают: за то меня назвали Мануйлой, что я умею манить. А я говорю только правду, они же до того врут, что мою правду считают за сказку и ходят ко мне слушать. Я же так люблю сказывать правду! Они приходят, и я ставлю им самовар.

— А кто же это они такие? — спросил Весёлкин.

— Наши колхозники, — ответил Мануйло, — такие же пинжаки, что и я. Только они теперь на землю садятся, а я всё бурлачу и остаюсь на своём путике.

— Каком таком путике? — спросил Весёлкин.

— Путика не знаешь? — спросил Мануйло. — Ну, об этом надо много сказать. Кода и Лода — это, я сказывал, две родные сестры, и между ними стоит наша деревня Журавли.

В прежнее время все пинжаки в Журавлях бурлачили и охотились на путиках.

Но как все люди разные, то и тут тоже было по человеку: одни больше бурлачили, другие больше охотились на своих путиках.

Что же до того, сладко ли мы живём, я тебе на это отвечу: не гораздо сладко, но тоже нельзя сказать, что гораздо и горько.

Мы не от бедности бурлачим и охотимся, а что живём в лесах и между реками.

И колхоз наш «Бедняк» не по бедности назван, а по глупости.

Думали бедностью своей похвалиться и вызвать к себе самим жалость.

Вот и получилось теперь: в государстве стоит знамя «Зажиточная жизнь», а пинжаки хвалятся бедностью.

Видно, Мануйло был сильно задет своим спором с колхозом «Бедняк». Он опять поднялся на кровати, спустил ноги и опять стал помогать своей речи чуть заметным покачиванием.

— Становую избу, друг мой, на путике ставил мой прадед Дорофей.

Одним рубышом мой прадед Дорофей на первом дереве от становой избы поставил своё знамя.

Это знамя на путике было Волчий зуб.

Мой прадед шёл на путике и через девять деревьев ставил своё знамя на север, на полдень, на восход и на закат.

Ставил своё знамя и приговаривал:

— Живые помочи!

И это значило у моего прадеда:

— Ты, другой человек, не ходи на мой путик ни с восхода, ни с заката, ни с севера, ни с полудня.

Живые помочи!

И ты, ворон, не смей клевать мою дичь.

Живые помочи!

Так идёт мой прадед по своему путiku, зачищает пролысинки, разматывает птичьи гульбища, поправляет пуржала, ставит петельки, силышки и приговаривает постоянно:

— Живые помочи!

На конце путика, далеко в суземе, мой прадед поставил едомную¹ избушку: в ней он ночевал, складывал дичь, подвешивал пушнину.

Мой дед Тимофей от отца своего Дорофея получил по наследству тот путик, и на могиле Дорофея он поставил деревянный памятник и на нём топором вывел наше знамя — Волчий зуб.

Памятник и сейчас стоит.

И я тоже, как получил от отца своего по наследству путик, на могиле его поставил деревянный памятник и вывел на нём топором наше родовое знамя — Волчий зуб.

Памятник этот и сейчас стоит.

На кладбище разные знамёна: воронья пята — три рубыша, сорочье крыло — четыре рубыша, наше знамя — волчий зуб — делается одним рубышом.

Моя обида с колхозом вышла из того, что, когда начались колхозы, с меня потребовали: отдал бы я по доброй воле в колхоз свой путик.

А я свой путик любил и не хотел отдавать своего путика. Никто не может по моему путiku ходить, как я по нём ходил.

Я сказал: «Примите меня в колхоз со своим путиком. Я буду мясо и пушнину для колхоза доставать больше всех». Я сто раз их просил, и молил: «Примите меня в колхоз со своим путиком».

Они же меня не принимали, и я хожу в одиночниках.

¹ Едомной избой, в отличие от начальной становой, называется подсобная изба на конце путика в лесу.

Они называют свой колхоз «Бедняком», а кругом везде знамя «Зажиточная жизнь».

Они не хотят меня принять со своим путиком, а я не хочу быть одиноличником.

Что делать?

Я работал в лесу на свалке, работал и на окатке хлыстов, и на окорке, и на вывозе.

Тосно было на душе, падало дерево, не захотелось от него уходить. Я не поспешил — и попал под дерево.

Высказав свою обиду, Мануйло перестал покачиваться и просто спросил:

— Скажи, друг Вася, кто у нас прав: я или они?

— Конечно, — ответил безо всякого раздумья сержант, — правда на твоей стороне. Ты хочешь добра колхозу, ты говоришь им правду, а они твою правду принимают за сказку и боятся — ты обманешь их своим путиком.

— Друг, — сказал Мануйло, — дай мне совет, как же мне теперь свою правду сыскать: ведь чуть из нашего леса вышел, никто не понимает наших путиков, никто ничего не разберёт.

— А ты иди прямо к Калинин, — сказал Весёлкин, — он разберёт.

— Что ты говоришь: итти к Калинин со своим путиком?

— То-то и будет хорошо. Ты придёшь со своим путиком, тебе там помогут, вот как только поправишься, так прямо — в Москву и успеешь вернуться на весеннее бурлачество к сплаву лесов.

Мануйло в глубоком раздумье поставил на колени локти, на ладони положил голову, со щеками, покрытыми какими-то кустами и волосатыми бородавками. Зато какие чистые, какие ясноголубые детские глаза теперь раздумчиво глядели вдаль!

И великан повторял:

— Итти в Москву! Итти к Калинин со своим путиком! Живые помочи!

— Отчего же не итти, — отвечал ему добрый товарищ. — Раз ты правду свою чувствуешь, ты за неё должен стоять и биться. К Калинин люди идут за правдой даже с Ангары, с Енисея.

— С Ангары, с Енисея, — ответил Мануйло, — люди идут с делами. А я пойду со своим путиком!

— Не с путиком своим ты пойдёшь, а с правдой: у каждого к правде есть свой собственный путь, и каждый должен за него стоять и бороться. Смело иди!

После того Мануйло выглянул в свою какую-то даль, и то ли он там что-то хорошее разглядел, чему-то заметно обрадовался, вернулся сюда к себе и радостно и твёрдо сказал:

— Это верно, у каждого человека на пути к правде есть свой путик, рубить тут нечего. Спасибо, Вася, иду к Калинин!

Глава 10

· Есть у каждого на родине что-нибудь такое дорогое, такое заветное, о чём хочется сказать вслух на весь мир, а сказать отчего-то совестно.

Так, правда, совестно об этом сказать! Кажется, всё равно, что срубить заповедный лес.

Отчего это?

Не оттого ли совестно, что родина у всякого чужестранца есть, и каждый про себя думает, будто его родина лучше всех, и если каждый из нас перед другим будет выхваляться своей родиной, то будет раздор ни для чего.

Мы же сейчас об этом самом дорогом на родине скажем не для того, чтобы хвалиться, а чтобы понять этих двух больных в госпитале за номером 231.

Такой вышел случай в этом госпитале, что раненый сержант Весёлкин, не имея возможности поглядеть на собеседника, узнавая его душу только по голосу, вдруг соединился душой вот с тем самым, заветным, дорогим, о чём вслух говорить не хочется, и, наверно, оно и не надо говорить.

Вот это самое дорогое на родине и есть то, что, в какую бы трущобу ты ни попал, нигде на родине ты не будешь один, как на чужбине, везде найдётся понимающий тебя друг, и кажется тогда, при душевной беседе, что вся родина, огромная страна со всеми своими веками жизни, сейчас является в двух лицах: ты, как представитель одной стороны, и твой друг — представитель другой, и вы с ним советуетесь.

И такая она вся — советская Русь.

Вот это и есть нам самое дорогое: наша родина есть родина нашего друга.

Так оно, конечно, и есть: в этом чувстве друга и состоит главное богатство нашей родины.

Так оно и было: одного раненого привезли в госпиталь с поля сражения, другого, ушибленного деревом, принесли и положили рядом.

И оба они, каждый отдельно, стали думать молча об одном и том же: «Что это со мной случилось такое?»

Весёлкин думал по-своему, Мануйло — по-своему о чём-то близком тому и другому; один стоял за всех с одной стороны, другой — тоже за всех с другой, оба уверенные — если сойдётся, то это и будет правдой.

Трудно было сержанту слышать голос близкого душой человека и не видеть его лица. Уже несколько раз он порывался повернуть голову и поглядеть на лицо своего нового друга, но каждый раз приближение боли его останавливало.

И только уж когда из разговора вдруг вышло, что идти к Калинину со своим путиком — это значит за правдой идти, Весёлкин не выдержал, резко повернулся...

Ничего не удалось ему увидеть: от боли всё замутилось в глазах и вырвался крик.

Как раз тут проходила Клава. Услыхав стон, сестра принялась разбинтовывать плечо у больного сержанта.

Сестра, наверно, поторопилась и что-то сделала неправильно.

— Что вы делаете? — остановил её старый врач.

Эти добрые люди, старые, земские ещё врачи, закалялись в строгости, и сейчас, конечно, голос прозвучал так, что сестра опомнилась.

— Как вы не видите, что бинт присох! Вам ли, медицинской сестре, мне говорить, что тут надо отмочить, а потом уже и снимать бинт.

Услыхав недовольный голос врача, тут же явилась и старшая сестра Махова и тоже на Клавдию:

— Вы всё мечтаете, всё ищете и забываете, а что возле — ничего не видите...

Смущённая Клава отмочила бинт, и он легко снялся.

Осмотрев рану, доктор поморщился, и больной понял — руку ему скорей всего придётся отнять. Как и многие больные, он, конечно, не знал того, что знают врачи, но тоже и чувствовал нечто такое, о чём врачи знать не могут: так, он чувствовал сейчас, что рука его жива, что она не мёртвая и ещё может ему пригодиться.

— Прошу вас, доктор, — сказал он, — руку мне эту не отнимать: ведь это правая моя рука и на что-нибудь пригодится.

— Что вы говорите! — ответил врач. — На что она вам такая годна? А отнимать, мы сделаем, будет совсем не чувствительно.

— Какие уж тут чувства! — ответил больной.

От этих слов доктор, как это с ним и бывает, вдруг направил внимание своё не к болезни, а к самому больному.

Так бывает у них.

— Будьте рассудительны, сержант, — сказал он, — если так оставить, то вам всё время придётся только тем и заниматься, что следить за рукой. Вам ничего нельзя будет делать.

— Делать! — повторил про себя Весёлкин.

И в одно мгновение пронеслось у него в голове что-то очень хорошее, пережитое вот только-только, сию же минуту. И это хорошее тут же и определилось: с рукой своей, по правде говоря, он уже про себя простился, и как-то стало ему не жалко руки. Но до того хорошо ему что-то сейчас пришлось по мысли: какая там рука, если потеря миллионов живых людей находила себе оправдание: наша страна сказала миру новое слово!

В один миг это всё пронеслось у него в голове, и на слова доктора о том, что без правой руки ему ничего нельзя будет делать, он ответил:

— Не всё же, доктор, делать и делать...

Доктор, очень обрадованный, что нашёлся больной с признаками самостоятельной мысли, улыбнулся и спросил:

— Ну, а что же останется, если сидеть инвалидом и ничего не делать?

— Подумать можно, — ответил Весёлкин. — Вот я сейчас в отрывном календаре прочитал: Россия за то и терпела так много, что в конце концов должна была сказать всему миру новое слово. — Ответил и чему-то улыбнулся.

Доктор вопросительно поглядел на больного.

И Весёлкин сказал:

— Почему-то бывает часто, подумаешь о чём-то великом, а тут же из-под рук и маленькое показывается. Мне подумалось, что если бы на руке хотя бы два пальца могли работать, и то можно было бы папироску свернуть.

И показал доктору, как он этими своими двумя пальцами правой руки мог себе из календарного листика скрутить козью ножку.

Доктор очень смутился: он никак не думал, что при оборванной «аксилярис» и разбитых плечевых сочленениях пальцы всё-таки могли бы действовать.

В раздумье он развернул козью ножку и увидел портрет Белинского и под ним прочитал его слова о том, что Россия скажет на весь мир новое слово.

Весёлкину очень бы хотелось сказать доктору что-то совсем от души, но вдруг почему-то ему стало неловко, и он заставил себя от лишних слов отказаться.

А как ему хотелось бы сказать, что не только от Белинского он узнал о великом свете человеческой правды. Он хотел бы в этом раскрыть самый смысл слов: «Служу Советскому Союзу». И потом хотел бы рассказать об угнетённой ёлочке, как бросился на неё свет великий, желанный и страшный, как она ослепла в этом свете и долго неподвижная стояла на всём свету, оставаясь ростом с человека с поднятой рукой. И как она потом расцвела красно-фиолетовыми цветами-шишками, осыпаемая золотой пылью. И он теперь, прочитав Белинского, вспомнил всю родину свою в свете великом, желанном и страшном.

Если бы Василий решил своими словами сказать это доктору и он, старый земский врач, отдавший всю жизнь свою на службу народу, узнал бы себя самого в этой ёлочке, как бы он тут же обнял солдата этого!

Сына так не обнимешь!

Но так уж почему-то у нас всюду хорошим людям о самом главном стыдно бывает сказать.

Доктор, прочитав листик, старательно расправил его и передал обратно больному.

После нового осмотра правую руку Весёлкину оставили, а здоровую левую доктор от всего сердца пожал.

Глава 11

Весёлкин часами лежал с закрытыми глазами, стараясь вспомнить то хорошее, что связывалось у него в памяти с Пинегой. И вот однажды, перебирая в памяти далёкое прошлое, он вспомнил рассказы Антипыча о какой-то заповедной Корабельной чаше, на какой-то горе, третьей от речного берега.

И тут ему, как молния, сверкнуло:

«Эта Корабельная чаша была где-то за Пинегой».

Выхватив это из памяти, Весёлкин сейчас же обратился к своему, теперь дорогому товарищу и спросил его:

— Вот, Мануйло, в детстве мне лесники сказывали о какой-то удивительной Корабельной чаше за Пинегой, и будто бы в этой сосновой чаше дерево к дереву стоит так часто, что старому и свалиться некуда: падая облокотится о близкое дерево и стоит, как живое.

На какой реке эта чаша, я не запомню, а только так понимаю: у этой реки берег поднимается тремя горами, на первой горе лес прижался ко второй скале еловый, а на второй горе какой-то лес — не запомню, кажется, берёзовый, — а на третьей горе стоит Корабельная чаша.

И в этой чаше так часто — стяга не вырубешь, и мох белый, как ска-терть, лежит. В этой чаше и тебя самого дерева всем миром поднимают, и тебе кажется, будто ты прямо к солнцу летишь.

Скажи, Мануйло, ты слышал когда-нибудь эту сказку?

— Это не сказка, — ответил Мануйло, — Корабельная чаша стоит за Пинегой вёрст на сто подалее в сузем, в немеряных лесах. Это не сказка.

— А разве за Пинегой ещё сохранились немеряные леса? — спросил Весёлкин.

— Мало здесь, но там, в области Коми, такие леса ещё есть, и Корабельная чаша — совсем не сказка: Корабельная чаша вся на правде стоит.

Бывало, старички начинают м анить, вот и думаешь, сам ещё маленький, — это они нас, ребят, заманивают в царство Коми.

Речки Кода и Лода, по их словам, будто бы там и начинались, в царстве Коми. И там протекала большая река, всем тамошним рекам река, Мезень.

А мы думали, ничего этого нет, ни Корабельной чащи, ни Коми.

Бывало, слушаешь, слушаешь, да и спросишь:

— А где это, царство Коми?

Бабушка всегда отвечает на это:

— В немеряных лесах, дитяtko.

— А разве, — спросишь, — есть леса немеряные?

— В Коми все леса немеряные.

Так мы и думали с детства — нет на свете никакого царства Коми, и нет немеряных лесов и Мезень-реки, и всё это держится только на сказках для нас, маленьких, а по правде ничего этого нет, даже и реки Мезени нет, а есть только наши Кода и Лода.

Тоже так говорили нам о каком-то некотором царстве и некотором государстве при каком-то царе Горохе.

И вдруг однажды оказывается, что и Коми есть, и леса немеряные там, и на третьей горе у реки стоит Корабельная чаща.

Так зачем же, думаю, нужно всё запутывать в сказки, если можно по правде говорить и оно будет лучше сказки? Так я с этого начал в сказках правду искать, и у меня это дело бойко пошло, люди стали ко мне ходить — слушать меня.

На своих сказках для людей сколько я в своём самоваре воды выпарил!

Было однажды — я уж начал тогда полесовать,— пришли мы, полесники, из далёкого промысла...

Было, как у всех: мы прибрали свою пушнину, бабы прибрались, поставили на стол всякую снедь, вино. Тут мой друг Кузьма достал из своей сумки палочку, и это было ушкало, на чём мы расправляем и высушиваем беличьи шкурки. Ушкало было не нашей работы, и Кузьма захватил его скорей всего на потеху ребятишкам.

Вот как раз в то время, как Кузьма достал ушкало и положил на стол, постучись к нам неизвестный человек и попросил у нас ночлега.

По нашему северному обычаю, гостя впустили, приняли, как своего, и, не спрашивая даже имени, усадили за стол.

И он спустя малое время сам говорит о себе:

— Я из Коми иду.

Ребятишки на печке зашевелились. По себе их понимаю: сам тоже долго думал, что Коми — это в сказках, и что в Коми леса немеряные, и цепь землемерная, цепь врага рода человеческого, тех лесов не касалась.

Сказки эти о враге человеческого рода — антихристе — передавались старухами из рода в род.

И на вот! Из этих сказочных немеряных лесов приходит живой человек!

Ребятишки головки подняли, локотками подпёрлись и замерли.

Гость был нестарый, со светлой бородой, ясными, светлоголубыми, небесного цвета глазами.

По-русски говорил он, как и мы сами говорим, только всё-таки можно было понять, не русский был человек, а тамошний: из Коми. Долго он отказывался от вина и всё не спускал глаз с той палочки, принесённой полесниками с промысла.

Было очень похоже — гость всё собирается спросить об этой палочке или взять её в руки, но всё не решается. Когда же стало ему неловко перед нами отказываться от вина и он стакан свой налитый выпил, то осмелился, протянул руку к палочке, осмотрел её и спросил особливо почтительно и робко:

— А могу я узнать, мои добрые хозяева, где вы нашли это ушкало?

— Это ушкало,— отвечаю я,— не нашей работы, так делают их только у вас, мы из ваших краёв принесли его показать нашим ребятишкам.

Тут гость в чём-то своём уверился и заволновался.

— Это,— говорит,— моё ушкало, своими руками я его вырезал. Скажите, где вы его нашли?

— В суземе,— говорю,— нашли и подивились.

И показал гостю, как у нас делают ушкала.

— Это я знаю,— говорит гость,— как у вас делают. Мне бы охота узнать, в каком суземе вы нашли его: сами знаете, какой наш сузем.

— Да,— говорю,— сузем ваш велик.

— Велик-то велик,— говорит гость,— но зато же он чуткий. Человек, зверь, даже птица пролетит, бывало,— и то чутко. Сузем наш — как море, юдин человек пройдёт — и во все стороны побегут от него вести. Десять лет в прошлом я потерял в суземе это ушкало, а вы пришли и его уви-

дали. Я даже точно скажу теперь, где вы нашли моё ушкало: нашли вы его в наших немеряных лесах на путике Воронья пята.

Тут не выдержали и ребяташки на печке и все там зашептали:

— В немеряных лесах!

Скажу, Вася, я даже и оробел и по привычке своей говорю:

— Живые помочи! Да как же ты знаешь, где мы нашли твоё ушкало?

— Воронья пята, — сказал гость, — это наш родовой путьик и достался нам от прадеда, и наш прадед вырубил там везде наше знамя — два коротких рубыша, это два пальчика вороньей пяты, третий же пальчик и ногу в один длинный рубыш. А какое вы сами ставите на своём путике знамя, можно сказать?

— Да отчего же нельзя, — говорим, — конечно, можно. Наше знамя — Волчий зуб — мы ставим одним рубышом.

— Волчий зуб, — говорит, — знаю и знал его с малолетства. Ну, теперь я вам точно всё расскажу, где вы нашли моё ушкало.

Тут полесники наши все затихли: понимаю их, боятся чужого человека.

— Всё, всё расскажу, — говорит гость, — как у вас вышло на промысле. На вашем путике была вам незадача: дичь попадает, но её обирает медведь.

— Живые помочи! — говорю. — Да как же ты это узнал?

— Медведя этого, — говорит, — вы скорее всего чем-то отпугнули, но дальше стало ещё хуже медведя: вас ворон одёл.

— Живые помочи! Да как же ты знаешь? — спрашиваю.

А он смеётся и говорит:

— А ты что на мои правдивые слова твердишь всё свои «живые помочи»? Я не колдун.

И перекрестился по-нашему.

А я, Вася, в колдунов и сам не верю, только отцы, деды, прадеды этим оборонялись в лесах, и я за ними по привычке говорю постоянно: живые помочи. А оно вроде как бы и помогает.

Так вот, говорю я этому чудному человеку:

— Имя твоё наше, христианское?

— Имя моё, — отвечает, — Сидор.

— Скажи, — говорю, — Сидор, как это могло быть, что ты узнал все наши пути?

— Подожди, Мануйло, — отвечает он мне, — я ещё больше вас удивлю, а потом ты сам поймёшь, как я понял ваши пути. Медведя вы прогнали, а после из-за ворона бросили свои леса и перешли в наши немеряные.

— Так, — говорим, — в точности было.

— На границе ваших лесов и наших немеряных стоит часовенка старая, забытая, вся в зелёном мху, вся зелёная. Креста на ней нет, и за место креста стоит скворешник. Видели эту часовенку?

— Видели, — отвечают все наши полесники.

— А видели, — спрашивает, — как там скворец выходит из дырочки и начинает служить свою обедню, раздувается, бормочет, — это видели?

Смеются полесники: все они это видели и на скворца на том месте дивились и много смеялись.

— От этой часовенки, — продолжает Сидор, — вы шли долго по общей тропе и вот видите: общую тропу пересекает путьик, мой путьик Воронья пята. Вы тут увидели: хозяйство охотничье давно заброшено, петли порваны, дичь давно выбрана вороньём и медведями. Вы тут-то решили взяться за дело и попробовать счастья на Вороньей пяте.

— Верно, — отвечаю, — так оно и было: мы никого обижать не хотели — видим, всё брошено, взяли путьик и пошли к становой избе.

— Цела ли, — спрашивает гость, — моя становая избушка?

— Всё, — говорю, — там цело, избушка и беседка: два бревна, одно посидеть, к другому прислонить спину. Прудик тут вырыт, вода чистая, вокруг растёт кукушкин лён и во льну плиця¹ лежит.

— Это моя собственная плиця, — говорит гость.

— Каждый камешек, — говорю, — на дне прудика виден, и возле камушков жмутся две рыбки.

— Вьюн и карась? — спросил гость, и, когда мы ему ответили, что своими глазами видели: вьюн и карась, — он нам весело так говорит:

— Ну вот, друзья мои, тут где-нибудь возле прудика вы и нашли моё ушкало.

Тут все мы обрадовались, все поняли, что были на путике у старого хозяина и никакого нет в этом колдовства. Стали мы тут, как товарищи и друзья, просто пить вино, закусывать. Гость больше нас не стеснялся ничем, был, как свой, но только заметно было: хотя он и пил, но ничуть не хмелел.

— Ты что-то таишь? — сказал наконец гостю один откровенный охотник.

И гость ему ответил:

— Ты это верно сказал: я таю.

После такого ответа как будто все сразу стали трезвыми, и гость, собравшись весь в себя, спросил вполголоса:

— А вы дошли до того места, где Лода уходит под землю, а Кода одна бежит?

— Дошли.

— Тут берег высокой горой поднимается, как стена, и к этой стене деревья как бы ветром прибиты, и на этой стене, отступя, стоит вторая стена. Вы туда поднимались?

— Поднимались.

— И как поднимешься и пройдёшь немного, то увидишь — третья речная стена горой поднимается выше всех, вы и туда поднимались и что вы там видели или не видели?

— Видели мы там, — говорю, — сосновую чашу — великое чудо в наших лесах: каждое дерево в четыре обхвата, и доверху чистое, и ни одного сучка. Дерево стоит к дереву часто — стяга не вырубить, и, если срубить одно дерево, оно не упадёт, прислонится к другому и будет стоять.

— Ну вот, друзья мои, — сказал гость, — эту сосновую чашу в немеряных лесах мы и таим, и весь народ наш таит. И вас я прошу — не показывайте этот лес никому из начальства: мы в Коми с этой тайной все растём.

— Мы это слышали, — ответил я.

После этих слов я понял всё, повеселел и налил всем по стаканчику.

— Чего ты смеёшься? — спросил меня гость.

— Не смеюсь, — отвечаю, — а жалею вас. Кто хочет молиться — на каждом месте, к чему только захочется, может обратиться своё сердце. Зачем же для этого назначать лес? Сколько ни молись в лесу, он рано ли, поздно ли без пользы пропадёт для людей от червя или пожара.

Больше охотники в этот раз ничего не говорили, а все улеглись спать. Утром, расставаясь с гостем, спросил я:

— Ты нам имя своё оставишь или так уйдёшь?

— Да я ж вам вчера сказал, — ответил гость, — имя моё.

Стало тогда в лице этого человека не попрержнему, пришло что-то в него не своё. И я это заметил и говорю:

¹ Ковшик из берёсты.

— Нет, это неправда, тебя не Сидором зовут.

А он глубоко взгляделся в меня, как будто что-то нашёл во мне. И улыбнулся.

— Ты,— сказал он,— Мануйло, ясный человек, я тебе верю и откроюсь тебе: я не Сидор, настоящее моё имя Онисим.

Тут я спросил этого человека:

— Скажи мне, Онисим, для чего ты о себе неправду сказал?

— О себе,— ответил Онисим,— часто человеку ради истинной правды надо неправду сказать, ты разве этого не знал? Человеку часто в наших лесах надо таиться, чтобы только жизнь свою сохранить.

Так мы расстались тогда хорошо с этим человеком.

Сколько сказок, похожих на правду, и сколько правды, похожей на сказку, пробежало между солдатом и полесником, когда перед весной под тяжёлым ледяным одеялом дремала вода!

— Так неужели же это правда,— спросил Весёлкин,— что сосновая чаша и сейчас ещё стоит на том месте, где ты сказал? Точь-в-точь и в тех же самых словах я слышал о ней от старого лесника Антипыча. Чаша эта сосновая, деревья в четыре обхвата, и что деревья такие до того часто стоят, что не могут упасть?

— Как же им упасть в такой чаше?

— И что там только одни великаны и между ними стяга не вырubiшь?

— Только белый мох!

— Неужели же и это правда,— спросил Весёлкин,— что на пути в чашу старая часовня и в ней скворец играет?

— Видел своими глазами.

— А как это может быть, что сколько-то лет выюн с карасём в одной луже дружат? Может быть, они и сейчас там?

— А что им там делается — люди проходят по общей тропе, возле прудика скамеечка, тут все отдыхают, все насышаны, все ищут глазами, где выюн, где карась. Все видят — все радуются. Что же им делается? Эх, Вася, вижу, и ты мою правду тоже, как все, за сказку хочешь принять, а я только о правде и думаю.

— Нет! — решительно ответил Василий. — Я тебе во всём верю, только сам в себе не могу скоро увериться: как-то, кажется, не бывает всё вместе: и чаша сосновая, и скворец за дьякона, и выюн, и карась...

— Всё бывает! — сказал великан, расставаясь со своим новым другом и любовно его оглаживая. — И бывает и было! А что было и чего не было — нам с тобой на стороне никогда не разобраться.

Только верно одно, что нас с тобой, двух таких чудачков, на свете ещё не было.

Так из госпиталя Мануйло и отправился прямо к Калинину правду искать, и очень скоро после того и Весёлкин вышел с твёрдой решимостью найти Корабельную чашу.

Сержанту даже и в голову не приходило, чтобы могла быть помеха какая-нибудь на пути победы в этой войне, он ни на мгновение не сомневался, что люди, укрывающие Корабельную чашу, поймут его с первых слов и отдадут сокровище своё на дело спасения родины.

Он был уверен, что как только он откроет, как нужна теперь фанера высокого качества, так все за ним и пойдут.

С большим трудом левой рукой он написал домой письмо о себе, наскоро в районе по начальству оформился в своём назначении, и весь, со всей найденной на пути к выздоровлению великой мыслью о новом Слове для всего мира, обратился к исполнению военного долга: служить Советскому Союзу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мануйло из Журавлей

Глава 12

Дети Весёлкины были похожи на перелётных птиц, задержанных в пути медленным таянием снега. Как птички сидят у края снегов и ждут вешней воды, так и они сидели и ждали. И как только двинулись первые ручьи, птицы полетели на места гнездований, дети пустились тоже на север искать родного отца.

Они глядели в окно и засыпали, и опять просыпались, глядели и опять засыпали.

Скоро леса начались и пошли на север почти рядом с поездом. Стало понятно, почему почти каждое лето под городом Переславлем-Залесским в его малинниках показывается медведь и так страшно пугает наших женщин, собирающих малину. Медведь идёт сюда с севера сплошными лесами, обходя светлые места редких городов, сёл и деревень. Ничего нет в этом удивительного: дорога медведя большая, широкая, зелёная, а дом, его тёплая шуба, с ним тоже идёт...

Вспомнив родного медведя, ребята опять засыпают и, опять очнувшись, сквозь окно глядят в далёкие леса, как будто они там оставили что-то самое дорогое и теперь стремятся к нему.

Так им бедным пришлось, что в лесах далеко где-то затерялся их родной отец. Но что потеряли мы все, горожане, в этих лесах, когда сами с какого-нибудь лесного холма глядим в зелёные и синие, голубеющие дали и так тянет, тянет там далеко походить, поискать чего-то...

С древних времён вырубаясь из леса на свет в поля, что это мы, потомки древних славян, оставили там, в диких лесах, что мы там забыли, почему нас всех тянет в эту девственную природу, никогда не знавшую ни пилы, ни топора человека?

Да и есть ли ещё такие леса? И почему так хочется, чтобы они были?

Всего только сутки какие-то проехали дети на поезде, а сколько лесов прошло, сколько было в них деревень, сёл, и наконец одним ранним утром пришёл большой город — Вологда.

— Настя, — сказала проводница, — буди Митрашу! Что это вы заспались? Я же с вечера говорила, Вологда рано будет.

И стала помогать Насте складываться.

Так вот и приехали. Из вагона вышел Митраша с большим мешком за спиной и с отцовским длинным ружьём. Рядом с мальчиком шла золотистая девочка Настя, тоже с мешком и с небольшой свёрнутой палаткой.

Ребята вышли и сразу заметили перемену в природе: в Переславле шоколадные почки на берёзах были с зелёными хвостиками и такие густые, что в почках этих птица скрывалась от глаз. Тут никаких хвостиков не было, на берегу реки Вологды ещё лежал снег, река только что освободилась от льда, но из берегов ещё не выходила.

— Ты заметила, Настя, — сказал Митраша, — тут у берёзовых почек ещё нет зелёных хвостиков?

— Почки, — ответила Настя, — боятся мороза. Может быть, они тут и были, но пришёл мороз, и они спрятались.

Митраша снисходительно улыбнулся сестре:

— Так не бывает, где ты видала, чтобы почки раскрытые опять закрывались? Это ты с людей берёшь: у людей — показались и спрятались, а у них только раз бывает: показался на свет и в почку назад не вернёшься. Нет! Тут они ещё не показывались. Ты замечай, такое увидим, такое узнаем, чего у нас не было и не будет!

Теперь пришло время Насте, маленькой женщине, улыбнуться на мальчика. Сказать она не собралась, но про себя подумала:

«Искать отца — это дело, но гоняться за тем, чего не было, — это пустяки, и об этом нечего и говорить».

Так они перешли привокзальную площадь и остановились. Митраша вынул из кармана план, начерченный ему Фокиным, и, разостлав его на коленке, стал раздумывать, в какую улицу им свернуть.

В это время постовой милиционер внимательно приглядывался к детям. То ли он уморился стоять и не на что было глядеть, то ли, и правда, ему было дивно видеть мальчика с таким огромным ружьём и девочку, похожую на водяную курочку на длинных ногах.

— А ну-ка, охотник, — подмигнул он весело Митраше, — права-то у тебя имеются?

Митраша не ответил на улыбку и серьёзно, даже с оттенком важности сказал:

— Права? Вот наши права.

И подал милиционеру сложенную и перевязанную ниточкой газету. Из газеты показался пакет. Из пакета — бумага с печатью. Это была смелая бумага, обдуманная на охоте Фокиным и районо Аникиным.

Бумага была адресована вологодскому завгоруно, и в ней подробно описано положение сирот с просьбой помочь им доехать до Пинеги.

Удивительного милиционеру в этом ничего не было: мало ли теперь, в военное время, кто кого ищет.

«Вы круглые сироты?» — хотел спросить милиционер, но по ошибке спросил:

— Вы голые сироты?

— Какие же мы голые, — сердито сказал Митраша, — мы одеты, обуты.

— Я вас спрашиваю: матери у вас тоже нет, и если ни отца, ни матери, то, значит, вы сироты круглые. Понятно?

— Круглые. — повторил Митраша, — а ты сказал: голые.

Тут маленькая женщина поняла, что милиционер им будет полезен и нельзя с ним обходиться по-митрашиному, резко.

— Да, дяденька, — сказала Настя жалостливо, — нам сказали, что отец убит, и мать, услышав это, умерла от горя. А теперь пришло письмо — вроде как бы и жив. Хорошие люди все нам помогают, и вы, дяденька, нам помогайте!

Подумав немного, может быть, о том самом, о чём Настя его попросила, милиционер сказал:

— А как у вас с деньгами, есть деньги?

— Есть! — сказал было Митраша.

Но Настя быстро перехватила его слова и ответила:

— Мало!

— Если мало, — сказал милиционер, — так зачем вам обращаться к завгоруно и беспокоить его в таком лёгком деле: круглым сиротам у нас везде помогут. А сейчас вода вас доставит даром на место. Поезжайте прямо на щуке!

Настя по голосу поняла милиционера, что он им серьёзно хочет добра, и только ей надо было спросить, про какую щуку он говорит. Но вдруг Митраша как будто вырвался у неё из рук и заносчиво выпалил:

— Вот хорошо! Мы поедем на щуке, а ты поезжай за нами на окуне.

— Папан! — строго и серьёзно сказал милиционер. — Я, мой милый, не смеюсь, и ты не обижайся. Ведь я тоже с Пинеги, я сам тоже пинжак.

— Как — пинжак? — оторопел Митраша.

— Дяденька, дорогой наш, — вцепилась Настя, — если ты с Пинеги, то помоги нам туда попасть.

— Да, детки, — ответил милиционер, — я с Пинеги, и щука — не рыба, а это у нас особая сплотка леса зовётся щукой. Шкурёные хлысты сейчас лежат на берегу, и бурлаки их между собою связывают. Получается щука, голова у неё и хвост, а посередине строится будка, и в ней сидят пинжаки. По всем северным рекам бурлачат наши пинжаки. Пойдёмте сейчас к реке, найдём щуку. У меня на реке все знакомые, даже родня. Я ведь сам тоже...

И милиционер опять назвал себя пинжаком.

Счастливо пришлось, что на смену милиционера как раз во-время пришёл другой и, узнав, в чём дело, сказал:

— Пинжаков сейчас там полный берег, ты, Щурёнок, поди их проводи.

А река Вологда была тут совсем недалеко, средняя река, вроде нашей реки Москвы, но, конечно, весной — посильней. Весенняя вода ещё только чуть коснулась шкурёного круглого леса на берегах. Но некоторые хлысты уже были тронуты водой и, жёлтые, плыли рядом с белыми гусями. Всюду на берегах люди возились с лесом, приготавливали его к сплаву.

Милиционер крикнул им сверху:

— Есть пинжаки?

— А как же! — ответили ему снизу.

И показали на готовую щуку.

— Там, — сказали, — в будке сейчас Мануйло из Журавлей.

— Мануйло! — обрадовался милиционер. — Он мне дядя.

Великан Мануйло, услышав эти слова, вышел из будки и, увидев милиционера с детьми, сказал:

— Здравствуй, Щурёнок, куда тебя несёт с детьми?

— К тебе, — ответил Щурёнок.

— Идите ко мне, — сказал Мануйло, — будем чай пить.

И полез в будку обратно.

Разговор за чаем был про дела на Пинеге, о том, что Мануйлу не хотели принимать в колхоз со своим путиком, но что он ходил в Москву, к Михаилу Ивановичу Калинин, и что он теперь войдёт — ему можно теперь войти в колхоз со своим путиком.

— Как же так это у тебя вышло, — спросил Щурёнок, — в колхоз и со своим путиком?

— Ничего тут нет удивительного: каждый в колхоз должен нести что-нибудь своё, и такой колхоз будет «Богач», а не «Бедняк», как у нас до сих пор называется. В Москве над «Бедняком» посмеялись и все поняли: я не для себя прошу, а для общего дела.

Щурёнок покачал головой с большим удивлением и, подумав, сказал:

— Ты у нас, Мануйло, похож на медведя: первое, тем похож, что никому нельзя, а ему можно, и только за то, что медведь. Второе, тем похож, что когда он встаёт и выходит весной из берлоги, то подымется на задние лапы, померяется на первой ёлочке и делает загрыз. Так и ты встал и меряешься со всем колхозом.

— Давно ли, Щурёнок, — ответил Мануйло, — ты со своего путика в милицию попал и уже наши охотничьи приметы путаешь. Медведь делает на ёлке загрыз не когда встаёт из берлоги, а когда ложится на зиму.

— Так я это и хотел сказать, — засмеялся Щурёнок, — медведь меряется, когда ложится, а Мануйло меряется, когда встаёт: тем он от медведя и отличается.

Тут Митраша не выдержал и решил спросить:

— А для чего медведь меряется, когда ложится в берлогу?

— Это,— ответил Мануйло, приглядываясь к Митраше,— медведь хочет заметить, сколько за зиму он подрастёт.

— Значит,— сказал Митраша,— весной медведь ещё раз меряется?

— Нет,— ответил Мануйло,— на зиму ложится медведь и с горя померяется, а когда придёт весна, то обрадуется воле своей, встаёт и забывает померяться.

Мануйло, рассказывая о медведе, глаз не спускал с Митраши, мальчик ему напоминал кого-то, но кого — он вспомнить не мог.

— Вот что,— сказал он вдруг Щурёнку,— ты куда хочешь плавать и где детей?

— К нам,— ответил Щурёнок,— на Пинегу, там у них раненый отец где-то в суземе.

— Отец? — сказал Мануйло. — Ну так что отец?

— Дети отца ищут, у них мать умерла.

— Мать померла,— повторил Мануйло,— так чего же отца-то искать? В своё время отец сам придёт.

— Когда ещё придёт, когда ещё война кончится,— ответил Щурёнок.— Им одним без отца, без матери жить горько: взяли и собрались искать отца.

— А из какой же он местности?

— Из города Переславля-Залесского.

— Знаю,— сказал Мануйло,— хорошие там люди, со мной в госпитале один лежал — вот был человек! Это он меня на путь поставил, он сказал: «Иди, Мануйло, к Калинин у и не бойся, помни, ты со своим путиком за правдой идёшь». И так оно точно и вышло, и я правду нашёл.

— Правду нашёл! — повторил Щурёнок.

И засмеялся морщинами на щеках и возле губ.

— Тебе бы,— ответил Мануйло,— это не дивно бы слышать, ты же милиционер: на законе стоишь.

После чая Щурёнок ушёл. Мануйло сказал детям:

— Не горюйте, ребята. Возьлись искать отца и найдёте. Сузем наш чуткий. Будете спрашивать — и люди скажут. Сузем наш порото чуткий: олень копытом наступит — и на том месте другая, чем раньше, травка растёт. А человек слово земле скажет — и на том месте берёзка встанет.

— Не может быть! — сказал Митраша.

— А вот и было! — усмехнулся Мануйло.— Были у царя ослиные уши. И никто никому не смел сказать об этом. Один человек не мог вытерпеть, наклонился к земле, перешепнул:

— У нашего царя ослиные уши!

Прошли годы, на том месте выросла берёзка.

Проезжал однажды мимо того места царь. Берёзка наклонилась к нему и шепчет:

— У нашего царя ослиные уши!

— Это сказка! — сказал Митраша.

— В этой сказке есть правда: затем и сказка, чтоб правду найти,— ответил Мануйло.— Наш сузем чуткий. И где отдыхает человек, там всегда вырастает берёзка. Придёте вы к тому месту, где ваш отец отдыхал, и берёзка вам скажет, где ваш отец.

Было ещё раз вечером, перед тем как спать ложиться, Мануйло внимательно поглядел в глаза Митраше и чуть бы только — и вспомнил бы он друга своего Василия Весёлкина и понял бы, что эти дети — его.

Вот бы обрадовался Мануйло, вот бы помог! Да он и не расстался бы с ними, он бы их к себе взял, на свой путик, он бы повёл их на Воронью пята и в самую бы чашу доставил в благодарность их отцу за совет! его пойти к Михаилу Ивановичу.

Так, может быть, и все мы около правды истинной ходим и обходим её: она тут рядом, её можно рукой достать, а мы идём в какой-то сузем, далеко, в дикий лес, спрашивать об отце какую-то берёзку...

Дети как легли, так и уснули сразу, камушками. А Мануйло ночью отвязал канаты, подобрал их на плот, поработал рулём и отпустил щуку свою плыть по течению головой вперёд.

Глава 13

Митраша с Настей выросли в Усолье и Москву никогда не видали. Сейчас тоже объехали Москву северным путём — из Переславля через станцию Берендеево.

Во время войны в деревнях собирался народ по ночам на высокое место, смотрел на небо в сторону Москвы, и небо было в зареве, и какие-то страшные огни то вспыхивали, то потухали, и народ повторял одно зловещее слово:

— Бомбят!

А недавно в той стороне стали показывать другие огни, они высоко поднимались на тёмном небе, голубые, красные, зелёные, и сыпались разноцветными фонтанами вниз, и всем видно было — это огни радости, и люди весело повторяли:

— Наша берёт!

И всё это горе и радость — в Москве, а самой Москвы не видеть.

Вот отчего с первых же слов Мануйлы, как только он сказал, что был у Калинина, Митраша подумал о нём с уважением: Мануйло видел Москву! Вот бы теперь узнать от него всё о Москве: какая она сама, какие там люди и что они делают. И ещё хорошо бы тоже узнать, как Мануйло в Москве достигал своего путика и что это за свои путики, какие они.

Утром, как только дети проснулись, Мануйло уже и рыбы поймал, и наварил ухи, и дожидался у теплинки, когда они встанут и будут с ним вместе уху хлебать.

За ухой Митраша подумал, что первое надо спросить о своём путике, а потом, как Мануйло его достигал.

— Что это: свой путик? — спросил Митраша.

— А у отца твоего разве не было? — ответил Мануйло. — Кто твой отец?

— Мой отец — лесник.

— А если он лесник, — сказал Мануйло, — то как же ты ничего не знаешь о путиках?

— У нас на родине нет своих путиков, — сказал Митраша, — ты, дядя Мануйло, скажи нам, какой бывает свой путик, и как ты в Москве достигал своего путика, и какая Москва.

— Свой путик, ребята, — сказал Мануйло, — долгий, он достаётся нам от отцов, и дедов, и прадедов.

Путик у меня долгий, и на деревьях затёсы: наше знамя охотничье делается одним рубышом и означает Волчий зуб.

Путик мой пересекает чужой путик, и на росошине у меня стоит знамя Волчий зуб.

Наше знамя на росошине означает мою сторону, мой полуденный ветер.

Знамя Волчий зуб означает: не ходи другой на мой ветер, на мой топор.

Знамя другого человека стоит на другой росошине и означает Воронью пята и делается в три рубыша.

Знамя другого человека на росошине означает: не ходи на мой ветер, на мою пята, на мой топор.

Такой у нас в суземе закон: другой не ходи на мой топор!

Мануйло остановился и задумчиво глядел в глаза Митраши.

Было ему так, что с малолетства слышал про этот закон и думал о нём одно, что это верный, хороший и твёрдый закон. А вот теперь говорит, глядит в эти ясные, большие серые глаза, и что-то ему чудится: где-то он видел эти глаза, и что-то было такое, вроде как бы кто против этого закона ему говорил.

И вот этот мальчик сейчас его спрашивает:

— Страшно у вас?

И на вопрос: «Чего страшно?» — отвечает:

— Себе-то, дядя Мануйло, хорошо на путике, а другому страшно: вдруг нечаянно и попадётся как-нибудь на твой топор?

— Нечаянно можно, — ответил Мануйло, — нельзя только с умыслом. Так вот я вам и сказываю дальше: на путике своём у корней дерева я вижу от солнца светлое пятнышко, насыпаю на это место песочку и на том гуменце ставлю силышко.

Откуда ни посмотришь на силышко — гуменце всё бывает видко.

Глядит птица с высоты — и ей внизу гуменце видко.

Летит мимо птица, и ей гуменце моё вот как видко: и сверху, и снизу, и сбоку.

Всё видко!

Птица в лесу любит песочек на солнышке, пуржится в нём, трепыщется и попадает в силышко.

И тут я иду, собираю дичь, и отец мой ходил по тому же путикю, и дед, и прадед ходил, и у них всегда было одно знамя — Волчий зуб. Теперь же пришло время, и с меня требуют, чтобы я свой путик отдал в колхоз, а меня назначат на чужой путик.

— Нет, — ответил я, — никто не может управлять моим путиком: у меня есть свои тайны, и я о них никому не скажу. Примите меня в колхоз со своим путиком.

Колхоз назывался «Бедняк», и им было завидно. Я же хотел им добра: не себе, а всем было бы мясо с моего путика. Но им было завидно, и они меня не приняли в колхоз со своим путиком.

Живые помочи!

— А это что? — спросил Митраша.

— Ничего, — ответил Мануйло, — у нас полесники все так говорят: помогает...

Так вот я дальше сказываю.

Горько мне было на душе, когда я бурлачил в лесу этой зимой: от горя своего потерял я голову, и оттого упало на меня высокое дерево, и я тоже под ним упал на землю.

И тут вспомнилось Мануйле ясно, что был у него разговор с другим человеком о своём путике, и где именно: в госпитале с сержантом Весёлкиным.

Теперь бы ещё о глазах вспомнить, что там же он и видел такие глаза, как у Митраши, и спросить сироту о том, как звали его раненого отца. Но как раз в это время над самой рекой бреющим полётом пролетел с грозным шумом самолёт и вышиб из головы Мануйлы нарастающее внимание к человеку.

Он продолжал о своём путике.

— Потерял голову! — дивился Митраша.

— Ну да, ходил, как в тумане, всё равно, что не было у меня головы, и я не мог слышать, скоро обернуться, увидеть, вернуться: я потерял голову — и дерево упало на меня.

Мне было на душе горько: я не мог жить без людей и не мог жить без своего путика.

— Прощайте! — сказал я.

Но меня подняли и в больнице выходили. И один человек, самый хороший, какого я только видал на свете, послал меня в Москву искать правды.

— Бедный Мануйло! — сказала Настя, и глаза её большие, тёмные заблестели от слёз, как ягоды блестят на дожде.

Не пожалей Настя Мануйлу, очень может быть, Мануйло и стал бы расспрашивать у Митраши про отца, и так бы все и дошли до правды. Но Мануйло заметил, какой милой от слёз сделалась девочка, и своей огромной ладошкой погладил её золотистые волосы.

— Ты не меня жалеешь, а наш колхоз, не даром же он сам себя назвал «Бедняком». Мне же, деточка, везде хорошо: что ни задумаю, мне во всём счастье. И об одном я горюю, что люди не хотят брать своё счастье и похваляются своей беднотой.

— Дядя Мануйло, — сказал Митраша, — не надо больше про колхоз «Бедняк» и про путик, расскажи нам, что это за Москва и какая она, на что похожа?

— Москва ни на что не похожа, — ответил Мануйло. — Большой дом и много окон: десять, двадцать, может, сто. А над этим большим домом построен другой большой дом, и тоже всё окна и окна: не пересчитать. Над этим вторым домом сверху третий такой же, и опять всё окна и окна, и опять вверх. Есть дома в двадцать домов вверх.

А к этому дому рядом примазан другой такой же, с другим — третий, и так целая улица.

И тоже улица — не улица, как ручей — не река. Улицы, как реки, вливаются в большую реку, и по ней течёт не вода, а народ.

Вот иду я, иду, и нигде мне самому ничего не видно: только всё люди и люди, как льдины в ледоход.

Иду я, иду, и ничего мне самому не слышно: всё везде кругом гудит, стучит, звенит и огнями играет — и красными, и зелёными, и жёлтыми.

Иду я, иду и вижу перед собой: великий мост через реку выгнулся и повис, по мосту люди идут тесно по той и по другой стороне. А посередине машины, много машин, как жуки: и чёрные, и синие, и разные. А под мостом, внизу по реке, идут пароходы по воде, а по берегам реки — опять машины. Только по мосту они ползут нешибко, как жуки по земле, а там они летят, как жук по воздуху, и гудят.

Иду по мосту на ту сторону, гляжу на пароход, и мне мнится, будто не пароход идёт, а мост подо мною идёт. Голова кружится!

Иду я и не смотрю больше на пароход, и голова у меня больше не кружится и будто стала на своё место. Всё впереди видно мне опять.

Вот на той стороне дом великий, и на дворе уже темнеет, и в том великом доме загораются огни: один огонёк, другой, третий, и пошло, и пошло: не счесть, сколько огней!

Я больше не иду, а как стал на мосту, так и стою и смотрю, когда вовсе стемнеет и все огни загорятся.

Много огней в доме загорелось, и от низу и до верху в окнах всё видно.

Там укладывает мать, вся в белом, маленьких детей в кровати.

Там умываются.

А там пьют вино.

А ещё повыше двое так сидят...

И всё внизу видно, и только невидно, где окна завешены.

А в одном окне мальчик сидит за столом, пишет, читает, губками перебирает, себе помогает, весь кудрявенький, хорошенький, а лампа зелёная.

Гляжу я на мальчика под зелёной лампой и забыл про себя, что я приехал в Москву, и куда мне идти, и что мне делать.

Стою спиной у железной решётки и гляжу туда, на огни. Сам не вижу и не знаю, кто проходит, кто стоит возле меня и на меня глядит.

Вдруг человек хорошего вида, немолодой, нестарый, из-под руки меня спрашивает ласково:

— Скажи, друг, откуда ты к нам пожаловал?

— С Пинеги,— отвечаю,— мы пинжаки.

— Оно и видно,— говорит,— издалека приехал. Похоже, ещё и не устроился нигде. Чего же ты тут так долго стоишь и глядишь? Что ты видишь?

— Мне,— говорю,— вон тот мальчик полюбился под зелёной лампой: сидит, пишет, читает, губками себе помогает, губки-то какие, какие весёлые волосы! Не можешь ли мне сказать, кто этот мальчик у вас?

Засмеялся неизвестный человек на мои слова и говорит:

— Мальчик этот у нас, это вернее всего — новый Пушкин родился. Слыхал,— спрашивает,— про Пушкина?

— Нет,— отвечаю,— человек я северный, бурлак и охотник, сказки сам рассказываю, а про Пушкина, может, и слыхал, да к чему он — не понимаю. Сделай милость, расскажи!

— Пушкин,— говорит,— был человек замечательный: он говорил только правду. Мы все ждём, чтобы он опять родился: вот, может быть, этот мальчик и есть новый Пушкин.

Тут я понял, что он это пошутил: не может человек два раза родиться. Не мне полюбилось, как он сказал, — мне самому охота в своих сказках правду рассказывать.

— Милый ты мой, — говорю я, и радуюсь, и прошу его, — давай с тобой где-нибудь посидим, поговорим.

И показываю ему на тех двух в окошке, что вот уже час или более так сидят, ничего не делают и между собой неслышно говорят.

— Можно! — отвечает мне мой друг.

И повёл меня опять назад через тот великий мост.

Ну вот, пришли мы в другой большой дом, там все сидели, ели, пили, и мы сели за стол одни. Он меня накормил и сам немного отведал, а потом спрашивал и записывал, и так-то ему это полюбилось, когда я ему рассказывал, что приехал в Москву просить, чтобы приняли меня в колхоз со своим путиком.

— Счастливый ты,— говорит,— человек!

— Это,— говорю,— я знаю.

— Нет, в том счастливый ты,— говорит,— человек, что ты на меня напал!

Так сложил он свои бумажки, заплатил по счёту и велел вызвать машину.

Сели мы в машину и поехали скоро, вся Москва со всеми огнями за нами гонится и не может догнать.

— Хороша,— говорю,— Москва!

А он мне:

— Да и ты хорош!

Так приехали мы в общежитие, и тут велено мне было жить спокойно и ждать, когда меня позовут. Прощаясь, друг мне ещё раз сказал:

— Счастлив, что напал на меня!

И назвалса Иваном Егорычем.

Ну, хорошо. Рано утром я просыпаюсь на белой постели, а вокруг все до одного человека спят. Слышу: внизу где-то люди шумят, скребут и машины гудят и шуршат.

Что бы это было такое?

А кругом меня человек к человеку спят на белых простынях.

Спросить некого.

Вижу, кот сидит на окне и тоже вроде меня слышит и тревожится: что бы это было такое?

Окно всё голубеет, всё светлеет. Кот что-то по-своему понял, сел на задние лапки, поднялся и передними двумя, часто перебирая, начинает драть по мороженому стеклу.

Драл-драл, и ему стало видко.

Видит кот: галки летят, много летит галок, и он мордочкой ведёт в их сторону.

Галки прямо — и кот прямо, галки вбок — и кот вбок, галки вправо, галки влево, куда галки — туда кот.

Подхожу и я сам к окну. Живые помочи!

Полна улица людей, и все с лопатами. Машины приходят, машины уходят. Приходят машины пустые, уходят — полны снега.

Все работают, улицу очищают, снег накладывают, увозят, весну деляют.

Чем, думаю, я-то плох? Потихоньку оделся, спускаюсь с лестницы и спрашиваю у людей:

— Что вы делаете?

А они мне весело отвечают:

— Весну делаем!

Чем же, думаю, я-то плох? Беру себе лопату в руки и каждый день в темноте начинаю, в темноте и кончаю.

Так у нас всё скоро вышло: весну в Москве сделали!

Хорошо весну сделали мы: ни одного пятнышка белого. А когда снега не стало, что делать солнцу? Сушить улицу. Сушит оно и играет цветными платочками на головах. Любо!

Первые дни меня в общезитии спрашивали:

— Что ты делаешь?

А я в ответ:

— Весну делаю!

А они мне:

— Ты что же, в дворники или в трест по очистке нанялся?

А я им:

— Нет, я это незадаром в Москве хлеб ем.

С тем они от меня и отошли.

Потом вдруг приходит машина, и говорят мне:

— За тобой!

И повезли меня к Калинину.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Утиная вечерка

Глава 14

Бывает в бору, у какой-нибудь золотисто-рыжей сосны из белого соснового тела выпадает сучок. Пройдёт год или два, и эту глубокую дырочку оглядит зарянка, маленькая птичка точно такого же цвета, как золотисто-рыжая кора у сосны. Эта птичка натаскает в пустой сучок пёрышек, сенца, пуха, прутиков, устроит себе тёплое гнёздышко в пустом сучке, потом выпрыгнет на веточки и запоёт.

И так начинает птичка весну.

Через какое-то время, а то и прямо тут, вслед за птичкой, приходит охотник и останавливается у этого самого дерева в ожидании вечерней зари.

Вот где-то, с какой-то высоты на холме, певчий дрозд первый увидел признаки вечерней зари и просвистел свой сигнал. На этот сигнал отозвалась зарянка, и вылетела из пустого сучка, и, прыгая с сучка на сучок выше и выше, оттуда, сверху, тоже увидела зарю и на сигнал певчего дрозда ответила своим сигналом.

Охотник, конечно, слышал и сигнал дрозда и видел, как по сигналу вылетела зарянка. Он даже заметил, что зарянка, маленькая птичка, открыла свой клювик, но что она пикнула, он не слышал: голос маленькой птички не дошёл до земли.

Птицы уже начали славить зарю, но человеку внизу зари не было видно.

Пришло время, над всем лесом встала заря, и охотник увидел: высоко на сучке птичка свой клювик то открывает, то закрывает.

Это зарянка поёт, зарянка славит зарю, но песни не слышно.

Охотник всё так понимает, по-своему, что зарянка славит зарю, а отчего ему её песни не слышно, это оттого, что зарянка поёт, чтобы славить зарю, а не чтобы самой славиться перед людьми.

И вот мы считаем, что, как только человек станет славить зарю, а не зарёй сам славиться, так и начинается весна самого человека.

Все наши настоящие любители-охотники, от самого маленького и простого человека до самого большого, только тем и дышат, чтобы прославить весну, а не самому весною прославиться.

И сколько таких хороших людей есть на свете, и никто из них сам ничего хорошего не знает о себе, и так все привыкнут к нему, что никто и не догадывается о нём, как он хорош, что он для того только и существует на свете, чтобы славить зарю и начинать собой такую хорошую весну человека.

Вот тоже и у нас в Вологде, на самом берегу реки, жил такой плотник Фёдор Силыч. Как все плотники, он работал всегда молча, но если станешь ему рассказывать о чём-нибудь, то слушает охотно, не говорит даже ни да и ни нет, а только улыбается и, насколько ему можно оторваться от топора или рубанка, поглядывает понимающим глазом. Самому себе всегда кажется, будто разговор с ним идёт ему впрок и оттого так скоро между ним и тобой вырастает целая большая пахучая гора стружек. А когда отойдёшь от него, то всегда думаешь: а не пойти ли самому в плотники, не заделаться ли самому столяром?

Когда Силыч сильно стал стареть и вертеть брёвнами стало ему невмоготу, он перешёл на столярные работы, и на этом деле он и свил себе такое же гнёздышко незаметное, как свивает зарянка в пустом сучку. Силычу на своём деле удалось послужить хорошо, и всякий вологодский охотник поминает его добром.

Бывало, Силыч работает, а дорога уже подопревает, рыжая по белому, и в душе охотника начинает мутить и тянет куда-то. Вот и скажешь:

— Силыч! А дорога-то подопревает.

Он улыбнётся, поглядит то на дорогу, то на тебя.

— Ты знаешь, Силыч, — скажешь ему, — охотничья душа начинается от разлуки: что-то мы с тобой потеряли в лесах и в болотах, к чему-то теперь туда тянет!

Он улыбается.

Каждую весну мы так начинаем, и лет уже тридцать, а может быть, даже и сорок тому назад Силыч, услышав о разлуке, бросил обычную работу и начал делать что-то другое, и стал на долгое время каким-то другим человеком, и рассказы всякие слушал рассеянно.

Так родился наш замечательный вологодский ялик из мысли этого скромного человека о разлуке и твёрдом решении своём соединить городского человека с природой.

Не знаю, конечно, свет велик, и, может быть, где-нибудь делают охотничьи ялики лучше нашего, но нам ялики Силыча всем так пришлось по душе, что кажется, будто лучше яликов Силыча не было и нет ничего на свете.

Сколько людей было таких, что вовсе ружья никогда в руках не держали, а как поглядят на ялик Силыча, так закажут себе, а как проедутся, так ружьишко достанут и начнут из своего собственного ялика, как птичка-зарянка, славить зарю...

Эта знаменитая лодка делается из двойной фанеры, и оттого она такая лёгкая, что одному можно её перетащить с одной речки в другую. В ней есть и палуба, чтобы в непогоду забраться, закрыть за собой отверстие и в бурю, и дождь, и холод быть, как у себя дома.

Мало того! Захочется подышать свежим воздухом или в ветер и дождь чаю сварить или жирную утку зажарить на примусе, то отверстие прикрывается особой маленькой палаткой. А по бортам ялика частые гнёзда, в них вставляются ветки, и ялик обращается в пловучий шалаш.

Умеючи обращаясь с веслом, можно на близкий выстрел подплывать к уткам, гусям, лебедям. А если ветер походный, то есть гнездо для мачты, можно парус поставить и на лёгком ялике птицей мчаться по ветру.

Несёт ветер вперёд на воду — воде нет конца, мчись водой хоть в Северную Двину, хоть в Белое море, хоть в Ледовитый океан!

Прощайте, домашние люди, я мчусь в океан!

Несёт ветер домой, тоже как хорошо!

Здравствуйте, милые люди мои и мой любимый труд!

Удивляются и смеются люди со стороны на взрослых людей, даже и на стариков, что они всё своё свободное время проводят на яликах; смеются и не понимают того, что это человек, тоже создание природы, возвращает себе её силу.

Так вот оно и вышло, что от разговора о разлуке человека с природой наш Силыч перешёл к делу и за долгую жизнь свою создал целый флот охотников на вологодских яликах.

Где теперь эти охотники? Один где-нибудь в ночное время на постройке моста, для перехода своей части на ту сторону, задержал собственным телом прорыв ледяной струи, другой, может быть, телом своим закрыл пулемёт, третьему посчастливилось: сидит у огня и пишет жене, чтобы берегла в сарае его ялик, и хорошо, если она у шофёра достанет отработанного масла и на всякий случай промажет им весь ялик.

Все здоровые охотники теперь на войне, весь флот Силыча теперь у жён под замком, и остались охотники теперь одни только те, кому нельзя на войну: люди они хорошие, как и все, только негодны оказались для войны, и оттого их у нас зовут негодниками.

Из негодников первые охотники, спорить об этом никто не станет, это, конечно, б р а т к и, два близнеца — Пётр и Павел. До того братки друг на друга похожи, что узнать верно, кто у них Пётр и кто Павел, можно только, когда они рядом. Но хорошо, что никогда и нельзя увидеть их отдельно. От рождения Пётр был совершенно глухой, а Павел слепой, но зато глухой Пётр имел такое острое зрение, что видел, говорят, всё вдвое дальше среднего человека, а слепой Павел слышал вдвое против среднего человека.

Вот почему всегда так бывало, что когда слепой Павел издали услышит такое, чего средний человек ещё слышать не может, то, почуяв движение брата, глухой Пётр повёртывает туда голову и видит такое, что для среднего человека ещё совершенно невидимо.

А ещё у братков замечательно, что они могут говорить только правду и ни разу никого в жизни своей не обманывали.

Недаром в Вологде в привычку вошло отвечать на всякий обман тем, что «правда у Петра да у Павла».

А есть и такие, по-нашему — совсем негодные, до того изверились, что не удивляются даже и на Петра и на Павла и говорят, будто оттого у них и правда, что слепой и глухой не успевают между собой сговориться в обмане.

Братки служили на одной должности повара на железной дороге, и вологодский буфет далеко славился по всей Северной дороге пирожками, жареной дичью с гарнирами. Когда поезд подкатывал, то люди, даже и сытые, входили попробовать знаменитых пирожков и всегда при этом дивились на двух граждан, соединённых поневоле в одного человека.

Дивились, что два обиженных природой человека, соединённые в одного, работали, пожалуй что лучше, чем два несоединённых нормальных, и некоторые высказывали:

— Вот бы всем так!

Но тут же с горечью вспоминали, что Павел был слепой, а Пётр глухой, всем же хотелось непременно и видеть и слышать.

Покушав пирожков, с этим примером все уезжали, но мало кто знал о братках самое удивительное, о чём знали только мы, кровные вологодские охотники. Братки у нас в городе были самые замечательные охотники, и глухарей они всегда приносили много больше охотников с полноценным зрением и слухом.

Всё было в том, что глухарь поёт очень тихо, и успех зависит много от того, кто раньше других глухаря слышит. Раньше всех, конечно, слышал глухаря в лесу слепой Павел и, слышав песню, хватал братка за руку и скакал с ним к глухарю.

И вторая причина успеха в этой охоте была от того, кто раньше во мраке рассвета разглядит среди ветвей птицу. На это был мастером глухой Пётр: увидев глухаря, когда ещё никто не мог видеть, Пётр останавливал Павла и глядел то на глухаря, то на брата. По уговору слепой Павел трогал Петра за левое плечо, когда глухарь начинал песню, и Пётр под песню стрелял.

Так вот все смехом в Вологде и говорили, будто правда всегда у Петра да у Павла. Правда — правдой, а и на службе у братков выходили славные пирожки, и на охоте птиц у них всегда больше всех. Осенью поздней, когда утки жирные и захочется кому-нибудь покушать, то с этим желанием безошибочно можно бывает пристать только к ялику братков: они всегда накормят, когда уткой, когда гусем, а случится — даже и лебедем.

Все эти охотники, и сам Силыч, и братки, и ещё, хоть и мало их оставалось из-за войны, привыкли каждый год, когда Мануйло отправлялся на щуку, тоже к этому дню начинать свой отпуск и садиться в ялики.

Стар стал к этой весне Силыч, до того стар, что никак и не чаял на своём девятом десятке и эту весну, как всегда, встречать на воде. Даже и утке-то его подсадной, Маруське, пошёл восемнадцатый год. Про утку не думал, что доживёт. И кто бы ни поглядел и на охотника и на утку, никто бы не поверил, что оба они встретят ещё одну весну на воде.

Но закричала Маруська, почуяв весну, и Силыч, услышав утку, перемог свои ревматизмы, собрался и поплыл вслед за Мануйлой.

А за Силычем собрались в ту же ночь и братки.

Нельзя пересказать о всех вологодских негодниках, но нельзя никак забыть Журавля.

Мы знали, ещё когда он жил в своём маленьком глинобитном домике на болотах в присухонской низине, в своё время, по молодости, он поверил в такую мечту, чтобы жить только охотой.

Дичи так много бывает на присухонской низине, что он захотел устроиться прямо на болоте в комарах и даже сманил на эту особенную жизнь одну вологодскую девушку.

Скоро жена испугалась этой жизни в болотах и убежала обратно в Вологду. Что её испугало?

Разве мало рыбы в Сухоне, и в Леже, и в Вологде? Мало ли уток выводится, и гусей пролетает, и лебедей? А боровая дичь когда весной подымает свой голос, так и кажется, будто весь горизонт кругом заговорил!

Нет, конечно, голодной на присухонской низине не могла быть жена Журавля. Ошибка его расчёта была в том, что охота его была не в том только, чтобы убить, — это было самое последнее. Его любительская охота была в чём-то совсем не питательном, как тоже и девушка городская искала общества, а муж угощал её тетеревами и утками.

Вот она от него и ушла.

После ухода жены охотник ещё долго жил в мазанке, и все мы его знали.

Бывало, прилетят на присухонскую низину в великом множестве журавли, погамят весной, пошумят, покричат и разбиваются на пары и этими парами скрываются в болотных зарослях. Каждой весной появляется на пойме один какой-нибудь одинокий журавль, он не прячется, а ходит по лугам с утра до ночи. и не трубит, как трубят все журавли, а свистит.

— Чего он свистит? — спрашивают люди прохожие местных.

— Наверно, — отвечают, — пары не может себе подобрать.

И указывают на мазанку одинокого охотника на пойме.

И так говорят:

— Вот тоже был человек, жил — распевал, а как жена его оставила, он теперь тоже только свистит...

Если же время придёт такое суровое, что спрячется в зарослях даже и тот одинокий журавль, то разговор бывает иной.

— Кто, — спрашивают, — живёт на болоте в таком маленьком мазаном домике?

— Одинокий человек, — отвечают, — по прозвищу Журавль.

— А почему он «Журавль»?

На этот вопрос местные люди охотно рассказывают о том одиноком журавле, что не трубит, когда все трубят о победе весны, а только свистит.

Всё, однако, кончилось счастливо тем, что умерла старушка — тёща Журавля — и жена возвратила мужа с болота к себе в Вологду, на свою жилплощадь. Всё и кончилось тем, что Журавль сделался шорником и завёл себе охотничий ялик.

Другой охотник, по прозвищу Чулок, тоже когда-то мечтал заниматься охотой, как делом, но поглядел на судьбу Журавля и купил себе во время нэпа чулочную машину.

Случилось однажды, загорелась в Вологде деревянная слободка, и все бросились бежать из своих домиков и спасать вещи. Также и чулочник бросился за всеми со своей машиной, и за ним кишкой через всю улицу тянулся неразрезанный чулок.

Тут-то все и увидели, и многие поняли это в первый раз, что чулок в своём происхождении бывает один и делается как бы на ногу всего единого человека. Это всех так удивило, что чулочника с тех пор стали звать «Длинный чулок». Вскоре, однако, вместе с нэпом, он свою машину бросил и занялся серьёзным делом, но прозвище за ним так чулком и тянулось.

Чуллок был охотник неплохой и тем же охотничьим чутьём почувал утиный пролёт и выехал на своём ялике. Ещё несколько охотников с броней было с лесной биржи, несколько новых инвалидов Отечественной войны...

Раньше всех отчалил Мануйло, но, конечно, его щука не могла без помощи вёсел двигаться так же скоро, как лёгкие ялики. Вот отчего среди ночи Силыч первый нагнал щуку. Вода немного отсвечивала даже и ночью, и Силыч даже в темноте узнал в огромной фигуре у руля Мануйлу.

— Здорово, пинжак,— сказал он,— ты куда это плавишь щуку?

Мануйло дремал у руля и не сразу узнал Силыча, да к тому же они давно не встречались, и Мануйло думал, старик уже давно на том свете живёт. Когда же он взглянул, опаматовался, узнал, то в глубоком изумлении воскликнул:

— Живые помочи! Ведь это ты, Силыч!

И заставил Силыча вылезти к нему на щуку.

С трудом, из-за проклятой спины, выкарабкался Силыч на щуку, а ялик его Мануйло переставил с воды на щуку, как коробочку из-под спичек.

— Ай да дед! — сказал весело Мануйло.— Всё живёшь — не сдаёшь. Сколько же у тебя, Силыч, из рубля вышло копеек?

И как рыбак рыбака, так и охотник сразу понял охотника.

— До рубля,— ответил он,— осталось мне семь копеечек.

И это означало, что Силычу теперь было девяносто три года.

— А сколько старухе твоей? — спросил Мануйло, поглядев на его утку.

— Маруське,— ответил Силыч,— пошёл восемнадцатый год.

Другие охотники, перегоняя щуку, узнавали Силыча и сами, конечно, просились на щуку.

— Живые помочи! — повторял Мануйло, помогая тому и другому выбраться на щуку.

Так ещё до рассвета собрались славно все вместе с Мануйлой на щуке наши лучшие охотники: старый Силыч, братки, Журавль и Длинный чулок.

Всех их Мануйло предупредил, что он п л а в и т детей и они сейчас спят у него. Стараясь не шуметь, не смеяться, не будить детей, охотники поджались, замолкли и на заре все прикорнули.

Мы знаем, как хорошо им всем было: сами в молодости немало поплавали.

Глава 15

Река Вологда впадает в реку Сухону, а с другой стороны, почти напротив, впадает в Сухону река Лежа. Неподальку на присухонской низине есть никогда не затопляемый весенней водой холм Выгор, и с него все три наши реки — как на ладони.

Выгор — место весенних утиных охот.

Этой весной все эти реки прошли на очень низком горизонте, оттого захватили на молевой сплав только ближайшие к воде хлысты. Теперь редкая жёлтая моль из этих хлыстов плыла по Сухоне в сторону Северной Двины, изредка потукивая в бока буксирных маленьких парходов.

Всю зиму люди работали, окатывая срубленный и ошкуренный лес к берегам рек. Но только самая малая часть этого круглого леса была захвачена первой весенней водой. В лесах ещё полным-полно снега, и та сплавная весна, настоящая весна воды, для бассейна Северной Двины ещё не пришла.

Но скорей всего дело было так близко к половодью, что охотники, чуя, как животные, по запаху болот приближение последнего часа зимы, при встрече делились этой радостью и говорили друг другу:

— Часом всё кончится!

Напряжение этого часа в душе охотников бывает так велико, что им на сторону и смотреть нечего, они чувствуют по себе приближение этого великого начала весны воды.

Рассказывая, мы вот тоже вспоминаем, как было раз в молодости, в одиночной камере политического заключённого: нам с соседом по камерам в тюрьме так запахло болотом. Какой это был чудесный запах!

И потом явственно в закрытых глазах показалось болото с кочками, обтаявшими на солнце. Такие видения бывают в одиночном заключении. Тоненьким зеркальцем была окружена в этом видении каждая кочка, и тяжёлая кряква, переваливаясь с боку на бок, несмело переходила с кочки на кочку по неверному льду.

Не знаю никаких на свете приманок жизни чудеснее видения болота в тюрьме!

И вдруг товарищ, сосед, тоже страстный охотник, заключённый в соседней камере, выстукивает в стенку слова:

— Зима теперь часом кончится!

И оказалось, что и ему запахло собой весеннее болото и он тоже вспомнил свою крякву на тоненьком льду между кочками.

Много не настучишься в тюрьме — надзиратель заглянет в дырочку и заругается, только и было сказано, что часом всё кончится.

Мы были уверены, что это так из тюрьмы хорошо показалось болото и является прелестью, чтобы нас мучить в тюрьме, и после, как выпустят, всё пройдёт непременно, как сон.

И вот нет! Из шалаша глядеть на болото, оказывается, ещё лучше, и так оно пошло на всю жизнь.

Сколько раз тоже из шалаша мы своими глазами видели, что и кряква иногда ошибается: бывает, и оскользнётся и провалится, и так это было чудесно посмеяться вместе, и какие это милые люди, охотники, что могут в шалаше посмеяться над кряквой!

Как раз вот так и было в болотах на присухонской низине, когда Мануйло вывел свою шуку в реку Сухону. Кочки были окружены тонким зеркалом льда. А потом, когда солнце раскалилось со льдом, вдруг, в какой-то час это сделалось: на каждой кочке сидела раздумчивая птица с большими чёрными глазами и длинным носом.

Чудесная картина! Кажется, это не просто известные птицы, а само болото очнулось и так по-своему думает. Понемногу и тебя втягивает болото в раздумье. И в болоте, кажется тогда, вовсе и нет времени, и время как-то уходит из-под души, и счёт исчез.

Не сразу хватиться, одумаешься, придёшь в себя и начнёшь разбирать всё по-своему.

Тут и большие кулики сидят, самые большие кроншнепы; к лесам поближе сидят вдвое меньше кроншнепов вальдшнепы; вдвое меньше этих сидят дупеля, вдвое мельче дупелей — божий баран.

А ещё меньше барана, или бекаса, совсем каплюшка с воробья — гаршнеп: сам, правда, не больше воробья, а нос длинный, и в ночных раздумчивых глазах общая вековая и напрасная попытка всех болот что-то вспомнить.

Вот она, эта попытка что-то вспомнить, повторяется бесконечно и переходит от кочки к кочке, от птицы до птицы:

— На веках это было, на веках это было, на веках это было...

Отчего-то становится грустно и даже жалко их всех, и в ответ на их слова о том, что на веках всё это было, с досадой скажешь:

— Всё было и было, да скажите хоть одно слово о том, что оно было-то?

И вдруг всё откроется: все эти птицы и кочки болотные как были, так и остались в былом, а я, человек, с малолетства оторвался от них и стремительно мчусь к небывалому. Они весной летели вперёд и прилетели на места гнездований, где они были. Я же человек, и у меня впереди — небывалое!

Дело Мануйлы было самосплавом довести щуку по течению до того места, где сходятся все три реки: Сухона, Лежа и Вологда, и тут, у лесной биржи на Леже, дожидаться буксирного парохода и отправить с ним щуку вверх по Сухоне на известный завод «Сокол» на Кубенском озере.

Для того и сплывается лес щукой, чтобы он легче шёл против течения.

Счастливым вышло, что буксир как раз тут и был, на Леже, и поджидал щуку. Мануйло тут же и сдал её и, свободный, вместе с охотниками и ребятами вышел на Выгор.

Между охотниками с детьми теперь выходило, как и у нас в былое время в больших семьях в гостях: поглядят на тебя старшие одну минуту и забудут тебя, и ты живёшь себе у чужих сразу, как дома.

Особенно же хорошо было детям с Мануйлой. Познакомился он с ними, наговорил им всего от себя, и стало, как будто он что-то посеял и посеянное оставил с заветом: «Сами растите и радуйтесь!»

Время уж близилось к вечерней охоте, все большие и малые охотники бросились устраивать себе шалаши.

Присухонская низинка, можно сказать, так и создавалась для встречи охотников с утками и для редкостных теперь уже в других местах дупелиных токов, тех самых, когда охотники, поняв места тока, днём ставят на нём зажжённый фонарик. В темноте дупеля, собираясь на ток, почему-то теснятся к фонарику, и охотники стреляют по огоньку.

В особенности пришёлся к сухонской долине незатопляемый холм Выгор. В ольховых зарослях тут есть и ёлочки, чтобы взять с них лапнику на шалаши, есть гибкая ива, черёмуха. Всё с годами, конечно, сильно пощипано, зато на самой низине остаётся множество жердей от стогов сена, да тоже в тех же одоньях немало бывает и сена для спокойного спанья в шалаше.

За много лет у каждого охотника, конечно, определилось своё любимое место на Выгоре, и Силыч, пожалуй, не меньше как лет уже сорок ставил на одном и том же месте свой утиный шалаш.

Ни одного лишнего шага, ни одного случайного движения руки, и оттого у старого человека хватает силёнки, чтобы и в эту весну устроить себе всё ладно и добыть своего весеннего селезня, как и в молодости.

Каких только болей нет в старых костях — и нытьё, и ломота, и всякие внезапные схватки и пронзительные прострелы! Но долгая жизнь против всего этого находит защиту. И никак не бои боится Силыч, а такого боится, что приходит без всякой боли.

Бывает вечером, когда наступит желанная минута и на светлой воде, как на озарённом чистом глазу самой земли, проплывает, сияя всеми красками в своём брачном наряде селезень, Силыч тихонько выставляет сквозь дырочку в шалаше на этого селезня ствол своей «крынка»...

Что это за «крынка»?

А это редкостное ружьё, в давнишние времена переделанное в охотничье из военного ружья Крымской кампании. Таких ружей осталось теперь очень мало, но у кого оно есть, тот всех уверяет, что никакое ружьё на свете не может так сильно и громко ударить, как «крынка».

В нашей округе такое ружьё сохранилось только одно, звук его всем известен, и, когда вечерней зарёй раздаётся такой выстрел, все в своих шалашах обрадуются и скажут:

— Это Силыч ляпнул из «крынки»!

Вот сейчас мы скажем о самом большом горе Силыча. Бывает, Силыч и пороху подсыпал на полку, и просунул длинное дуло в щёлку шалаша, и вон он, селезень разноцветный, выплывает на озарённую воду. Остаётся только нажать на гашетку. И вдруг вся цветущая жизнь исчезает, всё обращается в глазах в крошечную тьму.

Вот этого и боится одного Силыч, и это бедствие неотвратимое называется куриной слепотой.

Не всякий раз, однако, это бывает, и не всегда беда приходится к тому мгновению, когда целишься.

Нельзя, однако, сказать, чтобы и на куриную слепоту в широкой душе Силыча не находилось бы утешительной защиты: куриная слепота приходит на короткое время, откроются глаза — приплывёт другой селезень. А что тот селезень жив остался и даже весело потоптал его Маруську, то ведь, как раздумашь, и то не беда.

Маруське тоже ведь надо отдохнуть от вечного обмана в пользу хозяина. Да и стара уже становится, ей теперь уже пошёл восемнадцатый год, ей тоже надо оставить Силычу наследницу свою от дикого селезня.

Помаленьку, не торопясь, Силыч натаскал себе жердей, лапнику, сена и устроил шалаш. После того он достал себе хороший долгий кол, с одного конца затесал его, чтобы легко воткнуть в дно, а к другому прибил гвоздём привезённый из дому деревянный кружок. С этим маленьким круглым столиком, прибитым к длинному столбу, старик в высоких сапогах прошёл по разливу на расстояние близкого выстрела, тут вбил он кол в дно так, что круглый столик пришёлся как раз к самому зеркалу воды.

Всё время, пока Силыч возился с устройством деревянного круга на воде для своей круговой утки, возле шалаша на ялике из открытой корзины за ним неотрывно следила Маруська своим маленьким круглым агатовым глазом. За семнадцать лет жизни с Силычем она отлично научилась понимать черёд всех его действий на охоте. И теперь она ждала завершающий всё позыв старика, приглашение занять сухое место на круглом столике.

Закончив работу, Силыч позвал её тем голосом, как шваркает селезень, и Маруська безо всякого промедления стала на крыло и села на столик.

Никогда в обычное время Силыч не подрезает крылья своей подсадной утке и не связывает их, даже и корзину её не накрывает: она у него совершенно свободна.

Единственно только теперь, самой ранней весной, когда вся дикая утка с юга тронулась на север, на места гнездований, Силыч опасается, не умахнула бы от него его Маруська. Вот почему осторожно и вежливо он вытягивает из-под неё утиную её ногу и обносит её круглым ремешком, а г а в к о й, к этой нагавке привязывает бечеву и конец бечёвки привязывает к колу под водой. Утка, если захочет, может плавать кругом на длину бечевы, может отдыхать на кругу, а улетать ей не даёт привязанная к ноге бечёвка.

Тоже так и братки Павел и Пётр устроились на своём месте в одном шалаше. Зрячий Пётр глядел в дырочку на подсадную утку, а слепой Павел слушал и, когда что-нибудь слышал, то быстро и тихонько толкал Петра под локоток.

Вот какой слух был у Павла, что полёт и шварканье селезня он слышал раньше подсадной утки!

Получив толчок под локоть, Пётр приготавливался и глядел на утку в ожидании, когда у неё начнёт открываться клюв для крика. После того он ждал в воздухе приближения селезня.

Если же селезень, услышав позывные утки, где-нибудь, невидимо для Петра, садился на воду, Павел всей ладонью трогал Петра по спине, и это значило, что он услышал всплеск воды, когда селезень где-нибудь неподалёку садился.

Мало того! Слепой слышал самое подплывание селезня, слышал, как утка почёсывается, если селезня почему-то долго всё нет.

Вот почему и выходило — охота двух человек, соединённых в одном, много лучше, чем охота двух даже отличных охотников, но разделённых друг от друга отдельными маленькими желаниями. Вот отчего Пётр и Павел всегда были правдивы: у них было всё вместе, у них не было отдельных желаний.

Точно так же, как все, устроив на круг свою подсадную утку, сидел тоже и Журавль. Шалаш его был совсем недалеко от того места, где когда-то стояла его мазанка, где он пытался свою охоту за утками, дупелями и тетеревами устроить, как дело жизни. Что только он не перенёс от жены, кто только не посмеялся над ним за эту попытку жить не тем, что установлено испокон веку для человека, а тем, чего только себе самому хочется!

Плохо было, главное, что ничему он, по правде, в этом опыте не научился. Дичи и рыбы для жизни было довольно. Умения достать пищу на воде и в лесу ему хватало. Так почему же всё-таки получилось, что жить одной любовью к своему делу нельзя?

Почему нельзя хорошему охотнику в богатейших дичью местах жить с любимой женой?

Этот вопрос оставался для Журавля нерешённым и оттого, что благородный охотник не хотел всю беду свалить на жену.

Нерешённый вопрос всего дела жизни создавал в душе Журавля, как у всякого человека, особую встревоженность на охоте, и это, как у всякого утино охотника, передавалось и утке.

Такая нервная утка кричит не только селезню, но даже и всякой вороне: была бы тень на воде и слышался бы в воздухе свист и шелест крыла. Летят же на вечерке, конечно, больше вороны и галки, чем селезни, и оттого и утка без перерыву кричит, и от каждой вороны охотнику приходится вздрагивать.

Зато у чулочника утка была такая спокойная, что хоть сюда, в шалаш, чулочную машину поставь. Закричит — и смело хватайся за ружьё: подплывает селезень, замолчит — садись, и хоть машину сюда: и вяжи и вяжи длинный чулок.

Но это, конечно, только к слову пришлось, а на деле Чулок всё на свете сейчас забыл, и ничего ему больше на свете не надо, как только бы на небе или на воде где-нибудь тихонько бы шваркнул селезень и на шварканье взметнулась бы утка и на всю округу по-своему заахала: «Ах! Ах! Ах!»

Глава 16

Многим непонятно, как это можно любить природу и всей душой сосредоточиваться на убийстве животных. Для многих совсем непереносимо, как это охотники-любители, поэты в душе, могут на поющую во мраке ночи птицу в брачном наряде наводить ружьё и потом друг перед другом хвалиться тем, что он больше всех убил и даже набил.

Со стороны, и правда, это совсем невозможно понять, но по себе мы должны разобраться и в природе охотника-поэта. Мы так понимаем, что

каждый страстный охотник является обладателем огромного и многим вовсе неведомого чувства природы. Прямо же тут, близко, за околицей, для него начинается волшебный мир. Душа его, как у пьяного, куда-то летит в переменах, ему, как пьяному, хочется за что-нибудь ухватиться, чтобы не упасть. Как и пьяный, он ищет друга, чтобы ему всё сказать. Ему нужен трофей — доказать, что мир чудес существует и начинается тут, совсем близко, прямо же тут, за околицей.

Настоящий поэт своё видение чудесного мира, его истинную правду утверждает стройным хором звуков. В этот хор вступают друзья поэта, и правда поэта между людьми утверждается: за околицей мир чудес существует!

А сколько раз, бывало, в какую-нибудь деревеньку приходит дикий поэт-охотник с глухарём в руках, и вся деревня собирается вокруг охотника, и вся деревня удивляется, и тут между ребятами утверждается новая правда: за околицей начинается действительно мир чудес.

Так было на веках, с этого началось: само же страстное чувство природы требует поймать бегущего зверя, метким выстрелом остановить летящую птицу. И после самому, своей собственной рукой, поднять, поддержать...

На этом для самого дикого поэта страсть кончается и остаётся ещё тоже очень большое наслаждение: показать свой трофей близкому человеку, убедить его, удивить: такой чудесный мир у нас так близко, прямо же тут, за околицей.

— Друг мой,— говорит он,— пойдём со мной, я тебе всё покажу, вот бери моё ружьё.

На эти слова другой кто-нибудь и ответит:

— Милый друг, мне ружья не надо, я без ружья верю тебе: мир чудес существует, и прямо тут же, у нас за околицей, чудеса начинаются.

Так, может быть, с древних времён что-нибудь одно ладно складывалось с другим в природе и в жизни человека, и сама собой из этого выходила народная сказочка или песенка свадебная или похоронная. И вот кто-нибудь когда-нибудь понял поэзию как закон природы.

— А что если,— сказал он,— я и сам так ладно сложу, как оно складывается?

Так он попробовал, сложил и запел.

И так создался на свете настоящий поэт.

Было тоже так и с Мануйлой. Он с малолетства был промысловым охотником, для него поймать зверя или остановить полёт птицы было постоянным занятием, но с охотниками-любителями он постоянно сходился, как он думал сам, из-за дружбы, а они — из-за его понимания всего, что делается в природе. Ему нужно было только след увидеть, чтобы без всяких собак выставить зверя на охотника. Самое же главное, что Мануйло рассказывал, и слова его лучше всех трофеев убеждали людей, что мир чудес начинается прямо тут же, у нас за околицей.

Так у Мануйлы складывалось, что для охоты ему уже не надо было ни ружья, ни подсадной утки и собаки, да, пожалуй, и совсем без охотничьих угодий он мог бы оставаться, с одной «правдой» охоты в душе, как он сам называл свои сказки.

И в этот раз он совсем не рассчитывал на утиную охоту и нарочно поставил свой шалаш на самом верху Выгора, чтобы отсюда лучше видеть движение птиц на вечерке, а также побережься тут, на высоте, от внезапной весенней воды: до сих пор ещё никогда весенняя вода не затопляла Выгор доверху.

Как часто мы говорим между собой: «Ну, скажите по правде». Или тоже и так: «По правде говоря...» И так часто мы говорим, ссылаясь на правду, что со стороны можно подумать, будто вообще-то мы друг от

друга всегда что-нибудь скрываем. И так чувствует себя и ведёт себя каждый.

Но Мануйло так понимал, что в природе всё, что там есть, на правде стоит, и он, рассказывая, как бы черпает воду глубоким ведром и вытаскивает её со дна, из глубины на свет.

Как хороши эти ещё не сказанные слова о всяком животном, какое только полюбитя, о каждом цветке, дереве, птице, если только в них поместил частицу себя самого. Тогда какая-то утка, или берёза, или этот Выгор на присухонской низине оживают по-человечески во всём единстве природы.

С высоты своего шалаша Мануйло спокойно мог наблюдать всех охотников и всех пролетающих птиц. Постепенно входя в тишину, он озарился, и начались для него чудеса.

Летела парочка: впереди срая утка кряква, за ней селезень в своём чудесном брачном наряде. Вдруг навстречу им откуда-то вывернулась другая пара. И только бы обоим парам встретиться и разлететься: одной паре в свою сторону, другой — в другую, вдруг ястреб кинулся на утку из второй пары, и всё смешалось.

Сердце оторвалось у охотника без ружья, но, к счастью, ястреб в этот раз промахнулся.

Тронутая когтями ястреба, испуганная утка бросилась прямо вниз и на пойме скрылась в кустах.

Ястреб, ошеломлённый неудачей, и какой — из четырёх уток он не взял ни одной! — ястреб медленно подплыл под синюю тучу.

Селезень из разбитой пары, придя в себя, стал искать свою утицу и сделал небольшой круг. Нигде пары его не было, и только далеко впереди первая пара продолжала свой путь.

И вдруг одинокий селезень стал на длинное крыло и, вытянув и так длинную шею стрелой, пустился догонять ту пару.

Тут замороженный зарёю Мануйло не выдержал.

— Ты понимаешь, Митраша, — сказал он, — зачем он так пустился?

— Не понимаю, — ответил Митраша.

— А вот я тебе скажу: он подумал, что какой-то другой селезень подхватил его утку и теперь они вместе от него удирают. Вот он теперь и помчался.

Потерянная утка скоро опомнилась от нападения ястреба, выплыла из кустов на плёс и стала кричать.

— Это она зовёт своего потерянного селезня? — спросил Митраша.

— Может быть, своего, — ответил Мануйло, — а может быть, и другого — у них время скорое: потужила — и будет.

Вдруг показался на жёлтой заре новый одинокий дикий селезень и услышал два разных голоса: звала его и та дикая утка, потерявшая своего селезня, и подсадная утка охотника Журавля.

Между двумя утками, дикой и подсадной, завязалась борьба головами. Утка Журавля разрывалась на части от крика, но дикая всё-таки её пересилила. Селезень выбрал дикую и потоптал.

— Летят, летят! — сказал Мануйло.

— Где, где? — шепнул Митраша.

И сам увидал.

Совершив огромный круг, возвращалась первая пара, и за ней мчался тот селезень первый, потерявший из-за ястреба свою пару. Он, видимо, как это и у людей постоянно бывает, мчался за воображаемой уткой, принимая её за свою, украденную чужим селезнем.

Его же настоящая утка, довольная, очищала сейчас на плёсе пёрышки, смазывала их жиром и молчала, молчала...

Зато подсадная утка охотника Журавля, теперь одна, без соперниц, взялась достигать дикого селезня.

И он услышал её и оставил воображаемую утку.

— А ты говорил, — сказал Митраша, — он мчался за своей... Как же так?

— Очень просто, — ответил Мануйло, — у них время скорое: по-ихнему, время прошло, и догонишь ли ещё ту, да и хватит ли силы отбить, а тут вон орёт, разрывается.

Селезень так стремительно бросился к подсадной утке, что Журавль не успел выстрелить, и он потоптал. После того счастливый селезень стал делать свой обычный селезневый благодарственный круг. Журавль мог бы спокойно целиться, но ему вспомнилась его горячая молодость, когда он так полюбил свою девушку, что хотел присвоить себе всю природу и утвердил среди поймы свою мазанку. Весь мир на этой пойме ему явился, как возлюбленная.

Так, вспомнив себя, охотник не стал стрелять дикого селезня, и он улетел.

— Почему же он его не стрелял? — спросил Митраша.

Мануйло ответил:

— Это бывает.

Митраша почти рассердился.

— Как так — бывает?

— Очень просто, — ответил спокойно Мануйло, — намаялся охотник за день и уснул.

Глава 17

Ещё светила лимонно-жёлтая заря, ещё можно было хорошему стрелку схватить тень пролетающей крупной птицы, но маленьких ночных птиц уже не было видно, и слышались только их голоса. Учёные люди, конечно, знают и понимают все голоса на болоте. Но простые охотники всего за всю свою жизнь не узнают, и для каждого, самого даже хорошего, остаются такие голоса, что в темноте слышишь каждую весну и знаешь голос хорошо, а какой он сам, кто прокричал, не знаешь и не можешь сказать.

Вот когда пришло время к вечеру и маленькую птицу стало не видно, Митраша услышал этот голос. Знакомый голос неизвестного существа, может быть, даже и не птицы, похож был на то, как если бы маленький конёк-горбунок, летая по твёрдому воздуху, без перерыва стучал звонко и часто своими крошечными копытцами.

В своё время Митраша спрашивал отца своего, но тот тогда вслушался и стал дожидаться, когда оно повторится, а оно не повторилось тогда, а вот теперь явственно слышалось: конёк скакал и стучал копытцами.

Услыхав теперь, Митраша толкнул Мануйлу и тихонько спросил:

— Это кто?

Как и отец тогда, Мануйло повернул лицо в ту сторону и стал дожидаться. Скоро конёк опять застучал, и Митраша опять тронул Мануйлу и сказал тихонько:

— Вот!

Опять Мануйло молча проводил таинственный звук, и опять неведомая птица сделала круг и вернулась.

— Вот, слышишь теперь? — опять тронул Митраша.

— Слышу! — ответил Мануйло.

Вечерело всё больше и больше. То и дело проносились спаренные утки. А подсадные до того насиделись дома в ожидании весны, что орали

даже и спаренным селезням. Холостые же селезни, как только появлялись, так, услышав голос той или другой подсадной, сразу поддавались обману и попадали в руки охотника.

Но один селезень не поддавался обману, скорей всего поняв такой обман ещё прошлой весной. Каждую весну везде бывает непременно один такой селезень — мучитель охотников — и почему-то называется у них «профессором».

Уже совсем стемнело, и едва-едва только на фоне воды можно было навести мушку. У всех охотников, кроме Силыча, было довольно настроенно, но бедному старику в этот раз всё не везло: то, было раз, кремь старинного ружья подвёл, то сам поскользнулся и подшумел, то, как водится, нечистый помешал...

Все утки орали и орали, стараясь завлечь профессора, но старый, опытный профессор кружился и не обращал на голоса никакого внимания.

Все утки кричали в одно:

— Ах-ах-ах!

Но Марусяка вдруг почему-то крикнула по-своему:

— Ха-ха-ха!

Такой голос понравился профессору, он опустил вниз шею-стрелу, скосил — согнул крылья и, упав на воду, так шукнул, что даже и Силыч услышал и приготовился.

А уж как Марусяка-то надрывалась! Нам даже со стороны казалось, что вроде как бы ястреб налетел: все утки вдруг, услышав, наверно, эти необыкновенные позывные Марусяки, на мгновение примолкли, и слышалось одно марусякино:

— Ха-ха-ха!

Какие-то разные прутики, в темноте и не поймёшь, закрывали профессора от Силыча, и старик уже начал думать, не подшумел ли уж профессор, или, может быть, профессор и сам разгадал предательство Марусяки, затаился и так будет ждать, а там полная темнота наступит, не разглядишь даже и на воде.

Заря совсем, совсем доцветала.

И вдруг тут, совсем рядом, послышалось со стороны профессора:

— Шварк!

От последней зари зеркальце стало жёлтеньким, и на жёлтом прямо весь и выкатил чёрный, как вырезанный, профессор.

Силычу было, как будто он все свои старые годы, со всеми болезнями, битком забил пыжами в свою огромную «крынку» и нажал гашетку — и старые годы разом все вылетели.

Тогда в тишине вечерней зари не только мы тут, все охотники на присухонской низине, но и там поняли, далеко на лесной бирже, на реке Леже, и каждый сказал:

— Вот это так, это Силыч ляпнул из «крынки»!

Так пришло счастье, и по нашим охотничьим правилам в таком случае непременно надо сплюнуть через левое плечо. Так мы к этому привыкли, что некоторые даже перенесли на погоду: что как только заиграет небывало прекрасный денёк, так не очень-то показывать радость, а лучше удержаться, а что лишнее накопело в душе, взять тут же и сплюнуть через левое плечо.

А сколько накопело всего лишнего от радости у Силыча! Вот он скорей всего тут и не сплюнул...

Когда рассеялся дым, Силыч ясно видел ещё, что селезень-профессор плоским тёмным пятном неподвижно лежал на лимонно-жёлтой воде между двумя чёрными кочками. Совсе не чувствуя лет своих, резвым юношей выскочил он из шалаша, вошёл в воду, и тут-то вдруг, мгновенно, как самая тёмная ночь, охватила его всего куриная слепота.

Тут надо сказать, что не всякая слепота одинаковая. Бывает, слепой, как и все слепые, наружу ничего не видит, а сам в себе с закрытыми глазами видит чудесные картины, написанные то огневыми, то водяными знаками. А вот эта куриная слепота, как она бывала у Силыча, ничего и там внутри человеку не оставляла. Да и не мудро, что темнота у Силыча застелила не только селезня между чёрными кочками, но и весь его внутренний мир.

Ведь эта темнота застала его, охотника, на том самом месте, когда все долгие ожидания весны, все бесчисленные порывы, устремления, попытки сошлись в единый момент исполнения всех желаний: прекрасное мгновение остановилось.

Мало того! Это действительно было так, что болезни свои Силыч забил в стволы, и они все вылетели. Теперь ему, как всякому охотнику, оставалось только взять то самое, чего он добивался...

Удивительно в охоте это мгновение, когда охотнику остаётся только пойти и взять убитую дичь. Пожалуй, можно даже сказать, что взять и подержать немного в руке убитую дичь и взглянуть на неё глубоким взглядом, перед тем как опустить её в сумку, есть самый важный, самый глубокий момент охоты. Вроде как если бы, опустив дичь в сумку, охотник как бы с чем-то простился, расстался...

Некоторые охотники даже любят поскорей кому-нибудь свою дичь подарить, другие хвалятся, что они, как охотничьи собаки, дичь свою не едят.

Взять свою дичь, — пожалуй, действительно самый важный момент, и это видно особенно, когда почему-нибудь нельзя бывает взять убитую дичь: в темноте подстрел убежит, нырнёт и закатится под листом утка, с горы свалится козёл в недоступную глубину. Да, это хуже всего, когда убитую дичь взять нельзя.

Так это и случилось с Силычем. Конечно, внезапная слепота не остановила его движение к убитому селезню: ведь он же увидел его и, казалось, идёт теперь прямо в том направлении. Но только он ошибался, он шёл не туда, а вода становилась ему всё глубже и глубже.

Хорошо ещё было, что Мануйло с горы всё видел и понял сразу куриную слепоту: старик шёл водой в одну сторону, а селезень оставался в другой.

Мануйло бросился бежать с горы и остановил старика в то время, когда вода начала уже заливать к нему в сапоги. Он вывел его на берег, а Митраша принёс и отдал ему селезня.

Хорошо, что это бывало уже не раз и ничуть не расстроило Силыча: пусть темнота, но селезня он держит в своих руках! И ещё он знал хорошо, что через какой-нибудь час прямо сном уйдёт его слепота и он успеет даже в эту ночь попасть на глухариный ток.

Устраиваясь в шалаше на сон грядущий, он сказал:

— Доплетусь как-нибудь и на Красные Гривы.

И, поблагодарив Мануйлу, уснул.

(Окончание следует)

пути, по которым
 итти с коммунистами.
 И как ни мечталось бы
 мне увидеть
 своими глазами
 всё, во что верю,
 может случиться,
 что и не выйдет:
 были потери —
 и будут потери.
 Хотелось бы только,
 чтоб в тех свободных
 странах,
 что называть ещё рано,
 в странах,
 где о свободе сегодня
 многим и думать
 кажется странным,
 где свободу
 не поднесут на блюде,
 где бой ещё будет, —
 чтоб горя не стало!
 Чтоб там в день победы
 нас вспомнили люди
 и чтоб этим людям
 нас не хватало,
 так не хватало,
 как нам не хватает
 всех умерших от ран,
 всех сражённых в сраженьях
 сегодня, на празднике этом
 в Китае,
 в День Народной республики
 провозглашенья.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ЯНЦЗЫ

Мы плывём на лодке через Янцзы —
 Жёлтую реку, —
 я, переводчик
 и ещё три человека.
 Мы плывём на тот берег — в Учан
 из Ханькоу.
 А река!
 Какая река!
 Я ещё не видел такого!
 Дождь моросит над Янцзы,
 по воде —
 маленькие кружки.
 До правого берега — плыть и плыть,
 а левый
 еле виден из-под руки.
 Под мокрыми чёрными парусами
 вниз, к Нанкину, уходят джонки —

Большое дело — вера друг в друга!
 На том и стоим:
 я — с тобой,
 мы — с вами,
 мой народ — с твоим.
 Вот и берег холмистый правый,
 как мы быстро доплыли!
 Недаром целую переправу
 молча проговорили.
 Чалку ловит старый крестьянин
 из любезности, просто прохожий.
 Не правда ль, все добрые старики
 друг на друга чем-то похожи?
 Я ваш разговор читаю по жестам:
 он глядит на меня, сюда,
 и спрашивает тебя: «Советский?» —
 И ты отвечаешь: «Да».
 Он приветливо, медленно собирает
 все морщинки лица...
 Хорошая у него улыбка!
 Как у моего отца.

В ГОСТЯХ У ШОУ

Мы хозяина, кажется, утомили...
 Пора уезжать — бьют часы на камине:
 надо встать, и проститься,
 и долгие мили
 вновь считать на английской зелёной равнине.
 Нас сначала сюда
 и пускать не хотели,
 мы уже тут встречались с подобными штуками:
 «Мистер Шоу не сможет»,
 «Мистер Шоу — в постели», —
 так гласил их отказ,
 на машинке отстуканный.
 Но потом
 вдруг по почте —
 письмо от руки
 с приглашением,
 со схемой,
 как ехать получше нам,
 с тем особым педантством,
 с каким в этих случаях
 пишут великие старики,
 зная цену себе, но, от многих в отличие,
 не меняя привычек с приходом величия.
 И вот мы добрались —
 за три часа —
 от дымного Лондона
 до этого домика,
 где на полках, как мёртвых друзей голоса,
 собрались порыжелые старые томики,

где усопший давно
 ещё бродит по тихим коврам в кабинете,
 и стоит у камина
 седой человек,
 самый старый писатель
 на целой планете.

Он и сам —
 на столетье чем-то похожий.
 И конца ему нет —
 такой он высокий.

Голубые глаза
 и весёлые щёки,
 сто лукавых морщинок на старческой коже.
 Шевеля над улыбкой усами добрыми,
 отбросив привычной иронии стрелы,
 он смотрит на нас
 глазами,
 которыми
 на Родину нашу
 когда-то смотрел он;
 они всё теплей,
 всё добрей,
 всё шире,
 как будто теплом её дальним лучатся.
 Наверное, здесь,
 в им осмеянном мире,
 такими
 глаза его видят не часто!

Он вспоминает,
 как ехал в Союз,
 репортёров
 ответом
 огрез, как плетью:
 что там,
 только там,
 отметит свою
 дату
 семидесятипятилетия!

И как,
 если он
 доживёт до ста лет
 (он смягчает улыбкою эту дату),
 он снова в страну нашу
 купит билет,
 как в юности,
 в семьдесят пять, когда-то.

И снова уедет,
 хлопнувши дверью,
 в наш
 не напичканый шутками горькими,
 в наш новый мир,
 в который он верит
 чем дальше,
 тем с меньшими оговорками.

Нам вовсе не до того,
 чтоб гордиться.
 Мы знаем одно лишь чувство простое:
 мы спешим уехать —
 чтоб простудиться
 он не успел,
 под дождём тут стоя.
 Но он,
 как будто его не трогает
 ни этот дождь,
 ни мартовский ветер,
 выходит за нами вслед на дорогу,
 словно остался
 один на свете,
 словно о чём-то
 ещё жалея,
 словно что-то
 договорить осталось...
 Никогда не забуду этой аллеи,
 длинной, как жизнь,
 одинокой, как старость.
 Не забуду, как, выехав к повороту,
 увидели
 с нежностью
 и печалью,
 как всё ещё
 стоит у ворот он,
 высоко
 руку
 подняв на прощанье.

ПИСЬМО ИЗ АРГЕНТИНЫ

А. Мальшико

Пришло письмо из Аргентины
 несчастной матери от сына.

Рассказывать ли всё сначала,
 как в муках мать его рожала,
 как колыбель его качала,
 как утром в школу провожала...

Иль прямо начинать с той ночи,
 что всех ночей была короче:
 он в очи матери печальной
 взглянул с улыбкою прощальной
 и в бой пошёл, как мы с тобою,
 в тот, первый, что мы проиграли,
 и ранен был на поле боя,
 и мы его не подобрали.

Теперь отыщутся, пожалуй,
 такие, что поправить рады:
 мол, так в то время не бывало...
 Нет, так бывало — лгать не надо!

Он в плен попал не на коленях,
он сдался не по доброй воле,
а потому, что отступленья
таких, как он, бросало в поле.

В бою не отступив ни шагу,
он, раненный, пропал под Оршей.
И я до самого рейхстага,
что случилось с ним, не слышал больше,
не знал — и до сих пор не знаю, —
в каких он лагерях скитался,
как он лежал, от ран стеною,
как умирал, как жив остался;
какие он хлебал помой,
какие получал побои,
пока почти четыре года
мы до Берлина шли с тобою.

За Эльбой, в мае, было дело:
нас служба привела и случай
в тот самый лагерь, где сидел он
за проволокою колючей.
Я по дорогам проезжал там
с американским провожатым
и вдруг увидел странный лагерь:
как кровь — на проволоке — флаги;
на вышках, по углам квадрата,
там, где эсэсовцы когда-то,
наверно, день и ночь сидели,
американские солдаты
разгуливали и свистели.

Я настоял на том, что надо
заехать нам туда сейчас же.
И вот — уже мы за оградой,
среди стоящих, и сидящих,
и прямо на полу лежащих,
дошедших до изнеможенья
людей советских, в плен попавших
в том — сорок первом — в окруженьях.

Погоны наши им вначале
узнать своих в нас помешали.
Но вот — поднялись, вот догнали,
спросили, вскрикнули, узнали!

И я, чтоб было всем виднее,
руками вскинутый на бочку,
кричу, от счастья сам бледнея,
что бедам и разлукам — точка!

Я верил, верил в эту точку,
толпой нетерпеливо сжатый!
И щёки вытирал платочком,
американский провожатый.

Я говорил, что без изъятия
всем, кто в плену был долгу верен,
откроет Родина объятия,
жена и мать откроют двери!

Как после долгого мороза,
людей оттаивали лица.
Из глаз их брызнувшие слёзы
и в смертный час мне будут сниться!

Счастливей нет и нету горше
тех лиц, ещё с печатью ада,
и взгляда — вдруг, среди всех взглядов,—
его, пропавшего под Оршей,
его, стоявшего тут рядом!

— Когда,— глазами ждал ответа,—
домой? — Душа его летела.
Я дам присягу, видев это,
что он был наш — душой и телом,
что, взятый в плен на поле боя,
пройдя фашистские застенки,—
хоть вешайте, хоть ставьте к стенке! —
остался он самим собою.

— Когда домой? — меня устало
он спрашивал со всеми вместе.
А было их там — тыща двести,
и столько ж матерей их ждало.

И три советских офицера —
мы говорили, веря в это:
— Американцы примут меры,
чтоб всех вернуть в страну Советов,
что так записано в условиях,
никто не вправе задержать их!

И всё кивал, при каждом слове,
американский провожатый...

Пускай теперь меня осудят,
но в этот день, в том сорок пятом,
я верил, верил — так и будет! —
не зная, что я лгу ребятам!
Хотя лишь сотня километров
в тот день ему до нас осталась,
и, как листок с попутным ветром,
к нам долететь он мог, казалось,
но мать ждала его напрасно.
Ни в этот майский вечер ясный,
ни через день, ни через годы
он грудью не вдохнул свободы!

Пришло письмо из Аргентины
несчастной матери от сына.

Что было с ним за эти восемь
лет и за эти дни, без счёта,
ещё с кого-нибудь мы спросим,
ещё когда-нибудь отчёта.

Я все те мытарства едва ли
за все те годы перечислю:
как проверяли его мысли,
как его письма в клочья рвали.
Как в карцеры таскали — было,
и как ласкали — тоже было,
и как бесстыдно уверяли,
что Родина о нём забыла.

Как от запросов материнских
его по лагерям скрывали,
как после всех похлёбок свинских
вдруг для соблазна жрать давали;
как все профессора измены
и все доценты шпионажа
над ним работали в три смены —
чтоб вытравить закваску нашу!

Когда же он не стал шпионом —
как ни ласкали, как ни гнули, —
они на Родину его нам
и тут, конечно, не вернули!

Он знал и видел слишком много.
Они его, полубольного,
ещё, ещё в одну дорогу
отправить поспешили снова.
Он по Атлантике угрюмой,
полубезумный и голодный,
плыл три недели в недрах трюма,
вконец от всех надежд свободный.
И, распростившись с пароходом,
готов на всё, кроме измены,
как полураб, был тут же продан
за обговоренную цену.

Подписан с ним контракт кабальный
с условием на пять лет остаться
в чашобах сахарных плантаций,
в стране чужой, в стране печальной.
Чтобы концы упрятать в воду,
чтоб он там богу душу отдал!

Пришло письмо из Аргентины
несчастной матери от сына...

Пока остановлюсь на этом,
хотя вся песня не допета.
И рано ль, поздно ли, по-моему,
он допоёт её по-своему!

М. ГАНИНА

★

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Повесть *

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

— **Т**ак что ты, подружка, не беспокойся, вернётся твой Михаил, это уж я тебе точно говорю. — Саша, невысокая, полная и по-русски крепкая женщина, месила тесто сильными округлыми руками и, не оборачиваясь, разговаривала с Варей. — Не может быть, чтобы отец к сыну не вернулся. Это уж ты мне поверь. Ничем так мужика не удержишь — ни законом, ни любовью, — как ребёнком.

— Ну да! — слабо возражала Варя, накладывая на противень сырые пирожки: она тоже решила к Октябрьской годовщине напечь сыну сдобы. — Вон сколько безотцовщины бегают. Не больно-то они возвращаются...

— Это уж сукины сыны какие-нибудь. — Саша подняла большой, килограмма на три, ком теста и с силой шлёпнула им об стол. — У нас на заводе, у сменщицы моей Василисы, даже так вышло. Она не расписывалась со своим, он походил-походил да бросил. Она и осталась с прибылью. Ну, ей все говорили, куда, мол, тебе ребёнка... Она — нет, пусть будет. Ну и родила. Он к ней ни разу не заходил ни домой, ни в больницу. Ну что ж. Вышла из больницы, месяца два-три прошло — он зашёл. Дай, мол, сынка поглядеть. Потетёшкался с ним, повозился да так и остался... И сейчас живут душа в душу. Видно, кровное-то, своё потянуло...

Саша через плечо улыбнулась Варе, показывая два золотых зуба, и убеждённо закивала головой:

— Да-да-да...

В кухню вошли Сюнька с Лизкой. Сюнька поправила очки на переносье, спросила:

— Горит что-то. Небось, у тебя, Варька?

— Конечно, у Варюхи. — Лизка быстро присела перед газовой плитой, выдвинула противень и схватила горячий пирожок. — Я возьму, ладно, Варь? С вареньем! Иди к себе, я Никитушку одного оставила.

Варя высыпала пирожки на блюдо и пошла к себе. У двери она послушала: не плачет? В комнате было тихо. Варя приоткрыла дверь и заглянула. Никитушка на цыпочках стоял у стола, одной рукой держался за скатерть, другой шарил по блюду с пирожками. Взяв пирожок, он надкусывал его, некоторое время разглядывал, потом бросал и тянулся за другим. Варя подождала немного и вошла в комнату. Сын

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 4 с. г.

вздрагнул, улыбнулся и заковылял навстречу, протягивая надкусанный пирожок.

— Мама, хеба.

— Хлеб, сыночка, — поправила Варя, подхватила его на руки и стала целовать. — Жулик мой, бесовестный!

С тех пор, как Никитушка начал ходить, он похудел, и Варю это очень тревожило. Врачи успокаивали её, говорили, что это закономерно, однако Варя верила им, только пока слушала их. Стоило ей прийти домой и поглядеть на крепкие, но не очень толстые ручки и ножки сына, как снова ею овладевала тревога.

Никитушка между тем рос, наливался силой и здоровьем.

Варя понемногу приучила себя к мысли, что Михаил не вернётся и они так и останутся навсегда одни, вдвоём с Никитушкой. Раньше она никогда бы не поверила, что она будет жить и работать попрежнему, если Михаил уйдёт.

Она всё ещё упрямо продолжала подогревать свою тоску по нему, но плакать теперь уже не могла, слёзы лились скупое, вымученно. Иногда Варя пугалась: «Неужто я его не любила, раз могла так быстро успокоиться?» Она не признавалась себе, но уже начинала чувствовать, что одним им с Никитушкой теперь живётся спокойнее, больше остаётся свободного времени, да и ей не на кого злиться и не на ком срывать зло...

И всё-таки, конечно, дело было тут не в том, что она разлюбила. Просто очень устала за эти два года, а теперь наступила передышка, которой радуешься независимо от того, что она несёт с собой.

Как-то, разбирая этажерку, Варя нашла учебники Михаила для первого — второго курса.

Учебник по начертательной геометрии показался Варе непонятным, а «Физику» она принялась читать, хотя всё, что проходила когда-то в техникуме, уже вылетело у неё из головы. Давно забытое удовольствие — понимать чужие сложные мысли — захватило её. Она прочла «Физику» в один присест, ничего не заучивая, не стараясь запомнить. «Пожалуй, пойду на будущий год в вечерний институт, — думала Варя. — Никитушка старше станет, забот с ним меньше, а без дела по вечерам дома сидеть одной — с тоски помрешь».

В свободные минуты она начала готовиться ко вступительным экзаменам, даже съездила в институт, взяла программу. Однако серьёзно заниматься математикой или физикой ей не хотелось, и она решила прежде всего заново прочесть книги, входившие в программу русской литературы. Это была уступка самой себе: с одной стороны, она вроде занималась делом, совесть была чиста; с другой стороны — дело нетрудное, даже приятное: читать Варя любила.

Варя накрыла блюдо с пирожками чистым полотенцем, взглянула на сына; тот увлечённо возил по полу поезд из спичечных коробков. Тогда она забралась на стул с ногами, открыла том «Мёртвых душ», заложённый картонным ёлочным зайцем, и, как обычно, зачиталась.

Никитушка разордал каждый коробок на мелкие щепочки, раскидал по полу. Долго, с видом человека, делающего нужное и важное дело, ходил по ним. Затем подошёл к низенькому шкафчику с посудой, подёргал дверцу. Дверца медленно и со скрипом растворилась. Никитушка заглянул внутрь шкафчика, вынул кружку, бросил на пол, потом увидел сахарницу, начал, торопясь, обеими руками заталкивать в рот горсти сахара.

Наконец ему всё надоело. Он попробовал посидеть на валяющейся около шкафчика кружке, но потерял равновесие и шлёпнулся. Тогда он

решил, что настало время матери заняться им, подошёл к Варя и подёргал её за карман халата.

— Да, сейчас, — машинально отмахнулась она.

— Мама... — Сын, приподнявшись на носки, потянулся к матери всем телом.

— Отстань. Иди играть! — Варя сердито взглянула на Никитушку. — Играй в паровозик.

— Нету повозика. Нету! — Сын недоуменно и озабоченно оглянулся по сторонам и для убедительности развёл руками. Но мать не слушала.

Тогда Никитушка подтянулся за край стола и положил на вощёную страницу книги свою мокрую, липкую от сахара ладошку.

— Ах ты, дрянь эдакая! — Варя с силой стукнула по этой ладошке. Никитушка отдернул руку, пошатнулся, но не упал. Губы у него дрогнули, глаза округлились, и мгновение он по-взрослому обиженно смотрел на мать. Потом губы обмякли, разъехались, лицо собралось в кулачок, из сожмуренных глаз хлынули слёзы, и Никитушка заревел на такой высокой ноте, что Варя моментально опомнилась, соскочила со стула и бросилась к нему, вслух ругая себя, своё намерение поступить в институт, а заодно и книгу, заставившую её забыть о сыне.

В дверь постучали очень уверенно, по-хозяйски. Варя вздрогнула и, по стуку угадав, что это Любка, не откликнулась. Дверь распахнулась. Любка вошла в комнату, бесцеремонно огляделась и грубовато спросила:

— Что ж ты молчишь? Или гостя нежеланная?

— Да нет. — Варя натянуто улыбнулась. — Видишь, орёт — не слышно ничего.

— Ты это что? — Любка присела, потянула Никитушку за руки к себе. Тот сразу замолчал, насупил чёрные тонкие брови, потом выдернул руки, подбежал к матери, прижался к ней.

— Ну вот и не орёт. — Любка под села к столу, поковыряла пальцем клеёнку, попросила: — Ты бы, Варька, чаем, что ли, меня напоила. Есть хочу — спасу нет. Я прямо в клуб на танцы пошла, а оттуда — к тебе.

— Сейчас поставлю, — помедлив, сказала Варя. — Суп будешь есть?

— Суп? — Любка подошла к зеркалу, висевшему на стене. — Нет, — тоже не сразу ответила она. — Ты ведь стряпуха вроде меня: сготовишь — есть неохота.

Она закинула руки за голову и потянулась, распрямляя плечи, потом приблизила лицо к зеркалу, пристально вглядываясь в своё отражение. Сегодня Любка была очень нарядной, в темнозелёном шёлковом платье с низко открытой грудью и широким поясом, ловко перехватывающим талию. На полной белой шее её светился кулон с большим красным камнем, в ушах покачивались серьги. Волосы у неё были завиты и подняты вверх, от этого лицо её казалось ещё тоньше и милевиднее. Только кисти рук с намозоленной, в порезах кожей выдавали в Любке рабочего человека.

Любка с видимым удовольствием осмотрела себя в зеркале, потом вздохнула:

— А стареем мы, Варюха. Вот у меня уж и морщинки... У глаз, у рта... А ты... — Любка окинула взглядом варину фигуру в байковом вылинявшем халате, заколотом сбоку булавкой, её кое-как причёсанные волосы и махнула рукой. — А ты и вовсе как старая бабка. Небось, забыла уже, как мы на танцы ходили, платьями менялись с девчатами из общежития... Как я тебе брови подводила, а ты потом размазала, и Мишка смеялся...

— Помню, — резко ответила Варя и вышла, хлопнув дверью. — Я тебе картошку согрею! — запоздало крикнула она из коридора.

Сейчас она особенно остро почувствовала, какую пропасть положило замужество между нею и Любкой. «Красивая она какая всё! — с завистью подумала Варя и вздохнула. — Небось, Мишка глядит на неё и жалеет...» Она поставила на плиту сковородку с картошкой и чайник. «Надо переодеться, — решила она. — Что я, действительно уж в старуху превратилась...»

Она принесла Любке жареной картошки и пару малосольных огурцов.

— Потом чай с пирогами будем пить, — весело сказала она.

В конце концов это хорошо, что Любка зашла. Последнее время им с Никитой не очень-то надоедали гости.

— Ты дай мне что-нибудь переодеть. Я у тебя ночевать останусь.

Варя дала Любке халат, а сама надела старое шерстяное платье с кружевным, обившимся по краям воротничком. Это платье очень любил когда-то Михаил.

«Всё-таки, наверно, надо ещё и уметь носить вещи», — подумала Варя, глядя, как хорошо пришёлся по фигуре Любке её старый халат. Она в нём стала по-домашнему уютной и от этого ещё более красивой.

Любка ела и молча смотрела на Никитушку, засыпавшего у Вари на руках.

— Ты знаешь, — сказала она позже, отодвигая пустой стакан, — он — просто копия Мишки! Я глаз оторвать не могу...

Варя быстро взглянула на неё и опустила голову, не выдержав взгляда ясных любиных глаз, откровенно говоривших: «Да, я всё ещё люблю его...»

Они посидели, помолчали. Потом Любка встала и тихо, чтобы не разбудить Никитушку, сказала:

— Ну, давай спать, Варюха... Помнишь, как мы с тобой спали?

Варя молча кивнула, положила Никитушку в кроватку, потушила свет, легла. Потом встала опять, завела будильник. Любка скинула халат, нырнула к ней под одеяло, зябко поёжилась.

— Варька, лапушка моя! — зашептала она. — Если бы ты знала, как я тебя всё-таки люблю... Ведь у нас столько было хорошего с тобой... помнишь... — и Любка захлёбывающимся шёпотом принялась вспоминать незначительные, но дорогие для них обеих мелочи...

— А помнишь... а помнишь... — тихо и счастливо смеялась Любка, и Варя, отгаивая сердцем, прошептала:

— Помню!.. Ой, Любка, лучше бы я не выходила замуж...

Любка отодвинулась от неё и чужим, холодным голосом произнесла:

— Лучше... Лучше, вот как я, что ли? Не жена и не девка. А из-за Мишки всё. Женился он — и опостытело всё мне. Всё равно стало, с кем и что... У тебя хоть сын...

Варя не отвечала, вдруг поняв, что она в самом деле гораздо счастливее Любки. У неё — сын, Никита... Разве можно даже на минуту подумать, что было бы лучше, если бы его не было!

Любка повернулась на другой бок и спросила:

— А кто у вас кого бросил? Ты его или он тебя? — Потом, не дождавсь ответа, заключила: — Всё равно. Видно, судьба ему меж двух подруг пройти.

2

Толя, молодой сборщик, с чёрными вихрами над маленьким, незаметным лицом, наваливался всем телом на рукоятку, надетую на главный вал конвейера паркетного станка. Звёздочки повёртывались, конвейерные планки с лёгким повязкиванием начинали скользить вниз.

— Давай, давай ещё... — говорила Варя. — Так, так... Останови. Шестнадцатая провёртывается. Шпонка, что ли, низка?

Варя почти ежедневно теперь урывала минуту, чтобы забежать в сборочный цех. Там началась сборка первого паркетного станка. Чертежи его прошли почти целиком через варины руки: она подсчитывала вес деталей, а сейчас помогала регулировать станок. Правда, Анисиму Ивановичу Варя не сообщала, куда ходит, и он, если замечал, что варино место долго пустует, посылал на поиски Лизу, ругался.

— Ну, надо итти. — Варя поднялась. — Зови Федотыча, пусть сам проверяет.

— Вы почаще заглядывайте. — Толя подал Варю обрывок текстильных концов и поглядел на неё искоса. — Не забывайте.

— Ладно. — Варя вытерла руки и пошла к механическому цеху. Потом спохватилась, обернулась и помахала Толе рукой.

Сегодня она провела утром перед зеркалом на несколько минут больше, чем обычно. У неё опять появилось прежнее желание — нравиться...

По дороге Варя зашла в контору цеха, сняла трубку внутреннего телефонного аппарата и постучала по рычагу.

— Мне конструкторский.

Пока телефонистка включала конструкторский отдел, Варя поудобнее разложила на столе чертёж и технологию детали. Нужно было выяснить у Анисима Ивановича, можно ли пропустить на сборку эти шестерни с отклонением от указанного размера.

Услышав в трубке голос Анисима Ивановича, Варя принялась объяснять ему, какое получилось отклонение от нормы.

— Поднимитесь наверх, тут разберёмся. По телефону я ничего отвечать не буду.

Варя ещё сидела некоторое время у телефона, машинально сжимая в руке молчавшую трубку, потом встала и пошла наверх. Конструкторский отдел находился на четвёртом этаже, и, чтобы не бегать лишний раз для выяснения мелких вопросов, конструкторы использовали телефонную связь. То, что Годику не захотел разговаривать с нею по телефону, Варя восприняла как очередную придирку.

«Если бы Лизка его спросила, так, небось, не стал бы ломаться. Подумаешь, девочка я ему бегать...»

Придя в отдел, Варя сердито раскрыла чертежи, нашла нужную деталь, думая, что Годику сейчас подойдёт к ней, но тот разговаривал с Лизой и избегал смотреть в варину сторону. «Чёрт с ним, кланяться не буду...»

Вошёл Сайко. Варя попросила его подойти и изложила ему суть дела. Сайко внимательно слушал, опираясь кончиками пальцев на доску, и переводил глаза с Вари на Годику.

— Так. А что, Анисим Иванович не может объяснить? — спросил он потом. — Вы его спрашивали?

Варя почувствовала, как впились в неё буравчиками глаза Анисима Ивановича.

— Спрашивала, — сказала она, поднимая глаза на Годику. — Он мне ничего не сказал.

— Вы врётё! — Годику тяжело опустил на стол кулаки, лицо его побагровело.

— Нет, не вру! — Варя встала, чувствуя себя перед ним маленькой и беззащитной и всё-таки продолжая упрямо смотреть ему в лицо. — Я не вру.

В отделе стало тихо. Конструкторы знали о натянутых отношениях между Варей и начальником отдела. В ссору, однако, никто не ввязывался: сдерживало присутствие Сайко, да и кроме того, всем был хорошо известен тяжёлый и злопамятный характер Годику.

— Нет, вы врѐте! — опять отдельно повторил Годик; Варе показалось — будь она одна, он ударил бы её.

— Я прошу, Николай Иванович, — тяжело дыша, обратился Годик к Сайко, — оправдать меня от подобных выходов. Я уже не мальчик. и... Сам я не могу, потому что это истолкуется всеми, как результат личной неприязни...

— Конечно, личной! — выкрикнула Варя и разрыдалась.

Из-за своего стола поднялась и подошла к Варе Лидия Лешма, новая сотрудница, всего два месяца работавшая в бюро.

— Действительно, Николай Иванович, по-моему, пришло время разобратсья и прекратить всё это... Какое безобразие, на работе! — Лидия взяла Варю за плечо. — Перестань плакать, слышишь!

Сайко, прищурившись, взглянул на Лешму, стараясь понять, что же стоит за её словами, потом холодно произнёс:

— Да, это надо прекратить. Категорически.

— Николай Иванович! Вас к телефону начальник главка, — крикнула, приоткрыв дверь, Зоя, секретарь директора.

Сайко пошёл к выходу.

— Козлова и Лешма, зайдите ко мне перед обеденным перерывом! — сказал он.

— Зайдём, — с угрозой, направленной неизвестно кому, пообещала Лешма. Она опять тряхнула Варю за плечо. — Да не разнюнивайся ты! Фу, противно... умойся пойдн.

Варя подняла голову. Годика в отделе уже не было. Лидия стояла возле стола, опершись спиной о край чертѐжной доски, вытянув больную ногу. На её крупном лице с тонкой розовой кожей и желтоватыми бороздками морщин насмешливо светились большие, навывкате, темно-серые глаза.

— Разнюнилась! — повторила она. — Что ты этим докажешь? Женское оружие...

Лешме было под тридцать. В отдел она пришла прямо из института. До войны она была на комсомольской работе, потом пошла на фронт политруком; после демобилизации, в институте, была секретарѐм партийной организации курса.

Вначале Варе показалась смешной высокая худощавая женщина с пышными, всегда немного растрѐпанными седеющими волосами и нежной, как у ребёнка, розовой кожей. Одевалась Лидия очень пестро: зелёная вязаная кофточка поверх длинного темнокрасного платья, жѐлтые туфли на низком каблуке, толстые шерстяные чулки. Одна нога у неё была изуродована на фронте.

Варя всегда чувствовала симпатию к людям с нелѐжкой судьбой. Жизнь Лидии была так богата несчастливыми событиями, что казалось странным, как она всё-таки смогла к тридцати годам остаться энергичной, отзывчивой на смех и на весѐлую шутку.

Когда Варя и Лидия вошли в кабинет Сайко, у него сидел Семѐнов.

— Теперь, — начал Сайко, положив на стол обе руки и тяжело посмотрев на присутствующих, — давайте поговорим.

Он сказал, что положение на заводе сейчас трудное, завод третий месяц не выполняет плана по номенклатуре, что работу тормозит главным образом конструкторское бюро.

— Верно, придётся вас увольнять. — Он посмотрел на Варю. — Вы одна не уживаетесь с Годиком, а его сейчас уволить я не могу... И позволить склоку в отделе разводить — не могу.

Варе очень хотелось плакать, но она сдерживалась. Она сидела, опустив голову, а откуда-то издалёка, перебивая течение её мыслей, доносился разговор. Семёнов спорил с Сайко, о чём-то говорила Лидия. Вара услышала реплику:

— ...Слепые вы люди. Рядом за государственный счёт кормится паразит, а вы не замечаете... Жизнь течёт сама по себе, а он — сам по себе. Вам кажется, что работа в конструкторском бюро направляется кем-нибудь? Ничего подобного. Начальник бюро только ходит на работу.

Вара подняла голову. Лидия, прихрамывая, ходила по кабинету. Лицо её покраснелось, казалось очень молодым, и странными были рядом с этим молодым лицом тусклые, с обильной проседью волосы.

Она вынула из лежащей на столе пачки «Беломора» папиросу, закурила.

— Есть у нас такой тип людей: равнодушные, — продолжала она. — Этим всё равно, что делать, как делать, для кого делать. Лишь бы спокойнее шла жизнь, лишь бы потеплее было... Ведь ничего нет страшней равнодушного человека! Того, кто ошибается, можно выучить, кто болен — вылечить. Равнодушного же не выучишь и не вылечишь.

— Ну, хорошо. — Семёнов отодвинул папки с бумагами и осторожно поставил на стол локти. — Это ты, может, и права. Но ведь статьи-то под этих «равнодушных» нет. Нам с ним, — он кивнул на Сайко, — давно бы уволить его хотелось, а не дают! Я уж и в главке был, в парткоме разговаривал. Фактов, мол, нет. Помогать, мол, ему надо. Специалист, мол, хороший: двадцать лет на одной табуретке штаны просиживает.

— Я слышал, вы с мужем разошлись? — внезапно спросил у Вара Сайко, и тут же заключил: — Это плохо. Ведь у вас ребёнок?

— Тяжеловато ей одной. — Лидия затянулась дымом, кашлянула. — Правда, у неё сын...

— В детях утешение только частичное, — задумчиво проговорил Сайко. — Только частичное...

— А с ней, я думаю, так, — громко сказал Семёнов. — Пусть пойдёт в отпуск с завтрашнего дня. За это время мы решим всё-таки вопрос о Годике. Так?

На заводе все дурные и хорошие новости распространяются с поразительной быстротой. Любому рабочему через полчаса известно, что сказал и что сделал, кого отругал и кого похвалил «хозяин», как рабочие полусерьёзно называли Сайко.

Узнала и Наташа в тот же день о ссоре в конструкторском бюро. Первая мысль её была о Сайко. Наташу неприятно поразило, что человек, казавшийся ей таким сердечным, отнёсся к Варе так чёрство и несправедливо.

— Это нечестно! — сердито сказала она Любке. — Это просто свинство! Ей и так нелегко, а они вместо помощи... Люди тоже!

Но Любка, против ожидания, никак не выразила своего отношения к происшедшему, просто перевела разговор на что-то другое. А Наташа продолжала думать о Варе.

«Чем бы всё же помочь ей? — размышляла она. — Собрать денег, подарок купить её сыну?.. Обидится, пожалуй, не возьмёт. Да и не выход это... Пойти поговорить с Сайко?»

Ей сначала понравилась эта мысль, но потом она поняла, что Сайко просто не стал бы её слушать. Кто она? Какое право имеет она ему указывать?

Ещё в техникуме на первых курсах Наташа мечтала, что, когда «пойдёт на производство», обязательно «внедрит» где-нибудь скоростное

резание. Но к тому времени, как она кончила техникум, скоростное резание на больших заводах стало явлением обычным, а на том заводе, куда попала Наташа, применять высокие скорости было нельзя из-за плохого оборудования и из-за отсутствия потока. Но ремонтники подновили несколько станков в её группе, и Наташа вместе с цеховым технологом решила, что попробует применять на этих станках повышенные скорости выборочно. Для этого, конечно, нужен хороший резец, потому что резцы, изготовленные их инструментальным цехом, «садились» и выкрашивались даже при нормальной скорости. Но Анисим Иванович наотрез отказался выделить конструктора для проектирования нужного резца.

Теперь, казалось Наташе, в самый раз было попросить помощи у Вари.

«Голова её будет занята работой, и ей некогда будет тосковать и убиваться!» — Обрадованная удачным, как ей казалось, решением, Наташа побежала в конструкторское бюро.

Поперёк варинной доски лежал лист тонкой рулонной бумаги, и на ней чётким чертёжным шрифтом был написан проект призыва:

«Конструкторы! Разгрузим «мёртвый склад»! Освободим замороженные средства!»

Петя нарисовал жирную короткую палку, поставил под неё кляксу — это должно было обозначать восклицательный знак — и отложил чертёжное перо.

— Ну ладно, — сказал он, — а остальные два вы сами напишите.

— Я напишу. — Володя Быков великодушно взглянул на Варю и снял очки. — А то нашей маме всё время некогда.

Володя казался Вале немножко странным, манерным. Он и разговаривал всегда с ужимками, нелепо, крикливо одевался, носил пёстрые, как дешёвые обои, галстуки, ботинки на толстой красной резине. У него были какие-то глупые усики, которые Михаил называл: «плевок под носом». Но, несмотря на фатоватую внешность, человеком он был неплохим — добрым и отзывчивым. Это у него Варя в трудную минуту перехватывала до получки. Обычно Володя делился с просителем последней десятирублёвкой и частенько, отдав деньги взаймы, сам ходил заниматься у товарищей.

Володя предложил при конструировании новых приспособлений использовать по возможности те, что лежат на мёртвом складе. А чтобы не бегать справляться каждый раз на склад, комсомольцы отдела обязались сделать альбом эскизов имеющихся на складе приспособлений. Хорошо и удобно — полистал и нашёл.

Петя сложил руки на груди, откинулся на спинку стула и, мечтательно глядя на колонну, куда Володя прилепил его плакат, сказал:

— Да... вот ваше предложение — раз. Два — в сборочном цехе ребята подали мысль экономить обтирочный материал... Три — в цехе ширпотреба сократили время на обработке пил; в ремонтном цехе тоже есть предложение по экономии... Так, смотришь, мелочишка-мелочишка, а набегит.

— Одно это предложение — и то сколько даёт, — ревниво сказал Володя и стал вычислять что-то на клочке бумаги. — Вот... Тысяч семьдесят, а то и больше.

Петя покачивался на стуле.

«Ну хорошо, — думал он, — я говорил с Мишкой, ещё поговорю... до тех пор, пока не сойдутся они снова. И я не виляю, не кривлю душой. Я, правда, хочу, чтобы Мишка одумался, вернулся... А я?.. Значит, мне уже всё равно, чья она?»

Он вздохнул и почему-то вспомнил Наташу, подумал, что, вероятно, когда эта девочка полюбит, её любовь будет простой и ясной, без боли и душевной смуты.

Он попрощался и вышел.

Варя машинально чинила карандаши. Потом вспомнила, что с завтрашнего дня она должна идти в отпуск, бросила их в стол. Томительно захотелось уйти домой, увидеть сына...

Лиза, сидевшая напротив неё, читала объёмистую растрёпанную книгу. Вдруг она запрокинула голову, как курица, пьющая воду, и зашевелила губами.

Варя хмуро уставилась на неё.

— Ты что? Учишь, что ли, чего?

— Учу. Я хорошие фразы наизусть заучиваю. Где-нибудь у знакомых сказать пригодятся.

Варя перегнулась через доску, заглянула в книгу. Поперёк страницы жирной чертой была подчёркнута фраза: «Женщина — рай для глаза, ад для души и чистилище для кармана». Лизка проследила за выражением её лица, потом вздохнула.

— Как вот люди могли так писать — и красиво и остроумно. Правда? А вот ещё, например, только я не запомнила, где читала... — Она зажмурилась и прочла наизусть: — «Если хочешь быть любимой долго и прочно, не открывай своих чувств». «Тихий голос — украшение женщины».

— Вот почему ты третий день почти шёпотом разговариваешь... — Варя невесело усмехнулась. — Лёгкая у тебя жизнь, Лизка, завидую.

— И завидуй! — Лиза поудобнее уселась на стуле, подобрала под себя ноги и, сердито вытаращив подведённые глаза, начала выговаривать Варе: — А ты всё думаешь, да плачешь, да сохнешь, в двадцать пять лет старухой будешь. Вот смотри-ка на меня. Я три аборта сделала, муж меня бросил, я тебя старше на два года, а выгляжу моложе на десять! Слежу за собой, на меня на улице мужчины оборачиваются. Вот! — Лиза сделала рукой короткий выразительный жест, как бы подводя итог сказанному.

«А она права... — подумала Варя. — Охами да слезами делу не поможешь».

Лиза долго ещё ворчала что-то... Мол, Варя зря нападает на «деда», если с ним по-хорошему, то и он тоже... Но Варя уже не слушала.

Неожиданно пришла Наташа. Варя знала, что Наташа работает здесь в цехе мастером, даже не однажды видела её, но не хотелось встречаться с ней, разговаривать, не хотелось вспоминать ту ночь... Наташа смущённо обратилась к Варе на «вы» и почему-то заикалась в разговоре. Она сказала, что их группа хочет увеличить выработку. Комсомольцы ремонтного цеха взялись отремонтировать станки. Теперь нужны хорошие резцы. Она разговаривала с Годиком, он ответил, что нужно использовать те, что в раздаточной, новые изобретать, мол, некогда и не к чему. Но резцы из раздаточной нехороши. Державка тонкая — резец вибрирует при работе.

Варя задумчиво смотрела на доску, накручивая на палец прядь чёрных волос.

— Это ты что — за скоростное резание взялась? — спросила она. — Брось. У нас на заводе это дело не пойдёт. Только пошумишь и провалишься. Станки не те. — Варя помолчала, хмуря брови. — Знаешь, какая у нас средняя скорость по заводу? Сорок пять метров. Рассчитано, что для наших станков это в самый раз. У нас Авдеев работает со скоростью триста—четыреста метров, и мы считаем, что это чуть ли не рекорд. А на больших заводах со скоростью тысяча метров работают. Понятно?

Варя сама не знала, почему она так разговаривает с Наташей, будто с маленькой.

Наташа стояла, держась одной рукой за край стола, другую она засунула в карман халата. Волосы у неё были убраны под яркую косынку, только на лбу, как бы нечаянно, был оставлен пушистый завиток.

— Вы меня не поняли, — сказала она неожиданно свободным, окрепшим голосом и взглянула твёрдо и упрямо. — Нам не нужно ни триста, ни четыреста. Мы хотим поднять скорость до ста пятидесяти метров, и то только на некоторых операциях. Это очень реально. Вы, как конструктор, должны понимать это... Сайко! — звонко сорвавшимся голосом вдруг сказала она.

По отделу действительно шёл, чуть склонив голову набок и сунув руки в карманы синей спецовки, Сайко. Он подошёл к Корнееву и остановился подле него, повернувшись спиной к девушкам.

— Он умный, да? — неожиданно спросила Наташа. — И хороший человек, по-моему... — Она искоса, быстро взглянула на Варю.

— Очень умный, — спокойно, с обидной небрежностью подтвердила та.

Сайко обернулся и, минуя Варю, посмотрел на Наташу. Его пушистые, словно выгоревшие брови удивлённо приподнялись, он сделал шаг по направлению к девушкам, потом помахал рукой, вернулся к Корнееву, разговаривал с ним ещё минут десять и лишь после этого подошёл.

— Ну, как Лёвка? — спросила Наташа. — Я уже соскучилась по ним, по всем. Ребята тут как-то заезжали ко мне, а Лёвка не приехал.

— Стесняется, наверно, — усмехнулся Сайко. — Я ему скажу, что вы приглашали... Он рад будет.

— Как он учится?

— Ничего. — Сайко пожал плечами. — Но из троек не вылезает. Не пойму почему. Парень он, кажется, не очень глупый... Ленился, что ли?

— Странно... — Лицо Наташи разочарованно вытянулось. — Я думала, что он отличник.

— Я тоже так думал.

Наташа не скрывала, что она очень рада видеть Сайко, и смотрела на него во все глаза. Варя не привыкла разговаривать так запросто с главным инженером, и ей было немножко не по себе.

— Ну, всего хорошего. — Сайко улыбнулся, провёл рукой по волосам. — Как работаете? Не обижают?

— Не обижают, — уже шёпотом сказала Наташа. — Выговор влепили. — Губы у неё скривились, как у обиженной девочки.

— Он рассердился, — назидательно сказала Варя. — «Как учится, да отличник ли...» Подумаешь, допрос! Вот он и рассердился.

— Ну и на здоровье! — разочарованно сказала Наташа. — На сердитых воду возят!.. Так вы нам сделаете резец?

— Ладно, сделаю. — Варя засмеялась. — Это ты ему пойдёшь скажи, насчёт воды...

— Скажу. Если надо будет.

Наташа ушла. Лидия подошла к вариному столу и, глядя вслед Наташе, спросила:

— Это кто? Славная мордашка...

— Мастер. Из цеха. — Варя вздохнула. — Вот она тут просила... Только делать мне, Лидуша, ничего не хочется...

А Наташа спускалась с лестницы, радостно прыгая через ступеньку.

Во-первых, разговор с Варей удался как нельзя лучше, а во-вторых... Наташа не видела уже ничего вокруг себя — только лицо Сайко, его глаза, чуть иронически и ласково улыбающиеся ей.

Тётя Василиса железным крюком выгребала из поддона любкиного станка стружку. Фиолетовая стружка топорщилась, как живая, и, даже попав в тележку, ещё долго дрожала и раскланивалась на обе стороны гибкими, туго скрученными трубочками.

Был обеденный перерыв. Наташа и Любка уже пришли из столовой и стояли у любкиного станка в ожидании гудка. Разговор тек спокойно, лениво, перекидываясь с одного на другое.

— Вот чем бы нам заняться, — вспомнила Любка, следя за толстой, неповоротливой фигурой тёти Василисы, ковыляющей с тачкой от станка к станку. — Надо отдельно выбирать стружку после обработки цветных металлов, отдельно — после обработки чёрных. Не принимают смешанную стружку на переплавку. Убытки ведь?

— Конечно. — Наташа облокотилась на любкин рабочий столик. — Обязательно займёмся этим. Только чудно! — Она удивлённо подняла широкие брови, покачала головой. — Чудно! Все знают об этом — и рабочие и инженеры, а добро на свалку валят, как же так?

— Чудно! Ничего чудного. — Любка тоже облокотилась на столик, скрестив ноги в старых резиновых калошах. — До того ли большому-то начальству? Завод, знаешь, как с программой бьётся? А в цехах у нас есть ещё привычка дурная — пока сверху не крикнут, сами не догадываются.

— Ребята мои в лагере хлебом кидались, здесь стружкой кидаются. Богато живём! С Петей надо посоветоваться, как это лучше сделать. — Наташа замолчала и поёжилась. В цехе было холодно. Неяркое солнце тускло отражалось в стопочках круглых деталей на столиках, бледными расплывающимися бликами лежало на промасленном полу, на деревянных решётчатых подмостках у станков.

— Скажи-ка, Наталка, — спросила Любка, резко повернувшись к Наташе, и её синие глаза потемнели, — ты любила кого-нибудь?

— Нет. — Наташа опустила голову.

— Ну тогда ты не знаешь, — сказала Любка и замолчала. Но, очевидно, ей очень хотелось поговорить с кем-нибудь об этом, потому что немного погодя она заговорила снова.

— Ты, может быть, слышала уже, я Мишку люблю. Все знают, я не скрываю этого. Все смеются, и я смеюсь. Так ты думаешь, это и правда смешно? — Любка искоса посмотрела Наташе в лицо. — Мне иногда среди работы хочется голову на суппорт положить и зареветь. Как взгляну на него: вот он, рядом, а не мой! Не мой! — Любка стиснула зубы так, что её красивое лицо судорожно перекосилось и стало старым и злым. — Обидно-то как, Наташа! — хриплым горячим шёпотом сказала она, крепко взяв Наташу за руку. — Ведь Варька-то хуже меня, хуже! Зло берёт, а злиться-то... — Любка горько улыбнулась, — не на кого... Вот и разошлись они, а он всё равно её помнит. Я вижу. Ходит как в воду опущенный...

Наташа смотрела на Любку и чувствовала себя очень неловко, потому что не находила слов, какие, ей казалось, необходимо было сказать, чтобы Любке стало легче.

— Ничего, — наконец произнесла она, неумело погладив Любку по плечу. — Встретишь ещё своего. Небось, не один Михаил, и потом ведь Варька...

— Встречу! — Любка иронически подняла брови. — Когда мне сто лет будет?..

Заревел гудок. Обеденный перерыв кончился.

Наташа любила это время — вторую половину рабочего дня. Обеденный перерыв, в цехе тихо, пусто, мертво, как в заброшенном доме, даже

как будто темней и холодней становится. Вдруг, поднимаясь откуда-то снизу, распространяется по цеху воющий, хватающий за сердце звук гудка. Потом гудок смолкает, и на мгновение цех кажется ещё тише и пустыней; но вот где-то ревуче завизжал первый пущенный станок, потом в другом конце ещё, ещё; заходили, засуетились люди с таким видом, словно они и не прекращали ни на минуту этого своего целеустремлённого хождения по делам, и цех опять живёт дружной, горячей, затягивающей людей жизнью.

Под вечер, к концу смены, Наташа увидела, что юрин станок пустует. Инструмент не убран, даже деталь закреплена в патроне, но хозяина станка не видно уже минут двадцать пять, а то и тридцать.

Наташа подошла к Вовке Седину. Вовка работал, опустив голову, делая вид, что не замечает Наташи.

— Володя! — позвала она.

Тот поднял голову и с хорошо сыгранным удивлением уставился на Наташу.

— А-а, Наташа, а я-то и не заметил. — Но весёлый тон удавался ему плохо.

— Где Юра? — строго спросила Наташа.

— Юра... — Вовка недоуменно поднял плечи, развёл руками. — Не знаю, не знаю. Вот только-только здесь был. Минуточку назад. Может быть, он пошёл в...

— Не ври! — оборвала его Наташа. — Его нет двадцать пять минут — по часам. До конца смены остаётся полчаса. Значит, он опять ушёл?

— Не знаю. Он мне не докладывает, — сухо ответил Вовка и, нахмурившись, опять пустил станок.

«Ну ладно же!» — Наташа пошла к секретарю начальника цеха и подала докладную о самовольном уходе Корнеева с работы. Когда она возвращалась к себе на участок, её остановил Витя.

— Наташа, Вовка плачет...

— Почему? — Наташа нахмурилась. — Где?

— На складе. — Витя поднял на неё светлые глаза с белыми ресницами и с дрожью в голосе сказал: — Он... десять деталей запорол!

Наташа побежала на склад. Здесь, в самом углу, прижавшись лбом к стопке стальных подшипников, плакал Вовка Седин. Наташа повернула его за плечи к себе.

— Подожди, — сказала она, садясь на стеллаж рядом с ним. — Ну ладно, а почему ты сразу не промерил первую же деталь, а дождался, пока их десять сделал?

— Я забыл. — Вовка достал из кармана темносерый от грязи платок, посмотрел на него, поколебавшись, провёл им по лицу. — Я задумался, на память работал... потом смотрю, а там вовсе и не такой размер.

— Ладно...

Валики, что точил Вовка, были не такими уж дорогостоящими, но просто неприятно, что на группу ложился большой брак — десять деталей...

Она подошла к вовкиному станку и осмотрелась. Всё было на месте, всё так, как надо. Только какие-то неуловимые мелочи показывали, что здесь работает человек, не приученный к строгому порядку. Заготовки лежали не аккуратно поленицей, а были свалены грудой, как дрова возле печки. Запасные резцы не были заточены. Чертёж лежал, перевернутый кверху сишим, намазанным чернилами номером.

— Вот, — показала Наташа на чертёж. — Бросил, как попало, а перевернуть лишний раз лень. Поэтому и размер забыл.

— Нет, он у меня тут лежал. — Вовка виновато показал на крышку коробки скоростей. — Тут хорошо видно, только я задумался.

Наташа взяла штангель.

— Погоди, — сказала она, промерив валик, — ведь ты на миллиметр больше, чем надо, сделал. Да... правильно. Так чего ж ты дурака валяешь? — Она, сведя брови, сердито поглядела на Вовку.

Вовка широко открыл глаза, потом хлопнул себя по лбу и присел.

— Точно, Наташа! Точно, я их ведь все обточил с припуском, а потом надо бы начисто пройти, а я... я забыл. Стал мерить — смотрю, не по чертежу, ну и...

— Время только ведёшь! — Наташа сердито отвернулась и хотела уйти, потом посмотрела, как дрожали руки у Вовки, когда он закреплял деталь, взяла резец и сама заточила его под чистовую обработку.

Включив станок и подведя резец к детали, Наташа смотрела, как вьётся из-под резца тоненькая белая стружка, и думала, что приятно ощущать под ладонью тёплое, мерно вздрагивающее тело станка, приятно свыкнуться с ним так, чтобы чувствовать его с собой за одно целое, чувствовать, как он послушен твоей воле...

— Ну, вот так, — сказала она Вовке. — Смотри, не задумывайся в другой раз.

— Вы здорово работаете, Наташа! — Вовка смотрел на неё с открытым восхищением. — А это из-за Юрки я всё... Влетит ему опять. — Вовка вздохнул. — Он на геологический кружок убегает в Дом пионеров. Там в три часа начало по четвергам. Вот он и не успевает с работы.

— На геологический? Зачем же он?..

— Затем вот. — Вовка смотрел на неё, нахмурившись. — Вот затем, что в жизни так не всегда бывает, как хочется. Я, может, артистом хотел быть, а стал... токарем. А Юрка в геологический пойти мечтает, ну, а папа его сюда вот сунул.

В этот день Наташа шла домой с таким чувством, будто она сделала что-то не то и не так. Вроде начало у неё на участке всё понемногу налаживаться — и вот опять.

«Ну ладно, — успокоила она себя, — в конце-то концов ведь Юра виноват. Почему он тайком, а не попросился? Вот и пускай влетит ему... Поделом!»

Однако неприятное чувство не проходило.

«Нет, я всё-таки несдержанная. Правильно отец мне всегда говорит — остынь, а потом сделай. Надо было сначала поговорить с парнем, а не бежать к начальнику...»

Она долго не могла заснуть в эту ночь, вертелась с боку на бок, придумывала, с чего начнёт она завтра разговор с Юрой, как объяснит ему всё...

Утром, едва войдя в цех, она увидела приказ о вынесении Корнееву строгого выговора с предупреждением, встретила юрины презрительно, с вызовом сощуренные глаза, заметила осуждающее выражение у Вовки на лице — и ей сразу расхотелось убеждать и оправдываться.

«Пускай! — упрямо решила она. — Он сам этого хотел». Она с независимым видом прошла мимо Юры, заговорила с Вовкой так, будто бы ничего не произошло, и вообще упрямо уверяла себя, что она права. Да ведь, пожалуй, она и на самом деле была права...

Она распределила задание по нарядам и встала в конце участка, глядя себе под ноги. Настроение было скверным. Подошли Седин с Архиповым.

— Наташа, ты кому дала конусные втулки? — спросил Архипов, поздоровавшись с ней. — Это срочно на сборку: станки сдают.

— Орлову... — Наташа вдруг вспомнила, что ещё не видела сегодня Сергея. Она взглянула на его место — станок пустовал. Седин и Архипов переглянулись.

— Не начинал ещё? — спросил Седин. — Где Орлов?

— Да тут он... — неуверенно сказала Наташа. — Вышел, сейчас придёт.

— К одиннадцати часам будьте добреньки заказ сдать контролёру. — Седин взглянул на часы. — Так.

Они ушли.

«Где же Сергей, будь он неладен! Заболел, что ли?» — Наташа сама не знала, зачем она сказала Седину, что Сергей здесь. Просто после случая с Юрой ей было неудобно ответить «не знаю». И без того ей начинало казаться, что начальство косо поглядывает на её участок: ведь они до сих пор тащились в хвосте, восемьдесят—девяносто процентов нормы... Не умеет она взять рабочих в руки!..

Она спросила Михаила о Сергее. Тот сказал, что из дома они вышли вместе, но по дороге Сергей «отстал».

— Придёт, верно, сейчас. — Михаил небрежно махнул рукой. — Это с ним бывает...

«Мишку, что ли, попросить эти втулки сделать? — Наташа в нерешительности постояла около его станка. — Да нет, у него тоже срочная работа... попробую сама...»

Она начала работу неуверенно, с явным предчувствием неудачи. Пожалуй, в этом случае она слишком понадеялась на свои силы. Эта работа требовала всё-таки гораздо большего опыта, сноровки, чем было у неё.

Едва она обточила начерно первые пять заготовок, в начале пролёта показался Сергей. Шёл он, засунув руки в карманы брюк, лёгкой походкой человека, у которого весело на душе. Он даже громко напевал что-то. Однако, увидев за своим станком Наташу, Сергей остановился, смущённо закусил губу. Наташа, сделав вид, что не замечает его, продолжала работать.

— Я опоздал немного... — развязно начал Сергей, но Наташа чувствовала, что ему неловко. — Извиняюсь...

Наташа, упрямо не желая его замечать, вертела маховик суппорта. Сергей посмотрел чертёж детали, обрадованно потёр руки.

— Деталька интересная, поработаем! Вот мастер у нас теперь мировой — даёт мне работу что надо! Раньше, бывало, просишь-просишь...

«То-то вы с этим мастером и делаете кто что хочет. С вами, как с людьми, считаешься, навстречу идёшь, а вы...» — Наташа резко подняла голову.

— Уходи! — Она выключила станок.

— Ну что это ты... — Сергей удивлённо и успокаивающе дотронулся до её руки. — Что ты сердисься?

Наташа отшвырнула его руку и тише, но упрямо повторила:

— Сейчас же уходи домой. Пропись.

— Да я и не пьян. — Сергей посерьёзnel и, уже просительно глядя на Наташу, объяснил: — Вчера с полочки — было. А сегодня—немножко, чтобы голова не болела. Ну, не сердись, что ты?..

— Уходи домой, я сейчас начальника позову... Распустились...

— Привыкла по начальникам ходить... — процедил сквозь зубы Сергей. — Ну ладно... значит, уходить... Упрашивать не буду! — Он круто повернулся и пошёл по узкому проходу между станками. Наташа, крепко сжимая ничего не чувствующими пальцами край железного столика, смотрела ему вслед.

«Вот и всё... — подумала она, чувствуя, как остывает в ней гнев. — Значит, опять Сергею — выговор, а ей — укоризненные взгляды рабочих, сожалеющий, обидный взгляд Архипова: «Не справляешься, трудно...» — Она закрыла глаза, опустила голову. — Не справляюсь...»

Она подняла голову и увидела, что Сергей идёт всё медленней, вот он остановился, постоял, глядя себе под ноги, потом пошёл назад. Подошёл, не глядя в глаза Наташе, сухо спросил:

— Разрешите мне остаться... Слово даю, ничего не произойдёт, работу слам «на отлично».

Наташа молчала, не в силах сдержать радостной улыбки. Сергей взглянул на неё и тоже неуверенно улыбнулся.

— Наташа... правду говорю...

— Ну, давай помиримся. — Наташа протянула ему руку и тут же опустила её: очень уж несолидным выглядел этот жест. Но Сергей подхватил её руку, крепко тряхнул.

— Вот увидишь... вот увидишь... — счастливо повторял он, не зная, что сказать.

— Ладно. — Наташа хмурилась и улыбалась одновременно. — К одиннадцати надо кончить, успеешь?

Собственно, она и не сомневалась в том, что Сергей сдаст работу хорошо и в срок. Токарь-то он был отличный...

Прошла неделя. Выработка группы двигалась к ста процентам — пока за счёт того, что такие токари, как Михаил, Любка, Сергей или дядя Ваня Куприянов, вырабатывали всегда значительно больше нормы. Но и это уже было хорошо. Юра тоже как будто стал работать лучше, быть может, на него влиял Сергей, с которым он очень близко сошёлся последнее время.

Но, однако, в очередной четверг, за час до конца работы, Юра исчез опять.

У Наташи опустились руки... Если это дело дойдёт до Седина, он по правилам должен будет отдать Юру Корнеева под суд. А разве Юра понимает по-настоящему, что такое судимость для человека?..

«Глупый мальчишка, не ведает, что и натворил. — Наташа сжала голову руками. — Это же пятно на всю жизнь... Судимость! А мало ли, в суде могут и не посмотреть, что это глупый ребёнок ещё, ростом-то он с коломенскую версту!»

«Что же делать... Сказать Седину?..» — Наташа пошла в контору, сидела перед дверью начальника: там шло совещание. Так ничего и не решив, она вышла и медленно побрела по центральному пролёту цеха. Конечно, можно было посоветоваться с кем-нибудь из ребят, например, с Михаилом. Но Наташе почему-то казалось, что Михаил, и без того не очень-то всерьёз принимавший её как мастера, совсем перестанет её уважать.

Она остановилась возле киоска с газированной водой, выпила стакан. Где-то впереди, в пролёте, мелькнула светлая лохматая голова и широкие плечи, обтянутые синим кителем.

— Петя!

Наташа бросилась за ним.

Петя шёл, не останавливаясь, круто перешагивая через рельсы грузовозов, через попадающиеся на пути заготовки деталей.

— Петя! — насколько хватило голоса крикнула она и, не добежав до него, остановилась — проехал автокар. Петя обернулся.

— Наталка? — Он заулыбался, шагнул ей навстречу и, неуклюже схватив её руки, крепко потряс, потом отстранился, взглянул на неё и смущённо сморщил нос и губы. — Ух, я сто лет не видал тебя, даже соскучился... И к тому же сегодня ты хорошая какая, румянец во всю щёку...

— Это потому, что я злая. — Наташа выдернула руки и оглянулась, где бы есть.

— Вот сюда давай. — Петя присел на край чугунной отливки редутора. — Ну, ты что?

Он шутивно обнял её. Наташа сердито отстранилась.

— Да брось ты! Вот настроение у тебя сегодня...

— Хороший день у меня сегодня, Наталка. Во-первых, племяш родился. Значит, будет с кем дома нянчиться. А второе — человека хорошего встретил, сильного... Лидия Лешма, конструктор... Знаешь такую?.. Главное, совсем неожиданно.

У Наташи вдруг пропала охота продолжать разговор. Она поднялась.

— Так ладно, я пойду, — тонким голосом, чувствуя в горле комок, сказала она. — Мне надо тут...

У Пети растерянно вытянулось лицо.

— Да ты что? Что с тобой? А я-то... — Он тоже поднялся и пошёл рядом с ней, заглядывая ей в лицо и виновато улыбаясь. Верхняя, рассечённая шрамом губа его при улыбке плотно обтягивала зубы, и улыбка от этого получалась по-детски наивной, доброй.

— Я обидел тебя? — настойчиво допытывался он. — Вижу, что обидел, не пойму только чем.

Если бы он не расспрашивал её, у Наташи давно бы всё прошло, а теперь у неё щипало в носу, она чувствовала, что вот-вот разревётся. Она сама даже не понимала — почему. Лидия Лешма?.. Нет, наверное, дело тут всё-таки было в Юрке. Она взяла Петю за руку и стала торопливо рассказывать ему всю эту сложную историю.

— Да... — Петя потёр себе затылок и задумчиво поднял брови. — До суда, вроде, дело доводить рановато. Глупости, ребячество... Но и спускать нельзя. — Он вздохнул. — Я помню, лет пять назад — я ещё совсем зелёным секретарём был — у нас что-то вроде этого произошло с Мишей Звездиным. Мне думается, надо обсудить это дело на группе... Пойдём-ка к Михаилу сходим.

4

На групповое собрание Михаил немного запоздал — все уже были в сборе.

— Тебя ждём! — крикнул Лавренюк. — Где ты пропадал?

Михаил, не отвечая, прошёл в задние ряды. Собрались они в пустом красном уголке, тайком. Наташа по семь раз предупреждала каждого, чтобы о собрании никому не говорили. Почти никто не знал, о чём пойдёт речь, и рабочие с любопытством поглядывали на Наташу, ждали начала.

Наташа встала, одёрнула на себе платье и вышла к сцене. Это было первое проводимое ею групповое собрание, и видно было, что ей очень неловко под перекрёстным огнём насмешливых, дружеских, враждебных и просто любопытных глаз. Заговорила она смущаясь и от этого сердито.

«Нет, какой она мастер! — подумал Михаил. — Наряды выписывать только... Девчонка!» Ему, как и многим рабочим, привычней были пожилые мастера, имевшие к рабочему свой «индивидуальный» подход. С таким мастером можно было и поругаться, и по душам поговорить, и выпить иногда. А с Наташей Михаилу казалось смешным ругаться; всё равно, что с младшей сестрёнкой, — одни слёзы и никакого толку.

— ...и вот теперь администрация завода вынуждена будет отдать его под суд.

— Пусть отдадут! — бесшабашно махнул рукой Юра и вытянул длинные ноги в лыжных брюках. — Всё равно я сказал отцу, что не буду

работать на заводе, значит, не буду. — Юра с победоносным видом повернулся к Серёжке Орлову. Тот одобрительно кивнул и крикнул:

— Ну, не хочет человек работать на заводе, что ж его неволить?

Наташа, не отвечая, как виноватая, прошла на своё место. Все помолчали, удивлённо поглядывая друг на друга, — что же будет дальше?

Михаил поднялся. Чтобы было удобнее говорить, он поставил впереди себя стул и облокотился о его спинку. Вообще-то, в хорошем настроении, Михаил любил поговорить. Он чувствовал, что хотя теперь он и не был начальником для своих бывших пионеров, но все они, а Юра в особенности, продолжают смотреть на него с обожанием, снизу вверх. Ведь и здесь, на заводе, Михаилу сопутствовала слава отличного токаря, недостижимая пока для них. Он считал, что это хорошо, — пусть тянутся за ним.

Михаил обдумывал, поглядывая на юрино лицо, с которого не сходило вызывающее, даже наглое выражение, как лучше подойти к мальчишке, чтобы сразу сбить эту наигранную развязность.

— Здесь, на нашем собрании, — начал он, — присутствуют секретарь комитета комсомола, члены комитета — Малькова, Орлов и я... — Михаил искоса взглянул на Любку, и та сразу вспыхнула, как девочка. — Так что, можешь считать, — продолжал он, — что судят тебя не только твои товарищи по работе. Судит тебя ещё и комсомол. Встань!

Ребята переглянулись. Юра растерянно посмотрел на Михаила, потом поднялся, сдёрнул кепку и опустил голову так, что лица его почти не было видно из-за тёмных вьющихся волос.

— Когда я пришёл на завод, я был постарше, но вряд ли умней тебя. Я тоже уходил с работы, старался во время рабочего дня больше курить у станка друга, чем работать за своим станком...

Ребята засмеялись.

— А теперь, — понизив голос и будто нехотя, продолжал Михаил, — я не представляю себе, как я уйду от станка... Ведь я кончаю институт, меня обязаны перевести на другую работу... Но не в этом дело... Ты тут сказал, мол, судите — не боюсь! Скажите, какой герой! А почему не боишься, знаешь?

Юра гордо вскинул голову и хотел что-то ответить, но Михаил перебил его:

— Глуп ты ещё, вот почему. Кто тебя судить-то будет, фашисты, что ли? Судить тебя будет наше государство за то, что твои интересы не совпадают с нашими, следовательно, за то, что ты враг нам.

Машенька громко ахнула, Юра сел и, хмурясь, закусил губу.

Михаил отставил от себя стул и, крепко взявшись за спинку, наклонился при каждой фразе, будто желая усилить действие сказанного:

— И разошлись твои интересы с нашими в очень тревожное время... Ты не ребёнок, а за плечами у тебя не очень-то много полезных дел. Не пора ли начать жить не только для себя, но и, хотя бы немножко, для людей? — Он хотел было сесть, но не удержался, чтобы не закончить шуткой. — Делай для счастья людей хотя бы паркетные станки. Этого будет пока вполне достаточно.

Михаил пересел на свободный стул, рядом с Любкой, и спросил у неё первое, что пришло в голову. Дело было, конечно, не в словах. О любкинском отношении к нему он знал давно. Знал даже, что причиной неудачного романа Любки с рыжим Лёшкой была его, Михаила, женитьба. Правда, внешне он вёл себя так, будто ему ничего не известно. А теперь, быть может, именно из-за того, что ему всё чаще вспоминались Варя и сын, Михаил стал подчёркнуто внимателен к Любке. Наверное, это было не совсем честно по отношению к ней, но ведь, в конце концов, она и сама себя усиленно обманывала.

— Да ну, ладно! — Юра поднялся и, чуть пятясь назад, смущённо пожал плечами. — Я уж теперь не стану уходить, я раньше думал...

— Ты думал, для себя и для папы своего работаешь, а оказалось, ещё и для народа? — выкрикнула с места Любка и усмехнулась. — Ишь, ребёнок!

— Нет, правда. — Юра покосился на Любку и вздохнул. — Честное слово, хорошо работать буду.

— Это всё так, — сказал Петя. — Но ты, я слышал, геологом хочешь стать?

Юра смущённо кивнул.

— А папа, значит, инженера из тебя думает сделать? Ну вот я разговаривал с твоим отцом. Спрашивал его, почему, мол, сын одно хочет, а вы — другое. Дело оказалось такого рода...

Петя искоса взглянул на Наташу, та опустила голову. «Ой с отцом-то я и не подумала поговорить, а ведь он рядом...»

— Дело в том, — продолжал Петя, — что у вас в семье, кроме отца и тебя, ещё трое — мать с пороком сердца, брат семи лет и сестра пятнадцати, твой погодок. На один заработок отца всем вам жить, безусловно, трудно. Поэтому и пришлось тебе итти работать за станок.

— А почему я? — сердито сказал Юра. — Пусть Зойка идёт работать.

— А ты учиться будешь за её счёт? — насмешливо спросил Петя. — Даже не в этом дело. Я не буду говорить тебе, что профессия токаря или инженера ничем не хуже любой другой профессии. Ты и сам ещё не можешь сказать, чем она хуже, потому что работаешь без году неделю. Но ведь даже работая на заводе, ты можешь стать, кем хочешь. Иди в вечернюю школу, кончай десятилетку, а там — в институт! — Петя широко развёл руками. — Так учился Михаил и ещё тысячи рабочих.

— Буду я! — Юрино смуглое лицо выражало упрямое нежелание слушать какие бы то ни было советы на этот счёт.

— Трудно? — сердито спросил Петя. — Смешно это, когда парень или девушка жаловаться начинают, глядя на бывших своих друзей, окончивших институты: мы, мол, не учились, потому что условий не было! Среда, семья, бедность заела... Если ты очень хочешь учиться — ничто тебе не помешает. Трудно, но возможно и очень возможно!

— Конечно! — Любка обняла Наташу и засмеялась. — Мы все так: хорошо бы пирога поесть, да печь его долго. Хорошо бы учёным стать, да гулять-то когда? Вот я тоже прогуляла учебу, а теперь локти кусаю, хотела бы, да поздно... Надо бы с Варькой тогда учиться, а я с мальчиками пробегала...

Ребята дружно засмеялись. Громче всех смеялась сама Любка, лукаво поглядывая на Михаила.

— Локотки кусаешь! — кричал Сергей. — Ничего, мы ещё с тобой, Любаша, поучимся!..

— Конечно, — лениво сказал Михаил. — Старуха какая! Вон иди в техникум. Семилетка у тебя есть.

— А уж вам-то непременно надо учиться, — серьёзно сказал Петя, обращаясь к младшим, — с такими знаниями, как у вас, скоро дворником нельзя будет работать, не то что на станке.

Михаил толкнул тяжёлую, обитую чёрной клеёнкой дверь, сбегал вниз, бросил гардеробнице пальто. Конечно, он опоздал из-за этого собрания, теперь надо было ждать конца лекции. Он сердито швырнул книги на окно, сел на подоконник.

Из приоткрытой двери аудитории раздался дружный хохот, потом — бойкая скороговорка профессора. Михаил поднялся и заглянул в дверь.

У доски быстро стучал мелом седенький невысокий старичок — очень когда-то любимый Михайлом преподаватель «Сопротивления материалам». Михайл вздохнул. Было жалко, что его трудная институтская жизнь подходила к концу. Он вспомнил почти благоговейное своё настроение, с которым ходил он по институту первые дни и месяцы после поступления. «Я — студент» — это казалось ему почти невероятным. Потом привык, как привыкают даже к хорошему, но всё-таки лучшие часы его жизни — это те, что протекли здесь, в аудиториях.

«Но, конечно, — подумал Михайл, — всё-таки институт виноват главным образом в том, что так всё повернулось у меня дома... Спешка, зачёты... а жить как-то всё не успевал. — Михайл вздохнул. — Мне от того, что я ушёл, не стало лучше. Это наверняка. А ей?»

Михайл вдруг впервые представил себе, как Варя, приходя домой вечером с работы и уложив сына, остаётся одна. Как она жмётся в пустой, холодной постели, подолгу всматриваясь в темноту расширенными глазами, не может заснуть. Варя была трусихой, всегда ей казалось, что «где-то», «что-то» стоит. Когда Михайл задерживался в институте, она не гасила свет, дожидаясь его.

«Одиноко ей теперь, трудно, — подумал он и тут же оборвал себя. — Ладно. Это всё слюнтяйство и слабохарактерность. Главное — не раскисать».

Из института Михайл вернулся домой в первом часу. Вскоре, вслед за ним, пришёл и Сергей. Был он немного навеселе, в приподнятом, шумливом настроении.

Мать Сергея, ещё не старая маленькая женщина, с полным плутоватым лицом и красивыми, как у сына, карими глазами, собирала на стол. Она не считала большой бедой, если рабочий человек выпьет с получки, и журила Сергея только по обычаю, как привыкла журить своего покойного, часто приходившего пьяным мужа.

— Что, опять хороший пришёл? — спросила она Сергея и кивнула в сторону Михайла. — Вон, посмотри на человека — ни разу не видела выпимши, а гляди, восьмой месяц живёт.

— Это он с горя не пьёт, — весело отмахнулся Сергей, шумно уселся за стол и принялся с аппетитом есть суп. — А здорово это вы с Петькой подвели сегодня! Мол, учись — и никаких гвоздей. Иначе и дворником работать не сможешь. Я пойду. На тот год непременно пойду.

— Иди. — Михайл зевнул. — Только не трепись. А то у тебя всегда так — я, я! — а когда до дела доходит, ты и скис.

Михайл прошёл в маленькую, оклеенную светлыми полинявшими обоями комнатку, где спали они с Сергеем; разделся, лёг, закурил папиросу. Он любил перед сном покурить в темноте, подумать. Но думы у него после разговора с Петром были невесёлые...

«А что ж, сойдётся Варька с Петром, и Никита действительно к нему привыкнет. Папой звать будет... Парень Петька хороший, к детям ласковый... — Михайл бросил папиросу и плотно зажал глаза рукой. — А ещё родится — так уж, конечно, Никите того внимания не будет. И Варька с младшим будет больше возиться, а уж Пётр и подавно. Какой он ни хороший, а своё дороже».

— Нет, надо взять его у Варьки, — сердито сказал вслух Михайл и сел на кровати. — Обязательно надо взять.

Он — в который уже раз — начал обдумывать, как это лучше сделать, но придумать ничего не мог. Выходило так, что если забирать сына, то надо было жениться, а жениться Михайлу не хотелось. Вероятнее всего потому, что не было женщины, которую Михайл захотел бы назвать своей женой; и когда бы он ни подумал о своей возможной женитьбе,

всегда получалось так, что самой подходящей женой для него была всё-таки Варька. Сразу начинали вспоминаться тысячи подробностей их совместной жизни: хорошие, интересные разговоры, общие привычки и, наконец, самое главное — общая любовь к сыну...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Снег в этом году выпал рано. Шла Наташа утром на работу, падал мелкий острый снежок, будто соль кто-то сыпал с неба, а когда вышла вечером из ворот цеха, снег лежал основательными, плотными валиками на штабелях круглого проката, тяжёлыми шапками на бочках с бензином и машинным маслом, жёстко поскрипывал под ногами.

Ваня Кузнечик положил на штабель книжку, сбросил перчатки и начал лепить большой снежок. Комок оттаивал под его руками, грязно темнел. Меж покрасневших ваниных пальцев текли струйки мутной воды.

— Ну, на кого бог пошлёт! — крикнул Ваня и бросил снежком в Наташу.

— Ваня, не заигрывай с мастером! — Любка схватила с земли целую пригоршню снега и начала быстро уминать его. — Девочки, наших бьют!

Наташа, широко отведя назад руку в красной варежке, бросила снежок в Ваню и присела. Снежок попал прямо в голову шедшему рядом с Ваней Сергею, сбил кепку.

— Ты так? — Сергей отбежал в сторону и, сгребая наметённый у стены снег, принялся обстреливать снежками девчат.

— Ой, Серёжка, противный! — завизжала Машенька, стяхивая с волос снег, и вдруг, схватив в горсть снегу и закрывая лицо варежками, бросилась напролом, через гущу снежков к Сергею, обхватила его одной рукой за голову, а другой начала совать ему за ворот снег. Тот, смеясь, отбивался, рычал:

— Брось, слышишь, брось!

— Не брошу! — смеялась Машенька. Яркий клетчатый платок съехал ей на затылок, русые прямые волосы прядями сбились на лицо. Глаза и всё лицо Машеньки горели от морозного воздуха, от азарта...

Сергей вдруг извернулся и, крепко схватив Машеньку за плечи, начал валить на снег.

— Ой, ой, Серёженька, миленький, не буду, не буду! — счастливо визжала Машенька, выгибаясь всем телом, стараясь руками оттолкнуться от земли.

Любка подскочила к Сергею и, ловко подбив ему ноги, повалила на снег.

— Ах, ты! — успел только вскрикнуть Сергей и растянулся во весь рост.

— Куча мала! — закричал Михаил и, обхватив за плечи Любку и Наташу, повалился вместе с ними на Сергея. Сверху шлёпнулась, заливаясь смехом, Машенька, потом Ваня Кузнечик, потом ещё кто-то...

Куча рассыпалась, все встали растрёпанные, смеющиеся, облепленные снегом.

— Давайте, я вас отряхну, — сказал Наташе какой-то рыжий высокий парень в коротком полупальто с барашковым воротником.

— Ничего, я сама, — смутилась Наташа. Сбивая снег с шапочки, она пыталась натянуть её на голову мокрыми пальцами.

— Вы растрепались немножко, — сказал рыжий парень, быстро окидывая Наташу взглядом и по-кошачьи жмурясь. — Хотите зеркальце?

Он достал из кармана маленькое квадратное зеркальце и подал Наташе.

— Вот. У вас, видите, тут волосы из-под заколки вылезли, вам не убрать, у вас руки замёрзли. Давайте я. — Он бесцеремонно протянул руку и дотронулся до волос Наташи.

— Не надо! — сердито сказала Наташа и резко оттолкнула его руку.

— Ничего тебе тут не перепадёт, Лёшка! — Любка подошла к Наташе и, взяв её под руку, потянула к проходной. — Пошли!

— Здравствуй, королева! — сказал рыжий Лёшка, глядя на Любку смеющимися глазами. — Ты всё такая же красивая?

— А ты как думал? — ответила Любка, вздёргивая подбородок и прищуривая глаза. — Ты, может, думал, что я по тебе сохну?

— Знаю я, по ком ты сохнешь... — задумчиво сказал рыжий Лёшка и тоже взял Наташу под руку. — Можно? Вам на электричку?

Наташа догадалась, что, вероятно, это был Алексей Щеглов, бывший любкин поклонник.

— На электричку, — ответила она.

Когда они вышли из здания вокзала, зажглись фонари. Снег пошёл крупный, мягкий, ласковый. Он летел косо пушистыми нескончаемыми нитями, касался мокрой, грязной мостовой и исчезал. Было очень тихо, как всегда, когда идёт густой снег. Даже позвенькивание трамваев и редкие гудки автомобилей не нарушали тишины. Небо было низким и тёмным, странно белели на чёрном фоне улицы заснеженные крыши домов. Слышен был однообразный, шуршащий звук, будто непрерывные снежные нити задевали друг за друга.

Наташе стало грустно от того, что Любка такая красивая, что на неё восхищённо оглядываются прохожие и даже рыжий Лёшка смотрит сейчас только на Любку, не замечая Наташи, хотя идёт рядом с ней. Наташа завидовала, но не сердилась на Любку, и сама невольно любовалась её красивым лицом с прямым коротким носом и густыми бровями, на которых таял снег и разноцветно блестели капельки воды.

Они подошли к метро.

— Ну, — Любка остановилась, — давайте прощаться. Ты, Лёшка, кого пойдёшь провожать?

Лёшка задумчиво взялся рукой за рыжий чуб и нерешительно переводил глаза с Любки на Наташу.

— Вам куда? — спросил он Наташу, чуть прищурив правый глаз. — На метро? Ну, тогда... — он махнул рукой, — никого я не пойду провожать, тоже домой поеду.

— Валяй! — Любка рассмеялась и, отбежав в сторону, помахала белой варежкой. — Не прогадаешь ли? — крикнула она издали.

— Иди ты... — проворчал Лёшка и пошёл в метро.

Ехали они вместе. Лёшка всё время пытался взять Наташу под руку, но она смущалась и отталкивала его.

Наташе казалось, что на них все обращают внимание, и, действительно, внешность у Лёшки была яркая, бросающаяся в глаза. Рыжий чуб, кубанка набекрень, короткое полупальто нараспашку, брюки заправлены в сапоги...

— Мне выходить, — с облегчением произнесла она у «Калининской».

— Да? И мне тоже. Ах, какое совпадение! — Лёшка сказал это с серьёзным выражением лица, но Наташе показалось, что он смеётся над ней.

— Где я живу? — переспросил Лёшка. — Да напротив Военторга. Белый двухэтажный домик. Знаете?

Он пошёл её провожать, и Наташа всё время боялась, как бы не встретить знакомых. Они остановились у парадного.

— Ну вот, мне сюда. — Наташа протянула ему руку.

— Подождите, — настойчиво сказал Лёшка, задерживая её руку в своей. — Подождите, ведь я люблю вас.

Это было так неожиданно, что Наташа прислонилась к стене дома и растерянно закрыла глаза.

— Вы на меня и внимания никогда не обращали. Мол, непутёвый, хулиган, что мне до него!.. — с трагической ноткой в голосе говорил Лёшка. — Сколько раз я за вами по следам ходил... Весь район этот, как свой, знаю. А вы приглядитесь, может, это я только снаружи таким показываюсь... А внутри что? Я бы тоже учиться хотел, в институт пойти там... или ещё куда. А жить-то, пить-есть надо?

Наташа приоткрыла глаза. Карниз парадного бросал на лёшкино лицо тень, и оно не казалось сейчас уже таким вызывающим.

«Правда... — подумала Наташа. — Разве вина его, что не было у него условий учиться?»

— Наташа... — сказал Лёшка. — Наташа...

Он положил ей руки на плечи.

«Вот сейчас! — мелькнуло у неё. — Нет, не хочу, не хочу так!» Она открыла глаза и совсем близко увидела холодный и твёрдый лёшкин нос, губы.

— Нет! — вскрикнула она и рванулась в сторону. Мокрые тёплые губы мазнули её по щеке.

2

Когда Наташа вошла в кабинет Седина, тот зло отчитывал мастера крупноточарной группы Залыгина.

— Я тебя под суд отдам! Я т-тебя стружку заставлю возить!.. Ведь мы этот квадратный прокат, как из милости, выпрашиваем, нам его на болты не хватает, а ты его на звёздочки переточил!

Залыгин, некрасивый горбатый старик, с красным толстым лицом, сидел на кончике стула и взволнованно оправдывался:

— Да ведь нет его, круглого проката такого диаметра, Виталий Тимофеевич! А больший диаметр брат — металл в стружку переводить...

— Иди в отдел снабжения, требуй, за горло их бери! Пусть достают! А то он взялся звёздочки из... золота точить!.. Цех на хозрасчёте...

Залыгин ушёл. Седин поднял глаза на Наташу.

— Вот, пожалуйста, ещё одно! — Седин выкинул руку жестом заправского оратора, обращаясь к несуществующим слушателям. — Ещё одна сердобольная душа появилась у меня в цехе. Бла-го-да-рю! Я, видите ли, безжалостный человек, а она, видите ли, сестра милосердия! Отлично.— Седин откинулся на спинку кресла, держась длинными, как у орангутанга, руками за углы стола.

«Откуда он узнал?» — испуганно подумала Наташа.

— Ну-с, так что же вы молчите? Или вам с таким человеком и говорить не о чем? Не снисходите? — тем же раздражённым тоном сказал Седин, но Наташа вдруг с удивлением почувствовала, что он больше не сердится. И кипение это и раздражённый тон — внешнее, а внутри буря уже улеглась, а может быть, даже её и не было.

— Я вам одно скажу, Виталий Тимофеевич.— Наташа посмотрела в маленькие, глубоко запрятанные глаза Седина.— Тогда я нарушила дисциплину и была неправа, были правы вы, сейчас я тоже нарушила дисциплину, но я права. Вернее, мы правы,— уточнила Наташа,— но это неважно.

— Конечно, неважно, — подтвердил Седин. — Потому что придётся отвечать не группе, а вам.

«Всё знает! Кто ему доложил? Вовка, что ли?» — Наташа покраснела и отвернулась.

— Ну ладно, — уже мягче сказал Седин. — Будем считать, что вы правы на этот раз. Но предлагаю... — он сделал многозначительную паузу, — в будущем воспитательной проблемой заниматься несколько раньше. Примерно до первого выговора, профилактически. А не доводить дело до суда.

Седин откинулся на спинку стула.

— Помню раз, когда я мальцом ещё был, послал меня отец в село за керосином. А я бутыль и разбей. Пришёл — отец меня кнутом. Идёт цыган: «За что учишь?» Да вот, так и так... «Раньше надо учить, — говорит цыган, — раньше! Дал бутыль, взял кнут, отхлестал как следует. Мол, разобьёшь — того больше будет». — Седин засмеялся. — И вы тоже раньше учите... как тот цыган. Идёт?

— Идёт, — поспешно подтвердила Наташа, обрадованная, что всё так хорошо кончилось, и пулей вылетела из кабинета.

3

В комитете было душно и шумно. В углу на скамейке сидел Михаил и задумчиво играл на баяне. Любка, положив руку ему на плечо и неотрывно глядя на него сбоку, пела:

Ты играешь, ты играешь...
Ты играешь... и играй!
Мово горя ты не знаешь,
Ты не знаешь и не знай!

Голос у неё вдруг высоко, почти слезливо оборвался.

Вошла Наташа, осмотрелась по сторонам и села рядом с Любкой.

Репетиция кружка самодеятельности начиналась в восемь часов, но ребята приходили в комитет гораздо раньше — почти сразу после работы. Здесь можно было спеть под баян хором, потанцевать, сыграть партию в шахматы, просто поболтать. Наташа зашла сюда случайно раза два — и стала ходить каждую субботу.

Она немного послушала, как поёт Любка грустные частушки, и дёрнула её за рукав.

— Да ладно, не скули!.. Ты знаешь, Седину кто-то уже всё сказал. Он вызывал меня сейчас.

— Да? Ну и чёрт с ним, — равнодушно ответила Любка. — Петя, наверное, и сказал... Да и то, разве скроешь в цехе? — Она отодвинулась от Михаила. — Ну, что Лёшка вчера болтал?

Наташа покраснела.

— Лёшка? Ничего... А тебе что?

— Да я так... — Любка отвернулась, потом негромко сказала: — Я просто тебя предупредить хотела, чтоб ты уши не больно развешивала. Он и мне, бывало, напевал: ты хорошая да красивая... Приятно. А кончилось не очень приятно... И ты смотри.

Наташа резко взмахнула рукой.

— Что — смотри? Дурак он, и всё! И не нужен мне.

Михаил нагнулся из-за Любки, будто ненарочно обхватив её рукой.

— Ну, где же твой Лёвка? Я бы сейчас с ним и позанимался, а то после репетиции я не смогу уже.

— Не знаю. — Наташа вздохнула. — Витя говорил, что должен прийти...

— Какой Лёвка? — спросила Любка, не отстраняясь от объятий Михаила.

— Да Сайко... пионер наш. Он хотел учиться играть на аккордеоне — я и упростила Михаила взяться обучать мальчишку.

— Вот понравилось тебе с малышами нянчиться, — сказала Любка. — Брось. Своих забот не хватает?

— Ну и что ж... — Наташа опустила голову. — Жалко, что ли?

Наташа отошла от Михаила и Любки и остановилась за спиной Сергея, который писал на листах обёрточной бумаги плакат: «Рабочий! Требуй, чтобы у тебя выбирали стружку при переходе с обработки чёрных металлов на цветные! Смешанная стружка идёт на свалку!» Эти плакаты ребята по совету Пети собирались развесить завтра в цехах.

Наташа закрыла глаза Сергею руками; тот уверенно сказал:

— Наташа! — и, повернувшись к ней, объяснил: — У тебя руки мягче, чем у всех наших девчат. И меньше.

— Ну тоже не очень-то маленькие.— Наташа со вздохом взглянула на свои руки.— Бывают, знаешь, какие...

Вошёл Андрей, слесарь, который ремонтировал теперь с товарищами станки на наташином участке. Ходить на репетиции он стал совсем недавно. Обычно он садился где-нибудь в дальнем углу и молча, с каким-то напряжённым интересом наблюдал за ребятами. Особенно внимательно он слушал сольное пение. Если все смеялись шутке Михаила или какой-нибудь нелепой выходке Вани Кузнечика, он тоже улыбался из своего угла неожиданно-белозубой улыбкой, и тогда его лицо становилось простым и симпатичным, будто в тёмной незнакомой комнате зажигали не яркую, но очень уютную и спокойную лампу.

Ребята разузнали откуда-то, что он хорошо поёт, и у Наташи сразу вспыхнул интерес к этому замкнутому и неразговорчивому парню.

Наташа очень любила пение. В детстве она мечтала, что, когда вырастет, у неё будет хороший голос — от кого-то она слышала, что голос «открывается», когда человек достигает пятнадцати-шестнадцати лет. Но голос так и «не открылся», и Наташа почти с обожанием относилась ко всем, у кого были хоть малейшие признаки этого «божьего дара».

Андрей, как обычно, стараясь не привлекать к себе внимания и от этого задевая все попадавшие ему на пути предметы, прошёл и сел на скамейку за бюстом Ленина. Наташа под села к нему.

Вдруг Ваня Кузнечик захлопнул сборник Щипачёва, который он читал, зажмурил глаза и стал читать какие-то стихи, по всей видимости свои собственные.

Где-то, среди звёздного тумана,
Мой и твой пути переплелись.
По безбрежной жизни океану
Наши вдаль дороги унеслись.
Где тебя, скажи, теперь я встречу...

Наташа слушала и думала, что вот Ваня — очень простой парень, а в стихах почему-то говорит чужими, холодными словами.

— Чьи это? — спросила Любка, насмешливо глядя на Ваню.— Твои, небось, поэт?

— Нет, что ты! — с напускным безразличием сказал Ваня и покачал головой.— Я про любовь не пишу.— Лицо его горделиво вспыхнуло.— А что, ничего стишата? Пожалуй, почище щипачёвских!

Наташин сосед неожиданно повернулся к ней и, заикаясь, медленно проговорил:

— Э-зачем он т-т-ак говорит? — Он помолчал немного и, махнув рукой, отвернулся.

«Ну вот, разговор начат!» — удовлетворённо подумала Наташа и, подбирая слова, как будто вовсе и не к нему обращаясь, заговорила

о том, что Ваня вообще немножко хвастун, как все молодые поэты, но это ничего, потому что он ещё совсем мальчишка.

Андрей слушал её внимательно, повернувшись к ней всем туловищем. Когда Наташа замолчала, он хотел что-то сказать, но запнулся на каком-то слове и замолчал, растерянно и виновато улыбаясь.

Наташа с прихлынувшей вдруг к сердцу симпатией всматривалась в его по-детски открытое и простое лицо и так хотела помочь ему, что интуицией угадала нужное слово и подсказала. Он обрадованно уцепился за него и дальше заговорил, почти не заикаясь:

— И п-правда, может, из Ваньки поэт будет... — трудно произнёс он. — Это ничего, что он такой неказистый с виду. Я у одного артиста был... в Большом театре поёт Садко и Германа. Он такой дядька простой, некрасивый даже... вроде нашего Архипова.

— А я раз на улице Тарасову встретила, — понизив голос, сообщила Наташа. — Я её даже не узнала сразу. И лицо совсем другое, чем на сцене... Я её только по губам узнала. Рот у неё особенный. И знаешь, — Наташа вздохнула и руки прижала к груди, — я раньше мечтала, если встречу её когда-нибудь, обязательно подойду и скажу: спасибо вам за Кручинину из «Без вины виноватых», за Катерину из «Грозы», Машу из «Трёх сестёр». Увидала — и не смогла. Потому что, ну, идёт простой хороший человек и ни на кого внимания не обращает — что ж к нему приставать?

— И у нас, может, кто-нибудь, как Тарасова, будет потом... Ведь не узнаешь заранее.

Наташа, вдруг решившись, сказала, что знает о том, что Андрей хорошо поёт, и нужно, чтобы он у них обязательно спел. Она увидела, как быстро ушёл он в себя, как исчезло из глаз и с лица его доверчивое и детское выражение. Он замотал головой и сказал, что петь не будет.

«Эх, какая я! — выругала себя Наташа. — Разве же можно так... Только было перестал стесняться, а я его сразу...»

И, стараясь вернуть последнее настроение откровенности, осторожно взяла Андрея за пуговицу рубахи и со всей сердечностью, на какую только была способна, стала доказывать, что он неправ, не должен отказываться, что талант это совсем не личное дело каждого: хочу — отдам, хочу — в сундук положу. Вот есть люди такие, как сама Наташа, например, которые очень, ну больше всего, любят пение. А сами петь не могут. Голоса нет. Так как же не совестно тем, кто хорошо поёт, лишать их любимого удовольствия!

И Наташа привела самый, казалось ей, убедительный довод:

— А потом, это только сначала петь стесняешься и страшно. Привыкнешь — и перестаёшь. Как говорить не стесняешься, так и петь.

Андрей опустил голову и, хлопнув большой, пропитанной машинным маслом рукой по колену, горько и тихо сказал:

— Я стесняюсь говорить.

Наташа даже съёжилась, так неловко ей стало от своей оплошности.

— Я знаю, — сказала она. — Прости, я не то сказала.

На «мёртвый склад» Петя пришёл позже всех. Склад находился над зточным отделением, под самой крышей. Здесь было темно, холодно, неуютно. Длинными, нескончаемыми рядами тянулись чёрные металлические стеллажи, на них навалом были сложены приспособления вперемжку со сломанными машинными развёртками, шарошками, свёрлами... Всё это заросло толстым слоем многолетней пыли, прочно смешавшейся с тавотом. В дальнем конце склада слышались голоса молодёжи, смех, даже песня. Это молодые конструкторы начали эскизировку приспособлений.

Петя по собственному опыту знал, что само собой никогда ничто не делается. Хотя на комсомольском собрании отдела молодёжь приняла на себя обязательство составить альбом приспособлений мёртвого склада, с эскизиривкой никто не торопился. Работа малоинтересная, пыльная — у всех находилось что-нибудь неотложное. И только после того, как Лидия Лешма взяла это дело в свои руки, работа пошла.

Лидия поначалу Петру не понравилась. Насторожила слишком широкая улыбка, манера громко разговаривать, громко смеяться. Ему казалось, что всё это наигранное, искусственное. Познакомившись с ней поближе, он убедился, что это не так. Был момент, когда ему даже казалось, что он мог бы полюбить её. Потом это ощущение прошло, но относился он к ней попрежнему хорошо, дружески бережно.

Петя пошёл по складу вперёд, на голоса. Первым, кого он увидел, был Володя Быков. Он бегал от одного ряда стеллажей к другому и предупреждал, чтобы одновременно разбирали и инструмент.

— Что ещё можно исправить — оставляйте, а что нет — в угол сваливайте, на переплавку пойдёт.

Петя подошёл к стоявшим в стороне Лидии и Корнееву.

— Идёт работа? — спросил он у Лидии только для того, чтобы что-нибудь спросить. Та улыбнулась в ответ.

— Знаешь, какой я кондуктор откопал? — сказал Корнеев. — Я его ещё мальчишкой сделал, двадцать пять годочков назад.

Лидия взяла Петю под руку и потянула за собой к выходу.

— Проводи меня немного, Петюнчик... Я уйду сегодня, но уж зато потом бессменно буду дежурить. У меня сегодня, — Лидия смеющимися глазами взглянула на Петю, — важное свидание.

Они дошли до выхода, и Лидия, тяжело прихрамывая, стала спускаться по лестнице.

— Давай я тебе помогу, — предложил Петя.

Лидия махнула рукой.

— Ну вот ещё. Не первый год.

Петя вернулся на склад.

«Молодчина она, такую не свалишь горем, не Варька, — с уважением подумал он. — Да и то сказать, легко по жизни катятся только дураки да прохвосты. А так у каждого человека в жизни какое-нибудь горе было. У одних — любовь несчастливая, у других — смерть близких, у третьих — по работе неудачи. Пока это не прошло ещё, кажется, что никогда и не забудешь, всю жизнь камнем на душе лежать будет. Правда, есть люди, которые делают себе из своих несчастий крест и гордо несут его с вечно скорбным лицом. Но большей частью это ни к чему не пригодные нытики и слюнтяи».

Он сказал об этом Корнееву. Тот улыбнулся, поскрёб затылок и шутиво погрозил ему пальцем.

— Слюнтяи! Хорошо тебе, здоровому, так рассуждать. А у меня вот язва... Бодрись не бодрись, а она, матушка, о себе — раз, да напомнит: мол, не рыпайся особенно, я тут...

— Степан Васильевич! — позвал Корнеева Володя. — Я там кондуктор интересный откопал. Пойдёмте, разберёмся.

Они ушли. Петя походил между стеллажами, посмотрел. Дела шли хорошо. Он взглянул на часы. Пожалуй, надо было итти. Он обещал Наташе быть сегодня на занятиях драмкружка.

Когда он вошёл в комитет, Лёвки всё ещё не было.

— Верно, не придёт, — стёрченно сказала Наташа, подойдя к Пете. — Может, отец не пустил? Поздно домой возвращаться?

— Отец на заводе ещё.— Петя сел рядом с Михаилом, попросил: — Серёжа, спой мою любимую.

Любимой петиной песней была «Летят перелётные птицы». Пели её обычно и хором, но особенно хорошо пел её Сергей.

Михаил проиграл два такта вступления, когда открылась дверь и вошёл Лёвка. Петя сразу почувствовал, что многих колебаний и раздумий стоил Лёвке этот приход, что даже тут, под дверью, настоялся он достаточно, прежде чем войти.

Стараясь ни на кого не смотреть, Лёвка с деланной развязностью поздоровался и сказал: «А я вас искал, искал...» — и сразу же подошёл к «малышам», как называл Петя тройку бывших наташинных пионеров. С ними он поздоровался обстоятельно и солидно, за руку, и сразу же у них начался какой-то свой, деловой разговор.

Петя взглянул на Наташу. Та, видно, хотела скрыть, что очень обижена, и не могла. Лицо у неё вытянулось. Пете показалось, что она вот-вот заплачет.

«Она равнодушие это детское за чистую монету принимает.— Петя улыбнулся.— А не понимает, что ему это равнодушие дорого обходится».

Он отвёл глаза от Наташи, случайно взглянул на Андрея, сидевшего на своём обычном месте — в углу за бюстом Ленина. Андрей смотрел на Наташу, и лицо у него было болезненно-напряжённым, будто Андрей силился что-то понять.

— Здравствуй, Лёвка! — вдруг громко, почти вызывающе сказала Наташа.

Лёвка медленно обернулся, краска выступила у него на лице. Он сделал как-то боком шаг к ней навстречу и протянул руку.

— Здравствуйте, Наташа,— тихо проговорил он.

— Я по тебе так соскучилась, а ты со мной и не здороваешься.— Наташа, будто нарочно, говорила очень громко.

Лёвка покраснел ещё гуще, что-то пробормотал и так же боком отошёл в сторону.

«Видно, ты не так соскучилась, как он, раз так легко говоришь об этом,— подумал Петя.— Когда по-настоящему соскучишься, ой как трудно это сказать!»

Неожиданно Андрей вышел из своего угла и подсел к Лёвке.

— А м-мы с т-тобой ведь живём рядом,— заговорил он. При первых его словах Лёвка с удивлением поднял на него глаза, и видно было, что он с трудом сдержал улыбку.

— Т-ты мимо нашего дома в школу ходишь,— пояснил Андрей.— Ты ведь у Салтыковского пруда живёшь?

— Да.— Лёвка смотрел Андрею в лицо.

Подошла Любка и, не стесняясь, стала разглядывать Лёвку.

— Славный парнишка будет,— громко сказала она Наташе.— Глаза — просто чудо. А на отца не похож.

— Очень похож,— возразила Наташа.

Они заспорили.

Андрей, будто защищая парнишку от дерзких любкиных глаз, обнял его одной рукой и заговорил с ним, близко нагнув своё широкое, с редкой россыпью жёлтых веснушек на щеках и переносье, доброе лицо. Видно было, что Лёвка сначала отвечал неохотно, потом они разговорились.

Михаил подтолкнул Наташу: «Давай начинай, а то я домой». Наташа спросила Лёвку об аккордеоне.

Лёвка нехотя отвернулся от Андрея и сказал, что он аккордеон не взял, потому что, во-первых, у них при школе организовали кружок игры на аккордеоне, а во-вторых, отец не разрешает ему ездить в город вечером — очень поздно возвращаться домой.

— Ну, как хочешь.— Наташа обиженно качнула головой.— Жалко, правда, но как хочешь...

«Нет, она в сущности ещё ребёнок»,— подумал Петя и улыбнулся.

— А ты, парень, всё-таки заходи к нам,— сказал он Лёвке.— На вечера приезжай, у нас вечера хорошие бывают. Вон на новогодний с Андреем вместе приезжай.

Петя подумал, что, пожалуй, если бы Андрей захотел, он мог бы вполне заменить Лёвке Наташу. Тем более, что парнишке сейчас нужно чувствовать рядом не женскую, а дружескую мужскую руку.

— Ну, поехали, что ли, вместе домой!— Андрей встал и, неловко шагая между стульями, начал пробираться к выходу. Лёвка тоже поднялся.

Наташа, хмурясь, смотрела им вслед.

— Андрей...

Андрей остановился, держась за косяк двери, наклонив голову. Он смотрел на Наташу, не замечая никого, кроме неё, и глаза его были покорными и серьёзными.

Наташа хотела что-то сказать, потом раздумала.

— Ладно. Потом.

Михаил и Любка вышли с репетиции вместе. Было морозно, снег скрипел под ногами. Из вентилятора, вставленного в окно столовой, валил пар и тут же оседал на стене толстым, серебряно сверкающим мельчайшими кристаллами наростом.

Любка, выглянув из пушистого воротника, спросила:

— Ты что скучный такой? Идёшь, как покойник, рукой не шевельнёшь.

— А что шевелить?— Михаил вздохнул, развязал и опустил уши шапки.— И так холодно.

— Замёрз, старик!— Любка рассмеялась и легко подтолкнула его плечом.— Давай погрею.

Михаил видел, что развязность даётся Любке нелегко, что весёлость её деланная. Видел, что она нервничает, на щеках у неё проступили красные пятна. Михаил опустил воротник и внимательно посмотрел на неё. Любка не отвела взгляд, лицо её медленно побледнело, жалко опустились книзу уголки губ.

— Миша...— прошептала она, положив руки в тёплых белых варежках ему на грудь. Совсем рядом от губ Михаила были теперь горячие и нежные девичьи губы— только наклонись. Он стащил с неё варежки, сжал крупные, шершавые любкины руки в своих.

— Любаша...— проговорил он.— Любаша...

Любка клонила к нему, сонно прикрывая глаза ресницами.

— Идёт кто-то.— Михаил отпустил её, оглянулся. На той стороне пустынной, звенящей от мороза улицы скрипел под чьими-то ногами снег.

— Пошли!— Любка опять втянула голову в воротник, съёжилась.— Замёрзла я...— Она вздохнула и уже спокойно спросила:— Ты где живёшь, всё у Серёжки Орлова?

— Да. А что?— Михаил опять взял её под руку.

— Так. А мать его терпит?

— А ей-то что? Я же плачу. За квартиру и за питание.

— Да... А... Варьке... помогаешь?

Михаил помолчал.

— Не хочет она... не берёт.

— Трудно ей.— Любка вздохнула.— С сынишкой-то.

— Что ж трудно? Работает она. Вот разведёмся, буду платить положенные двадцать пять процентов.

Дальше разговор не клеился. Оба чувствовали, что между ними будто кошка пробежала.

Михаил оглянулся. На чёрном высоком небе холодно горела луна. Плоские тёмные силуэты домов; заиндевевшие, с обвисшими тяжёлыми ветвями деревья; морозная, звенящая пустота и тишина.

Михаил бережно отстранил Любку, остановился, взял в ладони её лицо. Любка закрыла глаза.

— Красивая ты, Любаша,— тихо сказал Михаил.— Может, на свете и нет такой больше...

Любка высвободилась, придвинулась к нему.

— Ведь судьба нас сводит, Миша. Я тогда решила — дождусь! И... дождалась.

Она смотрела на него сейчас такими сияющими счастьем глазами, что Михаилу стало неловко.

«Поцеловать её? Ведь ждёт она этого!» — подумал он. Бросил папиросу, откашлялся и, не глядя в глаза Любке, сказал:

— У вас, у девчат, есть дурной обычай. За первый поцелуй — пощёчину давать... Я бы тебя поцеловал, да битым домой уходить неохота.

Любка вспыхнула.

— Я же не девочка...— медленно проговорила она.— И зачем тебе... уходить, пойдём ко мне...

Михаил почувствовал, как она замерла, ожидая ответа.

— Нет, Любаша. Подожди ещё, как у меня там поберётся. Не хочу так, украдкой, у чужого счастья руки греть. Мне,— Михаила занулся,— и своего должно быть полной мерой отпущено.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Утрами теперь было темно, в пехе зажигали свет. От этого будто становилось больше тёмных углов и казалось, что оттуда и идёт, заполняя весь цех, стойкий машинный запах, запах завода и работающих станков. Тёмным металлическим блеском отливали высокие стопки готовых деталей на столах, стружка в тележках отбрасывала длинные расплывчатые тени.

Наташа прошла на свой участок розовая с мороза, невыспавшаяся, с припухшими веками. Любка включила станок, постёрла глаза чистым ещё кулаком и пожаловалась Наташе:

— Спать хочется. В половине шестого встала да легла в первом часу. Только ляжешь — уже вставай.

Наташа зевнула.

— Ничего, это только сначала. Рассветёт — и отойдёшь.

Неподалёку от любкиного станка на колонне висел плакат. Проходившие мимо рабочие останавливались, читали, недоверчиво качали головами, улыбались.

— Выйдет ли у нас что-нибудь с этим делом? — тревожно сказала Наташа.

— Ничего,— успокоила её Любка.— Не сразу. Сначала надо хотя бы на своём участке это сделать. И чтобы нашу стружку отдельно на заднем дворе сваливали. А потом пойдёт. Ведь на других же заводах это давно введено.

Наташа прошла в конец участка, туда, где начали ремонт станка Сергея. По направляющим старенького «Вотана» сосредоточенно шаркал шаблом Андрей. Плечи у него были высоко приподняты, широкий

низкий лоб покраснел от напряжения. Наташа подошла, остановилась напротив, засунув руки в карманы халата, громко сказала:

— Здравствуй, Андрей!

Тот быстро поднял голову, и на мгновение на лице его появилось растерянное выражение, потом глаза его обрадованно блеснули, он смущённо улыбнулся, поздоровался и, опустив голову, принялся работать, не поднимая глаз.

Когда Наташа в первый раз позвала тётю Василису, чтобы та выгребла стружку из поддона станка Вити Архипова, та недоверчиво спросила:

— Будто уж полон? Утром ведь, после ночной смены выгребла.

— Полон,— коротко сказала Наташа, не желая пока пускаться в объяснения.

Тётя Василиса подъехала с тачкой к станку, остановилась и, обернувшись к Наташе, сердито сказала:

— Ты это что ж, молодая? Смехом, что ли! Тут и половины не будет.

— Не сердись, тётя Василиса,— как можно ласковой сказала Наташа.— Распоряжение такое теперь вышло, что чёрную стружку отдельно выбирать и складывать, а цветную — отдельно. Переплавлять её будут.

Тётя Василиса покачала головой.

— Чтой-то я не слышала про такое распоряжение.

Витя тоном превосходства сказал:

— Вон на столбе плакат висит, видела? Грамотная? Иди прочти.

Тётя Василиса положила совок в тачку и, крепко топя толстыми ногами в валяных опорках, пошла к столбу.

Вернувшись, она выгребла поддон и сердито спросила Наташу:

— А на заднем дворе-то как? А то я буду отдельно складывать, а кто-нибудь возьмёт да в мою кучу мешаную стружку и высыпет.

— Мы там два столбика с плакатами поставили,— обрадованно объяснила Наташа,— где чёрную, а где цветную сыпать. А ты, если увидишь, что какой-нибудь дурень мешаную высыпать хочет,— не давай. Объясни ему! Ты теперь знаешь.

Подошла Любка.

— Я была на заднем. Там Петя двух ребят поставил, они следят, чтобы не смешивали стружку.

Первое время Наташе казалось, что ей будет труднее установить контакт со взрослыми рабочими, чем с молодёжью. Оказалось наоборот. Старшее поколение признало в Наташе мастера и подчинялось ей в силу производственной дисциплины, даже если Наташа ошибалась. Но что было делать с такими, как Ваня Кузнечик?

Родители Вани были очень обеспеченные люди, и Ваня работал лишь потому, что не желал учиться.

Наташа замечала, что часто его станок работает вхолостую, а сам Ваня или читает, положив книгу на рабочий столик, или стоит, сосредоточенно потягивая дым из папиросы, напряжённо глядя в пространство. «Сочиняет!» — говорили ребята.

— Я — это особая статья, — сказал Ваня Наташе, когда она попрекнула его низкой выработкой.— Ты на меня ориентир не держи. Добивайся, чтобы вся группа хорошо работала, а я сколько даю, и то ладно. Я, может, побольше других выполнению плана заводом помогаю.

— Чем же это? — насмешливо поинтересовалась Наташа, убирая с края стола вот-вот готовый унасть микрометр.— Уж не ротозейством ли своим?

— Нет, не совсем этим, — серьёзно ответил Ваня и добавил: — Помнишь, кто сказал, что печать и печатное слово — это самое острое оружие? Вот! — Ваня победоносно взглянул на Наташу. — Поняла? Я, может, через это и работаю медленно и брачок у меня идёт. А иначе нельзя.

— Ты мне скажи, что с Ваней делать? — спросила Наташа Любку. Та подгоняла воротком кулачки зажимного патрона к детали и отозвалась не сразу.

— А очень просто. — Любка подвела резец к детали и, включив автоматическую подачу, встала у столика, рядом с Наташей. — У нас зазнаек просто лечат. Вон как Юрку, мы его на групповом комсомольском собрании пропесочим, потом на комитете. А если не поможет — на общем собрании и в райком.

— Можно, пожалуй. — Наташа почесала переносицу.

— Ты измазалась, давай вытру. — Любка чистыми концами потёрла Наташе лоб. — А то парень всю группу портит. Поэт!

— Можно, пожалуй... — повторила Наташа без особого энтузиазма. — Только ведь одними разговорами человека не исправишь. Вон... Юра. Работает теперь, дисциплинированный, а всё... будто давится. Охоты нет в руках.

«Надо с ним немедленно что-то делать, — думала Наташа. — На что он на участке мне такой-то нужен? Если бы ещё точно знать наперёд, что из него что-нибудь особенное выйдет... — Наташа смущённо остановилась. — А вдруг он, правда, страшно талантлив и поэтому рассеян, как все талантливые люди, а я, как бюрократ... — Она сердито закусила губу. — Ну и пусть! Мне на станке не поэт, а токарь нужен. А то так-то у меня весь участок — сплошные таланты. Сергей поёт, как Шаляпин, Машенька пляшет, дядя Ваня Куприянов в самодеятельности «отца Ванюшина» играет. Витя, и тот на балалайке в струнном оркестре...»

Она вспомнила, как Архипов говорил ей, что распределение работы по нарядам тоже может помочь воспитанию человека.

«Вот, например, Сергей, — думала Наташа, — любит парень точную работу. Лежит у него к ней душа, даже заработать меньше согласен, лишь бы не просто какую-нибудь обдирку или грубую расточку сделать, а обработать деталь, которая умения требует, чтобы на неё потом и поглядеть приятно было. И надо, если возможность есть, ему работу такую давать. А дядя Ваня Куприянов тоже токарь хороший, но первым делом смотрит, можно ли заработать на этой детали. Любка... Эх, Любке надо бы авдеевский станок, уж она давала бы рекорды! С умом работает, прикинет поженски, как выгоднее взяться за деталь, и любую работу лучше и раньше всех сделает. А Ване... Ване я буду давать самую несложную и грубую работу. Ту, которая ни души, ни умения не требует. Либо это его заденет за живое, либо я уже ничего не понимаю в людях...»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

После морозного воздуха улицы в передней пахло душистым теплом человеческого жилья, запахом пирогов, свежей хвои, уксуса. Открывшая дверь толстая низенькая женщина в хлорвиниловом синем переднике, надетом прямо на длинное вечернее платье, подозрительно оглядела пришедших и постучала в крайнюю дверь.

— Варя! К вам гости! — и, прыснув в пухлый кулачок, добавила: — И мужчи-ины!

На стук вышла невысокая, кое-как причёсанная женщина в выцветшем байковом халате. Наташа не сразу узнала в ней Варю.

Она растерянно всмотрелась в пришедших и невесело сказала:

— Лида? Ребята? Вы зачем... Спасибо, Цецилия Петровна, — запоздало поблагодарила она низенькую женщину.

Из соседней двери выскочила Лизка в мятых светлых брюках и поло-сатой пижамной кофте. Волосы на голове у неё были закручены в несчёт-ное количество бумажных узелков. Бесцеремонно оглядев вошедших, она спросила:

— Володя, Петя? Вы что это, к Варьке Новый год встречать? Она ничего не готовила.

— Пускай... — успокаивающе начал Володя Быков.

Лизка перебила его:

— Ладно! Мы пять пирогов испекли, я вам дам один, всё равно под пьяную лавочку мама не заметит. Бутылочку грузинского, пожалуй, из закусок что-нибудь. Ничего, наберём!

— А может, ты и сама к нам переберёшься? — весело спросил Петя. — С закусками вместе?

— Сама? — Лизка с минуту колебалась. — Да ведь тесно у Варьки, восемь человек вряд ли поместятся.

— В тесноте — не в обиде, — вставил Володя из-за петиного плеча.

— Ладно, — согласилась Лизка. — А ухаживать за мной кто будет? А то мама пригласила трёх солидных претендентов на мою руку...

— Я, — нерешительно сказал Володя и поправил галстук.

— Ты? — Лизка передёрнула плечами, потом махнула рукой. — Ладно.

Комната, действительно, была маловата. Помещались в ней только две кровати, стол и этажерка, проход оставался не шире шага. В углу, за столом, стояла небольшая ёлка. На столе лежала чертёжная доска с приколотым листом ватмана.

Лидия обвела глазами комнату.

— Н-да-а, Тесновато! Недаром муженёк и сбежал от тебя.

— Лида! — ахнула Машенька.

Но Лидия только отмахнулась.

— Что там! Это безобразие, что у нас люди ещё живут в таких кле-тушках! Разве тут возможно не поругаться? Нос к носу. Да ещё ребёнок...

В детской кроватке с сеткой стоял в короткой, выше колен, рубашонке худенький белобрысый человечек с серьёзным лицом. Смущённый всеоб-щим вниманием, он поднял руки и потянулся к Варе.

— Ка-акой чудесный! — вскрикнула Лидия и схватила его на руки. — Ах ты!

Подобрав платье, она шлёпнулась с ним на большую кровать и при-нялась тискать и целовать выдирающегося у неё из рук мальчишку.

— Ты работаешь? — Петя подошёл к чертежам. — Под Новый год? Похвально.

Он искоса наблюдал за Лидией, тискавшей Никитушку, потом, решив-шись, сел рядом с ней на кровать, протянул руки.

— Эй, парень! — громко и неловко сказал он. — Иди ко мне. Нечего там слюни разводить.

Никитушка потянулся было к нему, потом замахал руками:

— Нет, дядю. Нет.

— Это я тебе чертила резец, — сказала Варя Наташе. Видимо, она не очень обрадовалась приходу гостей и стояла в стороне, как чужая.

Наташа подошла к чертежу. Резец был изображён в трёх проекциях, горбоносый, солидный, внушающий доверие.

— Всю литературу перекопала, — хмуро продолжала Варя. — Конечно, я не сама его придумала, но углы резания — лучшие, рекомендованные в самых солидных изданиях.

Варя отколола чертёж, подала Наташе.

— Вот. Только подписывать сама иди. К Годуку не стоит, лучше иди к Лешу или Сайко.

— Спасибо. — Наташа свернула чертёж в трубочку и остановилась в нерешительности — не уйти ли ей? Наташа вообще терялась в незнакомой обстановке, а тут ещё и приём был не слишком радушный.

«Не помогло ей моё лекарство... — подумала она. — Всё равно хандрит, и глаза красные...»

Прибежала Лизка с пирогом, уже причёсанная, в блестящем шёлковом платье до полу, с жемчужным ожерельем, похожая на испанку. Володя и Лизка убрали со стола доску, накинули скатерть, поставили пирог, бутылку вина, закуску, сваленную на одну тарелку. Володя на минуту исчез и вернулся со свёртком и двумя бутылками водки. Лизка распорядилась:

— Петя, открой, пожалуйста, вино. Девочки, там в тумбочке у двери есть стаканы и тарелки.

Они проводили старый год, выпили за успехи в новом. Стало шумно и весело. Все сидели на кровати, придвинутой к столу. Горели только лампочки на ёлке, от этого водка в стаканах казалась зеленоватой, красноватой, голубой. Серёжка Орлов и Володя не в лад пели «Ревела буря». Машенька и Наташа старались подпевать им, Лизка тоже пела и всё хохотала, откидываясь назад на кровать. Лидия рассказывала Варю:

— Мы ведь к тебе прямо с вечера. Я знала, конечно, что ты раскисла, подговорила ребят, и мы отправились все сюда. Ведь хорошо вышло, правда?

— Правда, — уже веселее говорила Варя. Щёки у неё покраснелись; в зелёном шерстяном платье с белым воротничком она казалась даже хорошенькой.

— Я по себе знаю, как важно рассеяться в грустную минуту. — Лидия вздохнула. — Когда Саша умер... я месяц целый сама не своя ходила. Водку пила... Чуть с ума не сошла. Если бы не ребята из института... Ну ладно! — оборвала она себя и взяла с тарелки кусок пирога. — А ты знаешь, Варюха, какая у них самодеятельность! — Лидия кивнула в сторону Пети. — Чудесная! Так пели, так плясали — замечательно!

— Я знаю. — Варя вздохнула. — Ведь мы когда-то с Любкой дуэтом пели. Помнишь, Петушок? — Варя взглянула на Петю немного ослонившими глазами. Петя кивнул.

— Помню. Хорошее время было...

Варя сжала щёки ладонями, низко запела:

На речке, на речке, на том бережочке
Мыла Марусенька белые но-оги!

Голос у неё сорвался, она уронила голову на стол и заплакала.

— Ну, это уж ни к чему. — Лидия положила ей руку на голову. — Что ты дурака валяешь?

— Я не дурака... — Варя всхлинула. — Мишка-то там с Любкой! Я зна-аю!

— Ну и пусть их! — Лидия сердито притянула Варю к себе и громко крикнула: — Ну, вы там, перестаньте реветь! Давайте споем что-нибудь все вместе.

Спели «Ой, цветёт калина» и «Летят перелётные птицы». Когда допевали заводскую песню, заплакал Никитушка. Варя убаюкала его и сказала, что петь больше нельзя. Погасили ёлку и стали в темноте расска-

зывать всякие смешные и страшные истории. Потом Лизка вышла, за ней поплёлся Володя. Ушли Сергей и Машенька. Остались только Наташа, уснувшая на кровати, Петя и Лидия.

Лидия полулегла на смятую подушку и тихим, чуть хриловатым голосом говорила Варя:

— ...конечно, всякое может случиться. Бывает и так, что встречаешь человека, который тебе больше нравится, чем муж... или жена. Но ведь это редко бывает надолго, прочно. Сло-ожно это всё! Ломать семью из-за этого, пакостить её нельзя. Всех не перелюбишь. Да ещё если ребёнок... — Лидия вздохнула. — Я на фронте, ещё до Саши, любила одного человека, знала, что женат он. И он тоже любил меня. А раз прихожу, у него карточка на столе лежит. Толстый, славный мальчуган и женщина худая, страшная... Он мне говорит: «Не могу, Лида, ты прости. Видишь, какая она стала, сына сберегая. Себе во всём отказывает». И расстались мы с ним...

Лидия замолчала. Варя тоже молчала, сжимая руками лицо.

— Я, конечно, Михаила не знаю, — продолжала Лидия, — но если он из-за красивой мордашки от сына ушёл...

— Нет. — Варя покачала головой. — Нет. Он не такой. Здесь всё так сложно, Лида... Ой, как сложно! Если бы можно было всё начать сначала...

Петя бросил папиросу на пустую тарелку, налил себе полстопки водки.

— Да нет, — сказал он, глядя на голубоватую жидкость. — Ещё ты, Варюха, любишь усложнять жизнь. Дело же обстоит гораздо проще.

Петя не был уверен, что вся эта история так уж проста. Но ему хотелось утешить Варю. Она показалась ему сегодня такой слабой, обиженной и незаслуженно обделённой счастьем. Он отставил стопку и, взяв Варю за руку, убеждённо сказал:

— Ведь он любит тебя, Мишка-то. Правда. Я ведь знаю.

Варя закусил губу и наклонила голову, чтобы не было видно её лица.

— Лю-бит... -- шёпотом, в котором слышались слёзы, сказала она. — Если бы любил, так здесь бы он сидел сейчас. А то...

— И будет сидеть. — Петя вдруг вздохнул, медленно выпил водку. — Вернуться-то он вернётся, но только если у вас всё по-старому пойдёт... Ну, да, ладно. Надо итти ведь, — заторопился он вдруг и потряс за плечо Наташу. Та что-то пробормотала детским обиженным голосом, перевернулась на другой бок и продолжала спать.

— Вставай, вставай, ребёнок! — Петя ласково приподнял её за плечи, посадил. Наташа сонно оглянулась по сторонам, громко вздохнула. Глаза у неё опять закрылись, и она уронила растрёпанную голову Пете на плечо.

— Ну вот. — Петя старался говорить иронически, но у него перехватило дыхание. — Ещё этого не хватало! Что ж, мне тебя на руках нести?

— Оставь её, — сказала Лидия. — Пусть спят с Варькой, а мы пойдём с тобой.

— Придётся, видно, так. — Петя подвинулся в сторону, и голова Наташи упала на подушку. Он опять взял Варю за руку и, виновато глядя ей в лицо, сказал: — Ты не кисни, Варя. Всё будет хорошо... Правда!

2

После Нового года Наташа зашла к Седину сказать, что теперь чертёж у них есть и, как только резцы будут готовы, группа перейдёт на выборочное скоростное резание.

Седин против ожидания Наташи принял её заявление холодно.

— Не знаю, — сказал он, не отрываясь от подписывания рабочих нарядов. — Смотрите сами, вы человек технически грамотный. У меня ведь весь цех на руках, одной вашей группой мне заниматься нет времени. Тем более, что год только начался, новый план, новые авралы. Скажу вам одно... — Седин закурил и посмотрел на Наташу сквозь синеватые клубы дыма. — Скоростное резание у нас не привилось. Почему не привилось, сказать трудно. Много причин, а самая главная — станки. Ведь новыми-то станками нет смысла оборудовать цех полностью? Согласны?

Наташа кивнула головой. В самом деле, станочный парк подновлялся постепенно, по мере выхода из строя старых, допотопных станков.

— Ну, так вот. — Седин стряхнул пепел в стальную втулку. — Думайте сами, на свой страх и риск. Мне, — он хитровато улыбнулся, — главное, лишь бы программу лучше выполняли. Я Архипова попрошу зайти к вам на участок, пусть он взглянет, что у вас к чему...

По совету Седина Наташа и Любка решили сходить к Авдееву, попросить, чтобы он взял шефство над их участком. Всё-таки он был первым и лучшим скоростником завода... Правда, рядом с Авдеевым работал рыжий Лёшка, а Наташе не очень-то хотелось с ним встречаться, но она пошла.

Рыжий Лёшка работал на симпатичном крепеньком станке «ДИП-200». На крупных заводах в своё время эти «дипы» составляли большую часть токарного оборудования, сейчас их вытеснили другие, более мощные станки. Здесь же, где токарные станки вообще исчислялись тремя-четырьмя десятками, «дипов» было несколько штук, и станки эти, надёжные работяги, пользовались прочным уважением. Давали их только рабочим, которые наверняка не могли «заездить» станок нерадивым отношением.

У рыжего Лёшки была репутация хорошего токаря. Он был выучеником Авдеева, перенял от него бережное, хозяйское отношение к станку.

— Я за станком лучше, чем за собой, слежу, — серьёзно, но со смешинкой, навсегда засевшей в его жёлтых, немного разных по величине глазах, говорил Лёшка. — Ведь вы понимаете, что станок в работе — первое дело?

— Ну? — хмурясь, спросила Наташа.

Со всех сторон на них посматривали рабочие, зубоскалили, подмигивали Лёшке.

— Давай, Алёха, учи!

— Ишь, хитрюга, подобрал себе учениц что надо!

Лёшка, не смущаясь, встряхивал рыжим курчавым чубом, улыбался, показывая золотую коронку на переднем зубе, подмигивал налево и направо.

— Ничего, я научу, со мной не пропадёшь.

Подошёл Авдеев, остановился в стороне и, задумчиво вытирая корявые руки текстильными концами, слушал Лёшку. Потом неожиданно протянул Наташе руку и, значительно приподняв густые чёрные брови, сказал:

— Познакомимся. Я слышал, вы там, у себя на участке, скоростников наделать хотите?

Наташа пожалала его жёсткую плотную руку, уклончиво ответила:

— Какие там скоростники! Чуть-чуть работать бы получше. В хвосте ведь едем. — Она ещё не забыла, каким тоном он разговаривал с ней в лагере.

Авдеев испытующе смотрел на неё, потом, очевидно решив, что по молодости лет она неопасный конкурент, благосклонно сказал:

— Что ж, это дело милое. Только работников-то у вас там подходящих нет. Михаил... он тяжеловат. Вот Любаша разве? — Авдеев снял замасленную кепку и провёл рукой по буйно разросшимся волосам. Глаза его хитровато глянули на Любку. — Только она по женской невесомости отличным токарем стать не сможет. У токаря, как у казака, рука должна быть твёрдая, глаз верный, а натура гибкая. Услышал где новенькое — гнись к нему, попробовал, овладел — и ты снова впереди.

— Это мы посмотрим! — сердито проворчала Любка. — Цыплят по осени...

— Как Борис учится? — спросила Наташа.

— Учитя, — неопределённо ответил Авдеев. — Я до него мало касаюсь. Мать его выдумывает. То на скрипке пилил, а теперь на редактора хочет учить. Что ж, я не против. Работа лёгкая, не грязная.

Любка усмехнулась.

— Смотри, Матвей Ильич, как бы из твоего Бориса лоботряс не получился.

— Правда, — вежливо подтвердила Наташа. — Надо ведь что-то одно.

— Вырастет, сам решит. — Лицо у Авдеева стало суровым. — Нечего загодя человека выдумывать. Выйдет в жизнь, попытается, как слепой кутёнок, обо все камни, найдёт себе путь. А не найдёт... Значит, не стоит того.

— Мы, Матвей Ильич, хотим вам вот что предложить... — Она почувствовала, что робеет, и оглянулась на Любку.

— Ну-ну, — подбодрил её Авдеев. — Вы что?

— Хотим работать у тебя поучиться, подтянуться хотим, — сказала за Наташу Любка. — Для этого вызываем вас на соревнование со следующего месяца. А пока покажи нам, как скоростными резцами работать.

— Работать поучиться? — Авдеев усмехнулся, стаскивая опять кепку с головы и взъерошивая густые, смоляными завитками рассыпающиеся волосы. — А много ли вас, учеников-то?

— Да вся группа моя, — стала торопливо объяснять Наташа. — Мы хотим все по-новому научиться работать. Ну, конечно, одни — чуть лучше, другие — чуть похуже, но, в общем, ровно, чтобы у всех выработка поднялась.

— Ну, нет. — Авдеев решительно покачал головой. — Всем я не учитель. Мне самому работать надо. Вот если... начальство подкинет, — он сделал пальцами выразительный жест, — тогда пожалуй.

— Да не у одного у вас, — попыталась возразить Наташа. — Мало ли на участке токарей? Вы ведь тут, кажется, все скоростными резцами работаете?

— Откуда все? — лениво удивился Авдеев. — Я, да Лёшка, да Петрович вон. На всех, небось, резцов не напасёшь. Их ведь нам Лещ с других заводов носит, по парочке, по троечке. Да и что им, остальным, давать! Они работяги, как конь у цыгана... Вроде вас, норму и до ста не дотягивают.

— Так ведь ваша группа передовой считается! — возмущённо ахнула Наташа. — Или липа это всё?

— Почему липа? — спокойно возразил Авдеев. — А мы на что? Костяк рабочего класса! — Он ударил себя в жирную грудь. — Авдеев всех вывозит. По среднему ведь проценту живём.

Он вразвалочку пошёл к своему станку.

— Костяк! — Любка медленно покачала головой.

— А вы нашли, кого просить, куры-дуры! — сердито зашептал Лёшка. — Ему же невыгодно, чтобы больше скоростников было, потому что точная скоростная работа почти вся ему идёт. Он мне-то, — Лёшка плюнул, — уж на что родня, и то разряд задерживает в квалификацион-

ной комиссии. Невыгодно ему, чтобы ещё токарь седьмого разряда появился, мало у нас работы точной для высших разрядов, приходится и ему зачастую работу пятого-шестого разряда делать. Ясно? — Лёшка подмигнул Наташе, та отвернулась.

— Ну и чёрт с ним! — решила Любка, беря Наташу под руку. — Иди-ка, Наталья, к Лещу, подпиши чертёж, да пойдём его в инструментальный отнесём. Сами научимся.

Стол главного технолога стоял отдельно от других, наискосок в углу. Хотя в отделе было шумно, Лещ, казалось, не замечал этого. Он напряжённо смотрел в огромный чертёж станины и водил по нему тёмными костлявыми пальцами. Пальцы были старчески слабы и некрасивы, но Наташе они напоминали умных и упрямых зверьков, медленно переползающих по чертежу, выискивая что-то им одним известное.

Лещ поднял голову и уставился на Наташу сквозь очки близорукими и хмурыми глазами.

— Что? Вы ко мне?

— Подпишите, пожалуйста, — как можно вежливее произнесла Наташа, стараясь придать своему лицу взрослый и независимый вид. — Мы хотим попробовать в нашей группе ими работать.

Лещ взял чертёж.

— Кто вам делал?

— Конструктор... Козлова, — неуверенно назвала Наташа фамилию. «Не вышло бы это дело Варе боком», — подумала она.

— И вы хотите использовать это у нас на заводе?

— Да.

— Что вы, что вы! — пробасил он быстро и как будто испуганно. — Я мыслю, у нас это никак не пойдёт.

— Ну почему же? — растерянно спросила Наташа.

Лещ опять опустил глаза в свой чертёж, мельком взглянул на Наташу и, как что-то определённое, решил:

— Нет, нет. И думать нечего!

— Да ведь мы только попробовать хотим, — дрогнувшим голосом сказала Наташа, сердито глядя на серые сальные волосы Леща.

— Нечего и пробовать. Я вам определённо говорю.

— Ну почему же вы так говорите? Вы же не пробовали... Может быть, он оправдывает себя, этот резец. И вообще... — Голос у Наташи сорвался.

Лещ поднял голову и посмотрел на неё внимательно, даже с каким-то насмешливым интересом, потом улыбнулся, открыв длинные жёлтые зубы.

— Что же вы такая упрямая? Только плакать не надо.

Он улыбнулся опять, и улыбка показалась Наташе симпатичной и ласковой, но человек ей не нравился.

— Давайте, быстро! Сейчас разберёмся, садитесь.

Наташа села, не глядя на него, закрывая покрасневшее лицо ладонью. — Это резец с отрицательным углом резания, — быстро заговорил Лещ, тыкая пальцем в горбатый носик резца на чертеже. — Варвара Сергеевна сконструировала неплохой скоростной резец, но не учла, что это резец «вообще». — Лещ сделал рукой неопределённый жест в воздухе. — Он требует большой мощности станка. Понятно? Я мыслю, если мы у себя на заводе начнём выпускать такие резцы, то все станки поугробим. На авдеевский станок поставить его ещё туда-сюда. Да только, — Лещ нехотя улыбнулся, — я его уже снабдил новейшими резцами. Их ему до смерти хватит.

Наташа вышла из техчасти, так и не уверившись вполне в правоте Леща.

«Хитрит старик, — думала она. — Боится, как бы кто его любимца не оставил. А может, это он боится?»

Наташа не знала, какое усилие резания потребуется для сконструированного Варей резца, но, вспоминая многие статьи, печатавшиеся в газетах во времена, когда движение скоростников только ещё зарождалось, думала, что такие перестраховщики, как Лещ, были везде, а на деле оказалось, что при скоростном резании нагрузка на резец значительно снижается, и поэтому даже не очень сильный станок может справиться с этой работой.

«Ну и пусть, — решила Наташа. — Пойду завтра к Сайко. Это дело серьёзное...»

3

Отпуск у Вари кончился, а с Анисимом Ивановичем вопрос так и не был решён. Варя вернулась на работу в бюро. Анисим Иванович, прослышав, что под него «копают», внезапно подобрел. Со всеми шутил, стал на редкость предупредителен. Даже к Варе он теперь не придирался, давал ей работу по мелкому проектированию, посылал в сборочный цех выяснять те или иные недоразумения.

Как-то Варя столкнулась с Михаилом в узком проходе между станками. Он хотел свернуть, но свернуть было некуда, хотел вернуться, но возвращаться было неудобно.

— Миша, — тихо сказала Варя, — эх, Миша!

Лицо Михаила было суровым, глаза смотрели холодно и враждебно.

— Ну, что? — спросил он с сердитыми нотками в голосе и вдруг не выдержал, улыбнулся и повторил ещё раз, но уже тише и ласковее: — Ну, что... дурёха ты эдакая?

— Я... я... — Варя счастливо расплылась в улыбке. — Я... не знаю что.

Боясь разреветься на глазах у всего цеха, она опустила голову и быстро прошла дальше, но тут же пожалела об этом: надо было схватить его, растормошить, сказать, что его любят и ждут. Но было уже поздно.

Однажды вечером, возвращаясь с сыном из яслей, Варя встретила Петю. Он был в темносинем пальто нараспашку, русые пряди волос выбились сбоку из-под серой каракулевой шапки, сдвинутой на затылок. Концы шерстяного, в яркую клетку, шарфа трепались по ветру. Лицо горело морозным, здоровым румянцем.

— Какой ты горячий, секретарь. — Варя посмотрела на него с невольной завистью. — Я иду, иззябла вся, а ты, как Илья Муромец, тебе морозец на пользу.

— Да нет, уши всё равно прихватывает, — словно извиняясь за свой вызывающе здоровый вид, сказал Петя. — Давай, понесу.

По тому, как Петя свободно и спокойно, даже не взглянув, взял Никитушку, по самому тону, каким он разговаривал с ней, ещё по каким-то необъяснимым мелочам Варя почувствовала: между ними всё кончено. Она вздохнула.

«Ну, а в конце концов, оно и лучше, что так всё сошло у него... Он не мучится... а я, всё равно я бы никогда не смогла... — Варя шла молча, не глядя на Петю, перебирая пальцами в штопанных перчатках плетёную ручку сетки. — Всё равно».

Петя искоса взглянул на неё и, очевидно, почувствовал, о чём она думала. Он кашлянул и с деланной небрежностью заговорил:

— Ты знаешь, я о вас с Мишкой много думал. Думал, ну, а вот я, например, женюсь и у меня, не дай бог, всё пойдёт кривь и вкось, как у вас. Что делать? Жить? Тяжело, бессмысленно. Расходиться? Хорошо, если детей нет. А если дети?

— А ты до детей расходишь, — сердито буркнула Варя.

Петя рассмеялся.

— Ты чудачка! Ведь если человека любишь, то с разводом будешь тянуть как можно дольше: может, что-нибудь изменится, наладится. И знаешь, я вот присматриваюсь теперь к молодым парочкам и у нас на заводе и, в особенности, там, где я живу. У многих такая же история, как у вас. Не сошлись характерами — и либо разошлись уже, либо расходятся хотят. Это же страшно!

Некоторое время они шли молча, потом Петя сказал:

— Проводить, что ли, тебя? Делать мне, вроде, нечего. А тебе парня таскать тяжело уже... Вон он какой, как слиток!

— Меньше ли, больше на раз — не спасёшь, — вяло возразила Варя. Её не очень обрадовало предложение Петра.

— Я членам комитета нагрузку дам — провожать тебя каждый день. Пока ваш отец не додумается, что это его обязанность.

— Нет уж, спасибо! — Варя вспыхнула. — Избавь, пожалуйста!

Когда они вошли в комнату, было уже совсем темно. Варя зажгла свет — тёмным пятном выступило окно. Воздух в комнате был холодный, промозгло-сырой. Варя спустила сына с рук и остановилась, не зная, что делать раньше — топить печку, раздевать сына или готовить ужин.

Петя потёр руки, передёрнул плечами.

— Холодно! — Он похлопал себя по карманам. — Спички есть, значит будет тепло. Ты там насчёт ужина похлопочи, а мы с Никитой печку топить будем.

Петя посадил Никиту на маленькую скамейку возле печки, открыл дверцу и ловко стал складывать берёзовые и сосновые поленья в чёрный зев печки. Взял со стола ножик, нащепал лучины, надрал коры.

— Вот, смотри, малец, — сказал он Никите, — сейчас огонь будем делать.

Он поднёс спичку к горке растопки. Огонёк, вспыхивая, побежал по тонкой щепе, лизнул кору — та с лёгким треском начала свёртываться. Петя закрыл дверцу — стало слышно, как тяга, тоненько посвистывая, понесла огонь в трубу.

Когда Варя принесла кастрюлю со щами, в печке уже громко шипели и трещали дрова. Стало теплей, Никита раздетый сидел на кровати и разглядывал с Петей книжки.

Варя налила Пете тарелку дымящихся кислых щей, нарезала хлеба. Села кормить сына.

— Садись, — сказала она.

Петя, видимо, чувствовал себя как дома, даже ботинки снял, остался в одних шерстяных носках.

— Я вижу, у тебя пол вымыт, — пояснил он, — ну и снял. Это меня сестрицы приучили...

Никитушка ел жадно, обливаясь. Хлеб откусывал, широко разевая рот, едва разжевав, глотал.

— Растёт, — подмигнул Петя. — Appetit!

— Ну и у тебя не хуже. — Варя рассмеялась. — Подлить, что ли, ещё?

— Подлей. Впрочем, ты не вставай, я сам налью. — Он заглянул в кастрюлю, помешал половником, поднимая со дна гущу, и опять налил тарелку до краёв.

— Хорошо! — Он втянул носом крепкий запах. — С морозцу лучше и не придумашь.

Никита, видимо, насытившись, стал есть вяло, возил ложкой по тарелке. Варя отсадила его, налила себе. Она так проголодалась, что не могла дожидаться, пока остынет, раза два помешала в тарелке и стала есть, торопясь и обжигаясь.

В комнате становилось жарко. Дверца печки мелко дрожала, наливалась изнутри малиновым цветом.

Петя скинул китель, прилёг на подушки. От горячих щей и жары он немножко разомлел, глаза у него покраснели, глядели хмельно и сонно.

— Эх, Варька, — говорил он, поглаживая ползавшего по нему Никиту, — если бы ты знала, как осточертело мне одному... Ведь двадцать девять скоро... Думаешь, я Мишке не завидую... ведь это мой малец мог бы быть. — Он шумно вздохнул и расстегнул ворот белой рубахи. — Нет. В этом году уж непременно женюсь. На тебе сначала думал, да уж коли ты другого любишь, всё равно жизни не будет...

Варя молча ела. Потом, понимая, что надо что-то сказать, тихо произнесла:

— Конечно, тебе жениться надо. Без своей семьи в твоём возрасте плохо. — Помолчав немного, она добавила: — Вон, женись на Наташе. Она же нравится тебе.

Петя ничего не ответил, закрыл глаза. Варя даже показалось, что он уснул. Она взяла Никитушку, раскрыла ему постель, уложила. Покачивая кровать, замурлыкала песню. Петя вдруг соскочил на пол, подошёл к печке и начал мешать угли, крошить головёшки.

— Потуши свет, — попросила Варя. Он щёлкнул выключателем, сел перед печкой, скрестив ноги, сцепив пальцы рук. Лицо и рубашка у него были розовыми, щёки жарко горели. В печке шуршали, рассыпаясь, угольки, по головёшкам скользили синие огни, на поду печи золотом плавился жар.

— Не так всё это просто, — заговорил вдруг Петя. — Женись... Во-первых, я ещё, может, ей и не нравлюсь.

— А что она понимает! — перебила его Варя. — Не нравишься... Поухаживай за ней — понравиться.

— Я вот за тобой ухаживал, — медленно сказал Петя. — Да, видишь, не больно понравился.

Варя осеклась.

— То я, — сказала она потом. — А она ведь ещё девчонка.

4

Наташа сквозь сон слышала, как отец ворчал и ругался, но просыпаться ей не хотелось. В выходной день только и поспать-то влась. Однако сердитое ворчанье отца стало громче, и она услышала окрик:

— Наталья, да поднимись же, в конце концов!

Наташа быстро соскочила с кровати, огляделась, ожидая увидеть отца где-то рядом, но голос его доносился из коридора. Она накинула халат и вышла.

В тусклом свете, проникавшем из выходящего на лестничную площадку маленького окошечка, Наташа едва разглядела отца, стоявшего на этажерке. Посреди коридорчика, возле упавшего стула, смущённо заложив руки за спину, стояла Ленка.

Оказалось, что отец полез чинить пробки, приспособив вместо лестницы стул и этажерку. Ему в помощники, конечно, навязалась Ленка. Предвидя последствия этой помощи, Владимир Иванович строго предупредил её, чтобы стул она ни в коем случае не отодвигала. Ленка пообещала, но едва Владимир Иванович забрался на этажерку, стул псехал на середину коридорчика и с грохотом упал.

— Лена! Сейчас же поставь стул на место! — грозно потребовал Владимир Иванович.

— А ты куклу купи! — сказала Ленка, отойдя подальше. — А то обещаешь только.

— Лена! — Отец начал перечислять все кары, которые обрушатся на неё, когда он слезет. Но Ленке эта перспектива казалась далёкой и нереальной. Кроме того, Ленку отец очень любил и баловал, и она знала, что наказывают её лишь в редких случаях.

Наташа водворила стул на место, дала Ленке пару хороших шлепков, отчего та залилась слезами и завизжала, а Владимир Иванович заругался:

— Оставь ребёнка! Я с ней сам справлюсь, если надо будет.

— Ничего! — огрызнулась Наташа. — Если бы ей побольше влетало, лучше было бы.

С тех пор, как Наташа пошла на завод, она не очень-то прислушивалась к замечаниям отца и матери.

Пришла мать с рынка и принялась готовить обед. Наташа помогала ей. Она чистила овощи, резала мясо и смотрела, как быстро движется по кухне высокая, уже сутулящаяся и по-старушечьи неопрятная фигура матери. Беспощадными глазами ничего не прощающей юности она отмечала и край сиреновой комбинации, полукругом свисающей из-под юбки, шпильки, небрежно торчащие из начинающих сесть волос, и перекрученные винтом чулки.

Чувствуя, как поднимается у неё в душе неприязнь к родителям, Наташа хмурилась, стараясь подавить это чувство, но оно возвращалось снова и снова.

«И вообще, почему они мои родители? Ведь я ни на кого из них не похожа... даже характером. Говорят, в дедушку, но это ерунда, так не бывает. И потом, они не понимают меня, я давно уже дома не разговаривала откровенно. Это ещё с войны пошло, матери некогда было заниматься мной — она в больнице день и ночь, — я и привыкла сама за себя решать или с подругами, с чужими людьми советоваться...»

Действительно, и во время войны и в послевоенные годы, пока не было отца, Наташа росла сама по себе, под присмотром бабушки. Но та, конечно, не могла ни направлять наташины поступки, ни влиять на формирование характера внучки, может быть поэтому Наташа росла неровной, вспыльчивой, быстро впадающей из одной крайности в другую.

«Ничего, обломается! — успокоил мать вернувшийся с фронта отец. — Самое главное, сердце у неё хорошее. Остальное приложится».

— Ладно, мама, я сама. — Наташа отвела руки матери и сама стала привёртывать мясорубку к столу. Ей вдруг стало до того стыдно, что даже шея покраснела. Она вспомнила, как во время войны мать носила её из больницы столовой в баночке пюре, овсяную или пшеничную кашу. Сама она съедала только первое: суп из свекольной ботвы или крапивы, пустые щи с дрожжами. Вспомнила, что мать бросила медицинский институт, когда родилась Наташа, — жалко ей было отдавать маленькую дочку в ясли. Вспомнила, что отец провалил дипломный проект в военной академии, потому что Наташа в это время болела дифтеритом. Вспомнилось ещё многое другое... Родители живут для детей, ожидая, что придёт время, когда дети начнут жить для них. Но дети вырастают и начинают жить для себя или для собственных детей.

«Не надо было, мама, этого делать, — уже ласковее думала Наташа, смущённо поглядывая на мать. — Ведь мне во сто раз приятнее было бы, если бы ты сейчас работала врачом в какой-нибудь из московских клиник и отец занимался бы своим любимым делом...»

Неожиданно пришёл Лёва. Наташа открыла ему дверь, смотрела, как он смущённо раздевается в передней, снимает большую пыжиковую шапку, под которой его бледное лицо делалось совсем незаметным, как обивает с валенок снег.

Наконец он кончил раздевание, которое, очевидно, затягивал, потому что смущался; искоса, осторожно посмотрел на Наташу, и та почувствовала, что Лёва ничего не позабыл и что для него она пока остаётся той самой Наташей-вожатой, первым приласкавшим его человеком.

— Это мне отец велел, чтобы я к вам заехал, — хмуро сказал Лёвка, всё ещё не решаясь пройти в комнату. — Я ненадолго, вот только вашей сестрёнке книжки отдам, всё равно у меня так валяются.

— Ну да, ненадолго! — весело заговорила Наташа. — Я тебя до вечера не отпущу, небось соскучилась.

Лёвка покраснел, нагнул голову и так, бочком, вошёл в комнату. Родители Наташи были немного знакомы по её рассказам с Лёвой и его отцом, поэтому Лёву приняли очень тепло. Владимир Иванович отложил газету, уселся с Лёвой и Ленкой на диване и принялся рассматривать принесённые книги.

Наташа накрыла на стол и, пока мать возилась с последними приготовлениями к завтраку, подошла и из-за спины отца заглянула в книжку-раздвижку, которую держала Ленка.

— Мать ещё мне эту книжку покупала, — сказал Лёва. — Я помню. Мы в Москву тогда ездили, в уголок Дурова ходили.

Владимир Иванович зачем-то кашлянул, поправил очки и похлопал Лёву по спине.

— Ну, ничего-ничего, ты уже парень большой. Без матери вырастешь.

— Конечно, — сказала Наташа. — У него отец хороший.

— Зачем без матери? — вставила вошедшая Елизавета Сергеевна. — Вот женится его отец — и мать ему будет.

— Не хочу я, чтобы женился он! — резко сказал Лёвка, нахмурился и отвернулся.

Все переглянулись, и Наташа почувствовала, что ей почему-то неприятны лёвкины слова. Она тоже нахмурилась и села за стол первой.

За завтраком она, сама не зная как, заговорила с отцом о варинных резцах и о работе своей группы. Владимир Иванович выслушал её внимательно, потом, строго взглянув на рассеянно ковыряющего котлету Лёвку, сказал:

— Дело сложное, надо бы мне самому зайти на завод, посмотреть, что ты там мудришь. Зря совершенно начальство от этого дела отмахнулось. Нельзя рисковать и поручать детям то, где и взрослому недолго сломать шею.

— Папа, — спокойно сказала Наташа, — я уже давно взрослая. Ты забыл, как сам говорил мне, что я для тебя и в сорок лет буду маленькой. Ну, а объективно в сорок лет я буду уже взрослой, даже пожилой.

— Ну, всё равно, большая, так большая. — Владимир Иванович рассмеялся. — Только там всё надо рассчитать. Ты говоришь, станки у вас слабые — как бы не перегрузить мотор. Подождите немного, я разделаюсь на этой неделе с делами, заеду к вам, сам всё рассчитаю. А то как бы чего не вышло.

— Ладно, — сказала Наташа, подумав про себя: «Ну да, как бы не так! Есть у нас время ждать».

Лёвка просидел у них до позднего вечера, играл с Ленкой, разговаривал с Елизаветой Сергеевной, стал потом рассматривать наташину библиотечку. Наташа, поколебавшись, подарила ему книгу, сборник рассказов о Чкалове. Уже было совсем темно, когда Лёвка нехотя собрался домой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Прямо с начала смены Наташа отправилась в конструкторское бюро в надежде застать там Сайко. Её поразило, что, несмотря на присутствие Анисима Ивановича, в бюро почти никто не работал, люди слонялись с какими-то встревоженными и словно чего-то ждущими лицами. Наташа, предчувствуя беду, прошла к вариному столу.

У Вари было красное, набухшее от слёз лицо. Она кусала мокрые губы и, громко всхлипывая, сморкалась в платок.

Лизка сидела рядом с ней, подперев голову руками и не плакала, а только вытирала платком редкие слезинки, перекатывающиеся через край её увлажнившихся глаз.

Наташа подошла к ним и остановилась в нерешительности.

— Вы чего, девчонки?

Варя громко и судорожно всхлинула, хотела что-то сказать,хватила несколько раз широко открытым ртом воздух и, уткнувшись в доску, заплакала так, что у неё начали судорожно дёргаться плечи.

У Лизки тоже задёргались губы, она ещё несколько раз протёрла глаза платком, потом тихо сказала:

— Очень большое несчастье. У Николая Ивановича сын утонул.

— Ка-ак?.. — Наташе показалось, что кто-то грубо схватил её за сердце, и она почувствовала, что ей очень хочется сесть. Она искала глазами табуретку. До табуретки было далеко, а сесть очень хотелось, и она тихонько опустила прямо на пол.

«Я не выспалась сегодня, — машинально подумала она. — Или погода такая. Как же он утонул, когда он у меня вчера только был? Ведь это Лёвка, Лёвка утонул!»

Лизка сказала:

— Он поздно возвращался откуда-то и пошёл через пруд. Лёд, вероятно, был слабый, он и провалился. Никто не видал, один он был-то. Шапку на краю полыньи нашли да книгу какую-то, а его нет. Водолазы сейчас ищут.

Казалось, что всё на свете кончилось. Всё, совершенно всё. Кошунством было думать о чём-то, что-то делать, когда вдруг так бессмысленно погиб человек. Рос, менялся, становился лучше, и вдруг — всё... Наташа с усилием заставила себя вспомнить, что внизу, в цехе, её ждут рабочие, что там, вероятно, ещё никто ничего не знает. Наташа рванула ворот. Ведь это она оказалась случайной причиной несчастья...

Наташа спустилась вниз, прошла по участку. Её подозвала Марья Ильинична, пожилая женщина — токарь, с насмешливыми глазами.

— Доченька, — она упорно звала Наташу «доченькой», — здесь на чертеже цифра затёрлась, ты не сходишь ли наверх с контрольными чертежами сверить?

Обычно у Наташи не хватало духу отказать Марье Ильиничне, которая надоедала ей всякого рода не входящими в обязанности мастера делами. Но сейчас она зло сказала:

— Пойдите в чертёжную раздаточную, пусть они выяснят.

— Да ведь не хочется туда итти, сколько времени пройдёт! У тебя ножки молодые, здоровые...

— Ничего не поделаешь, — сухо произнесла Наташа. — А пока возьмите расточку конусных втулок.

Она подошла к станку Михаила, постояла рядом, глядя, как безразлично и однообразно вертятся тусклые большие шкивы передачи, как поплескивает и шуршит ремень.

«Пожалуй, если на станке Михаила резец пробовать, надо ремень кожаный поставить, а то у текстильного проскальзывание большое», — подумала она, потом вспомнила, что Сайко нет, подписать чертёж некому. На душе вдруг стало пусто и тоскливо.

— Миша...

Он повернул к ней вспотевшее лицо.

— Что?

— Ты знаешь... — сказала Наташа и замолчала.

Лицо у Михаила стало жалобным и виноватым, губы скривились.

— Знаю, — невнятно сказал он и отвёл глаза.

Наташа осмотрела свою группу, увидела, что Вити Архипова нет на месте, но искать его не пошла. Вовка Седин не работал, а стоял, положив руки на патрон, глядя в пространство неподвижными глазами. Юра Корнеев курил. Наташа первый раз видела у него во рту папиросу, но ничего не сказала и, махнув рукой, пошла в чертёжную раздаточную, взяла чертёж Марьи Ильиничны, на котором ещё не восстановили затёртый размер, и побежала наверх, в конструкторское бюро.

Надо было что-то делать, двигаться...

Почти бегом она поднималась по высоким ступеням лестницы.

На площадке третьего этажа стояли Седин, мастер из сборочного цеха, фамилии которого Наташа не знала, и Сайко. Она остановилась, со сжавшимся сердцем вглядываясь в Сайко.

— Зачем же он через пруд-то пошёл? — услышала она фразу и вздрогнула.

Сайко негромко отвечал, глаза у него были беззащитными, как у больного ребёнка, не понимающего, почему его мучат.

Наташа постояла с минуту и тихо, чтобы как-нибудь не привлечь к себе внимания, пошла вниз.

2

В окно кабинета был виден старый монастырь. На его карнизах, крыше, каменных наличниках узких и длинных окон плотно лежал снег, освещённый заходящим невесёлым солнцем.

Сайко смотрел в окно. Думалось очень о многом сразу, а в общем, кажется, ни о чём. Всё тело было в каком-то тяжёлом, ленивом оцепенении. О заводских делах он думал сейчас с усилием, без обычной горячей заинтересованности. Вся прожитая жизнь была почти целиком посвящена этим делам, а казалась она Сайко сейчас страшно ненужной, пустой, никчёмной. Позавчера состоялась кремация...

«Говорят, что человек должен посадить хотя бы одно хорошее дерево — и тогда он прожил жизнь не напрасно... — мрачно размышлял Сайко. — Это не так. Человек обязательно должен вырастить хотя бы одного хорошего сына. Но если вот так, страшно глупо, ненужно.. Война — жену, а сына...» Весь он старчески обмяк, плечи опустились; чувствовал он себя беззащитным и, впервые в жизни, никому всерьёз не нужным... Бывают минуты, когда даже очень сильному человеку хочется умереть. Сайко не думал о смерти, но и жить ему сейчас не хотелось.

Скрипнула дверь, и в кабинет осторожно вошла секретарша Зоя. От жалостливой, соболезнующей гримасы длинное лицо её было сейчас ещё некрасивей.

— Николай Иванович, — сказала она тихо, как говорят с больными, — там пришли из цеха. Вы заняты?

— Кто? — Сайко медленно отошёл от окна и опять опустился в кресло.

— Да мастер. — Лицо Зои выражало осуждение. — Чертежи какие-то подписать. Я скажу, вы не принимаете.

— С чертежами пусть к Анисиму Ивановичу идёт, — сухо сказал Сайко, делая вид, что не замечает соблезнующих взглядов Зои. — Впрочем, всё равно... Пускай войдёт, коли уж пришёл.

Зоя бесшумно исчезла. Сайко поправил галстук и, нахмутив брови, принялся снова листать министерский план. Больше всего ему не хотелось увидеть сейчас в глазах и жестах посетителя подчёркнутую осторожность.

«Ни к чему это, — думал Сайко, — во-первых, в своём кабинете я главный инженер, и только. А во-вторых... как они не понимают, что так мне хуже... Чуткие люди!»

Дверь открылась. Сайко поднял глаза и сразу же закрыл их, неловко откинувшись на спинку кресла. Обрывком скользнуло в мозгу: жаркая духота вокзала, хмурые и мокрые лёвкины глаза и девушка с короткими пушистыми волосами.

— Что у вас? — с трудом спросил Сайко. — Давайте.

Ему хотелось, чтобы она скорее ушла. Он вынул красный карандаш, поставил чёрточку «за» в графе «начальник конструкторского бюро», мельком взглянул на чертёж и остановился.

— Что это? — всё ещё не глядя на Наташу, хмуро спросил он.

— Это специальный резец.

Голос у неё был почему-то хрипловатым, и говорила она тихо, но не робко.

— Понимаете, хочется скорее испытать его на станке... Может, что-нибудь у нас получится.

Сайко осторожно поднял глаза. Наташа стояла, теребя пальцами угол зелёной, проеденной молью скатерти. Округлое, с мягким детским подбородком и припухшими губами лицо её было сосредоточенно-бледным...

«Зачем она здесь? — вдруг с острой враждебностью подумал Сайко. — Неужели она не могла с этим прийти через два дня, через неделю? И вообще, зачем это? Ведь она должна была бы слышать, что скоростное резание у нас на заводе не привилось».

Он хмуро спросил об этом.

— Знаю, но это не так... — Наташа наморщила лоб и, волнуясь, грызла угол какой-то бумажки, зажатой в руках. — Здесь главное, чтобы были резцы. А потом мы вместе с технологами выделяем детали, при обработке которых можно применять более высокие скорости, чем обычно. И вообще, будем стараться везде, где возможно, повышать скорость, лишь бы резцы стояли. Если каждый повысит скорость хотя бы вдвое...

— Кто чертёж делал? — перебил её Сайко.

— Козлова.

— Почему же вы контрабандой, а не через Анисима Ивановича?

— Он — долго. Ему некогда всё, — виновато сказала Наташа и опустила голову.

— Долго... — повторил Сайко. Это было ему знакомо. Только жизнь научила его необходимому во всяком деле терпению. Было время, когда и он, стремясь скорее увидеть желаемые результаты, комкал, сводил к минимуму, часто в ущерб делу, трудный процесс подготовки этих результатов. Резец не из важных — но пусть попробуют! Для начала сойдёт и это. Важно, что сами, что никто не заставлял, не подталкивал. Важно, что помощники думают о том небольшом, но нужном, о чём иногда забывают в горячке крупных дел руководители. А в этом, может, лежит секрет выполнения заводом программы.

Сайко пометил на блокноте: «Послать Козлову к шефам в институт псоветоваться относительно наилучшего в наших условиях профиля резца».

— Ну, подпишу я вам. Ничего, пробуйте. Пробуйте, это хорошо, — повторил Сайко, и голос его тепло дрогнул. — Только Козлову тоже псовите, пусть полюбуется плодами своих трудов.

— Ладно. — Наташа взяла чертёж и очень долго свёртывала его в трубочку. Потом она посмотрела на Сайко, и в глазах её появилось робкое, жалкое выражение. Сайко молчал. О Лёвке вспоминать ему с ней не хотелось.

— Николай Иванович... — тихо и очень медленно начала Наташа.

— Да? — спросил Сайко и чуть нахмурил брови.

Наташа замолчала, лицо её потухло, она быстро закончила:

— А без подписи Леща сделают? — и, не дожидаясь ответа, пошла к выходу.

3

В конторе механического цеха было тесно, как всегда по утрам. Пластами плавал в жёлтом электрическом свете табачный дым, звенело в ушах от множества голосов, позвякивания складываемых на стеллажи проверенных деталей.

Наташа сидела за маленьким шатким столиком и распределяла сменное задание по нарядам. Вокруг неё собралась вся её группа. Михаил заигрывал с Любкой, та с сердитым и счастливым лицом отругивалась. Машенька и Сергей боролись, толкали столик. Наташа нестрого покривала на них.

Эти два дня Наташа ходила с неясным и тревожным ощущением, что в её жизни что-то изменилось.

Выйдя в тот вечер от Сайко, Наташа не пошла домой, а бродила по заснеженной Москве.

Когда она услышала, что Лёвка утонул, у неё ещё где-то была надежда, почти уверенность, что это ошибка. Лёвка не должен был, не мог утонуть! Он живой, во плоти и крови, всё время стоял перед глазами Наташи.

Шли дни, полные случайно услышанных разговоров о смерти сына главного инженера. На кремации она не была. На заводе выделили делегацию из людей, наиболее близких Сайко, — директор, начальники цехов, партийное руководство, несколько женщин. Витя Архипов поехал вместе с отцом. О Наташе никто не вспомнил. У самой у неё не хватило духу попросить, чтобы её взяли. Сознание своей вины, своей — пусть частичной — ответственности за эту смерть угнетало. Все эти дни она не помнила себя, ходила как потерянная.

И всё-таки, по-настоящему, не рассудком, она почувствовала, что Лёвки больше нет, только сегодня, в кабинете его отца. Мёртвые, пустые глаза Сайко, его неподвижное лицо так и стояли перед ней.

Она шла, не вытирая слёз, закрываясь куцым воротником от встречного ветра и от взглядов прохожих. Прошлое её влечение к Сайко казалось глупым, детским. Раньше она преклонялась перед ним, как перед человеком более умным, всеми уважаемым и обаятельным, — это всё, конечно, было легкомыслие, ерунда. Ей сейчас мучительно хотелось помочь Сайко, взять частицу его горя на себя, заслонить его от тяжёлых дум...

Было, наверное, уже очень поздно. Прохожих становилось всё меньше, дома по обе стороны улицы стояли тёмные, слепые, неуютно заметённые снегом.

Она вышла на сквер, расположенный на большой, окружённой со всех сторон домами площади. Прошла по узенькой, в один след, тропинке и остановилась перед памятником.

Человек стоял, немного наклонив курчавую, непокрытую голову, заложив за спину руку со шляпой. На плечи его тяжело легло серое хмурое небо и обильно падал густой снег. Вокруг медленно и не сразу засыпала Москва.

«Я люблю его... — Наташа закрыла руками мокрое, исхлётанное снегом лицо. — Я его люблю...»

Дул ветер, унося с курчавой головы серые охапки снега, казалось, что памятник чуть покачивается и кивает головой.

Наташа пошла домой и написала письмо. Боясь, что завтра она раздувает, струсит, Наташа накинула пальто и, выбежав на улицу, бросила письмо в почтовый ящик напротив их парадного.

Тогда Наташе казалось, что она поступила так, как надо. Сегодня, когда она вспомнила об этом, её уже мучили сомнения...

Изредка отрываясь от листочков с нарядами и вглядываясь в лица ребят, Наташа думала, что вот прошло только несколько месяцев, а сжилась она со своей группой, с цехом, с этим маленьким заводиком так, что не оторвёшь от сердца. Прикипело крепко-накрепко.

«Это даже хорошо, что он такой маленький, — думала Наташа. — Весь — как на ладони. Видишь, как бьётся он над программой, выпуская необходимые стране станки, людей его видишь. Сколько же на свете хороших людей! Сайко, Петя, мои ребята, Андрей...» Наташа даже глаза прикрыла, так захотелось ей сказать ребятам что-нибудь ласковое и хорошее.

Ваня Кузнечик взял листок с нарядом и вдруг швырнул его обратно на стол.

— Не буду делать! — Его свежее, ещё ни разу не бритое лицо стало злым, чёрные навывкате глаза сузились и сердито заблестели. — На целый месяц заладила: то крышки, то обдирку. С такой работы...

В конторе стало тихо, высунул голову из своего угла диспетчер цеха, обернулись рабочие. Залыгин, выписывавший наряды крупноточкарной группе, замахал на токарей рукой.

— Ну-ко, ну-ко, раздвиньтесь! — Он с любопытством уставился на Наташу; маленькие хитроватые глазки как будто спрашивали: «Ну, как, молодой мастер? Так-то ты ладишь с рабочими?»

Наташа, собираясь с мыслями, немного растерянно смотрела в лицо Вани.

— А какую же ты хочешь работу? — спросила она.

— Какую всем, такую и мне, — уже спокойней ответил Ваня и подвинул Наташе листочек с нарядом. — Перепиши. Всё равно эту работу не буду я делать.

— Ну, хорошо. Пусть какую всем. — Наташа взяла листочек и медленно перебирала его в пальцах. — Вот, например, Серёже я даю расточку полого валика длиной два метра с очень жёсткими допусками. Любе даю нарезку резьбы на стяжках, большая партия, срочно требуется на сборку. Михаил сегодня будет испытывать новый резец.

— Ну и что же? — Ваня насупил брови.

— А то, что ты срочную работу раньше, чем через неделю, не сделаешь, резец новый ты и сам не возьмёшь, а точную работу... — Наташа усмехнулась. — Ой, Ваня, ты забыл, что ли, что третьего дня ты на обдирке целую партию валиков запорол. На обдирке! Восемь миллиметров лишнего снял!

Рабочие захохотали, рыжий Лёшка, закатываясь смехом, выкрикнул:

— Вот это называется, допуск! Плюс-минус трамвайная остановка!

Любка строго посмотрела на Ваню и покачала головой.

— Ты, Иван, брось. Другой бы мастер давно начальнику пожаловался, тот тебе: раз — выговор за халатность, два — за ротозейство!

— Правда! — засмеялся Сергей. — Просто Наташа к тебе, как к поэту, слабость питает.

— Ой, Ванечка! — Машенька всплеснула руками. — И что ты сердисься? По мне, так всё равно, какую работу делать. Тем более, что ты, как поэт, работать хорошо не можешь.

— Смотри, Иван! — Любка постучала по столу пальцем, подмигивая Наташе смеющимся глазом. — Ты дождёшься, мы тебя пропесочим!

Глаза Вани заблестели слезами, он самолюбиво дёрнул головой и выкрикнул:

— От мастера покоя нет, теперь от вас не будет! Всё потому, что я — поэт, а вы... вы просто люди!.. — Схватил листочек с нарядом и выбежал из конторы.

Резцы получились чудные, горбоносые, коротенькие. Рассматривали их всей группой. Даже Кузнечик отошёл от своего станка и заглянул было через плечи ребят на стопочку резцов, лежавших на столике Михаила.

Сергей грубо оттолкнул его и сердито сказал:

— Иди, иди отсюда! Тебе делать нечего тут. Мы ведь — просто люди, а ты — поэт.

Ваня, круто повернувшись, пошёл к своему месту.

— Ну зачем ты так! — укоризненно и встревоженно сказала Наташа Сергею

— Ничего, ничего, полезно. — Любка успокаивающе кивнула головой. — Ишь, занёсся — поэт! Ерунда какая.

Дядя Ваня Куприянов подкинул на широкой ладони блестящий, выкрашенный с боков зелёной краской резец и осуждающе покачал головой.

— Игрушечка! — Положил резец на столик и пошёл к своему станку.

Машенька осторожно, двумя пальцами, взяла резец, восхищённо вздохнула:

— Нет, хорошенький! — и так же осторожно положила его обратно. — Мишка счастливый, работать им будет.

— Счастье! — Михаил презрительно фыркнул. — Ты, Наташа, наряд за испытание не забудь написать мне, а то с этими новинками проработаешься. — Михаил в институте много слышал о скоростном резании и относился к применению его на заводе скептически. Да и вообще ему было не до того. Он слышал, что чертежи на резцы делала Варя, смутно догадывался, что предназначались они именно для него, понимал, что она должна быть при испытании. Видеть её Михаил не хотел.

— Ни к чему вся эта ерунда, — сказал он вслух.

Сергей сумрачно поковырял около резцов стол, потом вскинул на Наташу свои карие глаза.

— Давай, Наташа, я тебе его без наряда опробую. А?

— Да ладно, — смущённо улыбнулась Наташа. — Если пойдёт, тогда не только вся наша группа — весь завод такими резцами работать будет. Лишь бы вышло.

Пришла Варя. Вместе с Наташей они подошли к станку Михаила.

— Давай начинай, — сказала Наташа.

— Сейчас. — Михаил залез на станок, перекинул новый кожаный ремень на последний, самый большой шкив, спрыгнул вниз и, подняв с полу заранее приготовленный кусок проката, закрепил его в патроне. На Варю он старался не смотреть.

Варя закусил толстую губу и уставилась на болванку сосредоточенными хмурыми глазами. Наташа робко обняла её за плечи.

— Ну, сейчас... — тихо прошептала она.

Михаил включил мотор, и кругляк завертелся быстро и неровно.

«Нехорошо, бьёт очень, зацентровали неправильно, — подумала Наташа. — Сплав полетит».

Вот резец ткнулся лезвием в прокат, и черноту опоясала блестящая яркая полоска. Она всё росла и росла, словно резец быстро и плотно наматывал на темноржавую и корявую поверхность непрерывную, сверкающую полосу серебряной фольги. Прямо из-под щётки резца шла лента темносиней, почти фиолетовой стружки. Она огромными петлями лезла прямо на Михаила, и он едва успевал отводить её железным крючком. Станок дрожал и скрипел, и Наташе казалось, что внутри него кто-то большой и сердитый угрюмо трёт толстым пальцем по мокрому стеклу.

Сзади один за другими подходили рабочие. Скоро почти вся группа собралась вокруг мишиного станка.

— Подшипники перегрелись, — сказал Михаил и, сердито рванув в сторону новую петлю стружки, заботливо положил руку на переднюю бабку станка. — Хватит. Не работа. — Он выключил мотор; кругляк, сверкая ободранными боками, повернулся ещё несколько раз и замер.

Все сунулись к резцу.

— Стоит! — недоверчиво прошептал Юра Корнеев.

— Стоит! — удивлённо и восторженно крикнул Витя Архипов, считив с блестящего носика резца металлическую крошку.

— Стоит! — повторил Сергей и хлопнул Михаила по плечу. Тот хмуро дёрнул плечом.

— А что ему, чёрту, сделается? Он тупой ведь.

— Как тупой? — недоуменно спросила Машенька. — Новый резец да тупой? Так не бывает.

— Бывает. — Михаил вынул резец из державки, показал и объяснил, что у обычного резца пластинка завалена назад, поэтому угол резания острый, а у этого для стойкости сделано так, что пластинка вперёд наклонена — угол тупой. И стоит резец потому, что при таком положении пластинки стружка по ней не шаркает, не выедает. — Возьми колун и топор, — продолжал Михаил. — И тем и другим дрова колют. Но, например, маленькую чурку легче топором расколоть, а большое и суковатое полено — колуном. Слабый человек и в руки колун не возьмёт — не по силам ему, так и моему станку этот резец не по силам.

— Так ты уж сразу и узнал! — сердито сказала Варя. — Тоже мне ещё второй Лещ! Поработай смену, посмотри. Если плох, забракуем, другой сделаем. — Ей казалось, что Михаил всё выдумывает для того, чтобы сказать ей что-нибудь неприятное.

— Как хотите, — хмуро согласился Михаил. — Дело не наше: начальство приказало — работаем.

«Неужели не годится резец? — с тревогой думала Наташа. — Да нет, как же так, ведь работают такими же резцами скоростники. Если станки у них лучше, то и скорость у них триста — четыреста метров, а здесь сто пятнадцать всего-навсего».

Подошёл Юра Корнеев. После собрания группы Юра обращался к Наташе впервые. Она посмотрела на него недоверчиво.

— Ты что?

— Наташа! — Юра нахмурился и заложил руки за спину. — Дайте и мне резец...

— Да, видишь... — Наташа вздохнула. — Михаил говорит, не годится. Ещё случится что-нибудь.

Юра задумался, потом ещё раз попросил:

— Дайте. Я осторожно буду работать. Станок у меня отремонтированный. Мотор мощный поставили. Ничего.

«Ишь, задело геолога! — подумала Наташа и усмехнулась. — Дать, что ли, ему резец?.. Может, зацепит? Только Сергея надо попросить, чтобы поделился с ним. Пусть экспериментируют будто бы без моего ведома».

— На, следопыт! — Наташа протянула ему резец. — Только не говори никому, разве что Сергею... И осторожней! — крикнула она, уже уходя.

Из кабинета заместителя начальника цеха Архипова Наташа вышла в приподнятом настроении. Было совещание мастеров, и Архипов перед всеми старыми мастерами похвалил Наташу и её группу.

— Теперь я чувствую опять, — сказал Архипов, ласково глядя на Наташу, — что комсомолия — это дрожжи завода.

Он похвалил за стружку, за резцы, но предупредил, что, пожалуй, резец, которым сейчас работает Михаил, не годится.

— Трудно станку, — сказал Архипов. — Надо, Наташа, другой сделать, чтобы и стоял хорошо и станку было бы легко. А то и загнать станок не долго. Однако, — продолжал он, — и то хорошо уже, что вы начали какие-то поиски в этом направлении. Кто ищет — тот найдёт.

Ещё он сказал, что тётке Василисе за активное участие в сохранении стружки для переплавки приказом по заводу объявлена благодарность и выдана премия в размере половины оклада.

Сначала Наташе показалось обидным, что так получилось: дело начали они, а благодарность с премией — тётке Василисе. Потом она поняла, что Архипов прав: не захотели бы тётя Василиса и другие рабочие поддерживать их — и они со своим полезным начинанием сели бы на мель.

Наташа ускорила шаги.

«Пойду скажу Михаилу, чтобы не работал больше этим резцом. Как бы чего не вышло. Хотя, — Наташа остановилась, — вот и гудок, смена кончена. Ну, всё равно, пойду скажу, чтобы он завтра им не работал».

Ещё издали она увидела, что возле станка Михаила собрались не только ребята из её группы, но даже и рабочие других групп.

«Смотрят, что ли?» — подумала Наташа.

Увидев ее, рабочие разошлись, переговариваясь.

Наташа подошла к станку и не сразу поняла, что же случилось. Отчего-то станок показался ей странно пустым и тревожным. Она ещё раз посмотрела на станок, потом на Михаила и увидела, что у него тоже пустое и тревожное лицо, что он злится и грызёт незажжённую папиросу. Она схватила Михаила за рукав.

— Что?

— Вот. Ваши резцы. — Михаил зло выругался, плюнул, смял папиросу. — Загнал станок.

«Опоздала... — беспомощно опустив руки, подумала Наташа. — Что же теперь будет? Ведь мне же все говорили... Ах, какая я...» Она подошла к станку, положила руку на его холодное, тускло поблёскивающее металлическое тело. Теперь она поняла, почему он показался ей таким пустым и необычным. Не было стружки, разноцветной кудрявой стружки, придававшей ему такой нарядный и весело-рабочий вид. Станок был убран, протёрт маслом и блестел мёртвой чистотой, как покойник перед похоронами. Даже ремень на шкиве обвис бессильно и ненужно.

— Я пойду Андрея позову, — сказала Наташа, и ей самой стало противно, такой виноватый и жалобный был у неё голос.

— Что он сделает, твой Андрей! — Михаил вздохнул, дёрнул себя за козырёк кепки и сжал кулаки. — Загнал станок. Такой станок загнал! Да мне теперь...

— Ну брось врать-то! — сердито сказала Наташа. — Какой станок! Станок, сделанный при царе Горохе! И всё. И не ной!

— Что ты понимаешь... — Михаил махнул рукой. — У нас в цехе половина станков такие. Когда-то ещё новые будут! Да и не в том дело, какой он. Ты спроси, как он работал! Привык я к нему. — Он опустил голову и отвернулся.

Наташа пошла в ремонтный цех. У неё ещё была слабая надежда, что поломка не серьёзная и Андрей сможет её исправить.

«В жизни больше ничего не буду делать, не рассчитав как следует, — зарекалась Наташа. — Ой, дурная моя голова, что же будет теперь?»

Она издали увидела Андрея, прибавила шагу и почти бегом, задыхаясь от волнения, подошла к его верстаку.

— Андрей!

Андрей, не поднимая головы, кивнул и чуть отстранил её локтем.

— Подождите.

На его указательном пальце, смазанном тавотом, прилепилось множество мельчайших, с булавочную головку, металлических шариков. Он аккуратно укладывал их вокруг тоненького валика, и они послушно и точно ложились один за другим на свои места. Андрей поднял голову, стряхнул со лба прямые светлые волосы и улыбнулся своей застенчивой улыбкой.

— Что вы, Наташа?

Когда она объяснила ему, в чём дело, он покачал головой, вздохнул, полез в шкафчик, достал оттуда какой-то инструмент.

— Пойдёмте. Н-не знаю, смогу ли исправить.

Михаил всё ещё стоял у станка, видимо, ждал их. Андрей положил инструмент на рабочий столик, поднял кожух передней бабки, открывая блестящую поверхность подшипника шпинделя, покопал там рукой, потом ткнул пальцем кнопку, послушал. Станок молчал. Андрей нагнулся к мотору, отвернул гайки, снял переднюю крышку, заглянул внутрь.

— М-мотор сгорел. Обмотка.

Даже сквозь грязный налёт на лице Наташа увидела, как побледнел Михаил.

— Ты иди! — Он кивнул Андрею. — Теперь уж ничего не сделаешь.

Наташа опустила голову. Они стояли молча, не глядя друг на друга.

— Ну, как дела? — услышала Наташа знакомый голос. Она вздрогнула, обернулась. Сайко подошёл ближе, повторил свой вопрос.

— Ничего, — не сразу ответила Наташа, растягивая губы в улыбке и чувствуя, что она получается у неё жалкая и неестественная.

Андрей понял по-своему отчаянный наташин взгляд и встал так, чтобы хоть этот злополучный мотор не видел Сайко.

— Резцы пробовали?

— Да...

Сайко внимательно посмотрел на Наташу, стараясь понять, почему у неё такое виноватое лицо, потом в глазах у него появилось ироническое выражение, он сунул руки в карманы коричневой кожанки, пошуршал ею и прислонился к станку, всем своим видом показывая, что вовсе и не собирается уходить отсюда. Наташа растерянно оглянулась на ребят.

— Ну-ка, покажите мне резец.

Михаил протянул Сайко резец. Тот повертел его в руках, пощупал зачем-то узким пальцем со сломанным ногтем его горбатое тупое лезвие.

— Ну, как? Колун?

— Колун, — согласился Михаил.

Сайко ещё повертел резец в руках, потом сунул его в карман.

— Как везёт станок?

— Плоховато, — неуверенно ответил Михаил, оглянувшись на Андрея. Тот опустил глаза и нахмурился.

— Козлова была при испытании? — спросил Сайко у Наташи.

— Была.

— Отлично. Вы с ней на днях съездите к шефам в институт. Пусть они помогут вам найти наиболее выгодный профиль стойкого резца для нашего оборудования.

Наташа так и не поняла, в самом ли деле Сайко не догадался, что произошло, или притворился, но он начал вдруг подробно рассказывать, как нужно подготовить станок, прежде чем перевести его на новый режим работы.

— А то ведь у нас станки какие? Поставишь на каретку ведро с водой, провезёшь от задней бабки до шпинделя — и расплещется вода, а надо, чтобы и мути не было.

Сайко посмотрел на Андрея, спросил:

— Ты ведь из ремонтного?

Андрей кивнул.

— Вот и занялись бы там, организовали внеплановый ремонт станков этого участка. Будет у нас пробным. Молодёжи здесь много, пусть экспериментируют.

Андрей посмотрел на Сайко, наморщил лоб.

— Мы и т-так ремонтируем, — сказал он негромко. — Три станка уже до косточек перебрали. Серёжкин вот. — Он кивнул на станок Сергея Орлова.

— Да? Ну и дальше так давайте, — рассеянно ответил Сайко и помянул Наташу. — Можно вас?

Наташа, перепуганная и взволнованная до того, что у неё голова кружилась и пол уходил из-под ног, подошла к нему.

— Нам потолковать надо кое о чём, — сказал Сайко. — Вы можете подождать меня у проходной несколько минут?

— Конечно! — выдохнула Наташа, глядя широко открытыми глазами в его усталое, но казавшееся ей таким хорошим лицо.

Наташа стояла у проходной уже минут двадцать и тоскливо ждала. Сейчас ей казалось, что он не придёт, а если и придёт, то просто отчитает её и всё. Наташа вспомнила, о чём она писала в письме, и залилась краской.

«Эх! — Она уныло покачала головой. — Зачем это я! Он рассердился, наверное. У человека несчастье, а я к нему со своими чувствами...»

Она обернулась. К ней подходил Сайко в пальто с серым каракулевым воротником и такой же шапке. Светлые завитки каракуля смешивались с сединой на висках, и Сайко казался постаревшим.

— Куда же мы пойдём? Понимаете, на улице разговаривать неудобно, в кино, наверное, заводских полно... Ну да всё равно, пойдёмте в кино.

— В кино тоже разговаривать нельзя. Разговаривать давайте на улице, — решила Наташа.

— ...здесь, конечно, не до признаний, но вы мне нравитесь... Как человек, как девушка... Только я-то ведь, наверно, совсем другой, чем вы себе представляете. Проще и, наверно, хуже...

Наташа, как во сне, слушала его и молчала. Ей казалась нереальной эта встреча, ночь и то, что рядом с ней идёт Сайко. А где-то там, далеко, в прошлой и совсем другой жизни, была белая ледяная гладь пруда, полынья и мальчик, красными замёрзшими руками хватающийся за ломкий лёд. Это стояло между ними, связывало их и разъединяло.

Сайко нагнулся к ней.

— Значит, вы меня любите?

— Люблю...— сказала Наташа.

— Да за что? И ещё... Я вот так, честно говоря, не понимаю, за что могла меня полюбить такая девушка. Ну, если бы вы были постарше и поопытней, тогда, может, и можно бы понять. Но... — Он замолчал.

Наташа подбирала слова.

— За то... за то, какой вы есть.

Сайко невесело усмехнулся, опустил руку в карман.

— Да... чуть не забыл. Вот, положите к себе, а то, как бутылка, оттопыривается, мешает...

Он вытащил из кармана большое красное яблоко, протянул его Наташе.

«Как маленькой, — обиделась Наташа. — Он меня и всерьёз-то не принимает».

— Не возьму я, — сказала она вслух и нахмурилась.

— А вы и не берите. Положите только к себе в карман, а то у меня узкий и оттопыривается очень.

Наташа вспыхнула.

«Может, он и вправду только спрятать мне дал, а я-то...»

Наташа не могла понять, почему она вдруг растеряла все хорошие и ласковые слова, которые хотела сказать ему. Она подняла голову. Сквозь облака мутно просвечивала луна. Ветер гнал облака дальше, разбрасывал их по небу, и тогда на мгновение становилась видна маленькая синяя звёздочка сбоку луны.

— ...у вас будет своя жизнь, и я не хочу, понимаете, её портить. Не имею права...

Лишь спустя много лет Наташа поняла и оценила по-настоящему эти слова.

— Ну... давайте расстанемся... по-хорошему. — Сайко взял её руку и молча стоял, глядя ей в лицо серьёзными и ласковыми глазами. Потом снял варежку с её руки и поцеловал ладонь.

— Спасибо вам, — тихо сказал он, повернулся и пошёл.

Наташа растерянно смотрела ему вслед. Сердце колотилось у неё гулко и часто.

«Ой, яблоко-то я забыла отдать», — вспомнила она.

Ни о чём не размышляя, Наташа прошла в садик позади метро, села на занесённую снегом скамейку.

«Как же так... что же будет дальше? Ой, какая я нескладная, как всё глупо, плохо...»

Она машинально вытащила из кармана яблоко и принялась есть.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Позади Наташи в очереди к буфету стоял Андрей. Наташа, увидев его, принялась внимательно читать давно знакомые квадратные бумажки на проволочных ножках — цены на выставленные под гнутым стеклом буфетной стойки винегрет с обветрившейся буровато-серой свёклой, салат, мало чем отличающийся от винегрета, плавленые сырки в обёртках из серебряной фольги, колбасу, хлеб. Сейчас, после того как она побывала в кабинете у Седина, ей совсем не хотелось ни встречаться, ни разговаривать с кем бы то ни было.

Рыжий Лёшка, столкнувшись с ней в цехе, сказал: «Что ж ты, жар-птица? Пошумела, пошумела с резцами, а толку мало? Уж не бралась бы!» Наташе казалось, что так думают все.

Меньше всего ей хотелось видеть сейчас Андрея. Почему-то его мнением Наташа дорожила больше, чем мнением других. Наташа считала, что вообще человек она ничем не замечательный ни внешне, ни внутренне, и поэтому у неё иногда возникало острое желание казаться лучше, чем она есть, хотя бы внешне. Тогда Наташа вдруг принималась как-то по-особенному укладывать волосы, причёсывать брови, загибать на ножике свои длинные ресницы. Вероятно, в одну из таких минут и отрезала она косички, о которых теперь часто жалела. Уж очень неудобны были на работе её пышные волосы, никак не спрячешь их под косынку, того и гляди в патрон станка попадут.

Она взяла два стакана чаю, сырок, хлеб, села за столик и стала читать книжку, всем своим видом показывая, что книга очень интересная и ей, Наташе, ни до кого решительно дела нет. Сначала она только водила по странице глазами, не вдумываясь в смысл, и всё ждала, что вот-вот к ней подойдёт Андрей. Но Андрей всё не шёл, и Наташа, мало-помалу увлечшись книгой, зачиталась и забыла обо всём на свете, даже о стынувшем чае. Когда она, перевёртывая страницу, всё-таки подняла голову, Андрей сидел напротив, хмурясь, жевал хлеб с колбасой и смотрел на Наташу, не замечая никого, кроме неё. Наконец он отвёл глаза в сторону и неловко улыбнулся.

— Обедаеть? — спросил он зачем-то.

— Да, читаю вот, — тоже чувствуя себя очень неловко, сказала Наташа и опять опустила было глаза в книгу, но тут же опять посмотрела на Андрея. Он сидел против света, и казалось, что солнце насквозь просвечивает его некрасивое лицо с беловато-розовой тонкой кожей, всегда влажной на переносье.

— Т-тебе здорово п-попало? — вдруг напрямик спросил Андрей.

— Здорово, — тихо ответила Наташа. От этого прямого вопроса она неожиданно потеряла всю свою внутреннюю собранность, все свои колючки, которыми она ошетиживалась против всякой попытки узнать, что происходило внутри неё. — Меня Седин даже из мастеров выгнать хочет, — сказала она о самом горьком, что томило её всё время, и опустила голову.

— Да брось, ну! — сказал Андрей и хлопнул ладонью по клеёнке. — Починим мы этот станок! Уж неужто не починим?

Наташа покачала головой — нечего, мол, утешать, я не маленькая.

— Не веришь? — спросил Андрей. — Моя бригада за это возьмётся. Электроцех поможет. Починим.

Даже не очень вслушиваясь, Наташа почувствовала, с какой гордостью произнёс Андрей эти слова: «моя бригада». Она подняла голову. Андрей смотрел на неё, улыбаясь так, будто он был старше Наташи, опытней и уже имел право прощать или не прощать ей её слабости.

По чёрному асфальту тротуара ветер гнал серый дымок позёмки. Она то застывала на мгновение еле заметными глазу снежными грядками, то начинала неудовимо и непрерывно течь вперёд. Посередине тротуара ветер намёл узкий и неровный гребень снега.

Ветер был хлёсткий, острый, холодный. Сайко поднял воротник пальто и крепко нахлобучил шапку. Прохожих было мало, даже машины проносились реже, растекаясь жёлтыми огнями фар в густом снежном вихре. Сайко шёл медленно. Можно было бы, если поспешить, попасть на очередной поезд электрички. Но ему не хотелось торопиться. Не было нужды приезжать домой на полчаса раньше — его никто не ждал.

Вглядываясь в чёрную, жёлто-просвеченную огнями фонарей стену выюги, Сайко думал о Наташе. Будь он лет на десять—пятнадцать моложе, конечно, всё могло бы обойтись по-другому... Не было бы нужды

делать красивые жесты и отталкивать славную девушку, которая — что скрывать! — нравилась и ему самому и сумела крепко привязать к себе его сына, сама привязалась к нему. Оттого, что Наташа, как он мог понять из письма, очевидно всерьёз делила с ним его горе, она становилась для него близкой, будто родной... Однако он, конечно, не имел права на её любовь, побитый жизнью, достаточно выдавший человек. Есть у него на глазах эта скептическая плёночка, которая любые хорошие чувства низводит с небес на землю и делает немножко смешными... Такая девушка должна получить свою долю счастья от жизни полной мерой, без горькой примеси.

«Да... Моё счастье, видно, всё-таки в прошлом».

Сайко перепрыгнул через ров и вышел к станции. Час был поздний, на платформе никого уже не было, только ветер мелко постукивал снегом по трепыхающейся на витрине, съёжившейся половинке газетного листа. Вот он приостановился, замер, потом засвистел с нарастающей силой, рванул газету и, вывёртывая, понёс её в непроглядную темноту ночи.

2

На расширенное заседание комитета комсомола было приглашено всё цеховое начальство: старший токарный мастер Залыгин, Седин, Архипов. Пришёл и главный технолог завода Лещ, некоторые рабочие, секретарь парторганизации завода Семёнов и вся наташина группа в полном составе.

Члены комитета — Сергей Орлов, Варя Козлова, Любка, двое ребят из ремонтного цеха и толстая девушка из техчасти — сели поближе к Пете за центральным столом, остальные разместились на лавочках и стульях, расставленных вдоль стен. Наташа села в углу, стараясь привлечь меньше внимания.

Первым попросил слово Лещ. Он скучно, как о вопросе, уже надоевшем, начал говорить о том, что беда тут, безусловно, не в станке и не в моторе, хотя поломка станка обошлась заводу в копеечку, и, конечно, ничего хорошего не получится, если нерадивые рабочие будут ломать станки. Беда тут, конечно, в мастере, ещё молодом, но не слушающем советов старших.

«Не надо бы мне итти мастером, — горько думала Наташа. — Прав отец, нет труднее работы, чем руководить людьми...»

Лещ ругал её авторитетно и сердито; очевидно, его сильно задело, что она не послушалась его и поступила по-своему.

— Я мыслю, не всякое новаторство нужно и полезно, — тихо и хрипло говорил Лещ. Шея у него была обмотана толстым шерстяным шарфом: видимо, болело горло. — То, что комсомольцы настояли на разборе стружки, — это полезно и выгодно заводу. А вот это глупое упрямство с резцами не нужно. Зачем? Лишняя морока и удорожание производства резцов. На нашем заводике, на слабых станках наших всесоюзных рекордов не поставишь и известности не получишь.

«Будто из-за рекордов я, — грустно подумала Наташа. — Просто хотелось, чтобы лучше было...»

Лещ сел рядом с Архиповым, худой и сутуловатый, с таким лицом, словно его чем-то обидели. Все зашевелились, заговорили. Наташа услышала, как Залыгин, упорно избегавший смотреть на неё, сказал, обращаясь к Лещу:

— Правильно, правильно, Тихон Степаныч! Такая уж нынче неуважительная молодёжь пошла. Я ей говорил, как надо; так нет — дай по-своему сделаю! Вот и вышло.

Потом его голос покрыл рокочущий бас Авдеева:

— Брось, Василий Иванович, пустое молоть! Девчонка не виновата. Неопытна, знает мало. Михаил виноват, он токарь первого класса, должен станок, как своё сердце, чувствовать — что ему по силам, а что нет.

Михаил кашлянул, видно хотел что-то сказать, потом резко махнул рукой и промолчал.

Ребята её группы сидели притихшие, не поднимая глаз на людей, будто не только Наташа и Михаил были виновны в происшедшем, а и все они.

Опять тихо пополз голос Залыгина:

— Потом, Тихон Степаныч, думается мне, молода она для мастера. Постарше надоть. Опыта нет у неё, с людьми ладить не может. То было в группе всё тихо-мирно, а то, вот глянь, обидела она токаря. Кузнецик — токарь не первоклассный, однако же зачем человека обижать?

Лещ одобрительно кивнул, видимо соглашаясь с ним, и что-то тихо сказал Седину, сидевшему позади Архипова. Тот покачал головой и, быстро покашливая, сказал:

— Да нет, я думаю, выйдет из неё мастер, не всё сразу.

Наташа увидела, как Любка встрепенулась и наклонилась к Сергею. Тот хлопнул по столу ладонью, громко и возмущённо сказал:

— Ива-ан, ты что молчишь? Из-за тебя вон нашего мастера убрать Лещ хочет.

Ваня медленно поднял на Наташу виновато заблестевшие глаза, поколебался немного, потом встал.

— Ты, Залыгин, меня сюда не вмешивай. — Ваня заговорил тихо, опустив голову и царапая ногтем крышку стола. — Что я тогда кричал, так это моя вина. Просто я горячий человек.

— Да нет, Ваня, что ты, об тебе разговору нет, — быстро и успокаивающе проговорил Залыгин, похлопывая Ваню по руке. — Мы о мастере, а не о тебе.

— Вот и я о мастере! — Ваня повысил голос. — Ребята на мастера не обижаются, кого хошь спроси. Если мы с ней ругаемся иногда, так это наше дело.

— Правильно, — подтвердил Витя Архипов. — Наташа хорошая, всё объясняет и не смеётся.

— А про меня что говорить! — Ваня пятернёй медленно убрал волосы со лба. — Я с отцом да с матерью иногда так ругаюсь, что соседи приходят, потом и самому стыдно. Я даже могу, — сказал Ваня, и в глазах его опять появилось горделивое выражение, — у ребят прощения попросить, что я о них так сказал тогда. И Наташе тоже пообещаю работать лучше.

Наташа вздохнула. Ей было приятно, что ребята заступаются за неё, но она думала, что это вряд ли изменит дело. Всё равно — снимут её с мастеров.

Семёнов подошёл к столу.

Наташе Семёнов казался похожим на Богдана Хмельницкого, каким она его видела в кино. Семёнов был среднего роста, полноват крепкой полнотой сильного человека, голову брил наголо. У него был спокойный квадратный подбородок, красивый, грубоватой складки, рот. Глаза его — хитрые, умные — всегда с усмешкой выглядывали из-под мохнатых, хвостиками кверху, бровей.

— Разрешите, — сказал Семёнов низким, с раскатистым «р», баском, — мне взять под защиту молодого мастера. — Он поискал глазами Авдеева и кивнул ему. — Я с тобой согласен, что непосредственным виновником аварии является Звездин, поэтому приказом по заводу его и сняли со станка. А ты, Тихон Степанович, наговорил тут целый короб

и много неверного. Во-первых, что из того, что завод наш небольшой? По стране масса заводов-гигантов, но и таких, как наш, немало тоже. Разве только в рекордах суть? Хорошо то, что делается всё возможное. А разве это плохо — максимально повышать скорость на каждой операции? Ленин говорил, что не стоит отказываться от малого в работе, потому что из малого великое составляется. — Он помолчал. — А поругать её — поругайте за то, что поспешила по молодости, всего не рассчитала. Только смотрите, не заключите.

— Так. Из членов комитета кто выскажется? — спросил Петя.

Члены комитета смущённо молчали некоторое время, потом Любка неуверенно сказала:

— Что ж говорить? Ведь всё-таки в аварии Михаил виноват. Она хотела как лучше...

— Хотела как лучше, а сделала как хуже, — сердито усмехнулся Петя и постучал карандашом по столу. — Может, что-нибудь поинтересней кто скажет? Ты, Варя?

— Да я что... — Варя смущённо спрятала красноватые кисти рук в колени. — Я сама...

— В том-то и дело, что сама! — резко сказал Сергей. — Конструктор, соображать должна...

— Видите ли, — заговорил Петя, будто с самим собой, задумчиво чиркая карандашом по бумаге стола. — Когда я прочил, Наташа, тебя в мастера, я имел в виду, что вот мастером будет человек, не менее грамотный технически, чем, допустим, тот же конструктор или технолог. Так сказать, мастер нового типа. Если наверху ошибутся, ты сумеешь их ошибки заметить и на месте выправить, предупредить... На самом же деле ты отнеслась безответственно к своей работе. Плохо то, что по твоей вине случилась авария, но больше всего мне жаль, что я ошибся в тебе, а вместе со мною ошибся в тебе завод, поверив мне на слово...

Петя мельком взглянул на Наташу и отвёл глаза, как от пустого места.

— Ну, какие будут предложения?

— Михаилу — выговор, а Ильиной — поставить на вид, — авторитетно сказал слесарь Федя из ремонтного цеха.

Проголосовали, «за» было большинство. Варя и Любка голосовали «против». Михаил вышел, громко хлопнув дверью. Наташе тоже хотелось встать и уйти, но не было сил подняться. Архипов негромко сказал:

— Ничего. Первый блин — комом. Другие лучше будут.

Гости ушли. Петя тоже встал.

— Мне сегодня в райком надо. Ключ я тебе, Люба, опять оставлю. Вы посидите ещё?

Наташа колебалась, выйти ей вместе с Петей или же остаться. Ей казалось, что если она выйдет с ним вместе, ещё что-то можно будет исправить, объяснить, хотя она и сама понимала, что объяснять-то было нечего.

Она быстро накинула пальто и почти бегом побежала по коридору. Петя спустился по лестнице.

— Петя! — негромко крикнула Наташа. — Петя!

Обернувшись, он стал ждать её, опираясь на перила лестницы.

— Петя, — проговорила Наташа и остановилась, не зная, что сказать дальше.

— Ну, что? — тихо спросил он, глядя на неё тепло поблёскивающими в темноте лестницы глазами.

— Я же, я же... — забормотала Наташа, теребя в руках шапку, которую так и не успела надеть. — Я же первый раз, я же больше не буду... — Голос у неё сорвался, и, уткнувшись лицом в шапку, она громко заревела.

Петя ласково и сильно положил ладонь ей на волосы и крепко прижал её голову к себе.

— Не плачь, — тихо сказал он ей на ухо. — Не плачь. Ну, конечно же, ты больше не будешь, я же верю тебе.

— Я всё буду проверять... — всхлипывая, бормотала Наташа, доверчиво прижимаясь лицом к петиному кителю. — Просто мне скорей хотелось, а вышло...

— Ладно... Ладно... — Петя успокаивающе гладил её по волосам. — Успокоилась? Вот и ладно. Это ты просто нанервничалась за эти дни.

Наташа подняла голову. Совсем близко она увидела петины серые глаза, его твёрдые, чётко изогнутые губы. Они некоторое время смотрели друг на друга, и Наташа увидела, что глаза у Пети стали беспокойными, губы дрогнули. Он на мгновение приблизил к ней лицо, потом вдруг быстро отстранился и сказал, смущённо кашлянув:

— Ну, вот ты и совсем успокоилась. Давай-ка домой. — Он не смотрел на неё почему-то и застёгивал пальто плохо сгибающимися пальцами. — Выпись как следует, — сказал он уже обычным голосом, — завтра с Варей к шефам поедете. Мне Николай Иванович сказал.

— Да? — Наташе тоже было от чего-то неловко. — Я тогда пойду ей скажу.

Она, не оборачиваясь, побежала вверх по лестнице.

Михаил вошёл в пустой, тёмный зал красного уголка и остановился возле двери. Глухо вздрагивал пол под ногами — внизу работали прессы в кузнице. На рядах стульев, на шершавом цементном полу лежали огромные голубоватые квадраты лунного света. По всей видимости, здесь никого не было. Он повернулся, чтобы уйти, как вдруг откуда-то со сцены, из-за занавеса, донеслись тихие голоса. Михаил приостановился.

— Ты говоришь, Варя, — произнёс девичий знакомый голос, — что завидуешь мне. У меня, мол, всё впереди, а у тебя... Ну... правда, у вас с Михаилом вышло всё как нельзя хуже. Так ты думаешь, это только у тебя так? Подруга моя два года назад замуж вышла; сначала хорошо жили, а теперь лаются, как собаки, — не сегодня-завтра разойдутся... Ну и подумаешь... То есть, нет, я, конечно, думаю, что у меня всё не так, всё хорошо будет... Ну, а всё-таки подумаешь: чем же я лучше других? Ну, выйду я замуж... ну, родится ребёнок. А потом этот муж возьмёт и наплюёт и на меня и на ребёнка, как твой Михаил. И будешь жить — не то живёшь, не то смерти ждёшь...

Голос замолк, слышно было, как вместе вздохнули две груди. Потом тот же голос на высокой ноте, почти со слезами проговорил:

— Обидно-то как, Варька! Живёшь и ждёшь — ходит же где-нибудь недалеко человек, который полюбит тебя... И веришь, что это на всю жизнь, что он для тебя роднее всех будет, что он всю жизнь будет на тебя другими глазами, чем все люди, смотреть... А потом — вдруг впереди ничего нет... — Голос упал до шёпота и замолк.

Михаил кашлянул, чтобы разорвать спазму, стянувшую горло, и вышел, осторожно прикрыв дверь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Варя постелила на пол своё старое пальто, бросила подушку. Поставила на стул алюминиевую чашечку с кашей, положила хлеб, налила молока в стакан. Вытащила ящик с игрушками.

— Ну, вот, сыночка, играй дома...

Она вздохнула, поцеловала сына и, не оглядываясь, вышла. Запирая дверь, услышала, как сын произнёс:

— Мама лаботу пошла.

Она бежала по улице, а сердце ныло, словно в предчувствии какой-то беды.

В яслях двое ребят заболели дифтеритом, там объявлен карантин на месяц. Детский врач дал Варю бюллетень на три дня и справку о том, что ребёнка в ясли, по случаю карантина, носить нельзя. Варя пошла с этой справкой к Анисиму Ивановичу просить, чтобы ей дали отпуск за свой счёт. Но Анисим Иванович отказал.

— Сами знаете, — сказал он, глядя на неё сквозь очки неестественно увеличенными тусклыми глазами, — новый срочный заказ из министерства, каждый человек на счету. Тем более, что вы начали последнее время проектированием заниматься. Сколько ребёнку? Второй год? Ну, такого и одного дома можно оставить. Моей жене в своё время тоже так приходилось делать. Ничего не попишешь.

Варя знала, что он прав, — людей попржему не хватало. Однако от этого было не легче.

Она едва дождалась конца рабочего дня, бегом бросилась домой. Когда поднималась по лестнице, всё прислушивалась: не кричит ли, не шумят ли в квартире, не случилось ли чего?

Она открыла входную дверь и, не раздеваясь, прошла к двери в комнату. Всё было тихо, только изредка слышалось какое-то бормотанье.

«Играет, наверное», — успокоенно подумала Варя и, раздевшись, открыла дверь.

Через незадёрнутое занавеской маленькое окно в комнату напоздали серые сумерки. Они уже прочно застоялись по углам и теперь медленно двигались на середину. Сын спал ничком, неудобно вывернув руки, щекой прижавшись к полу. Во сне он что-то бормотал, вздыхал затаенно, со вскрипом. Варя осторожно приподняла его. Глова мальчишки бесильно повисла, он приоткрыл глаза и взглянул в пространство мутными, потонувшими в голубоватых белках зрачками. Мордашка его была вымазана чем-то серым, ссохшимся в тонкую, стянувшую кожу корку. На щеках остались дорожки от слёз.

«Плакал, лапусь мой маленький», — подумала Варя, удобнее укладывая его в кровать.

Тихонько приоткрылась дверь, вошла Саша. Остановилась, покачивая головой, скорбно сложив руки на груди.

— Чтой-то ты делаешь, баба, не понять. Зачем ребёнка одного оставила? Или помрёт — не жаль, обуза?

— Куда же мне его, с собой на работу, что ли? — огрызнулась Варя, враждебно глядя на вошедшую.

— Это, как хочешь, а так нельзя. — Саша села на табуретку у двери. — Слышу, часа три назад, орёт он, как резаный. Подбежала, подёрнула дверь — заперто! Я — в скважину, смотрю — у него всё лицо в мыле, аж пенится, он глаза руками трёт и ещё пуще кричать начинает, на месте крутится, как волчок. Кричал, кричал, я говорю — дверь давайте ломаем. Цилия не дала. Говорит, пропадёт что — нам отвечать. — Саша презрительно плюнула. — Ну вот, кричал-кричал, я под дверь бегала-бегала, потом слышу — затих. Сморился, видно, лёг, как пласт, и лежит. И плакать уже не может, только стонет. Потом заснул. — Саша осмотрелась по сторонам, увидела валяющееся возле стула розовое туалетное мыло, лужицу пролитого молока.

— Молоко ты ему оставляла? Вот он и умылся. Я эту неделю в ночную работаю, — продолжала Саша, — ты мне хоть ключ давай, что ли. Я взгляну, если что.

Саша вышла. А Варя долго ещё сидела, не двигаясь, всматриваясь сухими невидящими глазами в темноту.

В воскресенье Варя гуляла с сыном по переулку. Было в меру морозно, светило жёлтое холодное солнце. Никитушка в новых валенках, чёрной тёплой шапке с ушами и чёрной меховой шубке, подпоясанной красным ремешком, неуклюже топал впереди, Варя тихонько шла за ним.

Каждая новая вещь, игрушка, которую она покупала сыну, доставляла радость не столько ему, сколько ей. Эта тёплая шубка с длинным лоснящимся ворсом была теперь предметом вариной гордости и радостных воспоминаний. Правда, на те двести пятьдесят рублей, которые она стоила, Варя могла бы купить себе, например, валенки. Но она предпочитала бегать в туфлях и знать, что сын тепло и красиво одет.

По переулку тут и там вспархивали стайки воробьёв.

— Поймай птичку. Ну, как ты: цап, воробушка! — говорила Варя сыну.

Никитушка прибавлял шагу и, растопырив руки в коричневых байковых варежках, шёл на воробья, расправляющегося с хлебной коркой. Воробей беспокойно косил чёрным блестящим глазом, торопливо доклевывал корку и, когда Никитушке оставалось сделать шага два, взлетал на ближайший подоконник, недовольно посматривая оттуда на растерянно размахивающего руками мальчишку. Никитушка смотрел вслед воробью, потом начинал, кряхтя, присаживаться, чтобы подобрать хлеб.

— Улетела птичка? — смеясь, спрашивала Варя, поднимая его с земли и отряхивая от снега варежки. — Мы её! А ты другую поймай.

Никитушка с тем же наивным упорством двигался к другому воробью, и всё начиналось сначала.

В конце переулка показалась фигура. Никитушка, взглядевшись, сообщил матери:

— Дядя вон. Дядя штаны одел.

— Дяди всегда в штанах ходят, — улыбаясь, сказала Варя и вдруг побледнела. Ещё не различив черты лица приближающегося человека, по походке, по манере носить кепку, по десятку других мельчайших признаков она узнала Михаила. Варя остановилась, прислонившись к стене дома, не зная — то ли ей поворачивать назад, то ли оставаться здесь. Сын тоже остановился и позвал мать.

— Сейчас, сыночка, — негромко сказала Варя, наблюдая за приближающейся фигурой. Да, это Михаил. Зачем он здесь? Может быть, случайно забрёл, может, сейчас вот, разглядев, кто перед ним, он перейдёт на другую сторону улицы? Михаил тоже, повидимому, узнал их. Он шёл теперь медленнее, но направлялся прямо к ним. Избегая вариного взгляда, он наклонил голову и смотрел на сына. Подойдя, он присел перед ним; козырёк кепки закрывал от Вари лицо.

— Здравствуйте... товарищи, — запоздало поздоровался он и протянул Никитушке шоколадку с картинкой.

— Здравствуй, — ответила Варя.

Михаил поднял голову и исподлобья посмотрел на неё. Рука с шоколадкой упала. Никитушка, тяжело сопя, потянулся за шоколадкой, потерял равновесие и свалился отцу в колени. Михаил подхватил его.

— Ах ты, поросёнок! — удивлённо сказал он и усмехнулся. — Ну... пойдём, пройдемся, — нерешительно предложил он Вале.

— Мама, дядя кафетку дала! — сообщил сын. Все глаголы он ещё употреблял в женском роде.

Михаил молча разглядывал сына. Растерянная, смущённая улыбка не сходила с его лица.

— Большущий какой стал! — сказал он с коротким вздохом. — Прямо человек уже. И говорит всё, да?

— Всё! — гордо подтвердила Варя. — Не чисто, правда.

— Ну, как вы живёте? — Михаил сбоку взглянул на Варю. — Похудела ты...

— Похудеешь! — Варя сердито, будто мстя Михаилу за всё, рассказала о том, что Годик не дал ей отпуска за свой счёт, что Никитушку приходится оставлять одного. Рассказала о случае с мылом. Михаил слушал, лицо его темнело, глаза загорались недобрым огнём.

— Сволочь! — сказал он о Годике. Потом посмотрел на Никитушку и молча прижал его свободной рукой к себе.

— Вот что. Давай так, — произнёс он после недолгого раздумья, — эту неделю, пока Саша в дневную смену работает, пусть он у меня поживёт. Так надёжнее, серёжкина мать за ним посмотрит. Ей делать нечего, а я приплачу. А в ту неделю — опять к тебе. Там, глядишь, и карантин кончится.

Варе хотелось сказать «нет», однако, поразмыслив, она согласилась.

Михаил впервые ехал на электричке в детском вагоне. Вагон мерно пскачивало, горел неяркий свет. Сын, неловко откинув голову, повязанную тонким белым платком, спал у него на коленях. Рот у него был приоткрыт, ноги в красных шерстяных рейтузах и чёрных коротких валенках безвольно лежали на скамье.

Михаил не сводил глаз с раскрасневшегося, в бисеринках пота на переносице, лица сына.

«Ничего, ничего, сынок! — думал Михаил, вглядываясь в лицо Никитушки. — Я без мамки вырос, и ты вырастешь. Кто же виноват, если мамка у нас такая... — У него больно кольнуло сердце. Представилась Варя в своём узком стареньком пальто с потёртым воротником «под котик», в туфельках без калош... — Ничего, вот приду, деньги у меня сейчас есть, купим ей хорошее пальто, валенки... — подумал Михаил и сейчас же оборвал себя: — Куда я приду? Ерунда какая...»

Он взял в свою руку маленькую горячую ручонку сына, стал разглядывать толстые, с широкими ноготками пальцы. Поднял и прижал к губам. Ручонка была липкой, пахла тёплой кожей, сладким детским потом и молоком.

Никитушка, очевидно, почувствовал, что на него смотрят, приоткрыл глаза, не узнавая, посмотрел на Михаила, громко сказал:

— Мама, дай саркú! — потом повернулся на бок и закрыл глаза.

«Сахарку? — повторил Михаил. — Неужто она его и сахаром не могла досыта кормить?» Эта мысль поразила его. Он некоторое время сидел, не двигаясь, и смотрел в заиндевшее окно.

«Нет, всё-таки какая я свинья! — вдруг отчётливо подумал он. — Ну, не хотела взять деньги, ну, бросила, когда я ей дал их. Надо было найти способ, переводить, может быть...»

Вспомнились ему все события последнего времени. И то, как сняли его со станка, и как восстановили потом, и как он был зол на всех долгое время, как считал, что во всём виновата Варя, а выговор счёл недоразумением и проявлением недоброжелательства со стороны Лавренюка, даже когда этот выговор утвердил райком.

Михаил из упрямства не признавался ни себе, ни другим, что и цеховое начальство и, тем более, комитет были правы по отношению к нему.

Оправдывая себя перед самим собой, он думал, что доказывать, объяснять, что резец не годится для их станков, он всё равно бы не смог. Все, и в том числе Варя, решили бы, что это он просто придирается к своей бывшей жене.

«Ну ладно. Это всё ясно.— Михаил вздохнул.— Теперь, кажется, всё становится на свои места. Только как же мне уладить с ней вопрос относительно Никиты? Отдать его мне насовсем она же не согласится?»

Он вытер платком пот на лбу сына, стал одевать его. Сонные руки были тяжёлыми, никак не лезли в рукава шубки. Михаил крепче повязал платок на голове Никитушки, надел ему шапку.

«Простудится ещё,— с беспокойством подумал он.— Вспотел весь, да по такой вьюге нести».

2

Сквозь стеклянную крышу цеха ярко светило солнце, под самой крышей с пронзительным чириканьем носились воробьи. Наверное, оттого, что солнце было ярким и уже не бледножёлтым по-зимнему, а оранжево-красным, казалось, что в цехе тепло, но у Вари застывали пальцы, когда она бралась за детали. Чтобы не измазаться, Варя высоко засучила рукава серого свитера, и на её полную, с желтоватой кожей руку ложились всё новые и новые мазки тавота.

Слесарь-сборщик помогал Вале проверять недавно освоенный паркетный станок. Узел редуктора рассчитывала Лизка, и Варя, зная, что она слаба в расчётах, проверяла работу узла особо тщательно.

— Смотри-ка,— слесарь переключил рычагом шестерни вправо и потрогал рукой обнажившуюся поверхность главного вала,— я говорил контролёрам ОТК, недостаточно, по-моему, массивен главный вал. Если что не так, чуть косо посажены шестерни — скрутит его, как бумажный жгут. Полетит всё к чёрту!

— Не полетит. — Варя махнула рукой. — За это я не боюсь. Мелочь какая-нибудь подвести может, а такая крупная деталь... Её Дед, верно, сам рассчитывал, не Лизка же. А уж проверить-то, наверняка, проверил. Экономят теперь металл, вот и тонкий.

Она дотронулась до холодной, покрытой жёлтым тавотом поверхности вала, провела по нему рукой. Вдруг палец её задел за что-то острое. Это была сделанная для удобства шлифовки канавка между большим и меньшим диаметрами вала. Только вынута она была почему-то не полукруглым резцом, как полагалось, а острым. Варя похолодела.

— Толя, тащи чертежи! — сказала она. — Да позови Федотыча. Кажется, тут беда...

Такая канавка, если у вала нет достаточного запаса прочности, может повести к тому, что при работе станка вал будет в этом месте срезан. Это серьёзная авария: редуктор — сердце станка — целиком и надолго выйдет из строя.

— Неужто Дед проглядел! — сказала она вслух и почувствовала, как холодком ползёт к сердцу страх: она даже не знала, почему не радуется тому, что поймала своего недруга на таком серьёзном промахе.

Подошёл контролёр сборщиков Федотыч. Варя показала ему канавку на валу и увидела, как морщинистое, с грубой, тёмной кожей лицо старика медленно побурело.

— Валик-то жидковат,— глухо сказал он.— А мы неделю назад партию этих станков отправили. Если что случится...

— Может, там валы другой партии? — предположила Варя. — Если с полукруглой канавкой, тогда ещё ничего.

— Этой же партии, значит такие же. — Старик вздохнул. — Ладно ещё, если в чертеже так, а если нет...

Наконец пришёл Толя. В чертеже канавка на валу была точно такой, какая полагалась по стандартам: полукруглой.

— Значит, это вина токаря,— с некоторым разочарованием сказала Варя. Почему-то она была уверена, что это недосмотр Годика.— Надо по нарядам найти, кто это делал. Поленился, верно, в раздаточную за круглым канавочным резцом сходить, думал, мелочь, мол... А эта мелочь жизни людям стоить может.

— Авдеев делал, — сказал Толя.— Вот его клеймо тут стоит.

— Ну, значит, ему шею и намылят,— облегчённо сказал Федотыч.— Другой раз внимательней будет. Да и начальнику твоему тоже не поздоровится, — добавил он, помолчав.— Это же надо: главный вал — как спичка! Ладно, если ничего не случится, а если... Будет всем на орехи.

Варя пошла к Сайко — надо было и его предупредить о возможности аварий. Сайко выслушал её, не удивляясь. Молча протянул ей телеграмму с Устинского завода, куда была направлена злополучная партия станков. Авария уже произошла, из строя вышло три станка.

— Что же теперь будет? — испуганно спросила Варя, поднимая глаза на Сайко. — А?

— Посмотрим...— Сайко вздохнул и потёр лоб бледной сухой рукой со складочками морщин на суставах пальцев.— Посмотрим.

3

Зима доживала последние дни. Ещё было попрежнему холодно, но снег уже осел, покрылся мельчайшими кусочками неизвестно откуда взявшейся сажки, а возле домов на его плотной поверхности появились ровные цепочки круглых дырочек: это днём, когда пригревало солнце, капало с подоконников и крыш.

Наташа и Любка шли к станции метро. На мостовой раскисал коричневый снег. Грязная, с масляными разводами вода Язуы поднялась и стала ещё темнее.

Любка, вздыхая, говорила:

— Не могу... Как весной запахнет, так я сама не своя. Уехать куда-то хочется... далеко, дале-е-е-ко. Электричка пройдёт через мост, загудит — и у меня сердце защемит, защемит...

— И у меня тоже.— Наташа закашлялась, закрыла плотнее горло шарфом. Она недавно болела ангиной.

— И Мишка ещё,— продолжала Любка, безнадежно глядя на мутную воду Язуы,— тоже повернул... Позавчера у Варьки сына взял себе на неделю, теперь больше и не думает ни о чём. Бежит домой, как сумасшедший.

— Ну, а как же? — осторожно спросила Наташа, заглядывая Любке в лицо. При резком дневном свете виднее было, что Любка уже вянет, вянет... Морщины у глаз, возле губ, в поры щёк забились мелкая металлическая пыль.

— Вот так же,— передразнила Любка.— От ворот — поворот. Приглубил и дальше пошёл. У меня, мол, сын... — Лицо её стало жёстким. — Я бы этого сына убила, ей-богу!

— Он же маленький,— серьёзно начала Наташа,— а потом, ты же можешь его себе взять, если Михаил...

— Что ты! — Любка энергично затрясла головой. — Какая ему из меня мать? Да и разве Варька отдаст...

Девушки помолчали. Любка мстительно улыбнулась и сказала:

— Только и Варьке счастья не будет. Разбитую чашку сколь ни склеивай, всё равно трещины видно.

— Брось. — Наташе стало неприятно. — Пусть их живут. В конце концов, он муж ей.

— Пусть живут, — вдруг равнодушно согласилась Любка. — Мне-то что...

Они распрощались.

Наташа села в вагон и опять, как часто с ней теперь бывало, когда она оставалась одна, погрузилась в свои мысли.

Самыми сложными и непонятными для неё самой были мысли о Пете. После разговора на лестнице Наташа не видела его: он уехал на совещание комсомольских работников. И, может быть, именно поэтому, отдаляясь во времени, разговор этот начинал казаться Наташе полным глубокого смысла, и самым важным было не то, что говорилось, а то, что оба они думали при этом. Думала она теперь о Пете постоянно и понемногу привыкла к мысли, что из всех, кого она знает, самым близким и самым желанным для неё человеком был именно Петя. Она с нетерпением ждала его приезда и часто с подробностями представляла себе, как он приедет, как они встретятся да как заговорят.

Когда она вспоминала о Сайко, её охватывало неопределённое, неприятное чувство, словно сделала она ошибку, которую невозможно уже исправить, и она будет вот так бесконечно томить её, оставляя осадок горечи на всём хорошем, что может произойти ещё в её жизни. Она была уверена, что смогла бы полюбить Сайко беззаветно, да ведь он не захотел этого... Наташа чувствовала каждый раз, как в лицо ей бросается горячая волна крови, когда она вспоминала, как Сайко поцеловал её ладонь. Она думала, что продолжает любить его, но мысли её были заняты уже другим. Желания увидеть его лишней раз, поймать на себе его взгляд не было.

Легко Наташа себя чувствовала теперь только с Андреем. Часто после работы они вместе заходили в комитет, сидели рядом на репетициях, разговаривали. Если Андрей видел, что Наташе скучно или что она опять думает о чём-то своём, хмурясь и покусывая губы, он начинал многословно и непонятно рассказывать ей случаи из своей жизни. Говорил Андрей обычно торопясь и смущаясь, не умея выбрать интересное, считая всё одинаково важным.

Сегодня Наташа тоже зашла в комитет, села рядом с Андреем и стала слушать, как Варя и Любка поют частушки.

Наташа знала, что Любка втайне считает, что лучше всяких модных костюмов идёт ей русский сарафан и вышитая кофта. Когда-то, давно, она выступала в этом наряде, и Михаил сказал ей, что она похожа на Василису Прекрасную. Пожалуй, главным образом из-за желания ещё раз покрасоваться выбрала Любка для своего выступления частушки.

Новый баянист (Михаил перестал ходить на занятия) заиграл обычное, назойливо повторяющее каждый такт и всё-таки милое сердцу русского человека вступление. Девушки запели. Очень по-русски, задушевно и хорошо получались у них эти простые переговорки, и у Наташи болью отзывалось в сердце каждое слово.

Что-то было там про любовь и разлуку, про весенние сады и красоту. Любка сочувственно упрекала Варю:

Некрасива, некрасива,
Некрасива девица... —

и Варька горько жаловалась на свою судьбу, на то, что некрасивых не любят.

А Наташа думала, что дело-то тут вовсе не в красоте, а в чём-то другом, что делает порой и некрасивого человека самым дорогим на свете.

Витя Архипов заиграл на балалайке. Наташа балалайку не любила. Она сморщилась и дёрнула Андрея за рукав.

— Спой, Андрюш...

Андрей покорно повернулся к ней, сурово собрал складки на большом и широком лбу, потом опустил глаза и тихо запел. Голос у него был

неровный и неумелый, но очень глубокий и тёплый. Он пел Наташе милую и простую песенку о том, что в зацветающей пшенице уж поют пугливые перепёлки, что год будет непременно урожайным, и ещё о том, что где-то совсем недалеко живёт его первая любовь. От этой песни Наташе вдруг стало очень спокойно. Она положила свою худенькую крепкую руку поверх руки Андрея и, поглаживая вздутые жилки, почти бессознательно, движимая только желанием скорее поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, стала сбивчиво рассказывать ему обо всём, не называя только имён Пети и Сайко.

Она замолчала, взглянула на Андрея и увидела, как потемнело у него лицо, уши куда-то вглубь и потухли глаза. Он осторожно отвёл её руку, встал и вышел.

Вспоминая об этом сейчас, Наташа чувствовала себя неловко. Ей было жалко Андрея, но с другой стороны — что же можно было сделать?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Петя приехал в Москву во второй половине дня. Зашёл домой, сходил в баню и на завод попал уже поздно вечером.

Он спросил у технички ключ, открыл тугой, вечно с капризами замок, вошёл. На него пахнуло прокуренной теплотой только что оставленного людьми помещения.

«Немного, наверное, не застал», — вздохнув, подумал Петя. Хотелось увидеть ребят, поболтать, расспросить, как дела.

Он зажёл свет. По обыкновению всё было не на месте, всё передвинуто, перевёрнуто, всюду намусорено. Петя привык к этому беспорядку. Ему не нравилась холодная чистота, правильное расположение стульев вдоль стен в некоторых комитетах. Пете казалось, что строгий порядок в какой-то степени связывает людей.

У ножки стола валялась забытая красная варежка.

«Наташина, что ли?» — со смутным волнением подумал он, поднял её, мягкую, сохранившую ещё очертания маленькой руки, и стал задумчиво разглядывать замысловатый рисунок.

Дверь открылась. Петя вздрогнул и быстро сунул варежку в карман. Вошёл Андрей.

— Это т-ты, Петя? — смущённо улыбаясь, спросил Андрей. — А я думал, тут Федя.

— Я. — Петя снял кожанку, повесил на гвоздь. — Ты чего? Садись.

— Вот... — Андрей потоптался у порога, сгибаясь сутулым высоким телом под притолокой двери, расстегнул пуговицы телогрейки, колеблясь, снять её или нет, подошёл и сел на стул рядом. — Анкету я принёс.

— Ну, давай. — Петя взял жёлтенький небольшой листок, мельком прочёл его. — Кто тебя рекомендовал-то?

Андрея рекомендовали начальник ремонтного цеха, член партии, и Наташа Ильина. Петя задумчиво просмотрел быстро, наспех нацарапанные буквы имени и фамилии, шестизначный номер билета.

— А зачем же Наташа? Ведь рекомендации одного коммуниста хватило бы вполне.

— Н-наташа... — Андрей вдруг густо покраснел, потянул за козырёк кепку себе на лицо и замолчал.

— Ну, да. И она сама ведь знает, что рекомендации одного члена партии достаточно. — Это было не важно, но у Пети вдруг тревожно сжалось сердце: «Что у него с Наташей, неужели...» Он пристально глядел в мучительно смущённое лицо Андрея.

— Наташа сама захотела дать мне рекомендацию.— Андрей справился со своим смущением.— Она г-говорит, всю жизнь потом помни, кто тебя в комсомол рекомендовал... Т-только я её и так...— сказал он почти шёпотом и замолчал.

Петя тоже молчал. Он от всей души сочувствовал Андрею, и, однако, сердце билось учащённо и радостно.

Так они сидели друг против друга долго, думая о своём. Андрей мял руками кепку, внимательно разглядывал тупые, со вмятинами, носки своих сапог; Петя вертел анкету, глухо покашливая, точно у него першило в горле.

— Забудешь, — сказал, наконец он, поднимая глаза и глядя Андрею прямо в лицо. — Ты ещё забудешь... — Он вздохнул, нахмурился. — Это если я вдруг ошибусь... Второй раз очень трудно ошибаться.

Андрей вдруг быстро, будто что-то поняв, вскинул на него глаза и опять опустил. Он ничего не сказал, расправил кепку, повертел её ещё в руках и надел.

— Ну, я п-пошёл, что ли... — сказал он, не глядя на Петю.

— Подожди. — Петя удержал его за рукав. — Ведь ты первый человек, которого я вижу на заводе, расскажи мне всё-таки, что тут к чему.

Петя чувствовал себя немного неловко, ему хотелось, махнув рукой на условности, прямо сказать Андрею: «Слушай, друг, любовь — дело сложное. Никто никогда не знает и не узнает, почему девушка любит одного и не любит другого. Но нельзя из-за этого расставаться врагами».

Но вместо этого он только спросил:

— Как твоя бригада? Скоро кончите станки ремонтировать?

Петя знал, что организованная Андреем добровольная комсомольская бригада слесарей-ремонтников — первый в жизни Андрея активный шаг — была его гордостью.

— Работаем, — скупно сказал Андрей. — Помогают нам токаря с того участка. Думаем закончить через недельку. Уже девять станков на ход поставили.

— Ну, а в цехе как? — Петя подвинулся ближе к Андрею, заглянул ему в глаза, улыбнулся. — Говори ты! Что я из тебя клещами вытягиваю!

Андрей внимательно посмотрел на Петю исподлобья, словно оценивал, стоил ли этот человек того, чтобы его любила Наташа.

Рядом, за стеной, в кабинете директора, медленно, удар за ударом, часы начали отбивать время. Была полночь.

2

Наташа стояла в очереди в столовой, когда услышала, что приехал Петя. Она вышла из столовой и бегом бросилась к заводууправлению, где находился комитет. Неожиданно в дверях она столкнулась с Сайко. На улице припекало солнце, дружно таял снег, и Сайко был без пальто, в темносинем костюме. Он остановился. Наташа тоже стояла, не зная, что сказать, что сделать. Наконец она запоздало проговорила:

— Здравствуйте, Николай Иванович!

— Здравствуйте, — помедлив, ответил Сайко. Он стоял, заняв собой весь проход, и, видимо, вовсе не собираясь пропускать Наташу, разглядывал её.

Наташа тоже была без пальто, даже без косынки. Отросшие за зиму, влажные от сыроватого воздуха волосы рассыпались по плечам.

На носу её выступило множество коричневых весенних пятнышек, и глаза её тоже были голубые, весенние — в них бродили мысли, очень далёкие и от завода и от Сайко. Наташа похорошела неожиданно и сразу.

Сайко посторонился и коротко вздохнул.

— Ну что же — бегите.

Не дожидаясь, что Наташа скажет дальше, он вышел на двор и пошёл по направлению к цехам, аккуратно перепрыгивая через лужи.

Наташа побежала вверх по лестнице. Но по мере приближения к комитету она замедляла шаги и наконец пошла назад.

В самом деле, с чего это она решила, что Петя её очень ждёт? Ведь, собственно, между ними ничего не произошло...

Весь день она ходила с тайной надеждой где-нибудь его встретить, но всё не встречала. А к концу дня мысли о Пете постепенно отошли на второй план — вечером у неё на участке должно было произойти важное событие. Сергей по секрету сообщил ей, что он наконец совместно с помощниками своими, Юрой и Вовкой, будет испытывать новый скоростной резец.

Наташа простояла в очереди в библиотеке, поэтому запоздала и пришла на участок тогда, когда испытание уже началось. Вторая смена ещё не заступила, на участке находились только слесари-ремонтники, перебирающие станок Михаила, да ещё возле станка Юры Корнеева собралась группа ребят, следивших за испытанием.

Месяц назад они с Варей ездили к шефам в институт. Там им не сообщили ничего утешительного. Скоростных резцов на маломощные станки не проектировалось — это было бы смешно при теперешнем уровне развития техники. Им посоветовали работать обычными резцами, добротными изготовленными.

Наташа подошла. Юра обтачивал гладкий валик. Скорость обработки была, как она определила на глаз, метров сто пятьдесят—двести, но станок работал ровно, не скрипел и не дрожал. Стружка падала короткими пирамидальными спиралями. За резцом, не отрываясь, следили зрители — Вовка Седин, Витя, Любка Малькова. Сергей стоял рядом с Юрой в позе учителя и небрежно курил. Резец дошёл до упора, и суппорт остановился.

— Вот! — гордо крикнул Юра. Таким, похожим на молодого петушка, Наташа помнила его только в те счастливые лагерные дни, когда его команда футболистов выигрывала. — Открывается школа передовых методов под руководством Сергея Александровича Орлова! Будем изобретать новые резцы. Вот, — уже тише повторил Юра, вынимая резец из державки и широким жестом стряхивая с него пыль. — Наша работа. Я, Вовка и Сергей. Как у ювелира.

Наташа взяла резец и внимательно осмотрела режущую часть. Это был тот самый резец, который она когда-то дала Юре, только режущая часть его теперь была так основательно переточена, что ничего похожего на прежние углы не оставалось.

— Мы с Серёжей, — возбуждённо и громко говорил Юра, — прочли, наверно, все книги, в которых описано, какой угол резца на что влияет. Брошюры читали всякие... Борткевича, Быкова. А потом стали сами думать, что же больше всего для наших станков подойдёт.

— Вот видишь, — Сергей взял у Наташи резец, — здесь, чтобы станку не трудно было, сделана фаска по лезвию, угол получился острый. А тут уступ, чтобы стружка завивалась, а не шла сплошной лентой. Помнишь, Вовка бюллетенил, когда ты только вышла после болезни? Это его стружкой порезало. Мы потом вот и сделали этот уступ.

Наташа слушала Сергея и смотрела на Юру. Конечно, будущий геолог, искатель нового, попался на удочку. И хорошо, что она сама не ввязалась в это дело, — ребята без непосредственного контроля взрослых действуют гораздо смелее. Вот она, первая её победа... А может, и не первая.

И вдруг Наташа почувствовала, что подходит Петя. Она не слышала ни шагов, ни голоса, не думала даже в эту минуту о нём, но очень ясно почувствовала, что он идёт, — и застыла на месте, не смея обернуться.

— Я опоздал, кажется? — громко сказал Петя, и Наташа в его голосе услышала скрытое волнение. — Испытание кончилось?

Он обращался к ребятам и улыбался, а глаза его смотрели на Наташу. Наконец он отвёл глаза и закусил губу, а Наташа передохнула и откачнулась назад, прислонившись к столбу.

— Кончилось, — почти шёпотом проговорила она.

— Ничего! Мы для тебя ещё раз испытаем. — Сергей отодвинул Юру и сам стал за станок. Работал он виртуозно, но Наташа уже ничего не видела и не слышала.

Петя хмурил брови и внимательно следил за испытанием. На неё он больше не взглянул ни разу. Наташа, наоборот, не отводила взгляда от его лица, всё ждала: вот сейчас он посмотрит на неё, и всё сразу станет ясно. Но Петя смотрел мимо, и Наташа чувствовала, как гаснет что-то в её душе.

Испытание кончилось. Все пошли к выходу. Петя, как бы случайно очутившийся рядом с ней, шутливо взял её под руку, улыбаясь, заглянул ей в лицо.

— Ты домой? Пойдём вместе?

— Нет. — Наташа резко высвободилась и, не глядя на него, показала головой. — Мне тут кое-куда ещё зайти надо.

— Зайти? — Петя ещё некоторое время шёл рядом, глядя себе под ноги, потом махнул рукой и быстро ушёл вперёд.

Наташа пропустила всех, зашла в заводской скверик, села на скамейку, закрыла глаза. Так, покачиваясь всем корпусом и ни о чём не думая, сидела она долго. В горле стояли слёзы.

«Всё... — почти вслух произнесла она. — Всё ясно. Иначе он не мог бы так легко говорить со мной. Ну и пусть...»

Она встала, насухо вытерла глаза и быстро пошла к проходной.

3

Михаил горопился домой. Очень затянулось комсомольское собрание, и он боялся, что сын всё ещё не спит, дожидаясь его. Сколько он ни ругался с матерью Сергея, она никогда не укладывала мальчишку спать до его прихода.

— Ничего, ему не на работу. Подольше утром поспит, — говорила она. — Не бить же мне его, если он не ложится.

А Никита и в самом деле ближе к семи часам вечера начинал ждать отца, стоял у двери, прислушивался. Если по переулку раздавались шаги, Никита оборачивался и радостно сообщал:

— Баба Дуся, папа идёт.

Михаил никогда не приходил без гостинцев, — хотя и понимал, что от конфет польза маленькая, скорее — вред, но очень уж радовался сын сладостям, а вместе с ним радовался и Михаил.

«Пусть досыта наестся, — утешал он себя. — Потом сам без охоты на них глядеть будет».

В воскресенье он ездил с сыном в Мосторг, купил ему вязаный шерстяной костюмчик и матроску.

«Вот Варьке радость, — думал он, разглядывая, как ладно сидит на Никите обновка. — Да и он-то у меня — богатырь. Костюм на трёх-летнего, а на нём сидит, как влитой».

Приходя домой, Михаил только и делал, что занимался сыном. Купил ему велосипед, но сиденье для Никиты было высоко, ноги не доставали

до педалей. И вот Михаил с увлечением приспособливал велосипед под рост сыну — опускал сиденье, наращивал педали. Никита ему помогал, чем мог, растаскивал по комнате отвёртки, ключи, детали велосипеда, а когда уже ничего не оставалось, приходил, присаживался на корточки и, глядя на отца ясными голубыми глазами, спрашивал:

— Ты что делаешь?

— Сижу. — Михаила больше всего забавляла эта взрослая, недавно выученная фраза сына. — Сижу и на тебя гляжу.

Он подтаскивал мальчишку к себе и принимался его мять, тискать. Никита закатывался хохотом, пищал, потом говорил сквозь смех:

— Пусти. К маме поеду.

То, что Никита продолжал вспоминать о матери, тревожило Михаила. «Как бы скучать не стал», — беспокоился он.

О занятиях, конечно, нечего было и думать. В институт Михаил не ходил, дома тоже ничего не делал. А заниматься нужно было. Сегодня на собрании выступал Семёнов, он обратился прямо к Михаилу, сказал, что ставит вопрос о переводе его в техотдел старшим технологом, и предложил собранию поручить Михаилу заняться внедрением на заводе выборочного скоростного резания. Поручение было сложное, но оно обрадовало Михаила. Значит, снова ему верят.

Михаил замедлил шаги, приближаясь к дому. В окнах было темно, только в кухне мерцали отблески света — топилась печка.

«Спит», — немного разочарованно подумал Михаил, втайне надеявшийся найти сынишку бодрствующим. Сегодня он купил ему большой апельсин, и ему не терпелось посмотреть, как удивится мальчишка, как будет радоваться. Он открыл дверь кухни и остановился. Было тепло, темно, только отблески огня затухающей печки освещали кухню. У печки, на низенькой скамеечке, рядом сидели Евдокия Петровна с Никитушкой и смотрели на огонь. Евдокия Петровна, обхватив его одной рукой и мерно покачиваясь, напевала:

Уж ты, сыночка моя,
Сиротиночка моя.
Нету мамы, нету папы,
Никого нет у тебя...

— Мама есть! — вдруг высвободившись, серьёзно сказал Никита. — Мама есть! — повторил он опять. — Она там живёт. — Он поднялся и весь потянулся вслед за рукой, которой указывал на дверь.

Михаил с силой швырнул дверь, вошёл в кухню. У него было сейчас острое желание ударить болтливую старуху.

— Что вы ребёнку душу травите? — Он подхватил сына на руки и пошёл с ним к себе, буркнув на ходу: — Спать не догадаетесь уложить. Жалельщица!

Михаил раздел сынишку, как всегда поиграл с ним, поцеловал ножки, ручки, живот, шейку.

— И тут, и тут! — поёживаясь и смеясь, указывал Никита.

Сын съел апельсин и лёг спать. Михаил тоже разделся, лёг и привычно подвинул к себе тёплое, мягкое тельце сына, думая, что тот уже спит. Но Никита завозился и вдруг тихо, начиная с самых тонких и горестных нот, заплакал. Михаил вскочил, зажгёт свет, принялся тормошить сынишку.

— Ты что, сынок, Никитка? Тебе приснилось что?

— Маме хочу, маме хочу! — уже полным голосом, заливаясь на верхних нотах, плакал Никита. — Маме поедем!

— Спи! — Михаил опять лёг, прижал его к себе, начал укачивать. — Завтра поедем. Вот сейчас поспишь, потом проснёшься и поедем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Перед началом собрания, посвящённого юбилею завода, показывали кинокартину. Варя и Наташа бессознательно жались друг к другу, крепче стискивали руки. И хотя всем сидящим в зале конец был известен, всё-таки верилось — что-то произойдёт, может быть чудо, и молодоговардейцы не умрут.

Луч аппарата погас, в зале зажгли свет. Чуда не произошло.

— Мы никуда не пойдём? — спросила Варя. — Собрание минут через двадцать начнётся.

Двое рабочих и Володя Быков уже снимали экран, расставляли на сцене стулья, принесли длинный, покрытый зелёным сукном стол, трибуну.

Наташа молча качнула головой, закрыла глаза. Перед глазами всё ещё жили Серёжка Тюленин, Уля Громова, Любка Шевцова...

Сидевшие впереди Федотыч и какой-то конструктор из заводоуправления заговорили о Годике. Наташа насторожилась: она знала, какую роль сыграл он по отношению к Варе.

— Не полетел ещё ваш? — спросил Федотыч. — Жив?

— Жив. Хитрый он. Такого не скоро столкнёшь. Он теперь ходит и оглядывается, как бы ногу неверно не поставить.

«Хитрый, это точно, — подумала Наташа и вспомнила, как восхищал её раньше Годик своей сказочной физической силой, простотой обращения: он и старых и молодых рабочих звал по имени. — Ведь когда он в цех приходит, с него рабочие глаз не сводят, смотрят, как он запросто станины да редуктора вертит, отыскивая причину брака».

— Ну, а с этими валами? — опять спросил Федотыч. — Маловат ведь запасец прочности-то. — Он вздохнул. — Меня грели-грели, Авдеева под суд отдали, а ему — ничего?

Варя повернулась к Наташе, и в её чёрных глазах блеснул торжествующий огонёк.

— Ничего! Ему так дадут, что он зачесется, — зашептала она. — Гляди, как бы вместе с Авдеевым под суд не попал! Я проверила расчёты — недостаточен запас прочности у главного вала. Это его вина-то.

— Мне кажется, — сказала Наташа, — он, знаешь, какой — как Стеценко. Тот тоже — всё ничего, ничего, исподтишка, небось, пакости делал, и не заметишь: хороший! А немцы пришли — нате, пожалуйста, явился: я ваш покорный слуга.

Началось собрание. Доклад делал Сайко. Наташа, слушая его, притихла, ей взгрустнулось. Вспомнились события минувшей зимы, Лёвка...

Неожиданно Сайко назвал фамилию Наташи, и она покраснела, нагнулась, думая, что он сейчас припомнит ей опять историю со станком, будет бранить её. Но Сайко заговорил о другом, и Наташа услышала, что её хвалят, ставят в пример.

Начались выступления.

Петя всё ещё не было в зале, и собрание казалось Наташе лишённым смысла, она томительно дожидалась конца. Вдруг, как раз тогда, когда директор начинал свою заключительную речь, в зал вошёл Петя и стал пробираться к сцене. Он сел в президиуме рядом с Семёновым, принялся что-то шептать ему на ухо. Выражение лица его было возбуждённым.

Наташа вспыхнула, отвернулась от сцены и, не в силах сдержать глупую, счастливую улыбку, стала что-то быстро рассказывать удивлённой Варе. Теперь, когда Петя был в зале, она могла сидеть тут хоть бы до утра.

В перерыве, перед концертом, Петя подошёл к ней.

— Понимаешь, какая история нехорошая получается с этим станком... — начал он и остановился, увидев, что Наташа опустила голову и покраснела. — Что с тобой?

— Ничего. — Наташа, уже овладев собой, слабо улыбнулась и потёрла лоб рукой. — ...Так что станок?

— Нам с Краматорского завода прислали обращение комсомольская и партийная организации. Длинное письмо... Читаешь — уши горят. Ведь из-за этого пустячка человека чуть было не убило.

— Да? — Наташа смотрела ему в лицо, жадно запоминая сухой, тревожный блеск глаз, резкую складку губ, особенный разлёт бровей... Сколько раз, наедине с собой, она пыталась вызвать у себя в памяти это лицо! Ведь ей теперь очень редко приходилось видеть Петю, во всяком случае, совсем не так часто, как хотелось бы...

2

Михаил шёл пешком от вокзала к центру города. На улице было сыро и черно, снег дворники давно уже счистили, свезли во дворы. Под ногами липко разъезжалась грязь. Разноцветными тёплыми прямоугольниками светились в домах окна.

Михаил вспоминал короткие весенние ночи, когда они с Варькой бродили по Москве, заглядывая в чужие окна, угадывая, какая жизнь течёт за этими светлыми стёклами...

Прошло уже дней пять, как Варя забрала сынишку. Приехала она, когда Михаил был в институте, сказала Евдокии Петровне, что в яслях карантин кончился, что она соскучилась, и забрала... А Михаилу теперь не хватало чего-то, когда он приходил домой. Игрушки Варя не взяла — трудно было нести, — и они валялись в углу, лишний раз напоминая Михаилу о сыне.

В тот день, когда Варя забрала Никиту, Михаил купил сыну огромный красно-синий мяч, торопился домой из института, чтобы отдать его. А оказалось, что мячом-то и некому играть...

И потом, в последние дни Михаил очень часто вспоминал Варьку. Не такой, какой она стала потом, — раздражительной, злой, несправедливой, а такой, какой она была в первое время замужества. Она даже снилась ему такой, и были эти сны до того реально ощутимы, что Михаил просыпался разбитым, с тоскливым желанием увидеть жену наяву.

Он вздохнул. Сегодня на вечере Варя с Любкой пели русские песни и частушки. Это тоже напоминало ему время, когда он только ещё полюбил Варю. Полюбил именно её, а не яркую голосистую Любку. Варя пела немного на «о». Почему — Михаил и сам не знал, ведь Варя была коренной москвичкой и говорила чисто по-московски. Должно быть, ей просто казалось, что настоящие русские песни нужно петь именно с этим по-домашнему тёплым оканьем.

Девушки протяжно и негромко спели «страдания», потом — свою традиционную песенку о том, как Марусенька мыла белые ноги; а под конец, на «бис», спели трогательный деревенский романс «Над рекой черёмуха колышется».

Может быть потому, что все мысли Михаила были сосредоточены на одном, ему показалось, что именно к нему обращается Варя с этой песней. Он ушёл из зала, не дождавшись окончания концерта...

«Наверное, теперь она уже дома, — думал Михаил, выходя на Арбат. — Первый час. С кем она мальчишку оставляла, с Лизкой, что ли?»

Оттого, что скоро, через каких-нибудь пятнадцать минут, он увидит сына, тревожно и радостно сжалось сердце.

Домой Варя вернулась в двенадцатом часу. Перед глазами всё ещё стоял тёмный зал, битком набитый людьми, среди которых где-то сидел Михаил. Аплодировал ли он со всеми, кричал ли бездумно и неистово «бис»? Или безучастно и недовольно смотрел на неё?

Домой она ехала вместе с Лидией. Собственно, теперь они каждый раз ездили домой вместе: Лидия жила где-то у Смоленской.

Лидию выбрали парторгом конструкторского отдела.

В первые же дни после своего избрания Лидия постаралась, насколько возможно, повернуть работу в бюро на свой лад. Годик побаивался её, как побаивался вообще теперь партийного руководства завода. Кроме того, он почему-то считал, что у Лидии с Сайко «роман» и поэтому особенно противоречить ей небезопасно. Он теперь всё чаще играл в добродушного старичка, которому, собственно, всё безразлично, лишь бы его оставляли в покое да выполнялся бы план проектирования новых станков.

Для ведения технической документации выделили наконец, как это было решено почти год назад на партгруппе отдела, Алину Борисовну и Лизу.

Алина Борисовна приняла назначение безропотно. Лиза же заартачилась.

— С какой стати! — кричала она, стоя у стола Годика и вытирая покрасневшие глаза шёлковым кружевным платочком. — Что уж я, совсем бесталанная, коли вы меня в такое пропащее дело суёте!

Годик любил, когда перед ним плакали женщины. Он улыбался, показывая кривой передний зуб, ёрзал на стуле и вкрадчиво говорил Лизке:

— Понимаешь, Лизочек... Моё сердце как начальника отдела будет спокойно, если я буду знать, что такое важное дело, допустим, как составление спецификаций на станки, будет поручено тебе. Ты же аккуратная девица! А, например, Козловой эту работу поручить нельзя. Помнишь, она, составляя ведомость цветного литья на калёвочный станок, пропустила два узла. Станок уже в производстве, а литьё на два узла не поступает. Такое безобразие!

Лизка успокоилась и согласилась.

Варя страшно завидовала лизкиной уютной способности быстро обживаться на любом месте и обрывать необходимым инвентарём. Уже через три дня после назначения она получила из модельного цеха специальный шкафчик со множеством отделений, где аккуратно расставила папки с делами порученных ей станков. Выпросила у скупого архивариуса десяток карандашей, резинки, два рулона простой бумаги и рулон миллиметровки, обманным путём достала в собственное пользование дырокол и упрятала всё это в свой шкафчик.

Когда Варя однажды попросила у неё на минуточку дырокол — «только три чертежа пробью, в комплект вставить», — Лизка, глядя на неё ясными глазами, сказала:

— Нету. Нет у меня дырокола, ты с чего взяла?

Поражённая таким явным враньём, Варя растерянно смотрела на неё и со вздохом сказала:

— Ну и жмот же ты, Лизка! В первый раз такую вижу. Что я, его съем, что ли?

— Не съешь, а куда-нибудь засунешь или отдашь кому-нибудь, — нимало не смутилась Лизка. — А мне в моей работе дырокол каждую минуту нужен. Проси вон у Алины Борисовны казённый.

Но вне работы они продолжали оставаться друзьями. Лизка даже занялась сегодня Никитушкой, чтобы дать возможность Варя пойти на вечер.

Когда Варя вошла в комнату, Никитушка громко хохотал, лёжа на большой кровати, а Лизка, наскакивая на него со стороны, целовала ему голый живот. В углу на стуле, спиной к ней, сидела какая-то женщина в чёрной бархатной шляпе с пришитым к ней хвостом чернобурки.

— Лизка! — сердито сказала Варя. — Что же ты, я ведь просила его в десять спать положить.

— Вот к тебе пришли тут, часа два назад. — Лизка указала на женщину в шляпе и, хихикнув, убежала.

Варя взгляделась. Это была её тётка, жена Авдеева. Хотя она до этого была у Вари всего лишь раз, Лизка запомнила её и, зная варино недоброжелательное отношение к ней, не предложила раздеться. Так тётка и просидела, обливаясь потом в жарко натопленной комнате, чувствуя себя глубоко оскорблённой.

Теперь она поднялась и, сердито фыркнув, сняла шляпу.

— Приёмчик! Ты мне чаю, что ли, дай, пить хочу.

Её хозяйский тон покоробил Варю. «Как с прислугой, со мной, — подумала она. — Попробовала бы я её эдак попросить».

— Какой тут чай! — сказала она вслух. — Устала, как собака, рукой не шевельнуть... Ладно, согрею сейчас, передохну только, — добавила сна. — Ты зачем пришла-то так поздно?

Тётка поджала губы, но никак не выразила своего неудовольствия.

— Ну, как же, — произнесла она после некоторой паузы, — ведь будет суд. Матюша велел мне попросить, чтобы ты выступила в защиту. Ведь уж ты-то знаешь его, он тебя работать учил.

Варя молчала. Как все слабохарактерные люди, она готова была уступить настойчивой просьбе. С другой стороны, на заводе уже было известно, что Авдеев поставил клеймо на бракованные валики не по недосмотру или недомыслию. Рыжий Лёшка рассказывал всем, что Авдеев точил валики при нём и что он, Лёшка, указал ему на то, что он делает канавку не по чертежу. Авдеев будто бы махнул рукой и сказал: «Сойдёт! У меня круглого канавочного нет, а в раздаточную итти — двадцать минут потеряешь. За это время я ещё вал кончу, а он десять рублей стоит».

Варя колебалась, Ободрённая её молчанием, тётка пренебрежительно сказала:

— Уж кому-кому, а тебе-то надо заступиться за него. Столько он для тебя сделал...

Варя вспыхнула.

— Ну, спасибо ему, — проговорила она, — только, тётя Паня, дело тут ясное, и заступаться за него нечего. Другой раз не будет шкурничать.

Тётка гневно надела шляпу и, сильно хлопнув дверью, вышла.

Варя уложила сына, потушила свет и, покачивая кровать, стала баюкать.

...в няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой,
Солнце скрылось за горой..

Сын приподнялся на локте и, подперев подбородок рукой, уставился на Варю ясными глазами.

— Папе поедем, — сказал он.

— Поедем, — машинально подтвердила Варя и опять начала укладывать его. — Спи, спи.

Домашние заботы теперь отошли у Вари на второй план, голова была занята тысячью разных дел, в разной степени волновавших её. Никогда она раньше не думала, что жизнь, которая текла мимо, едва задевая её, может так завертеть и понести её, Варьку, маленькую песчинку, которая не умеет, да и не собирается, ни остановить жизненный поток, ни изменить его течение. Они с Лидией собирались осенью поступать в институт. Лидия — в аспирантуру, а она — на вечерний... Варя закрыла глаза и опустила голову на железную перекладину спинки кровати. Сын завозился. Варя встrepенулась, принялась сильнее трясти кровать.

...ветра спрашивает мать,
Где изволил пропадать,
Или волны ты гонял,
Или звёзды воевал...

Варя опускает голову на руки и долго сидит так, без движения, кажется, она засыпает. Ей снится, что в замке двери щёлкает ключ. Кто-то входит в комнату, зажигает свет, и знакомая, с жёсткой широкой ладонью рука ложится на её волосы.

— Ну, что ты? — слышит она негромкий голос. — Ложись, он заснул уже давно.

Варя судорожно схватывает эту руку, крепко и счастливо прижимается к ней лицом.

4

Наташа и Любка сидели в читальне. Обе они начали готовиться к приёмным экзаменам. Наташа — в институт, а Любка — в техникум. Но из занятий пока не выходило ничего хорошего. Народу в читальне было много, и девушки без привычки либо глазели по сторонам, либо перешёптывались.

Наташа читала историю СССР, а Любка старалась одолеть грамматические правила.

— Обязательно завалю диктант, — шептала она Наташе. — Либо на устном провалюсь. Я уж, верно, лет пять ничего, кроме писем, не пишу. Читать люблю, а писать...

— Девушки, тише, — сказал сидевший напротив них за столом парень в очках и с большим прыщеватым носом. Он строго взглянул на Наташу, перевёл глаза на Любку и остановился. Затем он смущённо кашлянул, опустил глаза в книгу, но через некоторое время опять, будто мимоходом, посмотрел на Любку. Та слегка покраснела и принялась усердно читать, хотя Наташа видела, как дрожат у неё уголки губ от сдерживаемой улыбки.

Наташа тоже удобнее уселась на стуле и углубилась в чтение. Она внимательно прочла параграф из учебника, где говорилось, как остроумно отомстила древлянам княгиня Ольга за убитого мужа. Потом, понемногу, она отвлеклась и только водила глазами по строчкам, а мысли у неё побежали-потекли, независимо от хода исторических событий, излагаемых в учебнике.

Сначала она вспомнила, как Петя говорил им с Любкой, что весна и лето — самое трудное для него время года. «Зимой только моральную подготовку ведёшь, — шутил он, — а вот весной и летом уже надо толкать: готовьтесь, готовьтесь к экзаменам!.. Ещё во многих людях сила инерции велика. Их столкнуть с места трудно, а уж если столкнул, экза-

мены сданы, там, смотришь, человека зацепило — и он пошёл, пошёл, через пять лет диплом получил. Это очень важно, чтобы люди учились. Уважает себя больше человек, который больше знает».

Вслед за этим мысли её перешли на самого Петю и на то, что Наташе с каждым днём становится труднее и труднее думать о чём-то ином, кроме него. Даже к работе она охладела. Решительно ничего в голову не шло.

Сегодня, когда Наташа узнала, что вечером будет партийное собрание, она решила, что обязательно дождётся Пети после собрания и скажет ему всё.

Любка покосилась на неё и одними губами прошептала, показывая на парня в очках:

— Он, верно, студент... Да и все тут.

В читальне, действительно, было много студентов. Они читали толстые книги с мудрёными незнакомыми названиями, делали выписки.

Внезапно Наташа почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась. За боковым столом, чуть сзади неё, сидел Андрей, перед ним лежала какая-то книга. Андрей, очевидно, только что заметил её и смотрел на неё не отрываясь. Потом спохватился и уставился в книгу, но, видно, ему не читалось. Против своей воли он то и дело скашивал глаза на Наташу. На лбу у него выступила испарина, он тяжело дышал. Наконец он встал, оставив на столе книгу, вышел в коридор.

«Покурить», — догадалась Наташа и опустила голову. Ей было неловко, точно она в чём-то виновата перед Андреем. Ведь это первый человек, который нашёл, что она достойна любви, и полюбил её! Если бы не Петя... Она снова взглянула на часы. «Половина десятого. Пока доберусь... Надо итти».

Она вышла в коридор. По мягкому ковру коридора взад-вперёд шагал Андрей и жадно тянул дым из папиросы. На тонкой коже его щёк выступил яркий нервный румянец. Глаза их встретились.

— Здравствуй, Андрей, — виноватым голосом сказала Наташа и быстро прошла мимо.

Над землёй шёл тревожный апрельский ветер. Он толкался в закрытые окна домов, рвал и гнул к земле голые ветви городских деревьев, забирался сыростью под одежду и проникал, казалось, до самого сердца. Он принёс в город запах оживающей земли и нагретого солнцем снега. Ветер носил по городу новые звуки. Это было «цвень-цвень» ледяной капли, не прекращающей свою музыку даже по ночам, это было робкое журчание ручья, нащупывающего дорогу, неуловимые звуки прорастания... От этих звуков начинало неудовлетворённо и ожидающе биться сердце, и вдыхавшему этот ветер хотелось чего-то невозможного.

Наташа стояла под большим толстым деревом и напряжённо следила за выходящими из проходной людьми. «Ну, о чём я с тобой говорить буду? О цехе... Нет, лучше скажи, как мне быть теперь, когда я места себе найти не могу, когда я целый день по заводу брожу, чтобы где-нибудь хоть краем глаза увидеть твою светлую лохматую голову. Теперь я понимаю, почему мне было всегда так хорошо с тобой».

Идёт апрель, мне холодно, но это ничего, потому что я жду тебя. Я жду тебя, и я готова без конца согревать всю весеннюю слякоть на своих озябших и промокших ногах. Я жду тебя, а ты не идёшь, и я ещё буду ждать тебя час, два, три, потому что я хочу, чтобы ты пришёл...»

Наташа перевела глаза с проходной на монастырь. Луна вылезла из-за него, чётко обрисовывая грязную оползшую крышу, тонкую паутину ветвей дерева, прильнувшего к нему, тускло блеснула в его длинных узких окнах.

Из проходной по двое, по трое, громко переговариваясь, начали выходить люди.

«Кончилось собрание, — подумала Наташа. — Вот сейчас... — У неё перехватило дыхание, захотелось повернуться и уйти, пока ещё он не вышел. — Другой раз, как-нибудь... — подумала она. — Потом... Нет, сейчас». Она усилием воли заставила себя остаться на месте.

Прошли, о чём-то споря, Седин с Архиповым, потом из проходной вышли Сайко и директор завода. Наташа съёжилась, отвернулась, желая только одного: чтобы Сайко её не заметил. Сайко мельком посмотрел в её сторону, но, должно быть, не узнал.

Из проходной вышли Петя и Семёнов. У них, верно, шёл какой-то важный разговор, они прошли мимо Наташи, даже не взглянув на неё.

«Ну и пусть. — Наташа облегчённо вздохнула. — Значит, так надо. — Она даже ослабела, обмякла вся. — Нет, ну как же так...»

— Петя! — негромко окликнула она.

Лавренюк обернулся и некоторое время, не узнавая, смотрел на неё. Потом смущённо потёр лоб ладонью, сделал шаг к ней навстречу.

— Ты меня ждала? — тихо спросил он наконец.

— Я... нет... — запётающимся языком проговорила Наташа, потом вздохнула и, прямо посмотрев на него, сказала: — Тебя.

— Пойдём. — Петя взял её под руку. — Пойдём, если меня.

Они шли вниз по улице. Петя тесно держал её под руку, крепко сжимая в своей большой и сильной ладони её худенькие пальцы.

Сколько времени они шли так по мокрым весенним улицам, Наташа не помнит. Они вышли из какого-то узенького переулочка с маленькими двухэтажными домиками и вдруг очутились на Кремлёвской набережной.

Начинался ледоход. От реки пахло сыростью и мокрой землёй. Льдины шли неторопливо и бесшумно, серыми пятнами на чёрной воде проскальзывая под мост. Глухо шлёпалась вода о набережную, изредка раздавался какой-то шорох. Это крошились льдины.

Они остановились на набережной, и Наташа задумчиво оперлась руками о парапет, глядя на встающее из тумана высотное здание около Устьинского моста. Петя стоял рядом, смотрел вниз, в чёрную воду, и всё похлопывал ладонями по холодному граниту парапета.

— Ты отчего такая грустная всё время? — спросил он медленно. — Будто подменили тебя.

— Я всегда-то не больно боевая была, — так же медленно ответила Наташа. Не глядя, она почувствовала, что Петя улыбается. Наташа подняла голову. Он улыбался, прищурил глаза, и задумчиво смотрел в весеннюю хмарь ночи.

— Глупая ты ещё... — сказал он. — Нет, вообще-то ты умная, а вот в некоторых вещах глупая и маленькая... — Он вдруг ласково взял обе наташины руки в свои и быстро повернул её лицом к себе. — Какие холодные!..

Петя легко сжал её руки, потом нагнулся и, почти касаясь губами её ладошек, подышал на них. Наташа близко-близко видела его русые мягкие волосы, от них шёл тёплый домашний запах. Почти не думая о том, что делает, она наклонилась и прижалась к ним щекой, почувствовала, как что-то вздрогнуло в сердце, когда коснулись её щеки колючие и холодные кончики волос.

ЯКОВ УХСАЙ

★

ДЕД КЕЛЬБУК

(Из повести в стихах)

С чувашского

ДЕТСТВО

Март. Глухая ночь. В ночи
Вдруг снега осели
И весёлые ручьи
Гулко зазвенели.

Огонёчек золотой
На лучинке тонкой
Вспыхнул светлою звездой
В луже пред избёнкой.

А сверчок-то залился —
Щебет, стрекотанье!..
Этой ночью родился
Мальчик на кафтане.

— Будь богат на радость нам,—
Повитуха пела,
Пуповину пополам
Разрезая смело.

— Заведи кошель себе
Да звени деньгами...—
И пошла плясать в избе,
Токая ногами.

А сынок и впрямь хорош!
Крепкий, чернобровый,
Был Кельбук румян, пригож,
Полный да здоровый.

Жизнь в избёнке будет вся
Счастьем с этой ночки,
Потому что родился
Мальчуган в сорочке.

Есть и сила в кулачке —
Значит, работающий.
Родинка на локотке —
Значит, подходящий.

В пуповинке счастье. Мать
За неё дрожала,
Чтоб её не потерять,
В сундуке держала.

На замок закрыт сундук,
Прочен, долговечен.
Так с рожденья был Кельбук
Счастьем обеспечен.

Он здоров на радость всем,
И поесть не промах,
И глаза чернее, чем
Ягоды черёмух.

Говорить он раньше стал,
Чем другие дети:
К двум годам он лепетал
Обо всём на свете.

Был он добр, на всех глядел
Благосклонным взглядом.
Со своим отцом сидел
За столом он рядом.

Если на-столе еда,
Брал большую ложку..
Но уже ползла беда
В дом их понемножку.

Время мчалось день за днём,
Жатва подоспела,
Рожь густая под серпом,
Падая, хрустела.

Мать с отцом на долгий срок
Вместе вышли в поле.
Тут же бегал их сынок,
Веселясь на воле.

Бабочек ловил Кельбук
Да шуршал соломой...
Позабыт, стоял сундук
Без присмотра дома.

И проник исподтишка
В дом воришка пряткий,
Выгреб всё из сундука,
Всё унёс — до нитки,

Обездолив бедный дом,
Убежал проворно,
Убежал со всем добром,
С пуповинкой чёрной.

Горе матери, отца
Не сказать словами.
Это горе их сердца
Обожгло, как пламя.

Да, отец умел смолчать,
Хоть беда большая,
Но зато рыдала мать,
Душу облегчая.

— Злополучный наш сынок,
Ждут тебя напасти!
Пуповинку не сберёт —
И не будет счастья!

Сын их в этой кутерьме
Прыгал и смеялся,
Лихо бегал по скамье,
За котёнком гнался.

Но не мог спастись от бед.
Увлечён игрою,
Хлоп! (ведь пуповинки нет!)
Об пол головую.

— Горе! — вскрикнула в углу
Мать, всплеснув руками.
Мальчик бился на полу,
Исходя слезами.

Чтоб сурово наказать
Злые доски пола,
Крепко их побила мать
Кочергой тяжёлой.

— Боль, отправься к вору в дом! —
И, печась о сыне,
Обкурила лоб грибом,
Росшим на осине.

Чтоб от смерти сына скрыть,
Шубой накрывала,
Чтоб от боли защитить,
Беса выгоняла.

Бес не струсил. Что ему?
И не поперхнулся,
Но зато Кельбук в дыму
Чуть не задохнулся.

Время мчалось день за днём.
Кражу позабыли.
Вьюги все леса кругом
Снегом завалили.

Доску взял отец, слегка
Намочил, поставил
На мороз, — так для сына
Он салазки справил.

И летел Кельбук с горы
Под откос с разбега,
Раскрасневшись от игры,
Ветерка и снега.

Той порою поп ходил
Из ворот в ворота.
В каждом доме он бранил
Жителей за что-то.

Ладаном дымя, как печь,
Всех ругал он с ходу,
Всем приказывал беречь
Он святую воду.

Вот вошёл он, как домой,
Глянул раздражённо:
Нет в избе воды святой,
Нет в углу иконы!

Вдруг он видит: на груди
Маленького сына —
Нет, не крестик, а — гляди! —
Веточка рябины! ¹

— Сына не крестил ты зря!
С чёртом подружился! —
Поп сказал, слуга царя.
Очень рассердился.

«Вот сказалась наконец
Пуповинки кража!» —
Думал сумрачно отец.
Мать всплакнула даже.

¹ С языческих времён у чувашей долго сохранялся обычай носить на груди рябиновую веточку для охраны от болезней и дурного глаза.

Крёстный, крёстная сидят.
Предстоят крестины.
Что поделат! Раз велют,
Надо мучить сына.

Крёстный что-то хмур, сердит,
Говорит, что в глотке
Нынче у него свербит
И что надо водки.

«Выпью, мол, тогда с попом
Буду я смелее».
Выпил чарку, а потом
Чарок пять за нею.

К церкви двинулись впотьмах —
Ночь уже настала.
Брёл с отцом Кельбук в лаптях,
Сонный и усталый.

Он, бедняжка, так продрог,
Так замёрзли ноги,
Что и плакать он не мог,
Идя по дороге.

Поп раздел его, толкнул,
Показал народу,
Ухватил и окунул
В ледяную воду.

Если бы Кельбук успел,
Он бы крикнул: «Мама!»
— Ма!.. — Печальный звук взлетел
К тёмным сводам храма.

Божьим назван он рабом.
Вот кругом запели;
Вот он за ноги попом
Вынут из купели.

Он закутан с головой
Одеялом рваным,
И его несут домой
По ночным полянам.

С этой ночи он хворал,
Бредил долго, тяжко.
Даже мать не узнавал
Много дней, бедняжка.

Мать не ела ничего,
Плакала над сыном,
Салом мазала его
Дорогим, гусиным.

Духом пал совсем отец.
В уголке сидел он

И, недвижим, как мертвец,
На сынка глядел он.

Задыхаться стал Кельбук.
Но, не умолкая,
Раздавался сердца стук,
Смерть не подпуская.

В сильном он роду рождён —
Лист от прочной ветки,
Был он крепок, и силен,
И здоров, как предки.

Вспоминают до сих пор
Люди давний случай:
Бочку поднял раз на спор
Дед его могучий.

Сорок вёдер в бочку ту,
Говорят, входило.
Нёс он бочку на хребту.
Вот что значит сила!

И когда в голодный год
Поднялись крестьяне
И войска пошли в поход
Усмирять восстание,

Дед оглоблей уложил
Двадцать два солдата,
И в Сибирь он угодил —
Сгинул без возврата.

Если выживет Кельбук,—
Дед, придёт победа,—
Вырастет отважный внук,
Отомстит за деда,

Свой не опозорит род,
Жизнь отдаст народу,
Встанет грудью за народ,
Встанет за свободу.

Мчалось время день за днём.
Долгие недели
Просидели мать с отцом
У его постели.

И пришёл в себя Кельбук,
Шевельнул бровями,
Бойко посмотрел вокруг
Чёрными глазами.

Выскочил во двор отец.
Тут же, у порога,
Он одну из трёх овец
Отдал в жертву богу.

Он родню, друзей привёл.
Чтя обряд старинный,
С ними посадил за стол
Дорогого сына.

За столом сидел Кельбук,
Важно слушал речи
И не выпускал из рук
Голову овечью.

Побывало сто ветров
За деревней в поле,
Миновало сто годов,
А быть может, боле.

Прочищая свой чубук,
Вспоминая были,
Рассказал нам дед Кельбук,
Как его крестили:

— Крёстный простудил меня
В одеяле рваном,
И скажу я, не вина,—
Он всегда был пьяным.

Пусть ему среди могил
Сон утехой будет.—
Всё Кельбук ему простил
И его не судит.

И тепло Кельбук глядит
В сторону погоста,
Где семья дубов шумит
Царственного роста.

Предков он почтил своих
Так, что глянуть любо:
На могилах всех родных
Посадил по дубу.

На могиле у отца
Дуб — вершиной в звёздах,
И шумит он без конца,
Весь в вороньих гнёздах.

Он и деда своего
Не забыл, конечно,
Вспоминает про него
С болью неутешной,

И хоть дед в земле зарыт
Дальней и немилой,
Тоже, верно, дуб шумит
Над его могилой,

Потому что, злой судьбой
В дальний край гонимый,
Дед взял жёлудь в путь с собой
Из страны родимой.

Перевод Николая Чуковского.

★

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Узкой тропкой оторочен,
Поутру сверкает луг,
И шагает, озабочен,
По тропе наш дед Кельбук.

В озерке уж две недели
Затопили конопель:
Мокнуть нынче конопели,
Может, хватит двух недель.

Да ещё — хороший веник
Нужен в доме — пол мести,—
Значит, надо с дней осенних
Придорожник запаста.

Поработать по-хозяйски
(Потому и встал чуть свет)
В недалёкий Керленайский
Старый лес шагает дед.

Словно пологом огромным
Лес затянут — тень да тень.
Входишь — ну, как в погреб тёмный:
Мрак и сырость целый день.

Редко тут играет солнце —
Лес поистине дремуч,—
Всё ж кой-где в листве оконце
Иногда прорежет луч...

В лес зайдя, прошёл немного,
С полторы версты Кельбук.
Что за шут! Пред ним дорога
Раздвоилась круто вдруг.

Долгий век был дедом прожит —
С детства эти знал места.
Что случилось? Быть не может —
Та дорога и не та!

Обмер дед от изумленья,
Градом каплет пот со лба:
На дорожном раздвоенье
Появилось два столба.

На столбе прочёл он правом:
«Если ты сюда пойдёшь,
Молодую, с добрым нравом
Ты красавицу найдёшь».

Разобрал Кельбука хохот:
— Вот уж свадьбу закачу!
Жить с такой женой неплохо —
Аккурат по мне, хрычу!

Только вот беда-кручина:
Дед Кельбук-то всей душой,
Да ведь у меньшого сына
Вышел в парни сын меньшей.

Вспомнил дед — ещё гуляла
В девушках его жена,—
Как на игрищах, бывало,
Целовалась с ним она.

С той поры прошло... ну, то есть —
И не вспомнишь, сколько лет.
И теперь итти на поиск
Молодой красотки?.. Нет!

Вот кабы живой водицей
Молодость ему вернуть,
Может, ради той девицы
Дед бы и пустился в путь.

Рад бы в рай—нельзя, не выйдет—
Нет живой воды тебе!..
Надпись он на левом видит
Белокаменном столбе:

«Если ты свернёшь налево,
Счастье встретишь на пути».
Дед обрадовался: «Эва!
Влево, брат, и свороти!»

Сроду счастья он, ей-богу,
Не видал. Об чём же речь?
Значит, левою дорогой
Дед идёт ему навстречь.

В ожиданьи счастья — будто
Стал бодрей, моложе дед.
Но вперёд уже семь сугок
Он идёт, а счастья нет.

От лаптей — одни ошмётки.
Разуваются Кельбук
И лаптишки-простоплётки
Вешает на ближний сук.

Из орешника надёжный
Посох вырезав, бредёт,
Сам себя кляня безбожно,
Дед упрямый всё вперёд.

Будь он проклят, тот развилок!
Так в пути оголодал
Дед Кельбук, что аж затылок
Кадыка острее стал.

Шёл он, шёл,— вконец измучен,
Видит наш Кельбук с утра —
Синей кручей вровень с тучей
Перед ним стоит гора.

Под горою белый камень,
Из-под камня бьёт ручей,
Весь пронизан огоньками
Разыгравшихся лучей.

И, как бы прося: «Отведай —
Слаще нет воды нигде»,—
Подплывает прямо к деду
Медный ковшик по воде.

Дед хлебнул раз семь иль восемь —
Заиграла сила в нём,—
С жеребятками б на озимь
Побежал осенним днём.

И — к добру ли перемена
Иль к беде, наоборот? —
Глянул дед — стоит почтенный
Старец, бел, пышнобород,

И кафтан — белей бумаги.
Спрашивает: — Ты отколь?
Не из тех ли мест, бедняга,
Где кричат нужда и боль?

— Это верно. Как иголкой,
Пашем землю, проку нет.
Бьёмся, бьёмся — мало толку,—
Говорит Кельбук в ответ.

— Ладно,— добрый старец молвит,—
Я тебе колечко дам.
Посвисти в него — исполнит
Всё, чего захочешь сам.

Вот мой дар тебе — прими,
 Не теряй кольцо чудес... —
 Дал — и на глазах, как в землю
 Провалился вмиг, исчез.

Сел Кельбук, сидит, растерян, —
 Что просить? Мудри, мудри,
 Да не будь, мужик, тетерей:
 Коли так, просись в цари!

Горло дед прочистил кашлем,
 Между губ кольцо вложил
 Да как свистнет свистом страшным —
 Лес дремучий всполошил.

Оказался дед не промах:
 Свистнул, глянул — вот-те на!
 Стал царём, сидит в хоромах,
 Смотрит важно из окна.

Из лощёного гранита
 Весь дворец — шербинки нет.
 Двор мощён: не щебень — плиты,
 А в покоех пол — паркет.

Через воду мост чугунный
 Перекинут на версту,
 И перила, словно струны
 Золотые, на мосту.

Из своих высоких окон,
 Окружён толпою слуг,
 Смотрит ясным царским оком.
 Видит парк свой царь Кельбук.

Тополевые аллеи,
 В берегах цементных — пруд,
 Гуси-лебеди, белея,
 Как по зеркалу, плывут.

Сразу всё заметишь нешто?
 Лишь теперь подумал дел:
 «Какова на мне одежда,
 И по-царски ли одет?»

Посмотрел — одет не худо:
 Бархат, шёлк — его наряд;
 Пуговицы-изумруды
 В два ряда на нём горят.

Сапоги — ну, что литые:
 Солнца блещут на ногах!
 И подковки золотые
 На подборах-каблуках.

На столе ларец добротный,
 Крышка поднята, внутри
 Золотых монет — несчётно...
 Сколь потребно, столь бери.

А по лестнице парадной
 Сверху донизу ковёр,
 И со свитою нарядной
 Царь спускается во двор.

Там богатую карету
 Подают ему к крыльцу.
 Всё — согласно этикету,
 Царской должности к лицу.

Шесть коней в упряжке — сытых,
 Гладких, рослых, конь в коня,
 И летят из-под копыт их
 Искры среди бела дня.

Толстозадый, гладкорожий,
 Перья павы на башке,
 Держит шёлковые вожжи
 Кучер в красном кушаке.

Без ухабов мостовая,
 Ход рессорный: сел — кати.
 Можно так, не уставая,
 Целый год пробыть в пути.

С двух сторон кареты царской
 По дороге-мостовой —
 То ль уланский, то ль гусарский
 Многочисленный конвой.

Выправка у всех лихая,
 Скачут — ну, в ноздю ноздря
 И, нагайками махая,
 Хлещут коней по чём зря.

Едет царь в своей карете
 Под охраной верных слуг,
 Едет день, второй и третий —
 Думу думает Кельбук.

Всё ему в окошко видно:
 Пашут пашню мужички.
 То ль завидно. то ли стыдно, —
 Взвуть готов Кельбук с тоски.

Шут с ним, с царством! Сам
 вчерашний

Он крестьянин-хлебороб.
 Эх, кабы домой, на пашню,
 За сохой шагать по греблю..

Вот что думает в карете
Всемогущий царь Кельбук.
Мужички, его заметив,
На колени, наземь, бух!

Раздаются вопли, крики:
— Здравствуй, батюшка наш царь!
Смилосердствуй, наш великий
Повелитель-государь!

А Кельбук-то — царь добренек,
Свой народ — мужичья кость:
Из ларца черпнул он денег
Раз-другой, за горстью горсть,

И, до слёз людьми растроган,
Им сочувствуя во всём,
Царь червонцами дорогу
Посыпает, как овсом.

Господа, о том проведав,
Тоже вышли, кто успел,
Но, увидев дармоедов,
Царь Кельбук рассвирепел:

— Кровососы, тунеядцы!
Не хочу на них смотреть.
Над народом измываться
Воли им не будет впредь!..

Не из малых было царство.
Всё его исколесив
И о нуждах и мытарствах
Мужичков порасспросив,

Возмущённый, огорчённый,
Возвратился наконец
В той карете золочёной
Царь в роскошный свой дворец.

Два-три дня он не выходит,
Собственной своей рукой
Он старательно выводит
О земле закон такой:

«Всей земли навек владетель
Ты, крестьянин трудовой...»
Был такой закон на свете
Обнародован впервой.

Но, закон издав земельный,
Заскучал Кельбук... Кажись,
Чем не жизнь? Но жить бездельно —
Ни к чему такая жизнь.

Жрёшь четыре-пять раз на день
Рябчиков, курей, гусей...
Как ни будь прожорлив, жаден —
Не умнёшь той снеди всей.

Чтобы рожа больше пухла,
Чтоб красней была она,
Подаёт к столу стряпуха
Спозаранку штоф вина.

День-деньской всё бьёшь баклуши,
День-деньской всё ешь да спишь —
Вот и вздуло в две подушки
У Кельбука шею, вишь.

Вот и ходишь букой бука:
Эх, вернуться бы в село
Да крестьянствовать Кельбуку...
Ан, помеха, как назло!

Не везёт царю-страдальцу:
В то колечко б засвистел,
Да не снять колечка с пальца —
Больно палец растолстел.

Да и вправду стало больно:
Палец красен, палец синь —
Мочи нет терпеть. Довольно!
Сгинь, царёва должность, сгинь!

Лучше бы за тою девой
Вправо он тогда шагнул:
Не пойдя дорогой левой,
Дед бы горя не хлебнул.

Хлеб мужичий, всем известно, —
Не калач. Но дело в том —
Нам он дорог тем, что честно
Был добыт своим трудом.

Эх, безделье-окаянство,
Знать, дано ты на беду!
Тянет деда на крестьянство —
В поле, к честному труду...

Палец свой кляня проклятый,
Бродит-забредает дед
В ту палату, где богатый
Для него готов обед.

Пирог, блины да сдоба,
Блюда дичи, блюда рыб...
Так в царе вскипела злорада —
Пот его до пят прошиб!

...Веет ветер благодатный,
Сушит волос на груди.
Час подходит предзакатный —
Время полдничать, поди.

Дед запряг одра худого,
Свистнул, в рысь хотел погнать...
Но про сон потом ни слова —
Совестился вспоминать.

Лишь однажды Урдемею
Дед — ещё до Октября,—

Тайн от друга не имея,
Всё поведал, да и зря:

Урдемей — известный мастер
Сочинять, и в этот раз
Он кельбуков сон о счастье
Рассказал не без прикрас.

И во всей округе нашей
Часто слышишь и теперь,
Как один бедняк-чувашин
Был царём, — уж верь не верь.

Перевод Льва Пеньковского.

★

ЗАКОН БУРОЙ КОРОВЫ¹

(Рассказ деда Кельбука)

«Чувашскую книгу бурая корова съела».
(Старая чувашская поговорка).

Нет, не все ещё, пожалуй,
Вымерли, кто день и ночь
Молоко коровы палой
И теперь хвалить не прочь.

У таких язык — гадюка.
Почему? Да ты смекни:
Жизни путь для нас был мука,—
Им легко жилось в те дни.

Было масло в их оладках
И сметана в щах всегда,—
Потому-то им и сладко
Те выхваливать года.

А коровица-бурёна,
Та, что вывели цари,
Книгу правды и закона
Изжевала, что ни ври.

Проклятушая корова
Нас лишила всяких прав,
Нам копытами царёво
Беззаконье прописав.

Проглотил закон коровий
Счастье, радость, жизни свет,
Пота нашего и крови
Напился за сотни лет!

Плёткой этого закона
Угнан из дому я был —

И, тузом бубён клеймённый,
В каторжане угодил.

Тыщи вёрст прошёл я пеший
До Сибири до самой.
А за что — изволь, утешу:
Ты рассказ послушай мой.

...В мелколесье утром ранним —
Дело было под семик² —
Веничков себе для бани
Наломал я, как привык.

Повелось в народе нашем
И велось у нас века —
В бане парился чувашин
Накануне семика.

Не жалел ни рук, ни мыла,
Пот смывая трудовой,
Натирался — любо-милу —
Семиковою травой...

Так... Посконное бельишко
Заложил за поясок,
Сунул венички подмышку
И покинул я лесок.

В баню, барина важнее,
Путь на радостях держу,
Мимо дома Урдемея
По деревне прохожу.

¹ Под «бурой коровой» подразумевалось самодержавие.

² Праздник троицы.

Урдемей, меня заметя,
Снял суконный свой картуз,
Мне удач и долголетия
Пожелал, погладил ус —

И прибавил пожеланье:
— Табачок твой сладок будь,
Пар тебе будь сладок в бане,
Счастлив будь всегда твой путь!

Другу я, само собою,
Сам того же пожелал,
Венички над головою
Покрутил — и зашагал.

В ивняке густом, в овражке,
Баннй белый пар клубит.
В бане труд забудешь тяжкий,
И нужду, и боль обид.

Чуть вошёл я — будто снова
Был на божий свет рождён:
Всё забыл, забыл коровы
Я бессовестный закон!

Думать ни о чём не в силе,
Кроме как о семике,
Я себя усердно мылю,
Славно моюсь на полкё;

Поддаю побольше пару,
В руки венички беру —
И берёзовою парой
Бью себя я на пару.

Вот уж истинная сладость,
Рай чувашский аккурат!
Тут не только телу радость,
Тут душа ликует, брат!

То хлещу себя, то глажу
По спине, по животу —
Кровь я в жилах будоражу,
Здоровею тут в поту.

Будто молодость быую
Мне вернули, будто вновь
Девушку тайком целую, —
Так играет в жилах кровь.

Ох, парной поллок мой баннй,
Дух берёзовой листвы!
Тут и смерть была б желанной,
Коли знать хотите вы.

Я бы, как Ив́анов Павел —
С Верхней улицы мужик, —
Тут тихонько бы оставил
Душу богу под семик.

А не то — хотя бы на ночь
Я готов остаться тут...
Слышу крик: — Эй, Бань Иваныч!
Живо — с податями ждуть!

Крик проклятого Сусмета,
Старосты! И так взяло
Зло меня. — не взвидел света,
Аж ознобом затрясло.

Отвечаю: — Нет, не выду —
Пусть окончится семик! —
И лежу. Сусмета-гниду
Раздавил бы в этот миг.

Только выйди — непременно
Мёду горького хлебнёшь:
Мылит царь не мыльной пеной,
В том жару не отдохнёшь.

Там не веточки берёзки,
Там не веничек парной —
По спине захлещут розги,
Пот тебя приёмёт иной.

Там, брат, париться научат:
Спину в кровь тебе натрут,
Да ведь мало, что намучат, —
В погреб битого запрут!

Царской бани мне не надо —
Мне мужичья хороша.
От бурёнушки награду
Получу и не спеша.

Баннй отдых — слаще рая...
Жму затылком я поллок,
Ноги крепко упирая
В жаркий, склизкий потолок.

Ну-ка, венички, работать —
По плечам да по спине,
Чтоб ни разу слово под а т ь
Хоть бы здесь не вспомнить мне!

Что и отдых, коль не банька,
Что и радость бедняку?..
А Сусмет горлапит: — Встань-ка,
Мешкать будешь — сволоку!

Входит рыжий этот дьявол,
Слышу — зол и шибко пьян.
Дверь открытою оставил,
На меня идёт буйан.

Подошёл, вцепился в ляжку,
Потащил — и, как мешок,
Я упал, и ногу тяжело
Я об каменку ожёг.

Боль такая, словно в тело
Раскалённый вбили гвоздь...
Боль росла, и злость лютеца,
Отняла рассудок злость.

Взвыл я: — Ах ты, сын собачий! —
И на каменку плеснул
Три ковша, и пар горячий
Горло, как ножом, резнул.

— Ну, уж я тебя напарю,
Веничками угощу! —
И по гнусной пьяной харе
Я хлещу его, хлещу

В этой адовой жарнице
По ушам да по щекам.
— Всё с тебя, собака, взыщем,
Что ты должен беднякам!..

То рычал, то поросёнком
Взвизгнул староста: — Разбой!
— Ах, гнилая ты душонка,
Пир затеян кем? Тобой! —

Но Сусмет уже, однако,
Отрезвел и, изловчась,
Камень с полу хватать, и драка
Смертная тут началась.

Он — одетый и обутый,
Я — весь мокрый, гол и бос...
Помню только — он как будто
Поскользнулся, царский пёс,

Замахал не в лад руками,
Я его ногою — пих!
И виском на острый камень
Грохнулся он и затих...

Тут я, голый, вон из бани
И в реку с обрыва — прыг,
И в холодном том купаньи
Всю беду я понял вмиг.

Долго взад-вперёд я плавал
То нырком, то на спине...
Не уйти мне от расправы,
Заплатить Сибирию мне...

Опустились ветви ивы —
Листья в воду слёзы льют.
Облака плывут красиво,
На Сибирь они плывут.

От жучка от водяного
По воде круги бегут.
Завтра я жучка родного
Не увижу больше тут.

Слышу — крикают утята,
Утку-мать свою зовут.
Как жена да как ребята
Без меня-то проживут?..

В чистом, праздничном исподнем
По деревне я кружу.
Пьян ли, хвор ли я сегодня —
Чуть хожу и всё дрожу...

...Утром взяли. Ну, конечно,
Становой меня избил.
Я на каторгу навечно
В кандалах отправлен был...

Дед мой сгиб, а я-то выжил:
Октябрём освобождён,
Я домой вернулся, вижу —
Сдох бурёнушкин закон!

Хоть недавний каторжанин,
А в деревне нашей всей
Гостя не было желанней
У родни, у всех друзей.

Как на праздник, накрывали
В честь меня везде столы,
Выпивали, пировали:
— Снял Кельбук наш кандалы!

От коровы бурой тяжело
Пострадал ты, богатырь! —
И везде петушьей ляжкой
Угощали за Сибирь¹.

Всюду мне на главном месте
Стул с подушкой был готов,
Всюду много было чести
И душевных много слов...

¹ Петушьей ляжкой чуваша угощают самого почётного гостя

Я с тех пор немало видел,
Не один был трудный год,
А на жизнь я не в обиде —
Жизнь моя, что сладкий мёд.

Дождь прошёл — в саду плодовом
Распоётся соловей.
Как тебе сказать?.. Ну, словом...
Так вот и в душе моей!

В жизни я водой проточной —
Не стоячей быть хочу.
Возраст мой хоть сверхурочный, —
Дай работы мне, хрычу.

Утром, чуть забрезжит небо,
Выйду в поле, как всегда,
И несокошенного хлеба
Достигает борода.

Выйду в поле — там ли, здесь ли —
Молодёжь мне даст отчёт.
Как поётся в нашей песне:
«Старикам у нас почёт».

На родных полях по зорькам
Мне прогулка так сладка.
Только баню вспомнить горько
Накануне семика.

Перевод Льва Пеньковского.

СЕРГЕЙ ОСТРОУМОВ

★

РАССКАЗЫ ОБ ИРАНЕ

Задержка в пути

Как-то в середине сороковых годов, осенью, я подъезжал со стороны Исфагана к Иезду. Обсуждая с водителем Самедом, где бы нам остановиться на ночлег, я вспоминал этот своеобразный город с его двумя изумительно стройными минаретами, с тёмными базарами, пропитанными едким запахом кож, с глубоко спускающимися к подземным ручьям лестницами.

Издали в полуденный зной, когда в преломлённых лучах солнца все предметы вытягиваются кверху, Иезд представляется городом небоскрёбов. Но сотни высоких квадратных башенок и без оптического обмана очень украшают город. Верхний пояс башенок иссечён узкими вертикальными прорезями, придающими им воздушность. Сквозь эти прорези из глубоких подземелий подымается сырой, прохладный воздух, а сложная система переборков заставляет его по пути струиться через жилые помещения. Поэтому в комнатах иездских домов не ощущаешь духоты даже в самую сильную жару.

В городе нет садов. Редкие гранатовые деревья во двориках запылены и чахлы. Особняком, в четырёхугольной раме стен, высится чёрно-зелёная купа кладбищенских с виду кипарисов. Редкие прохожие и погонщики верблюдов смотрят на неё отсутствующим взглядом. К городу она не относится. Это британское консульство. Британское консульство контролировало в ту пору торговлю города, особенно заграничную, направляемую через порт Бендер Аббас, зорко следя в то же время и за внутренним рынком.

Иезд — центр древнего зороастризма¹. Его сторонников, этих не покорившихся исламу почитателей Авесты², называют в Иране гебрами. Часть их укрылась от гонений династии Каджаров³ в Индии, где они известны под именем парсов. Парсы Индии и гебры Ирана ведут меж собой оживлённую торговлю, пользующуюся особой поддержкой англичан. Такое положение сложилось исторически. Гебры, лишённые мусульманского фанатизма, легко идут на сближение с европейцами. Англичане же во всех странах умеют найти опору, как только обнаружат какой-либо внутренний разлад.

Все окрестные помещики, вплоть до крупнейшего из них, Арбаба Ватанфоруша, губернатор и жандармы, полицейские офицеры и базарные пройдохи, все, кто хотел в то время заработать, были связаны с британским консульством. Оно было их покровителем.

¹ Зороастризм — древнеперсидская религия. Все явления жизни, по её учению, — отражение борьбы двух начал — божества света и божества зла.

² Зенд-Авеста — священная книга древнеперсидской религии.

³ Каджары — династия, правившая Ираном с 1794 по 1925 год.

— Ну, а как же нам теперь с американцами будет? — спрашивает меня Самед, с которым мы перекинулись несколькими словами на эту тему. — Станет с ними народу легче или нет?

И тут же сам заключает:

— Разве лошади легче, если её из одной телеги перепрягут в другую?

Подумав ещё немного, он вдруг оживляется:

— А ведь лошадь может вырваться, пока её перепрягают.

Так коротая за разговорами путь, мы выехали на участок шоссе, проложенный по краю пустыни. Видимо, совсем недавно стихла песчаная буря, насыпавшая поперёк дороги множество узких песчаных гряд. В косых лучах предвечернего солнца гряды казались опасно высокими. Но машина легко брала эти барьеры, то взмывая вверх, то упруго припадая на добротные рессоры.

Толчок, внезапно прекративший эту качку, был очень силен. Он произошёл на какую-то долю секунды раньше, чем я заметил детскую головку, прямо перед машиной торчашую из песка. Самед успел всей своей тяжестью навалиться на руль, выбить его у меня из рук и поставить колёса поперёк движения. Рулевая тяга сорвалась, и передок машины врезался наискось вправо, в песчаную гряду. Переднее стекло было разбито головой Самеда, мне же баранка вдавилась в грудную клетку, и я долго не мог сделать полного вдоха. Сильно помятые, мы выбрались из машины.

Вдруг Самед кинулся в придорожный кювет. Я же начал руками выгребать ребёнка, по шее засыпанного песком. Два немигающих глаза смотрели на меня серьёзно, но ребёнок не плакал. По множеству мелких косичек можно было угадать девочку. На вид ей было года три, не больше, степень истощения была предельной, а выражение глаз уже недетским. Я вспомнил, что обычно дети этого возраста всегда весело копошатся в песке, а у этой девочки не было даже сил улыбнуться, когда я сунул ей в рот конфету. А может быть, она и не сразу поняла, что это съедобно?

Однако мне было не до размышлений. За барханчиком у придорожной канавы послышались глухие удары, хрип и стоны. Я побежал на выручку к Самеду. У канавы лежал распротёртый на земле тощий крестьянин, тело которого было едва прикрыто какими-то лоскутами. Он был бос, и ступни его казались сделанными из коры дуба. Окровавленный Самед в иступлении прыгал вокруг него и колотил ногой по проступавшим от худобы рёбрам, по костлявым ногам, по покрытой струпьями голове.

— Вот он, убийца своего ребёнка! — кричал Самед. — Вымогатель! Хотел с нас деньги получить! А я за него в тюрьме сижу! — задыхался он от злости.

Я отвёл Самеда в сторону. Человек лежал, втянув голову в плечи, и покорно ждал новых ударов.

— Сын собаки! Да будет осквернена могила твоего отца! — не унился Самед.

Вдруг ребёнок, оставленный мною на шоссе, выполз на верх песчаной гряды и тихо заплакал. Крестьянин тяжело поднялся и направился к нему. Пошли и мы с Самедом. Трое мужчин стояли вокруг плачущей девочки, не глядя друг другу в глаза.

Гнев Самеда уже остыл, и он стыдился побоев, которые обрушил на обезумевшего от голода крестьянина. Муса — так звали отца ребёнка — не отрицал, что сам закопал свою дочь: пусть лучше сразу умрёт под машиной, а может быть, пассажиры и денег дадут.

Быстро накатывался вечер. Машину надо было убрать с дороги. Без основательной починки рулевой тяги нечего было и думать добраться до

Иезда. Самед залез под машину и верёвками стягивал сломанную деталь. Муса помогал ему. Оказалось, что он кузнец, но уже несколько лет не имеет работы. С постройкой новой дороги в обход пустыни автотранспорт вытеснил караваны, шедшие раньше напрямик через его деревню. Не нужно больше ни цепей для верблюдов, ни ножей и топоров для погонщиков. Деревушка осталась километрах в двух от дороги. Если бы нам удалось добраться до неё по щебнистой равнине, Муса брался отковать прочные пояски на сломанную деталь.

Мы осторожно двинулись вперёд, поворачивая колёса руками, когда нужно было объехать барханчик. Муса шёл впереди, показывая дорогу. Ребёнок тихо лежал на заднем сиденье.

Вскоре раздался протяжный лай собак, потом из-за барханной гряды хмуро глянули на нас приземистые лачуги. Мы вкатили машину во дворик Мусы. Деревушка была так бедна, что вечером в ней даже не пахло дымом.

Ещё по дороге Муса выломал несколько сучьев тамарикса и теперь принялся кипятить нам чай. Самед извлёк из багажа лепёшки, сыр и прочую снедь. Мы хотели плотно поужинать и были рады возможности накормить семью Мусы.

Жена Мусы не выходила на двор. Это показалось нам странным. Жительницы Деште Кевира и всех оазисов, огромным кольцом окружающих эту пустыню, не носят покрывала и не дичатся мужчин. Жена Мусы была, видимо, больна. Он отнёс ей еду в лачугу. Когда совсем стемнело и прохладный ветер подул с гор Кубенана, мы отправились туда же устраиваться на ночлег.

Близ расставленной для меня походной кровати, на груде тряпья, лежала женщина. При свете коптилки я смог рассмотреть её совершенно неподвижное пергаментное лицо без морщин. Только глаза горели злым блеском. В углу рядом с ней копошилась спасённая нами девочка. Женщина выпростала из-под тряпок костлявые жёлтые руки, протянула их ко мне и отрывисто проговорила какую-то из обычных фраз приветствия и благодарности. На мизинце её тускло блеснуло серебряное колечко нездешней, багдадской работы, с начернёнными на нём пальмами. Это редкость в здешних местах, хотя кольца и серьги, пусть самые дешёвые, медные, носят даже нищенки.

Засыпая, я силился вспомнить, с чем связано у меня впечатление от такого же кольца, надетого на мизинец узкой, удивительно красивой руки. В полусне я вспомнил.

Лет восемь назад мне довелось пересечь эту пустыню с севера на юг, из Туруда до самого Иезда. Переход длился двадцать восемь дней, вернее, двадцать восемь ночей, так как днём мы пережидали жару. Только один раз за всё время мы хорошо отдохнули в пальмовом оазисе Хура. Переход через пустыню можно было считать законченным, когда караван вступил в иездскую долину и расположился в полузасыпанной песком деревушке.

Пока погонщики сгружали с улёгшихся верблюдов мешки с советским сахаром и мазандеранским рисом и разводили огонь, я пошёл побродить по песчаному валу, уже почти прикрывшему крайний ряд лачуг. Они были пусты. Но странно, потолочные балки, окна и двери не были сняты. А ведь леса здесь нет на сотни километров вокруг!

Не успел я подойти к одной из дверей, как стремительно налетевшая на меня девушка лет четырнадцати, стройная и быстроногая, с развевающимися цветастым платком на голове, схватила меня за руку:

— Стой! Не ходи туда! Там чума!

Я привык, что за всяким проезжим по захолустным деревушкам обычно бегают орава ребят. Но девушка, да ещё одна-единственная — это было

редко и смело. Я разговорился с ней. Толково и живо объяснила она мне, что там, за надвинувшейся цепью барханов,— она протянула вперёд тонкую руку с багдадским колечком на мизинце — были поля и огороды. Вот и остатки голубиной башни, где собирали удобрение, а вот засыпанные песком колодцы, из которых с помощью волов вычерпывали воду.

— Ну, а почему же не восстановить всё это? — спросил я девушку.

— Ай, мусульман! — Это редко встречающееся восклицание прозвучало у девушки словно: «И какой же ты глупый!»

Наклонив голову набок, она смотрела на меня снизу вверх, и глаза её смеялись.

— Кто же пойдёт разрывать чумную землю! Это только господин Фузули хочет нас заставить.

Оказывается, те, кому удалось уцелеть при эпидемии, бежали к Кубенану, а когда вернулись, то настроили себе новые глинобитные хибарки в стороне. В старых ещё белели кости земляков. И много костей, растасканных гиенами, валялось по грядкам бывших огородов.

— А зачем же вы вернулись?

— Так ведь это наша земля!

Потом обстоятельно, хотя и немного сбивчиво, девушка рассказала, что помещика у них нет, земля крестьянская. Но по возвращении пришлось трудно, а из города приехал господин Фузули. Кажется, он переводчиком служит в британском консульстве. Так вот этот Фузули ссудил как-то жителям по нескольку туманов, а приехавший с ним чиновник заставил всех приложить пальцы к долговым распискам. А в расписках было указано, что земля является залогом. Никто не смог в срок вернуть денег, и вот вся земля оказалась у Фузули, и он предлагает крестьянам батрачить на ней.

— Мы вот расчищаем теперь от камней новую полосу пустыни,— сказала девушка, — и хотим копать колодцы, но и это не разрешают.

— А вы всё-таки копайте колодцы,— посоветовал я, зная, что тот, кто первый нашёл воду в пустыне, считается её собственником.

— Тогда придут жандармы и засыплют колодцы. Так уже раз было,— горестно возразила девушка.— А для Фузули копать чумную землю мы всё-таки не будем! — Она тряхнула головой и побежала прочь.

В тот же день мне довелось увидеть и самого Фузули. В ближайшем караван-сараяе по дороге в Иезд я пил чай, устроившись в отдельной комнате. Он скользнул в комнату, как змея, извиваясь во всех сочленениях своей сухопарой фигуры, сгибаясь в поклонах вровень со столом, за которым я сидел. Благоговейно приняв мою руку в обе свои и прижимая их к сердцу, он осведомился о здоровье и трудностях пути. Я рассказал ему несколько путевых эпизодов. После каждого рассказа он склонял голову и шептал слова восторга и преклонения перед моим мужеством и прочими доблестями, которые, кстати говоря, вовсе из этих рассказов не вытекали.

Покончив с церемониалом вежливости, я спросил, что ему от меня надо. Фузули хотел, чтобы в тегеранских газетах появилась заметка о его патриотической роли в насаждении сельского хозяйства на краю пустыни. Старые помещики с этим не справляются, они слишком дряблы и ленивы. Он, Фузули, представитель молодого Ирана, вышел из простого народа, а вот уже у него четыре деревни, он роет колодцы, даёт людям работу.

— Надо пересмотреть законы,— говорил Фузули.

По шариату¹, помещику положена одна пятая урожая, одну пятую он берёт за инвентарь, и ещё одну ему отдают, как хозяину воды,— всего немногим больше половины.

¹ Шариат — свод мусульманских гражданских законов.

— А ведь вода в пустыне даётся очень нелегко! — жаловался Фузули. — Надо поднять пай хозяина воды на две пятых, тогда бы ещё можно свести концы с концами.

Кроме того, воспользовавшись приездом «просвещённого» человека, Фузули хотел бы разунзать, чем надёжнее крепить колодцы: кирпичными кольцами или стволами тамарикса? Какие есть средства от укуса змей? Как лучше лечить малярию? Что выгоднее сеять на новой земле — пшеницу или хлопок? Словом, Фузули ошеломил меня своей энергией и любознательностью...

Вспоминая всё это, я заснул, но спать пришлось недолго. Коптилка с масляным фитилём чадила невыносимо, я задыхался. Временами она вспыхивала ярче, и тогда мне были видны жёлтое лицо и костлявая рука жены Мусы. Она не спала и зло поглядывала в мою сторону. Кисть её руки лежала на оголённом тельце ребёнка. Временами девочка вздрагивала и конвульсивно изгибалась, заглушая ладошками стон.

— Молчи! Посмей только пикнуть! — уловил я отрывистый шёпот.

Теперь лишь я заметил, что женщина время от времени больно щипала ребёнка. Иногда она сжимала девочке горло с такой силой, что та начинала хрипеть. Девочка вырывалась, тыкаясь лицом в угол грязной подушки, но мать подтаскивала её обратно.

Мне стало не по себе, и я подбирал в уме слова, чтобы вступить за ребёнка. Но ведь я мог защитить его только на одну ночь.

Неожиданно мать приподняла девочку и посадила её. Я услышал звенящий шёпот:

— А ну, скажи, что ты сделала с Ахмедом?

Девочка молчала.

— Скажи, ну, скажи, что сделала с Ахмедом?

Слова, очевидно, сопровождались сильным щипком. Девочка почти вскрикнула и отчётливо, со страдальческими интонациями в голосе пролепетала:

— Я... его... придушила!

Это прозвучало, как часто повторяемый урок. Женщина тяжело вздохнула и, хрустнув пальцами, прошептала:

— Помни это всю жизнь и повторяй каждый день.

Я вкочил с постели, быстро и нескладно стал втолковывать женщине, что так обращаться с ребёнком нельзя.

— Ай, мусульман! — услышал я в ответ насмешливый возглас.

Накинув плащ, я вышел во дворик и присел на буфер машины. Спать я больше не мог. Та ли это деревня? Та ли это девушка? А впрочем, не всё ли равно. Каждая могла стать такой.

Скоро скрипнула дверь, и на дворик вышел Муса. Было ещё далеко до восхода, но массивные очертания Кубенанского хребта уже резко проступали в посеревшем небе. Во дворике было почти темно. Лицо Мусы казалось таким же землистым, как стена его лачуги. Он присел рядом.

— У нас теперь новый помещик, господин Фузули. Совсем с ним пропадаем, — пожаловался Муса. — А когда Фузули ещё не было, у нас каждый день были лепёшки и сыр был. А когда ещё автомобильную дорогу не проложили и караваны ходили, у нас и яйца были и масло... барана на праздник резали...

Голос Мусы мечтательно замирал. Но меня тревожило другое.

— Был у тебя ещё ребёнок? — спросил я.

— Да, сын был, — оживился Муса, делая ударение на слове сын. — Ахмедом звали. Да вот бог взял его через несколько дней после рождения. Придавили его во сне, не знаю, девочка эта, которую ты спас, или сама мать... Только нашли его утром мёртвым под одеялом. Очень он был

слабый, даже никогда не кричал. Молока почти не было у матери,— со вздохом заключил Муса.

Помолчав немного, он поучительно добавил:

— Да... ослице колючки нужны, чтобы молоко имела, а женщине хлеб нужен.

— Чем больна твоя жена? Скажи, какие лекарства нужны, я из города пришлю.

— Душа у неё больная, хлеб нужен. Чтобы здоровая была душа, хлеб нужен,— снова повторил Муса.

— Ну, а от Фузули вы никак избавиться не можете? — решил я вернуться к началу разговора, явно зашедшего в тупик.

— Что ты, что ты! Он сильный! Его и жандармы и губернатор уважают. Он друг английского консула!

Утром, кое-как наладив с помощью Мусы рулевое управление, мы продолжали наш путь. Уже к полудню перед нами развернулась панорама башенного города Иезда. Вдали чернела густая купа кипарисов британского консульства.

Джемшид

В сороковых годах на базаре небольшого пограничного городка Бирджента часто можно было встретить убогого оборвыша по имени Джемшид. Он то бродил по базару, то сидел на корточках, приткнувшись к порогу какой-нибудь лавчонки. Ослы прижимали его своей поклажей к стене, люди чуть не наступали на него, но Джемшид неизменно улыбался и пристально смотрел всякому в лицо, как бы стараясь вспомнить что-то или о чём-то спросить. Улыбка его была растерянной. Он часто как-то ожесточённо тёр себе темя, и тогда люди замечали плешь и странную вмятину на его черепе.

Лавочники использовали Джемшида для мелких поручений: то пол в лавке подмести, то вытрясти ковёр, то поднести свёртки почтенному покупателю. А под праздник его нередко звали в богатые дома резать барана, поэтому на поясе у Джемшида всегда болтался хорошо отточенный нож. Вне этих надобностей люди мало им интересовались. Джемшид слыл базарным дурачком, да так оно и было. Когда он получал миску требухи, к нему, как по зову, сбегались тощие базарные собаки, и он делился с ними своей скудной пищей.

Как-то Джемшиду случилось найти огрызок карандаша, и с тех пор он пристрастился выводить буквы на клочках бумаги, которые, смеха ради, бросали ему школьники. Учитель, собиравший детвору в тени раскидистого дерева у мечети, даже не гнал бесплатного ученика, так был уверен в его тупости. Впрочем, Джемшид никогда не осмеливался переступить черту тени, а вне её он был вправе считаться случайным прохожим.

Особенной потехой для ребят было дразнить Джемшида песком, самым обыкновенным песком, который, правда, в городке, построенном на глине и из глины, был редкостью. Они пересыпали его из ладони в ладонь, а Джемшид смотрел, не отрываясь, как собака на кость в руке хозяина. Когда же песок сыпали на землю, Джемшид кидался к нему с довольным урчанием и, растянувшись рядом, закрыв глаза, нежно поглаживал песочную горку ладонью или прижимался к ней щекой.

Это так забавляло детей, что они частенько таскали песок из родительских подвалов, где он хранился в больших кувшинах для поджаривания гороха, кукурузных и других зёрен.

Иногда Джемшид куда-то пропадал, и его не видали на базаре по нескольку дней подряд. Возвращался он ещё более смиренным и добрым.

Вот, уже немного постарше, гонит он с другими подростками овец к вечернему водопою. Многоголосое блеяние у водоёма означало конец весёлого рабочего дня, и из шатра уже пахло дымом. Как приятно было забежать в шатёр и повалиться на одну из больших ковровых подушек, разбросанных по всему полу. Только утоптанная глинистая дорожка посередине шатра оставалась непокрытой. В холодные зимние ночи здесь устанавливались жаровни с раскалённым древесным углем. На ночь полы палатки подворачивались внутрь и плотно прижимались к земле длинными рядами сундучков, мешков и жестяных бидонов, в которых хранился годовой запас муки, сахара, масла. Там же стояли кувшины с поджаренной бараниной, застывшей в собственном жиру.

С утра все взрослые братья и подростки (чтобы их сосчитать, не хватало пальцев на четырёх руках) разбредаются по пескам, кто с овцами, кто собирать топливо, кто ставить капканы на лис. Днём едят только лепёшки с сыром. Но зато вечером, когда старшие сёстры установят несколько котлов над жаровнями и зашипит брошенная в них баранина, возбуждая усталую братию пряными запахами приправ, все рассаживаются где попало и едят, сколько кому хочется.

А в самом конце шатра помещался особый, почётный котёл белобородых. После ужина они степенно и подолгу пили чай. Приблизиться к ним можно было, только если они подзывали сами, когда решался чей-нибудь спор, или обсуждались места выпаса, или принималось решение об отправке братьев в ближайший городок Кайн с коврами, шерстью и сыром для обмена на муку, сахар, верёвки, керосин.

После ужина Джемшид любил слушать рассказы старших братьев о горных баранах, которые стоят над кручей, словно высеченные из камня; об удавах, ломающих кости заснувшему пастуху; о целебных травах, возвращающих старикам молодость; о старинных благородных рисунках ковров. Но больше всего — о разбойниках. Как песчаные бури, как гололёд или засуха, как чёрный мор, они появлялись редко, но рано или поздно вторгались в мирную жизнь пастухов.

Когда брат Бербер, прозванный так в память давнишнего нападения берберов, рассказывал о белуджах и афганцах, угонявших скот, убивавших мужчин и насильно овладевавших женщинами, Джемшиду становилось не по себе. Он прижимался головой к чьим-нибудь коленям в белых шерстяных штанах, видел вокруг синие, с красной волнистой каймой юбки старших сестёр, прислушивался к завыванию ветра за тонкой тканью шатра и так засыпал.

Когда Джемшид был ещё совсем мал, мать вечером бережно уносила его к себе. Проснувшись на рассвете, он видел через входной проём шатра, как она уже хлопочет вместе с сёстрами над приготовлением еды или сбивает масло ударами палки по подвешенному на треноге бурдюку с молоком.

После завтрака братья уходили и женщины приступали к каждодневной обязательной чистке и уборке шатра. Потом девушки выносили наружу деревянные рамы, и начинался весёлый гам и суетня. Рам было меньше, чем девушек. Поэтому каждая, норовя оттолкнуть подругу, старалась побольше протянуть ниток, вишнёвых и чёрных, сквозь желтоватую основу. Самая жизнерадостная из них, Голá, с чёрной прядкой на лбу, всё бегала с мотком синих ниток в руках и непременно хотела вплести их в рисунок ковра. Но её отгоняли. Она была ещё слишком молода и не признавалась пока мастерицей.

Позже ей позволили выткать коврик, нарушавший строгую двухцветную традицию ковровщиц пустыни. К удивлению всех обитателей шатра, синяя шерсть не испортила рисунка. Почти незаметно окаймляя его чёрный орнамент, она придала ему сочность и глубину. Первый коврик

Голы долго обсуждался стариками сначала при солнечном свете, а потом, после ужина, — у очага, в их почётном углу. После первой пробы Гола изготовила немало ковриков, разнообразя обычный рисунок, и обложила коврами подушками свой уголок в шатре.

Джемшида никто не будил по утрам, но каждый раз он вскакивал, понукаемый собственным нетерпением. Вместе с ближайшим другом Афганом надо было обежать новорождённых ягнят, беспомощно лежавших на песке; взобраться на бархан и рассмотреть новые следы: тонкую строчку жука-скарабея, редко расставленные гвоздички трясогузок, зловещие петли змей и — это уже было настоящим событием — большие трёхпалые вмятины следов пантеры. Ещё надо было воспитать хорошего сторожа из пушистого щенка Кябута¹, прозванного так за то, что, опрокинув как-то на себя миску с краской для шерсти, он долго бегал ярко-синий.

Лучший друг Джемшида, Афган, вихрастый, подвижной подросток, напоминал всему роду о последнем набеге афганцев. Зная своё происхождение, он любил изображать разбойника: то крался, хищно озираясь, к палатке, то с победным кличем насккивал из-за бархана на проходивших ребят. Джемшид немного завидовал ему.

— А я не от афганцев родился? — спросил как-то Джемшид свою мать.

Она была очень красивая женщина и в молодости, наверно, такая же задорная, как Гола.

— Нет, — засмеялась она, — я тогда убежала с другими девушками в пески. Мы даже обмотали себе ступни шкурками, как это делают иногда охотники, чтобы скрыть наши следы. Твой отец — вон он стоит среди братьев, — показала она на группу мужчин, занятых стрижкой овец.

Джемшид был тогда немного разочарован и даже не поинтересовался, который же из них его отец...

Вдруг Джемшид ощутил холодное прикосновение к руке: небольшая змея в поисках тепла прижалась к нему. Джемшид осторожно откатился и вскочил на ноги. Он словно заснул и видел сны о прошлом. Но теперь это уже не прошлое. Матери, правда, давно уже нет в живых. Её заколол разбойник Доулата — амние². Но остались братья, остались сёстры. Часа через два он будет дома, среди них.

Прикидывая, насколько должна сдвинуться луна над его правым плечом, пока он пробежит до своего шатра, Джемшид выскочил на первый бархан. Он шёл напрямик по крутым осыпям, переводя дыхание на пологих спусках с барханов, и память его спешила вместе с ним. Да... Пришли разбойники Доулата и разгромили его шатёр. Задолго до этого горестного дня братья, возвращаясь из Кайна, рассказывали, что далеко в Тегеране появился сильный и богатый разбойник Доулат. Он хуже афганцев, потому что через своих слуг, жестоких амние, совсем не даёт людям покоя и грабит каждый год. Но время шло, а амние не появлялись, и постепенно все привыкли к мысли, что в пустыне им не бывать.

И вот, когда меньше всего ждали, zakлyбился песок на горизонте, и вскоре большой конный отряд окружил шатёр. Амние были одеты не в широкие красивые шаровары, как афганцы, а в узкие синие брюки, забинтованные ниже колен обмотками. Вместо кривых ножей за широкими поясами у них неуклюже за спинами болтались винтовки, сбивая набок и без того помятые грязные мундиры. Позже американцы одели их

¹ Кябут — синий (по-персидски).

² Доулат — государство; амние — жандарм. В 30-х годах правительство Реза-шаха приступило к насильственному переводу на оседлое положение мелких пастушеских родов на крайнем востоке страны.

в мешковатую форму своих войск и хорошие ботинки, но в ту пору вместо ботинок они носили грязные, потрёпанные гиве — матерчатые туфли на подошве из воловьих жил.

Старики чинно и с достоинством вышли из шатра, чтобы вступить в переговоры о размерах дани. Но амние, соскочив с коней, расстреляли их в упор из винтовок. Взрослых братьев и подростков избили для острастки плетьюми. Потом их главный объявил, что завтра назначит новые правила жизни, а пока потребовал приготовить гостям богатое угощение. Никто не знал, что делать. Кто нёс в подарок ковёр, кто закалывал барана, а несколько братьев стали копать могилы для стариков.

Мудрые старики лежали на залитом кровью песке и не могли уже дать никакого совета.

Наевшись до отвала, амние стали ловить старших сестёр и девушек-подростков, выкручивать им руки и уводить за барханы. Когда потащили мать, Джемшид побежал за ней. Ему было уже тринадцать лет, он считал себя почти мужчиной и готов был вступить в бой с обидчиком. Но набежавший сзади амние сбил его с ног и сильно ударил прикладом по темени. Джемшид упал замертво.

Когда он очнулся, было утро. Но какого дня? Рядом лежал труп женщины, его матери. Два ворона копошились у её глаз. Джемшид вскочил и в ужасе побежал прочь.

Как попал он в город? Почему не нашёл дороги к шатру? Он не знал. Никогда с того дня он больше не мог складно связать одну мысль с другой, сколько ни тёр он разбитое темя, как ни старался вытеснить из головы что-то лишнее, причинявшее тупую боль. Он только помнил всегда, что амние — худшие из разбойников и что ради жизни своих братьев и сестёр амние надо убивать.

И вот он снова почти дома, и даже память как оудто вернулась к нему. И даже голова почти не болит. Джемшид бежал, охваченный радостью.

Вот и пологий каменный выступ и водоём за ним. Но где же большой шатёр? Вместо него — ряд низеньких глинобитных построек без крыш. Только на одной из них видна плоская кровля, как в городе. Нет, это не его дом. Но надо осмотреться, подойти поближе.

Вдруг Джемшид заметил, что небольшая собачья свора, крадучись, окружает его. Старый вожак издал уже какой-то сиплый звук, намереваясь залаять. Джемшид сразу сел наземь. Псы стали осторожно подходить.

— Кябут?! — не двигаясь, вполголоса позвал Джемшид, хотя и сам не верил в возможность такой встречи.

Но старый пёс насторожил уши и медленно пошёл к Джемшиду. Подойдя, он долго принюхивался и вдруг, радостно завиляв хвостом, обеими лапами опрокинул Джемшида на спину, ласкаясь и облизывая ему руки и лицо. Джемшид зарылся головой в его густую шерсть. Да, теперь он знал, что попал домой!

Вся свора, правильно поняв смысл этой сцены, вплотную окружила Джемшида; кто вилял хвостом и вертел задом, кто приседал и полз на брюхе, всячески выражая своё дружелюбие и покорность хозяину.

Оторвавшись от Кябута, Джемшид вскочил и поспешно направился к мазанкам. У каждой перед входом вповалку кучками спали люди.

«Почему они разделились? — старался понять Джемшид. — Совсем, как в городе». И эта мысль смутила его. Ведь, мечтая о доме, он всегда вспоминал просторный шатёр, где он, как и все, был полноправным хозяином. К которой же из этих мазанок ему направиться? Ведь теперь, чтобы войти, надо, наверно, как в городе, спросить разрешения?

Скользя, как тень, Джемшид стал обходить спящих, вглядываясь при слабом свете луны в лица и утварь. Он узнавал друзей детства и старших. Но почему они такие тощие? Где большой медный котёл? Где ковровые подушки? Зачем эти маленькие жестяные миски с крошками хлеба, даже не закопчённые снизу? Неужели не из общего котла едят? Неужели нет горячей пищи? Почему такие грязные и драные одеяла?

Джемшид стоял удручённый и растерянный. Лежавшие у его ног боты беспокойно ворочались, стонали, чесались.

Джемшид пошёл к мазанке с крышей. Возле неё никто не спал на земле. У входа на четырёх шестах висел большой кисейный полог. Джемшид осторожно заглянул внутрь.

Раскинувшись на пёстрых ковровых подушках, лежит красавица Гола. Здоровым, сытым теплом веет от неё. Джемшид залюбовался ею: да, это она, с той же прядкой чёрных волос на белом лбу, с тем же красивым изгибом рта. Но веки уже густо зачернены: Гола уже женщина.

Но что это за смуглый мужчина с тонкими усами, каких никто из братьев не носит? Джемшид стал озираться, и невольной рука его потянулась к ножу: на низеньком табурете он заметил мешковатую американскую рубашу и головной убор жандарма. Потом опустил руку и отошёл от полога: он не может убить того, кто принят братьями в дом.

У подножия каменистого выступа Джемшид увидел маленькую палатку и понуро поплёлся к ней. Он заглянул внутрь её — там было темно; некоторое время он держал край палатки на весу, пока лунный луч, пробившийся сквозь тучи, не скользнул по лицу спящего.

«Афган!» — чуть было не вскрикнул он. Рядом на сковородке он увидел остатки жареной птицы, у входа валялись крылышки, к шести было прислонено ружьё.

«Афган стал охотником,— понял Джемшид,— живёт один, сам готовит и сам ест. Не хочет жить с братьями».

Пятясь из палатки, Джемшид споткнулся о верёвку. «Будет несчастье,— вспомнил он поверье людей своего рода,— надо уходить. А куда?»

Джемшид присел у плоского камня, на котором часто сживал в детстве, достал из кармана огрызок карандаша и лоскут бумаги и крупными заглавными буквами нацарапал: «Я АМНИЕ УБИВАЛ Я МНОГО ИСКАЛ СВОИ БРАТЯ Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫЙ ДЖЕМШИД». Потом он отнёс записку к пологу Голы. На минуту замешкался — куда положить? Вынул нож из-за пояса и приколот им записку к земле.

Спустя час луна уже зашла. Мелкая мозаика облаков на востоке сначала посерела, потом стала жемчужной. Вскоре появились нежные пастельные мазки, розовые с голубыми прогалами. Всё ярче становились эти краски, и наконец весь восток вспыхнул багрянцем рассвета. Выдвинулось солнце. И сразу стало припекать спину Джемшиду. А он, отбежав от посёлка за несколько барханных гряд, как присел на песок, так и сидел бездумно, ко всему безучастный. Только мгновениями, как во сне, возникала картина: вот пришли за ним братья и сёстры, окружили, взяли за руки и повели в свой большой шатёр.

Но ведь нет уже этого шатра, некуда его вести.

Проснувшись на рассвете, сержант жандармерии Ибрагим-хан прочёл записку и всполошился. Надо во что бы то ни стало поймать преступника, пока свежи следы на песке! Надо кого-нибудь отправить с донесением на жандармский пост! Где Афган? Но тот уже ушёл на охоту.

На жандармский пост были отправлены двое из братьев. Пять или шесть мальчишек побежали по следам Джемшида, но, скоро вернувшись, со страхом рассказали, как странно петляют его следы. Наконец прибежал

самый храбрый и, задыхаясь от волнения и быстрого бега, сообщил последние сведения: Джемшид сидит под барханом всего в получасе ходьбы отсюда.

Ибрагим-хан зарядил винтовку и вызвал трёх добровольцев сопровождать его. Поджидая их, он ходил по комнате, босой, в грязном белье, и приводил в порядок свой мундир, ботинки, причёску. Гола не помогала ему, как обычно, а на этот раз скорее мешала, затягивая сборы раздражающими разговорами. Она смутно припоминала доброго, услужливого мальчишку Джемшида, жалела его и надеялась, что он успеет удрать.

Наконец у входа появились трое братьев. На их лицах, ещё не приученных прятать чувства, выразилась борьба охотничьего азарта со смущением. Все они помнили Джемшида, как доброго товарища по детским играм, неизвестно куда сбежавшего после разгрома, и боялись, что Ибрагим-хан причинит ему зло.

Ибрагим-хан приказал принести верёвку. Так как верёвки ни у кого не нашлось, было велено сорвать её с палатки Афгана. Ибрагим-хан сам изготовил из неё аркан, и все четверо двинулись в пески.

Оставшись одна, Гола задумалась. Ибрагим-хан был неплохим человеком. Он не участвовал в ужасном разгроме их рода. Он прибыл всего год назад, когда было приказано расселяться семьями и строить домики, которые, по замыслу шаха, должны были приучить кочевников к оседлой жизни. Ибрагим-хан, назначенный начальником посёлка, обложил всех большим налогом, забрал шерсть, ковры и продукты и честно передал всё это офицеру в покрытие расходов на строительный лес. Но офицер проворовался, и брёвен хватало только на один домик. В нём поселился Ибрагим-хан и взял себе в жёны Голу.

Ибрагим-хан был статным и энергичным мужчиной. Голе он нравился, а семейная жизнь с ним сопровождалась таким количеством разных улучшений быта, что казалась ей переходом в какую-то высшую жизнь. Появились красивые туфли, платья, зеркало, а главное, большой флакон духов, из которого и зимой исходили весенние ароматы пустыни.

Она давно уже не подбегала с нитками к ковровым рамам подруг, а завела свой собственный станок, побольше размером, и не подпускала к нему никого. Она работала по новым рисункам, привезённым Ибрагим-ханом из города, и ревниво оберегала их секрет.

Кроме того, она с увлечением командовала на своём огороде, где выращивалось ценное семя для кормления певчих птиц. Другие культуры на каменистой почве у водоёма пока не прививались. Она распоряжалась устройством грядки, их поливом, сбором и сушкой семян. При этом её не удивляло, что на огороде поочередно работали несколько из её братьев и сестёр. Во-первых, они это делали добровольно, из уважения к Ибрагим-хану, занятому на государственной службе. А во-вторых, они ведь и сами для себя могли развести огород. Что им мешало? Извечное отвращение к возне с землёй да лень! А она, Гола, никогда не ленилась и действительно с упоением работала целые дни.

То, что братья приносили Ибрагим-хану шерсть, сыр и мясо, так же мало удивляло её, как и их работа на огороде. В конце концов, каждый из них мог бы тоже пойти в жандармскую службу, а дослужившись до сержанта, принимать законные услуги от людей. Надо только захотеть! Ну, а если они с Ибрагим-ханом завели большой курятник, куда она сама на ночь загоняла кур, то кто же может запретить это сделать и другим? Надо только захотеть!

Постепенно она привыкла к тому, что братья и сёстры стали выражать ей знаки уважения и покорности. Но ведь она их заслужила своим кипучим трудолюбием. Если же её стали чуждаться и не звали больше участвовать в вечерних играх, которые всё ещё затевались изредка, то,

конечно, потому, что она всегда сама отказывалась за недосугом. Если в её новой жизни, полной хлопот, бывали свободные часы, то принадлежали они Ибрагим-хану и домашнему устройству. Они любили с Ибрагим-ханом говорить о своём будущем ребёнке (скоро он появится!), и муж разъяснял ей, что их ребёнок не должен расти в общей куче детей. Его надо воспитывать дома, отдельно. Их ребёнок будет одет красивее всех и будет получать самые вкусные лакомства. Мечта об этом приводила Гола в восторг.

Нет, какой бы ни считали эту новую жизнь её бывшие подруги и старшие братья (а Гола иной раз ловила краем уха их печальные вздохи), — прав Ибрагим-хан. «Жизнь идёт вперёд, к лучшему», — говорит он, и разве не стала она лучше? Только не все одинаково поспевают за ней. Вот и бедный Джемшид — он, должно быть, полоумный, отсталый, если убивал амние — слуг государства, словно каких-нибудь афганских разбойников. И всё-таки ей было жаль его.

— Поймали! Ведут! — раздались крики мальчишек.

Гола быстро подхватила кувшин со студёной водой и выскочила из дому. Ибрагим-хан победно спускался с барханной гряды, держа в руках конец аркана. На другом конце верёвки, в такт заплетающимся шагам, покачивалась голова Джемшида. Он улыбался кротко и бессмысленно, и безволосая вмятина на его черепе отсвечивала на солнце. Сзади с сумрачными лицами шествовали трое братьев-конвойных.

Гола подбежала с кувшином. Джемшид узнал её и ещё шире улыбнулся. Гола протянула кувшин, но Джемшид покосился назад, на связанные за спиной руки.

— Не развязывать! — крикнул Ибрагим-хан.

Тогда Гола подняла кувшин и осторожно начала вливать воду в рот Джемшиду. Слёзы появились у неё на глазах. Впервые бросила она враждебный взгляд на мужа.

— Сам дался, совсем не сопротивлялся. Узнал нас... — говорил ей вполголоса один из братьев. — А Ибрагим-хан приказывает сказать офицеру, будто мы окружили его, схватили и разоружили.

Почти в то же время со стороны гор подошёл профессорский вездеход. Кроме хозяина, в машине сидели два жандарма, офицер и молодая американка. Приняв от Ибрагим-хана рапорт, офицер скомандовал:

— Быстро, готовьте виселицу! В город не повезём, приказано здесь. Все жители обязаны присутствовать!

— Вот он, доисторический житель пустыни! Ното поп sapiens! — щеголяя своей образованностью, обратился к профессору офицер, показывая на Джемшида.

— Очень интересно! Очень интересно! — оживился профессор, высокий сухопарый старик в клетчатой рубашке и матерчатой мягкой шляпе. — Джейн, посмотрите! Да что это вы никогда ничем не заинтересуетесь! — Он взял из машины свой чемодан и стал вынимать оттуда инструменты, блокнот, специальную фотокамеру и кубики пилёного сахара в цветной упаковке.

— Не хотите ли? Очень полезно для укрепления памяти, — сунул он один кубик офицеру, тотчас же развернул второй и отправил себе в рот.

Тем временем у Ибрагим-хана с Голой разгорелась ссора. Ибрагим-хан приказал двум братьям снять с собственной его крыши три балки для виселицы. Гола протестовала. Туча идёт, с часу на час можно ждать дождя! Если хоть одна балка будет убрана, дождь мигом размочит крышу и зальёт ковры, постели и платья Гола густыми потоками грязи.

Но Ибрагим-хан повторил приказ, балки были сняты, и жандармы быстро и умело стали сколачивать виселицу. Петлю изготовил сам Ибра-

гим-хан всё из той же верёвки, которую сорвали с палатки Афгана. Джемшида подвели к петле и отметили нужную высоту. Потом принесли бидон из-под керосина и поставили на него Джемшида.

Жителей рассадили полукругом. Они сидели со смешанным выражением любопытства и неловкости на лицах.

— Он из нашего рода... — вдруг сказал один из братьев постарше. — Он убежал от нас в день разгрома и всё это время где-то пропадал...

— Он только повисит в наказание или насмерть? — спросил кто-то из парней помоложе, никогда не слышавший о казни с помощью верёвки.

— А всё-таки амни он отомстил! — раздался чей-то приглушённый голос.

— Да, без них жилось нам привольно. Хорошая была жизнь! — отозвался один из старших братьев.

Но один из молодых, часто ходивший по поручениям Ибрагим-хана в город, уверенно заявил:

— Какая же это хорошая жизнь — пасти овец да бегать от разбойников, как суслик от удава? Вот в городе — это жизнь! Когда я был в кино... — Но ему не дали повторить надоевший всем рассказ. Его вообще недолюбливали за угодничество перед Ибрагим-ханом, и кто-то поспешил его перебить:

— А вот я недавно слышал от скупщика шерсти, будто в тридцати переходах к югу земля кончается.

— И что же там дальше? — заинтересованно отозвалось сразу несколько голосов.

— А дальше — сплошная вода, называется «море».

— Ну, это ты шутишь. Или врать научился от городских. Если есть такое место, так ведь все люди пойдут туда и всех овец погонят. Вот спросим у старика.

Один из начавших уже сесть братьев, давно метивший на почётное звание родового старшины, сокрушённо покачал головой:

— Теперь такие времена — всё возможно. Может быть и сплошная вода.

— Она-то сплошная, да солёная... — начал было объяснять рассказчик.

— Смирно! — скомандовал офицер и, приказав всем встать, вышел на середину с листом бумаги в руке:

«По законам военного положения... пойман на месте преступления... через повешение... три дня не снимать в назидание жителям...» — долетали до сознания стоящих людей отдельные малопонятные фразы.

— Как три дня не снимать! — Взволнованная Гола подбежала к Ибрагим-хану, стоявшему у самой виселицы. — Да ведь того и гляди ливень будет. Все вещи погибнут. Надо ещё успеть балки уложить и обмазать. Глину я уже замесила...

— Не беспокойся, договорюсь с офицером. Принеси пять туманов¹, — вполголоса ответил Ибрагим-хан, не поворачивая головы.

— А ты прикрой вещи палаткой, — вдруг послышался голос Джемшида, всё время напряжённо прислушивавшегося к разговору и неожиданно уловившего смысл препирательства.

— Молчи, не твоё дело! — прикрикнул Ибрагим-хан и по приказу офицера накиннул на Джемшида петлю.

Но тут к виселице подбежал профессор.

¹ Туман — денежная единица.

— Нет, нет, он мне ещё нужен! Очень интересный экземпляр! Редкостная асимметрия черепа!

Брезгливо сбросив с Джемшида петлю, профессор приступил к обмеру. Он действовал, не торопясь, методично заноса все данные в записную книжку.

— Осмелюсь спросить,— подошёл к профессору офицер, уже получивший от Ибрагим-хана пять туманов и выговоривший себе ещё десять, если удастся уложить балки на место до дождя,— не удобнее ли было бы вам обследовать его после казни?

— Что? — возмутился профессор.— Разве удобнее возиться с неподвижным телом, болтающимся на грязной верёвке?

Офицер пожал плечами и отошёл, а профессор с прежней методичностью продолжал свою работу. Джемшид послушно поворачивал голову, услужливо улыбался, но то и дело мучительно тёр себе темя, видимо силясь понять, что с ним делают. Закончив обмеры, профессор стал налаживать фотокамеру. Он отошёл в сторону, прищурил глаза и отрицательно покачал головой.

— Нет, получится слишком портретно. Надо резче, анатомичнее. Подождём, вот-вот проглянет солнце.

— Какое это всё-таки варварство! — крикнула из машины раздражённая долгой задержкой Джейн.

Профессор обернулся и пручительно заметил по-английски:

— Человек каменного века зарезал представителя власти. И, видимо, не одного, а его один раз вешают, и по приговору. По-моему, это справедливо и даже гуманно. А, Джейн? Или вам больше нравится суд Линча?

Тучи всё надвигались. Гола дёргала сержанта за рукав, тот умоляюще смотрел на офицера. Офицер, потеряв терпение, начал было раздражённо объяснять что-то профессору и, не закончив фразы, бросил жандарму:

— Накинь петлю!

Теперь рассердился профессор. Он накричал на жандарма, затем вдруг сосредоточенно стал шарить у себя в кармане. Сержант и офицер с надеждой следили за движениями его руки. Но профессор вытащил кубик сахара, подошёл к Джемшиду и сунул ему в рот.

Офицер хотел было возразить, но в это время луч солнца, промелькнув в разрыве между тучами, осветил лицо Джемшида. Профессор щёлкнул затвором.

— Готово! — удовлетворённо воскликнул он.— Просто уникальный снимок!

— Готово! — буркнул сержант и со вздохом облегчения вышиб ногой бидон.

Джемшид повис. Лицо его с глазами навывкате застыло в привычной глуповато-недоуменной улыбке. Вскоре оно стало темнеть и терять ясность очертаний. Жители посёлка, всё ещё стоя большим полукругом, тупо смотрели на виселицу.

Тучи совсем закрыли солнце. Рывком ветра сорвало и понесло по пустыне шары верблюжьей колючки. В посвежевшем воздухе остро запахло полынью.

Старый Кябут, тихо скуля, проковылял к виселице и принялся лизать голые ступни Джемшида.

Упали первые крупные капли дождя.

Конец старого Касыма

Чёрным лаком блестит крутой склон Эльвенда¹. Ни куста нет на нём, ни травинки. Только высыпки плиток чёрного сланца разнообразят местами суровую поверхность обтёсанного ветрами хребта.

В одном месте на склоне видна неровная кладка низких стен. Кое-как прикрытые и обмазанные, они образуют деревушку Сируф, беднейшую из бедных.

Старый Касым сидит на пороге своей хибарки и, в который уже раз, обсуждает с ворчливыми женщинами и внучатами предстоящий поход на сбор винограда. Наступает конец лета, можно побатрачить на виноградниках Хамаданской равнины. Но не очень-то верят женщины в силы старика.

Далеко внизу появляется человеческая фигурка. Она быстро приближается к деревне. Кто бы это мог быть?

Ранней весной в Луристан² на стройку дороги отправился сын Касыма, Абул Касым, и с ним семеро односельчан. Много денег принесёт Абул Касым. Да, постройка дороги — это не сбор винограда. Но его ждут только к зиме.

И вот человек приносит страшное известие. Все ушедшие в Луристан погибли от какой-то повальной болезни на берегу Силахора.

Осиротелые дети и вдовы ходят от лачуги к лачуге, садятся у входа, неистово плачут и рвут на себе распущенные волосы.

Старый Касым попрежнему сидит на своём пороге. Со старостью ума не прибывает, но больше становится житейской мудрости. Опыт подсказывает ему, что к вечеру плач прекратится и опять нужно будет изо дня в день решать самый обычный и самый сложный в жизни вопрос: чем наполнить желудки?

На сборе винограда он заработает сушии пустяки. А вот на дороге теперь уж, конечно, нужны рабочие руки. Правда, Касым стар, но с киркой он кое-как сладит. Восемь дней длится пеший путь до Луристана. А если посчастливится, если удастся незаметно для шофёра забраться в кузов попутной машины, то можно доехать в три дня.

Вечером, вскинув мешок на плечи, старик ушёл в тёмную ветреную даль.

Широка и красива Буруджирдская равнина в сочном блеске зелёных лугов. Скалистой стеной подступают к ней с юга хребты Загроса. Запыхивает полы войлочной бурки пастух и застёгивается на все пуговицы шофёр, приближаясь к этим горам. От заснеженных вершин скользят вниз волны холода. Это преддверие Луристана.

Некогда Буруджирдская равнина была озером, и многоводная река стекала в это озеро с северных склонов Загроса. Позже появились люди на земле и назвали эту реку Силахором. Но озера к тому времени уже не стало. Более проворная река Аб Диз, стекающая с Загроса на юг, в Персидский залив, пропилила в своих верховьях водораздел и, захватив Силахор, заставила течь его вспять, затем, подкравшись к Буруджирдскому озеру, стянула и его воды в море.

Я встретил Касыма в том месте, где две тихие равнинные реки, текущие друг другу навстречу вдоль северных подножий Загроса, сталкиваются у старой крепости Бахрейн. Здесь, не осилив друг друга, они обе разом проваливаются в поперечное ущелье Силахора. Ревёт и бурлит стремительный Силахор, устрашая людей, посмевших строить дорогу на

¹ Эльвенд — горный хребет в Центральном Иране.

² Луристан — горная область в Южном Иране.

его берегу. Да и нет здесь настоящего берега. Его ещё надо полкой врезать в отвесные обрывы теснин.

Старый Касым, сбросив со спины мешок, удивлённо смотрит то на пенящийся водоворот, то на уже врубленные в скалистые обрывы участки дорожного полотна. Потом он подсаживается ко мне в машину, и мы начинаем подъём по зигзагам времянки, оставляя глубоко внизу и речку и строящуюся дорогу.

— Я еду строить дорогу,— гордо объявляет Касым, и всё лицо его собирается в радостные лучи морщинок. Потом морщинки перестраиваются в глубокие скорбные борозды. — Мой сын погиб здесь, — договаривает он одними губами.

Навстречу нам, кренясь и скрипя, идут грузовики со штабелями тел. Трудно разобрать, кто ещё только болен, кто агонизирует, а кто уже очошел.

На остановке около подрядческой конторы фельдшер и жандарм задерживают очередной грузовик. Сквозь деревянную решётку его боковин торчат наружу ноги в синих, поблёкших от солнца штанинах и оголённые руки. Из Тегерана пришло распоряжение о принудительной прививке против эпидемии. Фельдшеру некогда разбираться в тонкостях. Набрав полный шприц желтоватой жидкости, он подряд тычет им во все конечности, торчащие из грузовика.

— Что вы делаете?! — останавливаю его я.— Ведь эта нога уже явно мёртвая, а после неё вы воткнёте шприц в живую.

Фельдшер еле стоит на ногах, то ли от усталости, то ли от опия, которого он накурился. Он ошалело смотрит на меня красными немигающими глазами.

— Да они и так все поумирают к вечеру. Никому ещё эта прививка не помогла.

Из кузова вырывается молодой рабочий, с криком увёртываясь от шприца.

— Я уже здоров,— кричит он,— я совсем здоров! — Но жандарм настигает его.

Поодаль, на подножке санитарной машины, сияющей никелем и шёлковыми занавесками, прохлаждается врач. Я обращаю внимание на рабочего. В ответ я слышу, что у этого рабочего предсмертный приступ психоза, которым обычно кончается эта болезнь. Хабой называет он её. Какая-то трёхдневная дизентерия, сочетающаяся с лихорадкой.

— Они все перед смертью кричат что-то несуразное,— пренебрежительно говорит он.— Особенно молодые. Старики — те поспокойнее.

Воодушевлённый моей готовностью слушать, врач пускается в подробности. Оказывается, заболевших хабой неодолимо тянет в воду, а она несёт им смерть. Сотни людей, несмотря на запрет, кидались в реку, где погибали от мгновенного паралича сердца.

— Где же очаг этой странной болезни?

— Где-то там, у реки. Живущие здесь, вдоль времянки, не заболевают. И заметьте: луры никогда не селятся у реки, хотя там гораздо больше плодородной земли и лугов, чем в горах.

— Но если болезнь так мало изучена, отправьте этого рабочего на клиническое исследование в город,— советую я.— Он вовсе не похож на психического больного. Он просто боится шприца. Уложите же его в санитарную машину.

Дорожный врач посмотрел на меня так, будто заподозрил и у меня приступ предсмертного психоза.

— Этого... грязного оборванца... в мою машину! Да если об этом узнает кто-либо из подрядчиков...

Я не понял его тогда, но позже мне объяснили, что этот дорожный врач развозит в своей машине ветчину, сыры, икру, втридорога сбывая всю эту снедь богатеющим на строительных работах подрядчикам. Оказалось, что он не получил даже специального образования. Родом из Турции, бывший мясник, он был мобилизован в армию Кемаля и там дослужился до помощника хирурга в полевом госпитале. В Иране этот предпримчивый человек появился уже с дипломом турецкого врача.

Время мне позволяло, и, чтобы побольше разузнать об эпидемии, я решил спуститься к реке. Қасым уже разглядел, что при выходе из теснины река раздваивается, образуя небольшой островок. Туда мы и направились по крутым петлям подъездного пути. Путь был коротким, но опасным. Қасыму часто приходилось выходить из машины и оттаскивать в сторону глыбы, заброшенные сюда взрывами динамита. Делал он это ловко и старательно, но спуск всё же затянулся почти до сумерек. На берегу нас встретил старший рабочий лурской бригады, он же родовой старшина, Рам Хода.

Қасым сразу получил работу. Ему дали багор и показали, как вылавливать с отмели трупы. Вместе с другими рабочими он набрасывал петлю на ступни утопленников и волок их к огромной братской могиле, где вторая партия рабочих присыпала их известью и землёй. Стремительное течение разбивало трупы об острые выступы камней на порогах. Вспухшие, обезображенные, выплывали они из узкой горловины ущелья и застревали на мелководе у островка.

Разговаривая с людьми, я то и дело поглядывал на Қасыма. Он переворачивал каждый труп, подолгу вглядываясь в лицо, и тащил его потом с осторожностью, стараясь, чтобы голова не билась о камни. Напротив, рабочие-лурцы обращались с трупами бесцеремонно, почти враждебно.

— Кто их звал сюда? — ворчал Рам Хода. — Тоже придумали, дорогу строить.

Наступил вечер. Воздух был пропитан зловонными речными испарениями, хотелось скорее и подальше уехать отсюда. Но Рам Хода, передавая свой пост ночной смене, подошёл ко мне и гостеприимно предложил ночлег.

— Дальше ночью ехать нельзя, — объяснил он, — все скалы расштатаны взрывами динамита. Можно сорваться, можно под обвал угодить... Да и нападения бывают часто.

— Кто же нападает? — спросил я.

Рам Хода виновато усмехнулся в свою густую, всю в чёрных завитках, словно с ассирийских барельефов, бороду:

— Да хотя бы и я... если бы пришлось. Разве это работа для лура — долбить скалы!

— Хорошая работа, — вмешался в разговор Қасым. — В горах, если дорога будет, — жизнь будет. Вот у нас, в Сируфе, если бы была дорога...

Но Рам Хода пренебрежительно оборвал его, считая ниже своего достоинства выслушивать поучения чужака.

За ужином на голой земле перед палаткой шла мирная беседа. Но, как только речь заходила об эпидемии, Рам Хода начинал злорадствовать:

— Вот, отвели лурской земли. Разрыли старые кладбища, выпустили болезнь наружу. Здесь со времён греков никто у реки не живёт. Даже племя Папи, и то ушло в горы.

— О каких это греках ты говоришь? — поинтересовался я.

Рам Хода полез в карманы своих широченных штанов и извлёк оттуда кожаный кисетик. С трудом распутав узелок, он высыпал мне на ладонь несколько полновесных рельефных монет хорошего серебра.

— Вот греческие монеты,— сказал он.— На днях копали котлован и нашли в кувшинчике. Возьми себе на память.

На монетах III века нашей эры было вычеканено изображение римского императора Валериана, попавшего, как известно, со всем своим войском в персидский плен. Известно, что одна из сопровождавших его греческих дружин так и не вернулась на родину. Похитив себе у луров жён, греки образовали здесь новое племя Папи.

Заинтересовавшись этим племенем, я наутро раздобыл коня и вскоре уже ехал по дубовым лесам высокогорья, направляясь к их поселениям. Машину я оставил на попечение Касыма. Старик, провожая меня, отчески наставлял:

— Будь осторожен, там много медведей в лесу. А то и люди встретятся, что хуже медведей...

Вернулся я дня через три. Выйдя мне навстречу, Рам Хода сообщил:

— Старик твой уже заболел. Все пришлые заболевают. Но ему повезло. Он встретил земляка-шофёра, и тот повёз его прямо в больницу в Буруджирд.

Июльский полдень в Буруджирде. Жара загнала всё население города в подвалы. Город спит. Я иду на окраину по пустым кривым улочкам. Ни один дом не смотрит фасадом на улицу, все окна обращены во внутренние дворики. Полоска тени от глинобитных стен узка, и приходится прижиматься к ним почти вплотную, клоня голову набок.

Вот и здание больницы. Низкое кирпичное строение, спрятанное в глубине чахлого запущенного сада. Недвижен строй пыльных тополей, ведущий от ворот к палатам. Мёртво желтеют травы среди редких засохших кустов.

На низких носилках, небрежно сдвинутых к краю тополевой аллеи, лежит старый Касым. На морщинистом лице и седой, давно не крашенной бороде пятно тени, но брезент носилок и лохмотья Касыма обжигают руки. Мухи прячутся от солнца в глубоких впадинах старческих глаз, копошатся в гное, выступающем из-под опущенных век. Касым так слаб, что не только рукой, но и движениями век не может их отогнать.

— Что, Касым? Почему же тебя не занесли в палату? — спрашиваю я, склонившись над ним.

Касым словно не слышит. Наконец, с трудом раскрыв веки и тщетно пытаюсь опереться на локоть, он тихо отвечает:

— Они говорят, не стоит, всё равно умру... не стоит записывать в книгу.

— Касым,— говорю я ему твёрдо,— ты можешь поправиться. Я с доктором говорил, с хорошим доктором. Есть новое лекарство, сразу тебе поможет.

Касым долго смотрит на меня, и его мутные глаза светлеют. Вдруг он приподнимает голову.

— Я ещё могу жить, у меня ещё будут силы. Я ещё молодым покажу, как работать!

Но это напряжение оказалось ему не по силам. Голова снова упала на твёрдую грязную подушку, глаза закрылись. Мухи тотчас же облепили их.

В прохладном подвале больницы я разыскал врача. Он сидел за низким столом и тупо смотрел перед собой. Обмакивая большие листья салата в подкисленную уксусом воду, он запихивал их себе в рот и ослабленно жевал. Над столом висело опахало из соломенной плетёнки. Сидящий на корточках в углу санитар тихо что-то напевал и, потягивая в такт песне за шнурок, раскачивал опахало.

При виде меня распаренное сонное лицо врача изобразило улыбку. Пододвинув ко мне миску с подкисленной водой и поднос с салатными листьями, он вяло рекомендует:

— Лучшее средство для утоления жажды. Вода в такую жару не по-могает.

— Почему вы не лечите Касыма? Нельзя держать больного на солнцепёке,— говорю я врачу, минуя все вступительные церемонии.

— Касыма? — спрашивает заспанным голосом врач.— Ах, это тот старик, которого утром привезли со стройки. Я думаю, что это уже дело бога, а не медицины. Да, дело бога,— повторяет он.

Но я не отступаю, и наконец врач обещает распорядиться перенести больного в палату, назначить лечение. Я смотрю на него недоверчиво.

— Честное слово! Пароль д'оннер! — повторяет врач, обучавшийся, оказывается, в Швейцарии. После этого мне остаётся лишь уйти. По пути я подбадриваю Касыма:

— Сейчас тебя начнут лечить.

Касым тяжело дышит, но лицо его озаряется беспомощной старческой улыбкой:

— Бог да возблагодарит тебя!

К вечеру жара спала и поднялся сухой пыльный ветер. Редкие тучки стремительно проносятся стороной, не обещая дождя.

Я снова в больничном дворе. Носилок нет, и, обрадованный исполнением врача, я иду в палаты. Навстречу мне показывается сиделка и говорит, что врач уже ушёл домой.

— Где Касым? — спрашиваю я.

— Касым? — хлопает она глазами. — Ах, тот старик, которого утром привезли со стройки? Только что похоронили.

— Бедный Касым! Значит, всё-таки умер! — Я смотрю на сиделку, она отводит глаза. — Неужели умер?

— Умер... не совсем то слово, — мнётся сиделка. — Но... во всяком случае до утра бы он не протянул. А тут как раз хоронили несколько человек... — И скороговоркой добавляет: — Вы ведь знаете, по нашему закону надо хоронить до заката солнца. Вон кладбище! — показала она рукой за ворота.

— Значит, его даже не вносили в палату? Не дали никакого лекарства?

— Нет. Вы же знаете наши правила. Лечение назначается только тем, кто зарегистрирован в больничной книге. А врач терпеть не может вписывать умирающих. Вы поймите, ведь это неприятно... Повышается процент смертности в больнице. Ну, а ваш Касым... — она равнодушно махнула рукой, — он и так всё равно, что умер...

Она не окончила школу

Пятнадцатилетняя Фирюза спешила домой, весело поглядывая, как дворники гонят с улиц остатки дневной жары, расплескивая лопатами воду из канав. Эта вода, пройдя долгий путь через сады богачей и пыльные дворики бедноты, стала жёлтой и вместе с прохладой распространяла по улицам запах гнили. От низких кирпичных фасадов и массивных глиняных стен, вдоль которых шла девушка, дышало жаром, и она с удовольствием вглядывалась в зелёные кроны деревьев, там и сям освежавшие скучное и пыльное обрамление улиц.

Ничто не омрачало её в этот вечер: ни старое платье, из которого она сильно выросла, ни трясущиеся ладони нищих, тянувшиеся к ней, ни даже страх перед предстоящими экзаменами. По правде сказать, не

очень она их и боялась. Её тревожила лишь лёгкая, обычная досада. Опять она опаздывала на целый час! Аскер, её девятилетний брат, уже давно, наверно, вышел ей навстречу, дошёл до перекрёстка и растерянно смотрит на опустевшее здание школы.

Сейчас она увидит его. Он узнает её издали, подбежит к ней и, повиснув на руке, заставит сделать крюк, чтобы пройти мимо отцовской цирюльни. Их отец Сальман, бедный цирюльник на при базарной улице, приходит домой лишь поздно ночью. Правда, в последнее время из-за военного положения, объявленного невоюющим правительством, ему приходится закрывать цирюльню раньше обычного, и заработки его стали из рук вон плохи.

Фирюза знает, что отец весьма гордится своим ремеслом. И ещё он гордится тем, что приходится тёзкой знаменитому брадобрею самого Магомеда. Но он неудачлив в делах. Вот скопил денег на второе кресло и зеркало, расширил за собственный счёт нишу между двумя лавками, арендованную им, а второе кресло пустует. О самом-то Сальмане говорят, что его бритва касается щеки, словно дыхание райской девы, приносимое лёгким ветерком, но никто не хочет садиться в кресло его помощника, неопрятного и сильно сопящего парня.

В отличие от большинства иранцев, считающих рождение девочки несчастьем для семьи, Сальман гордится своей Фирюзой и ничего не жалеет для её образования. Правда, он не очень-то доволен, что по новым правилам его дочь должна выходить на улицу без чадры и каждый мужчина может бросить нескромный взгляд на её фигуру и лицо. А когда до него доходили слухи о похищениях красивых девушек, он с тревогой восклицал: «Вот видишь, что значит ходить без чадры!»

Но Фирюзу этонисколько не смущало. Она любила играть на школьной площадке в волейбол и собиралась заниматься лёгкой атлетикой. А чадра что-то не располагает к спортивным занятиям.

Вот с матерью Фирюзе труднее ладить. Вечно она ворчит и упрекает, вечно занята домашней работой, а к женской эмансипации относится неодобрительно. От этого хождения без чадры она и вовсе не ждёт добра. Все свои надежды она возлагает на сына Аскера, его она даже и приласкает иногда. А с дочерью сурова, да и говорить им друг с другом почти не о чем.

Может быть, поэтому Фирюза так сильно привязалась к своему другу, молодому студенту-медику Мехди.

С Мехди они встречаются уже полгода. Взявшись за руки, они по долгу бродят по окраинным улицам и говорят, говорят... Им много есть о чём сказать друг другу. Обоих волнует и собственное будущее и будущее Ирана.

У Мехди длинный нос и слишком худая шея, но Фирюзе они кажутся даже красивыми при блеске его восторженных выпуклых глаз.

Сегодня Мехди сказал ей: «Нам теперь нужно только одно — правительство непродажных людей. Неужели наша молодёжь со временем этого не добьётся? Ведь добились же этого у себя русские!»

А как удачно она ему ответила: «Иранец, рук не опускай, взгляни, мой брат, туда, где благородный твой сосед свободен навсегда». Как раз вчера читала она стихи тегеранской поэтессы Жале Солтани, и эти строчки ей запомнились.

Только он какой-то нерешительный, Мехди. Говорит о свободе, но как её добиваться — не знает. Он очень любит разговаривать с Фирюзой и, видно, гордится ею. Он говорит, что нашёл в ней неожиданную опору, что она — подрастающая образованная девушка — явление совершенно новое для Ирана. Но какой смешной Мехди с его вечной грустью. Ну что ж! У неё хватит веселья и смешливости на двоих.

У обоих нет денег на развлечения. Поэтому они избегают широких центральных улиц с кофейнями и кино, возле которых фланируют американизированные молодые хлыщи, и предпочитают прогулки по отдалённым тенистым улочкам.

О развлечениях им нечего и мечтать до окончания своих школ. Но это уже совсем скоро. В будущем году в эту самую пору Фирюза получит аттестат зрелости, а Мехди — диплом врача.

Окончить школу! Вот её главная мечта. Каждый вечер после прогулки с Мехди Фирюза, не обращая внимания на неодобрительные взгляды матери, садится за книги. Сначала она решает алгебраические и геометрические задачи, чтобы поскорее от них отделаться; потом наскоро пробегает глазами страницы по истории и географии, это ей даётся легко; а потом до поздней ночи она занимается теорией словесности.

— Гуд ивнинг! — приветствует Фирюзу нарядно одетая девица. Это её школьная подруга. Фирюза кивает в ответ.

«Вот она ничего не читает, кроме американских детективов. Кончим мы вместе школу, а потом она и здороваться со мной не будет, такая расфранчённая всегда. Ведь она очень богата. — Задумчиво поглядев вслед подруге, Фирюза снова светлеет. — Как хорошо, что среди нас есть настоящие люди, такие, как Мехди!».

Сегодня Мехди рассказывал ей про женщину, которая лежит у них в клинике. Её не могут спасти, она умирает от мальтийской лихорадки. Чтобы лучше понять Мехди, Фирюза всё старалась и себя вообразить умирающей. Она закрыла глаза, и Мехди пришлось взять её за руку, оберегая от деревьев на узенькой улице Парис. Но не удавалось её слишком молодому, слишком здоровому существу проникнуться мрачным ощущением смерти. Как ей было неудобно перед Мехди, когда сквозь опущенные ресницы и сжатые губы совсем не кстати брызнула улыбка. «Надо завтра как-нибудь исправить эту бестактность», — подумала Фирюза и ускорила шаг.

Она шла энергичной, упругой походкой. Слишком короткое платье туго обтягивало её крепкую, хорошо развитую фигуру. Приостановившись на миг, она одёрнула непослушный подол. Тонкое платье ещё туже натянулось на груди, и девушке стало неловко. Но ощущение здоровья было сильнее всего, и она неудержимо улыбалась своими влажно-блестящими глазами, припухлыми губами, всем смуглым и ясным лицом. Улыбка была такой лёгкой и подвижной, что, казалось, вот-вот она сорвётся, спорхнёт с её лица, заживёт собственной жизнью. Казалось, это её улыбка отражалась и вспыхивала на лицах встречаемых, невольно любовавшихся девушкой.

Погружённая в размышления, девушка не замечала, как уже дважды её обгонял и притормаживал большой чёрный лимузин с занавешенными окнами. Она смотрела вперёд — там, на перекрёстке, она уже заметила Аскера. Вот и он увидел её и побежал навстречу. Сейчас он повиснет у неё на руке, и до самого дома не умолкнет его забавная болтовня.

Внезапно распахнувшаяся дверца машины заслонила от Фирюзы бегущую фигуру. Из лимузина, как клешня из панцыря рака-отшельника, к её груди протянулась рука с узловатыми пальцами. Не успев отпрянуть, девушка прямо перед собой увидела огромное, пепельно-серое, рыхлое лицо, всё испещрённое глубокими рубцами и бороздами. Два рачьих глазка, как выпуклые бисеринки, затерявшиеся на плоском диске лица, смотрели на неё требовательно и нетерпеливо.

Фирюза метнулась было прочь от дверцы, но сзади её приподняли чьи-то крепкие руки, и после короткой борьбы она очутилась в машине.

— Школьница! Пальчики в чернилах, — раздался умильный голос сзади.

Пепельно-серое лицо с широким расплюснутым носом надвинулось на Фирюзу вплотную, обдавая тяжёлым запахом изо рта. Собрав все силы, девушка рванулась к окну и отдёрнула занавеску. Машина всё ещё стояла у тротуара: у шофёра что-то не ладилось со стартером. Возле машины Фирюза мельком увидела Аскера, он смешно подскакивал на обеих ногах сразу, стараясь заглянуть внутрь. В такт прыжкам он тряс кулачками, высоко поднятыми над побагровевшей от рыданий головой. От перекрёстка, неистово свистя, уже бежал полицейский.

Поравнявшись с машиной, полицейский схватился за ручку дверцы и приказал шофёру не двигаться. Тогда отогнулся уголок уже задёрнутой изнутри занавески и открыл полицейскому рачий глаз над широкой зарубцованной скулой. Полицейский тотчас взял под козырёк, одновременно левой рукой ударив Аскера по затылку с такой силой, что тот покатился под колёса. Пинком ноги полицейский успел отбросить мальчика на тротуар. Машина тронулась и, набирая скорость, понеслась к загородному шоссе, ведущему в Шемран¹.

Однажды, направляясь в сад шемранского отеля «Дербенд» на званный чай, я столкнулся у входа с молодым врачом Мехди Эльми. Мы с ним уже встречались не раз. Он очень располагал к себе, но знакомство наше ограничивалось рукопожатиями и обычными любезными фразами. В толпе гостей я всегда отличал его тонкое бледное лицо. Его большой нос и худая жилистая шея переставали казаться некрасивыми, стоило ему взглянуть на собеседника своими ясными, восторженными глазами.

Мне говорили, что Мехди Эльми не так давно кончил университет, но уже отличился своими смелыми операциями. Правда, досужие языки болтали, будто не столько успех операций, сколько успех у одной богатой вдовушки открыл врачу доступ в общество.

Когда мы пожимали друг другу руки, от невысокой ограды отделился человек, сутулый, с седой, плохо подкрашенной щетиной на давно не бритых щеках. Из-под длинной желтоватой ливреи с золочёными пуговицами выглядывали грязные исподние штаны, смявшиеся в гармонь и подхваченные снизу резинками для носков. Он, несомненно, поджидал врача. Очевидно, швейцар отеля был с ним дружен и предупредил о приезде Эльми. Просительно протягивая к нам руки с ладонями, рыжыми от хны, человек стал умолять доктора, а заодно и меня, пойти с ним.

— Одну жену имею. Очень больна. Посмотрите её, доктор, прошу вас.

Врач боялся опоздать на чай: незначительность его общественного положения ещё не позволяла ему этого. Но старик так упрашивал, что пришлось уступить. Мы пошли. Старик вприпрыжку бежал впереди, на бегу непрестанно оглядываясь, и всё приговаривал:

— Хорошая была женщина! Совсем ещё молодая, семнадцать лет!

Врач спросил, чем больна его жена.

— Простуда у неё, доктор, сыпь появилась, глаза гноятся. От простуды это. Я садовником работаю у моего господина. Мы много сад поливаем, очень сыро, вот она и простудилась. — И затем добавил, понизив голос: — Хозяин хотел отправить её в одну из своих деревень. Он часто так делает с девушками, но я уговорил его, и он оставил её мне. А то могли бы ещё убить по дороге и бросить в старый колодец. Так ведь тоже бывает. А она такая красивая была, мне жалко стало, я и уговорил хозяина.

Наконец мы вошли в огромный тенистый сад и, обойдя издали господский дом, перед верандой которого стоял большой чёрный лиму-

¹ Шемран — дачный пригород Тегерана у подножия Эльбурса, где расположено много вилл богачей.

зин, мимо бассейна и оранжереи проследовали к низкой дворовой пристройке, где ютились слуги и садовники.

Попав со света в полутёмную комнату, грязную и голую, мы не сразу различили, где больная. Она сидела у низкого подоконника на цыновке, посланной на полу. Поникшие плечи под белым покрывалом, руки, повисшие плетьюми, и свесившаяся набок голова, даже не шевельнувшаяся, когда мы вошли, без слов говорили о безысходном отчаянии.

— Хорошая была женщина, только семнадцать лет... — лопотал садовник, забегая вперёд и сбрасывая с женщины покрывало.

На голом предплечье ясно обозначились цепочки синеватых бугорков с розовой оторочкой. Розовая сыпь пятнами покрывала лицо. Вторая стадия люэса была выражена вполне типично. Кроме того, женщина не могла открыть глаз; они гноились, и длинные ресницы слиплись.

Я взглянул на Мехди. Он сначала застыл на месте, потом протянул вперёд обе руки и кинулся к больной. Но быстро овладев собой, он деловито, не касаясь её, осмотрел сыпь на лице и язвочки, затем долго вглядывался в слипшиеся веки. При этом он не проронил ни слова.

Я вышел во двор. Словно сквозь пелену, видел я, как садовники черпают лейками воду из бассейна, как поливают яркие цветочные клумбы, как шофёр протирает замшей крыло лимузина, как в дальнем углу сада поварёнок ловит удирающих кур. Я слышал однообразные выкрики дервиша, вцепившегося в калитку возле ворот, но слова его плохо доходили до моего сознания.

Мехди Эльми почти пробежал мимо меня к воротам. За ним спешил садовник, всё добиваясь ответа, во сколько же обойдётся лечение. Врач не отвечал. Тогда садовник подбежал ко мне. Я сказал, что, наверно, это будет стоить туманов девяносто.

— Девяносто туманов! — возмущённо воскликнул садовник. — А если её не лечить, она умрёт? — спросил он помолчав.

— Умрёт, обязательно умрёт, — отвечал я, стараясь подчеркнуть серьёзность положения.

— Тогда лечить не буду, — облегчённо вздохнул садовник. — За тридцать туманов я возьму себе новую жену, дочь нашего бакалейщика. Тоже хорошая девушка.

Он проводил меня к воротам. Тут только я разобрал выкрики дервиша.

— Эй вы, слуги трупа! Целуйте руку, которую не можете укусить!

Мехди Эльми стоял у ворот и плакал, как ребёнок.

— Будете вы её лечить? — спросил я, стараясь сделать вид, что ничего не замечаю.

— Не знаю... я ещё не решил... это очень трудный вопрос... для меня трудный... — пробормотал врач. Вдруг он поспешно взглянул на часы и с досадой махнул рукой. — Пойдёмте туда, — показал он на видневшийся вдали холмик, заросший бурьяном и беспорядочно заставленный какими-то столбиками, накренившимися каменными плитами, миниатюрными беседками. — Это кладбище дервишей и поэтов. Только дервиши могут у нас говорить и делать, что хотят.

— Эй вы, слуги трупа! — снова услышал я за собой и, оглянувшись, увидел, как спешащий по аллее нарядный лакей показывает дервишу мелкую кредитку.

— Целуйте руку, кото...

Дервиш оборвал свой выкрик на полуслове.

ПУБЛИЦИСТИКА

С. СУТОЦКИЙ

★

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ГОДА

(Внутреннее обозрение)

Непреходящее величие дел, творимых советским народом, наполняет особо значительным содержанием каждый прожитый нами месяц, каждый прожитый нами год. Наш календарь отражает замечательную особенность советской жизни, проявляющуюся «в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция...»¹. Под руководством Коммунистической партии мы в советский период явили миру свою способность за десятилетие достигать таких результатов технико-экономического развития, к которым капиталистические страны добивались в течение пятидесяти лет, а то и целого века.

И, вместе с тем, есть в советском календаре годы, которые мы выделяем в ряду других. Эти годы — особые, большие. Обобщая накопленный опыт, аккумулируя энергию предшествующих лет, они кладут начало решению новых задач коммунистического строительства.

Таким большим советским годом мы по праву назовём и нынешний, 1954 год.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил величественные перспективы развития нашей Родины от социализма к коммунизму, пути строительства коммунизма в СССР.

Исходя из решений XIX съезда КПСС, Центральный Комитет партии разработал программу крутого подъёма сельского хозяйства, ускоренного развития лёгкой и пищевой промышленности в целях создания в стране достатка, а затем обилия товаров народного потребления. Эта программа нашла своё конкретное выражение в речи главы Советского правительства Г. М. Маленкова на пятой сессии Верховного Совета СССР, в решениях сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС.

Нет нужды доказывать: забота о народном благе всегда была предметом особого внимания партии и правительства. Но теперь эта забота, как никогда раньше, подкреплена реальными технико-экономическими возможностями, созданными в результате успехов, достигнутых в развитии тяжёлой промышленности.

Особое место 1954 года в ряду других советских лет определяется грандиозными планами дальнейшего развития сельского хозяйства, к выполнению которых приступила наша страна. Особое место его определяется и бурными темпами развития лёгкой и пищевой промышленности — темпами, каких мы никогда раньше не знали.

1954 год Советская страна встречала по-особому торжественно. На новогодний приём, устроенный Советом Министров Союза ССР и Центральным Комитетом Коммунистической партии, в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца собрались представители советского народа. Вместе с руководителями партии и правительства заздравные бокалы в честь Нового года подняли в Кремле знатные люди московских предприятий и работники сельского хозяйства, виднейшие военные

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 135.

деятели, прославленные мастера культуры. А с ними вместе подняли свои бокалы все советские люди во всех уголках нашей земли: во Львове и Владивостоке, за Кавказским хребтом и на берегах Балтики, в кубанских станицах и сёлах Орловщины, в Туркмении, Молдавии, Белоруссии...

Город Ленина и Ереван, Ташкент и Петрозаводск, Сталинград, Одесса, Севастополь — все города и сёла нашей Родины слушали принесённый волнами радио из Кремля новогодний тост Председателя Президиума Верховного Совета СССР Климента Ефремовича Ворошилова. Он говорил о самом дорогом и самом близком сердцу каждого из нас. О Коммунистической партии, сильной любовью и доверием трудящихся. О партии, несущей высоко победоносное знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. О партии, объединяющей и направляющей все усилия и энергию народа на построение коммунистического общества.

От имени партии и правительства Климент Ефремович пожелал советским людям достижения новых побед в наступившем новомодии:

— Пусть этот год будет годом ещё больших трудовых достижений, роста сил и могущества нашей Родины, дальнейшего укрепления её обороноспособности! Годом приумножения материальных и культурных благ для всех советских людей!

Весь советский народ единодушно рукоплескал этим словам, выражая свою непоколебимую готовность в новом году сделать для родной отчизны ещё больше, работать ещё лучше.

И от имени советского народа собравшиеся в Московском Кремле бурными аплодисментами подхватили здравицы, провозглашённые за главным столом всенародного праздничного застолья Председателем Совета Министров СССР Георгием Максимилиановичем Маленковым:

- в честь великого советского народа!
- в честь мудрой Коммунистической партии!
- в честь рабочего класса и колхозного крестьянства, за их нерушимый союз!
- в честь доблестных советских вооружённых сил!
- в честь мирной политики Советского государства!
- в честь деятелей науки, искусства и литературы!

Далеко за рубежи нашей Родины неслись из Кремля здравицы в честь дружественного великого китайского народа, в честь трудящихся стран народной демократии...

Большой Новый год встречали все советские люди — от мала до велика.

Участники правительственного новогоднего приёма покинули Кремль, а вскоре к Спасским воротам снова потянулся народ. Но теперь, радушно приветствуя новых гостей, часовые, прикладывая руку к козырьку фуражки, должны были смотреть всё время чуть-чуть вниз. В Кремль пришли дети.

Пожалуй, ни разу ещё за все восемь веков своей истории Кремль не знал подобных приёмов. Тысячечные люстры Георгиевского зала померкли в сиянии огней гигантской новогодней ёлки. Задорным ребячьим смехом наполнились комнатки Теремного дворца. Песни звучали в Грановитой палате. Кружились хороводы во Владимирском зале...

Дети покидали Кремль, полные незабываемых впечатлений, радостные, торжествующие. А на смену им уже спешила молодёжь: студенты, молодые передовики производства, слушатели военных учебных заведений.

В кремлёвских залах снова гремели оркестры. Снова — радостный смех, весёлые песни, танцы. Бал-маскарад в полном блеске, в полном разгаре!

Но как ни манит веселье бала, юноши и девушки по несколько раз подходят к огромной, во всю стену, картине бригады художника Б. Иогансона. Они плотно обступают её и, кажется порой, встают плечом к плечу с героями картины — комсомольцами первого призыва, участниками исторического третьего съезда РКСМ. Вместе с ними они жадно вглядываются в бесконечно дорогие черты родного Ильича, стараясь как можно крепче запечатлеть в своём сознании слова — завет великого Ленина:

«Вы должны построить коммунистическое общество... Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь,

проявляет свою инициативу, свой почин... Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»¹.

Весело, радостно встретила Советская страна новый, 1954 год.

Казалось: нет высоких кремлёвских стен, нет разделяющих города и сёла нашей страны многоводных рек, непроходимых лесных массивов и цепей заснеженных гор; в лучах звёзд Московского Кремля горит праздничным убранством один стол; за столом — одна семья, большая, двухсотмиллионная!

Да, так уж повелось у нас: мысли всего советского народа — всегда в Московском Кремле, а мысли тех, кто в Кремле, — всегда о советском народе. Нерасторжимо монолитное единство партии, правительства и советского народа. В этом единстве — неиссякаемый источник нашей непобедимости и нашей победоносной силы. Под знаменем этого единства вступил в свои права большой 1954 год...

В январских номерах газет был опубликован деловой рапорт о трудовых победах, добытых советским народом в минувшем году. Это было Сообщение Центрального Статистического Управления об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР за 1953 год.

...Есть цифры, которые неизменно привлекают к себе самое пристальное внимание широких народных масс. Говоря о наших планах на будущее или о ходе выполнения этих планов, раскрывая перспективу или подводя итог, цифры эти волнуют сознание советского человека, глубоко западают ему в память, будят его мысль, мобилизуют его энергию. За этими цифрами встаёт великий труд народа, труд каждого из нас. Они звучат гимном советской системе, которая позволяет нам не в сказке, а в живой, реальной жизни двигаться вперёд семимильными шагами.

Так было и теперь. Итоги минувшего года вызвали в народе новый прилив радости и гордости: за себя, за партию, за страну. Цифры неопровержимо показали вновь, как мы сильны: наперекор проiscaм внешних и внутренних врагов социализма могущество нашей Родины растёт и крепнет. Богаче, краше становится наша социалистическая отчизна, растёт материальное благосостояние, повышается культурный уровень жизни советских людей.

На 101 процент выполнен годовой план производства валовой продукции по промышленности в целом. Валовая продукция всей промышленности СССР в 1953 году возросла на 12 процентов по сравнению с предшествующим годом. А если с уровнем четвёртой пятилетки сравнить, этот рост ещё более: он достигает 45 процентов!

В сельском хозяйстве, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, сложившиеся в ряде районов страны, фактический сбор зерновых культур в 1953 году был близок к фактическому сбору 1952 года, а по некоторым культурам превзошёл его.

Немногим более полугодом прошло с тех пор, как мы слушали речь Г. М. Маленкова на пятой сессии Верховного Совета СССР. Глава правительства говорил о том, что успехи, достигнутые в развитии тяжёлой индустрии, позволяют теперь организовать крутой подъём производства предметов народного потребления, значительно повысить материальное благосостояние советского народа. Пятым пятилетним планом предусмотрено в 1955 году увеличить производство предметов потребления примерно на 65 процентов по сравнению с 1950 годом. Но мы можем, сказал Г. М. Маленков, развернуть производство предметов народного потребления в таких масштабах, чтобы это задание пятилетнего плана выполнить значительно раньше.

1953 год, особенно второе полугодие его, ознаменован такими темпами развития отраслей промышленности, производящих предметы потребления, которые не только превзошли темпы предшествовавшего года, но и превысили задания, первоначально намеченные планом на 1953 год.

Растёт выпуск товаров народного потребления. В магазинах появляется больше продуктов питания, больше одежды, обуви...

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 265, 273.

Впрочем, прервём на секунду нашу беседу о Сообщении ЦСУ и предоставим слово господину Пьеру Сикару, французскому коммерсанту, владельцу лавки, расположенной на «бойком месте», в одном из кварталов знаменитого парижского Монпарнасса. Пьер Сикар в канун Нового года напечатал в «Правде» небольшую статью под весьма выразительным названием: «Почему мои клиенты перестали покупать?»

Вот что писал в этой статье господин Пьер Сикар:

«Мои постоянные клиенты — это домашние хозяйки из семей рабочих, кустарей, чиновников. Нередко заходят за покупками пенсионеры.

Нельзя сказать, что в моей лавке недостаточно продуктов, но они раскупаются всё хуже и хуже. Каждый день поставщики предлагают мне продукты и удивляются, что мои заказы сокращаются. Почему же это происходит?..

Когда я смотрю на своих покупателей, мне становится понятным, почему замирает торговля в таких лавчонках, как моя.

До войны французские рабочие жили неважно, но всё же значительно лучше, чем сейчас. 1953 год не принёс им материальных благ. Наоборот, выросли цены, налоги, поборы. Непосильные военные расходы, которые несёт Франция, увеличили нужду и нищету...»

В Советской стране с ростом могущества социалистической экономики повышается благосостояние трудящихся в городе и деревне. Подлинно народный советский общественный строй, подлинно народная советская экономика обеспечивают и повышение уровня производства товаров для трудящихся и рост реальной покупательной способности широких народных масс.

Что говорят на этот счёт данные ЦСУ?

Национальный доход СССР в 1953 году вырос на 8 процентов по сравнению с предыдущим годом. Прямая выгода, получаемая всем населением от систематического снижения розничных цен, в 1953 году достигла колоссальной цифры — свыше 50 миллиардов рублей! Общая сумма доходов рабочих, служащих и крестьян увеличилась за год на 13 процентов.

Новый год уже принёс советским людям новый рост реальных доходов, новое повышение их благосостояния. Седьмое за послевоенный период снижение государственных розничных цен, осуществлённое с 1 апреля, — это не менее 20 миллиардов рублей новой выгоды советскому народу. Это более вкусный, более питательный стол в семье за те же деньги. Это лишняя куртка или лишняя пара обуви на ту же заработную плату. Это десятки новых книг в домашней библиотеке или подписка на «толстый» литературно-художественный журнал на тот же заработок семьи.

Знают ли об этом клиенты господина Пьера Сикара — трудящиеся Франции, вынужденные всё реже заходить в магазины и покупать всё меньше товаров? Знают ли они, что в нашей стране в 1953 году население купило в магазинах государственных и кооперативных торговых организаций товаров на 21 процент больше, чем в 1952 году, в том числе во втором полугодии — на 26 процентов больше, чем за тот же период 1952 года? Известно ли им, что в минувшем году в нашей стране продолжалось расширение торговой сети, что было открыто около шести тысяч новых магазинов?

Можно себе представить, как всё больше завидуют нам, советским людям, трудящиеся капиталистических стран, где год от году растёт безработица, повышаются цены на товары первой необходимости, взвинчиваются налоги. Каждую сводку об итогах нашего труда они расценивают как новое проявление великих преимуществ той жизни, о которой они пока могут только мечтать.

Советский народ с огромным воодушевлением встретил опубликованный в январских газетах прекрасный документ — Сообщение ЦСУ об итогах минувшего года. Мы далеко вперёд шагнули в сравнении с предшествовавшим годом, намного превзойдён уровень довоенных лет.

С особенно возросшими требованиями подошли советские люди к оценке трудового рапорта предшественника нынешнего года. Эти повышенные требования соответствовали тем важным принципиальным сдвигам в поступательном развитии нашей жизни, нашей экономики, свидетелями которых мы теперь являемся.

Сдвиги эти обусловлены тем, что экономика нашей страны поднялась в своём развитии до такого уровня, при котором, как никогда раньше, стало возможным сравнивать имеющееся, достигнутое не с тем, что было, а с тем, что нужно для того, чтобы полностью удовлетворять постоянно растущие запросы советского человека—строителя коммунизма. И не только сравнивать, но практически добиваться невиданно резкого повышения выпуска товаров народного потребления. Это стало возможным потому, что в предшествующие годы Коммунистическая партия, следуя ленинским путём, под руководством Центрального Комитета во главе с И. В. Сталиным, великим продолжателем дела В. И. Ленина, всё внимание, все силы сосредоточила на развитии тяжёлой индустрии, являющейся основой основ социалистической экономики. Это стало возможным потому, что партия создала колхозный строй, имеющий решающие преимущества перед частнособственническим сельскохозяйственным производством, как мелко-товарным, так и крупным капиталистическим.

На этой основе партия организует ныне крутой подъём производства товаров народного потребления.

Крутой подъём... Во всей полноте всё огромное величие этой задачи раскрылось перед нами на сентябрьском Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Н. С. Хрущёв говорил на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС о том, что с победой социализма народное потребление в нашей стране неуклонно растёт; за последние 28 лет производство предметов народного потребления увеличилось примерно в 12 раз, в том числе значительно увеличилось снабжение населения продуктами питания.

Однако и в докладе Н. С. Хрущёва и в постановлении Пленума говорилось прежде всего и главным образом не о росте производства продуктов питания сравнительно с 1925 годом, а об отставании его от возросших потребностей советского народа, от возможностей, открытых нам великими достижениями в области индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Пленум сосредоточил главное внимание партии и народа на необходимости преодолеть это отставание в кратчайший срок. И показателем преодоления отставания партия определила теперь, впервые на практике, тот уровень потребления продуктов питания, который исходит из научно обоснованных норм питания. «Надо,—сказал в своём докладе на Пленуме товарищ Н. С. Хрущёв,—поставить перед собой задачу достичь такого уровня потребления продуктов питания, который исходит из научно обоснованных норм питания, требующихся для всестороннего, гармонического развития здорового человека. В связи с этим важнейшая задача состоит в том, чтобы улучшить структуру потребления за счёт увеличения производства главным образом продуктов животноводства и овощей».

Эти слова были произнесены не для того, чтобы определить какую-то дальнюю, ещё только в далёком будущем предстоящую нам перспективу развития. Нет, они формулировали задачу ближайших двух—трёх лет. Они определяли наши сегодняшние конкретные планы.

В свете этих больших задач советский народ и оценивал итоги 1953 года. Исходя из необходимости быстрее осуществления этих задач, он и приступил к работе в 1954 году.

В руководстве Коммунистической партии широчайшие народные массы видят главный, решающий залог победного осуществления всех своих надежд и чаяний.

Вместе с народом — таков основополагающий принцип деятельности Коммунистической партии. В повседневной теснейшей связи с широчайшими народными массами партия видит главный, решающий залог победного осуществления своих идей.

Советуясь с народом, Коммунистическая партия успешно решала все задачи политики и экономики на всех этапах истории советской эпохи.

Советуясь с народом, Коммунистическая партия начала и новый, 1954 год, приступила к разработке конкретных планов дальнейшего движения нашей страны к торжеству коммунизма.

Январь—февраль... Снова Кремль, зал заседаний Верховного Совета СССР. Люди, съехавшиеся в Москву со всех концов страны по приглашению ЦК КПСС и Советского

правительства, обсуждают насущнейшие вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства.

Закончили свою работу представители огромной армии механизаторов—работники МТС. Спустя несколько дней Большой Кремлёвский дворец заполнили работники совхозов. Потом здесь собрались передовики колхозных и совхозных полей крупнейшей республики Союза — Российской Федерации.

Широкий народный актив совместно с руководителями партии и правительства обсуждал важнейшие вопросы сельскохозяйственного производства, большие государственные проблемы, от правильного решения которых зависят перспективы дальнейшего развития нашей страны. По-государственному деловые, глубоко содержательные речи председателей колхозов и рядовых колхозников, руководителей совхозов и МТС, комбайнеров и трактористов, учёных и работников промышленности снова и снова демонстрировали, как бесконечно прав был великий Ленин, указывавший, что социалистическая революция дала прекрасный размах народным талантам, подняла в широчайших народных массах жажду строительства, жажду творчества.

Совещаниям был чужд дух какой бы то ни было парадности. Деловитость, серьёзность пронизывали каждое слово каждой произнесённой здесь речи. Это сообщало особый смысл работе совещаний, поднимало её на высокий уровень.

На трибуну поднимались люди, много и хорошо поработавшие в прошлые годы. Каждый из них мог представить совещанию внушительный рапорт об успехах, о достижениях. Но говорили они преимущественно не об этом.

Это были выступления настоящих советских хозяев, требовательных, непримиримых ко всему, что мешает общему движению вперёд. Даже те, кого ставили в пример другим, на кого призывали равняться отстающих, без тени самодовольства и рисовки говорили: «Достигнутое нами — не предел, у нас ещё есть резервы, в связи с требованиями народа и созданными народом возможностями мы сделали далеко ещё не всё».

Участники совещаний строго вскрывали свои недостатки и ошибки, подвергали суровой критике работу тех, кто призван руководить развитием сельского хозяйства, оказывать ему повседневную ощутимую помощь. И. А. Бенедиктову, министру сельского хозяйства СССР, А. И. Козлову, министру совхозов СССР, П. П. Лобанову, министру сельского хозяйства РСФСР, министрам союзных республик в дни совещаний пришлось выслушать немало прямых, острых критических замечаний в свой адрес, в адрес руководимых ими организаций. Их слух не ласкали ссылками на безусловно внушительные цифры итоговой сводки ЦСУ за 1953 год. Но если в ряде речей эти цифры и приводились, то комментарий к ним заставлял задумываться руководителей министерств: ораторы неопровержимо доказывали, что цифры эти могли бы быть более внушительными и они были бы таковыми, если бы этому не мешали серьёзные неполадки в работе министерств, ошибки, допущенные некоторыми руководителями.

С особым гневом участники совещаний говорили о том, что буйному цветению нивы мешают не только зловредные сорные травы, но и сорняк канцелярщины и бюрократизма, забивающий живое дело и живое руководство в некоторых министерствах. И думалось в эти минуты, что кое-кто из руководителей министерств и других организаций предал забвению мудрые ленинские предупреждения о том, какой вред приносит нашему делу волокита и бюрократизм, как беспощадно нужно одёргивать и наказывать больших и малых носителей этой скверны, способных любое хорошее начинание потопить в «поганом бюрократическом болоте».

К великому сожалению, не перевелись ещё в наших учреждениях бумагопоклонники, жестоко изруганные Владимиром Ильичём «чиновники» с пышным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумаги...»¹. А раз они столь живучи, эти бюрократы-крючкотворы, волокитчики и формалисты, значит и бороться с ними следует так, как учил Ленин: «деловито, по всем правилам военного искусства», «научиться притягивать и примерно сурово наказы-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 450.

вать как раз ответственных виновников этих «организационных дефектов», «пороть всурез»¹.

На совещаниях не было лакировки действительности, злоупотребления розовыми красками, столь милыми сердцу и «творческому методу» некоторых наших писателей, часто искажающих жизнь, демобилизующих людей, разоружающих их перед лицом серьёзных трудностей и недостатков, с которыми надо бороться решительно и беспощадно. Здесь не демонстрировали тех бутафорских яств, которыми бывали густо уставлены столы в некоторых наших кинофильмах, посвящённых деревне.

Наоборот, некоторые участники совещаний в Кремле высказывали своё справедливое недовольство по поводу работы тех писателей, которые пишут о деревне поверхностно, лакируют жизнь.

И вместе с тем слова о трудностях, о серьёзных, не преодолённых ещё препятствиях на пути к быстрому и прочному подъёму сельского хозяйства, раздававшиеся на совещаниях, вселяли в сердца желание ещё более активно, ещё энергичнее бороться за подъём всех отраслей сельскохозяйственного производства до уровня, при котором страна сможет в достатке удовлетворить всё возрастающие потребности народа. Рождалась твёрдая уверенность в том, что под руководством партии эта задача будет решена в самое ближайшее время.

Трудно переоценить огромное общегосударственное значение совещаний работников сельского хозяйства в Кремле, которыми начался 1954 год. На этих совещаниях с народом партия и правительство проверяли правильность намеченных планов мнениями, опытом народа, правила, конкретизировали их. Думается: немало намёток, которые министерства и Госплан считали отработанными, в результате совещаний были пересмотрены правительством; думается: немало предположений, живших в зародыше, получили на совещаниях поддержку народа, были обогащены его опытом и легли в основу многих пунктов программы действий по организации крутого подъёма сельского хозяйства.

О значении этих совещаний для претворения в жизнь решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС говорил Н. С. Хрущёв: «Прошедшие недавно в Кремле совещания работников машинно-тракторных станций, работников совхозов страны и передовиков сельского хозяйства Российской Федерации помогли обобщить передовой опыт борьбы за осуществление решений Пленума, вскрыть имеющиеся недостатки. Можно не сомневаться, что эти совещания будут способствовать дальнейшему развёртыванию массового соревнования среди колхозников, рабочих МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, а также рабочих промышленных предприятий за успешное выполнение решений партии и правительства по подъёму сельского хозяйства».

Но с наибольшей полнотой и наглядностью значение этих совещаний каждый из нас ощутил в те дни, когда было опубликовано постановление состоявшегося в феврале—марте очередного Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Вчитываясь в содержание этого замечательного документа, мы вспоминали многие речи, прозвучавшие с трибуны Большого Кремлёвского дворца, где месяцем раньше собирались работники МТС и совхозов, передовики сельского хозяйства РСФСР. Мы вновь увидели, как внимательна партия к слову народа, как высоко ценит она опыт и мнение рядовых тружеников. Многие начинания лучших колхозов и МТС, достижения новаторов сельскохозяйственного производства были высоко оценены в решении Пленума и стали основой ряда намеченных партией важнейших мероприятий, нормой для всего социалистического сельского хозяйства нашей страны.

Советоваться с народом во всём, вместе с народом обсуждать и решать все важнейшие вопросы строительства коммунистического общества — эти принципы деятельности нашей партии были положены в основу подготовки решений и последнего Пленума ЦК КПСС, каждый раздел, каждый параграф которых с новой силой подтверждает верность партии ленинскому завету: правильно выражать то, что народ создаёт.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 458, 457, 462.

Советский человек за минувшие тридцать шесть лет был свидетелем и участником многих великих работ, демонстрировавших широчайший революционный размах, присущий созидательной деятельности нашей партии и нашего народа. Мы знаем, что такое советские темпы, — великое свершение в кратчайший срок.

Принятая февральско-мартовским Пленумом ЦК КПСС боевая программа достижения мощного подъёма производительных сил социалистического сельского хозяйства явилась новым проявлением этого революционного созидательного размаха.

Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС заслушал и обсудил доклад товарища Н. С. Хрущёва о дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. В обсуждении доклада на Пленуме приняли участие работники местных партийных, советских, сельскохозяйственных и заготовительных органов, председатели колхозов и работники совхозов. Этот факт хочется подчеркнуть особо — он вновь говорит о привлечении партией актива советских тружеников к непосредственному обсуждению важнейших вопросов коммунистического строительства.

1954 год советская колхозная деревня встретила во многом уже по-новому, с новыми силами. Это новое принесли в деревню прежде всего люди, десятки тысяч людей, прибывших сюда после сентябрьского Пленума ЦК из промышленности и других отраслей народного хозяйства, из учреждений. Около 1 миллиона 250 тысяч трактористов, бригадиров тракторных бригад, машинистов сложных машин и других работников зачислено в штаты машинно-тракторных станций. В ответ на призыв партии в МТС возвратилось около 50 тысяч механизаторов. В настоящее время непосредственно в колхозах работает более 100 тысяч агрономов и зоотехников МТС. Пришла в деревню новая мощная техника. Немалые успехи достигнуты в практике организационного руководства сельским хозяйством на местах.

Но всё это — только начало; это — подготовка плацдарма для большого наступления.

Партия подвела теперь первые итоги реализации постановления сентябрьского Пленума, вскрыла ещё имеющиеся недостатки и ошибки и наметила пути и средства их быстрого устранения. Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС расширил фронт борьбы за мощный подъём всех отраслей сельского хозяйства, выдвинув на первый план задачу резкого увеличения производства зерна.

Зерно поставлено в центр внимания. Это объясняется особо важным значением зернового хозяйства для успешного решения выдвинутой партией и правительством всенародной задачи: обеспечить крутой подъём производства предметов народного потребления в стране.

Зерно — основа всего сельскохозяйственного производства. Невозможно в кратчайший срок разрешить проблему животноводства, не обеспечив скот в достаточной мере зернофуражными кормами. Невозможно расширить производство технических культур в районах хлопководства и льноводства, развитие овоще-картофельных и животноводческих баз вокруг городов и промышленных центров, не увеличив снабжения этих районов хлебом.

Нам нужно больше производить зерна, чтобы иметь достаточные семенные и страховые фонды, чтобы ежегодно увеличивать государственные резервы, развивать экспорт.

И всё это нужно обеспечить в нормах не сегодняшнего, а завтрашнего дня, глядя далеко вперёд.

Существовавший до настоящего времени уровень производства зерна не покрывает всех нужд народного хозяйства. Количество зерна, остающегося в колхозах после выполнения ими обязательств перед государством, не соответствует полностью потребностям общественного хозяйства, особенно нуждам колхозного животноводства.

Мы можем серьёзно улучшить дело с зерном. Партия указала крупный резерв увеличения производства зерна — наряду с повышением урожайности зерновых культур во всех районах страны развернуть широкий фронт работ по освоению целинных и залежных земель.

Сколько в нашей стране земель, ожидающих острого плуга и наполненной семенами селяки, чтобы вскоре вознаградить труд советского человека обильным урожаем зерна!

Определён короткий срок: 1954—1955 годы. Поставлена огромная задача: в Казахстане и Сибири, в Поволжье, на Урале и Северном Кавказе за счёт освоения залежных и целинных земель расширить посевы зерновых культур не менее чем на 13 миллионов гектаров и получить в 1955 году с этих площадей 1 100—1 200 миллионов пудов зерна, в том числе 800—900 миллионов пудов товарного зерна.

За два года поднять тринадцать миллионов гектаров целины и залежных земель! Мы нашей советской жизнью приучены к большим цифрам и поэтому, возможно, не в полной мере отдаём себе отчёт в том, что это значит. А ведь это поистине богатая норма!

С чем сравнить объём предстоящей работы, темпы осуществления её?

Нам известны площади посевов под пшеницу в капиталистических странах. Во Франции и Французском Марокко, например, эти площади составляют 5,46 миллиона гектаров, в Австралии — 4,22 миллиона, в Аргентине — 3 миллиона. Сумма этих данных даёт цифру: 12,68 миллиона гектаров — меньше, чем мы поднимем и засеём зерновыми за два года!

А сроки? В Казахстане за последние сорок лет (1913—1953 годы) посевные площади расширены на пять миллионов гектаров. Ближайшие два года должны дать по этой республике результат, превышающий итог сорокалетия: 6 300 тысяч гектаров!

Но тринадцать миллионов гектаров — это только начало, только первый шаг. Запасы неосвоенных целинных и залежных земель в нашей стране огромны. На февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС приводились, к примеру, такие цифры: по 14 областям Российской Федерации и 8 областям Казахстана площадь перелогов, залежных и целинных земель, суходольных сенокосов и пастбищ составляет до сорока миллионов гектаров.

Большая работа предстоит ещё впереди, большие у нас резервы!

У нас в народе целинные и залежные земли не зря называют кладовыми природы, кладовыми новых ресурсов зерна. Волей партии, энергией народа эти кладовые будут открыты, новый мощный поток драгоценного зерна хлынет в амбары нашей Родины. Верный залог этому — программа действий, изложенная в постановлении февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, вдохновляющая на борьбу, указывающая путь к достижению победы.

Работа февральско-мартовского Пленума являет собой образец исключительно глубокого проникновения во все области сельскохозяйственного производства, досконального анализа сильных и слабых сторон его, конкретности и чёткости выводов и предложений.

Большое внимание уделил Пленум вопросам сельскохозяйственной науки. Как всегда это присуще нашей партии и нашим людям, о науке и славных деятелях её на Пленуме говорили с уважением и признательностью. Но по-деловому критиковали тех учёных, которые оторвались от жизни, от практики, вместо пользы приносят делу вред и упорствуют в отстаивании своих ошибочных взглядов.

Речь шла о некоторых последователях большого учёного — В. Р. Вильямса. Он разработал травопольную систему земледелия, очень полезную при условии творческого подхода к её применению. Травопольная система хороша в ряде районов, а неразумные ученики Вильямса с благословения министерств сельского хозяйства и совхозов решили механически распространить её на всю страну. Пришлось Центральному Комитету партии решительно вмешаться в это дело и преподать кое-кому наглядный урок творческого отношения к науке. Партия спасла плоды трудов маститого учёного от компрометации, на которую неизбежно обрекали их сторонники огульного внедрения травопольной системы. Партия спасла от опасных последствий южные районы страны, где применение выводов Вильямса могло принести и уже приносило вред сельскому хозяйству.

Не поздоровилось на Пленуме горе-учёным, в корыстных целях примазавшимся к сельскохозяйственной науке, и их покровителям.

Один из них — бывший начальник Управления планирования сельского хозяйства Госплана СССР тов. Дмитриев. Напугал он на этой работе, навредил делу, а потом, отказавшись от назначения в одну из МТС, переключился в науку, устроился в док-

торантуре Академии наук и под покровительством академика Т. Д. Лысенко намеревался получить учёную степень доктора биологических наук.

Партия правильно решила, призвав больше внимания уделять научным учреждениям, оказывать помощь способным, талантливым научным работникам и посоветовав отчислять от науки тех, кто попал в число служителей её случайно и только вредит ей, позорит её.

Кадры решают. Всегда, во всяком деле кадры — это главное. Тем более важное значение имеет правильное решение вопроса о кадрах, когда нужно в кратчайший срок решить такую гигантскую задачу, как достижение крутого подъёма всех отраслей сельскохозяйственного производства.

Забота о кадрах, о подборе, воспитании и использовании их, как это видно из опубликованных материалов, пронизывала всю работу февральско-мартовского Пленума. Центральный Комитет глубоко изучил вопрос о кадрах — от председателей колхозов до руководящих работников союзных министерств. Меры по укреплению кадров, намеченные Пленумом, несомненно, окажут решающее влияние на упорядочение этого важнейшего участка работы по подъёму сельского хозяйства.

Есть ещё немало людей, окопавшихся в центральных аппаратах министерств и китайской стеной из различных циркуляров и инструкций отгородившихся от работы колхозов, совхозов и МТС, отставших от запросов жизни, не повышающих свою квалификацию, не интересующихся достижениями науки.

Эти люди, канцелярские мумии, вредят сельскохозяйственному производству, мешают его развитию.

Нужно внимательно следить за ростом новых людей, способных, талантливых, инициативных. Нужно поощрять деятелей науки, сочетающих свою работу с повседневной практикой сельского хозяйства. Нужно окружить особым уважением практиков сельскохозяйственного производства, своим опытом обогащающих науку.

А такие люди у нас есть, их много и становится всё больше. Изучая материалы февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, мы вспомнили об одном из них.

С этим человеком нас познакомила газета «Правда» в первые дни этого года. На первой полосе номера за 5 января была напечатана небольшая корреспонденция, начинавшаяся привычными в газетной информации, на первый взгляд несколько сухими строками:

«Недавно на заседании учёного совета экономического факультета Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева состоялась защита диссертации на тему «Организация машиноиспользования (опыт работы Рашковской МТС Молдавской ССР)».

Чем же примечателен этот, казалось бы обычный в наших условиях, факт? Что привлекло к нему газету и почему она считает необходимым сосредоточить на нём внимание читателей? Ответ на эти вопросы нам даст более близкое знакомство с диссертантом, Фёдором Ивановичем Яловенко.

Около девяти лет назад демобилизованный из армии командир артиллерийского дивизиона Фёдор Яловенко принял разрушенную войной Рашковскую МТС. Он много работал и упорно учился. Директор МТС одновременно был студентом-заочником сельскохозяйственного института. За эти годы станция выросла, вышла в ряд передовых социалистических предприятий Советской Молдавии. А Фёдор Иванович предстал теперь перед учёным советом прославленной Тимирязевки как автор диссертации об опыте руксводимой им МТС.

Крупные учёные считают его труд представляющим определённую ценность результатом научного обобщения производственной деятельности передовой МТС, причём научного обобщения, сделанного не «гостем», а непосредственным работником и руководителем станции. Учёный совет присвоил Ф. И. Яловенко учёную степень кандидата экономических наук.

Небольшая корреспонденция об одном человеке. Но как примечателен, как значителен сообщаемый в ней факт для характеристики новых явлений нашей жизни, важнейшим из которых является рост советских людей — активных, сознательных, в совершенстве знающих своё дело строителей коммунизма.

Решения февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС встретили живейший отклик в народе. Советские люди дружно, без «раскачки», принялись за их осуществление.

Первыми отозвались молодые советские патриоты — юноши и девушки нашей страны. На освоение целинных и залежных земель двинулись лучшие воспитанники Ленинского комсомола.

Перед молодыми советскими людьми открылась новая замечательная возможность в большом общегосударственном деле проявить свою инициативу, свой почин, вместе со всем народом участвовать в решении одной из насущнейших задач строительства коммунистического общества.

В райкомы, в комитеты комсомольских организаций на предприятиях и в учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева — всей страны пришли сотни и тысячи, десятки тысяч юношей и девушек. Они пришли, чтобы доказать своё право на получение комсомольских путёвок поднимать целину, работать в новых совхозах и МТС — создавать новые очаги материального изобилия для советских людей.

22 февраля Большой Кремлёвский дворец заполнили молодые москвичи, юноши и девушки из других областей и краёв, пожелавшие поехать на освоение целинных и залежных земель. Пришли сюда и руководители партии и правительства.

Далёкая дорога предстоит молодым патриотам — она не пугает их. Большие трудности нужно преодолеть — они не останавливают советскую молодёжь. Не впервые ей торить новые пути, преодолевать препятствия!

Товарищ Н. С. Хрущёв говорил, обращаясь к комсомольцам, едущим поднимать целину:

— Я убеждён, что со многими из вас мы встретимся на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, когда вы своим трудом и умением продемонстрируете серьёзные успехи в освоении целинных и залежных земель, в повышении урожайности. Мы уверены, что через год — два среди вас будет немало таких, которые получают ордена Советского Союза за высокие урожаи.

Так и будет! Состоявшийся в марте XII съезд ВЛКСМ продемонстрировал готовность комсомола, всей советской молодёжи и впредь высоко нести знамя верности Родине, Коммунистической партии и Советской власти и под этим знаменем, под руководством партии ещё активнее бороться за построение коммунистического общества.

Затаив дыхание, слушали собравшиеся на съезд посланцы восемнадцатимиллионного комсомольского племени слова приветствия своего руководителя — партии коммунистов:

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза уверен в том, что наши комсомольцы и комсомолки и впредь будут умножать славные дела Ленинского комсомола, отдавая всю свою энергию и молодые силы великому делу строительства коммунизма».

Под знаком мобилизации сил на осуществление задач, поставленных в приветствии ЦК КПСС, прошёл XII съезд ВЛКСМ. Обсуждалась ли деятельность руководящих комсомольских органов, работа пионерской организации имени В. И. Ленина или проект нового Устава ВЛКСМ — в центре внимания неизменно были задачи коммунистического воспитания молодёжи, развития в ней лучших качеств советских людей: любви к труду, бодрости, бесстрашия, уверенности в победе нашего дела, готовности преодолевать любые трудности и препятствия.

Съезд комсомола показал, как много могут сделать и делают молодые советские люди, воспитанные в духе передовой коммунистической идеологии. Значит — нужно и дальше улучшать и совершенствовать постановку марксистско-ленинского образования в комсомоле, воспитывать молодёжь на бессмертных творениях наших гениальных учителей и вождей, на опыте и традициях героической партии коммунистов. Молодёжи надо и впредь неустанно работать над тем, чтобы обогащать свой ум знаниями богатств, которые выработало человечество, учиться применять эти знания в своей жизни, в борьбе за коммунизм.

Огонь самокритики и критики делегаты сосредоточили на том, что ещё мешает комсомолу работать так, как того требуют от него народ и партия. Гневно клеймили утвердившийся в отдельных комсомольских органах формализм, канцелярско-бюрокра-

тические методы руководства. Говорили о «плесени», зловредное влияние которой подчас усиливается из-за плохой работы иных организаций комсомола. Бичевали факты превращения некоторых пионерских дружин в классы повторного прохождения школьного курса, факты зажима инициативы детей различными неразумными регламентами и шпаргалками, утверждавшими стандарт, насаждавшими скуку.

Отвечая на приветствие ЦК КПСС, съезд комсомола обещал партии, что комсомольцы и комсомолки, советские юноши и девушки все свои силы отдадут воплощению в жизнь её мудрых предначертаний. Съезд комсомола заверил партию, что комсомольцы, вся советская молодёжь будут ещё более активно участвовать в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, во всей общественно-политической жизни страны.

Комсомол обязался с удвоенной энергией развёртывать социалистическое соревнование среди молодёжи за дальнейшее развитие промышленности и крутой подъём всех отраслей сельского хозяйства, за создание в нашей стране обилия товаров народного потребления.

Семь дней продолжалась напряжённая деловая работа комсомольского съезда. Делегаты часто вспоминали боевые комсомольские традиции первых советских лет, героев гражданской войны и борьбы против иностранных интервентов. Вспоминали славные трудовые традиции периода развёртывания социалистического наступления, Комсомольск-на-Амуре, Магнитку, годы коллективизации. Вспоминали годы Отечественной войны.

Традиции борьбы и труда живы в сердцах, в сознании советской молодёжи. Обогащённые новым опытом, эти традиции сегодня поднимают миллионы на достижение новых великих побед.

В центре внимания делегатов съезда были те, кто с первыми эшелонами отправились поднимать целину и теперь прибыли сюда в составе делегаций Казахстана, Алтая, Урала. С ними особенно горячо беседовали те, кто готовится в дальний путь.

Под сводами Кремлёвского дворца звучали стихи:

Земля
не хочет более
терпеть
плохой уход,—
готовься,
комсомолия,
в передовой поход!

Вместе с комсомольцами, молодёжью выразили желание поехать на освоение целинных и залежных земель и люди среднего и старшего поколений. Во многих домах в эти дни происходили семейные советы. Мужья договаривались с жёнами, дети — с родителями и решали: ехать, обязательно ехать в края, где должны зацвести новые поля...

В столице, в посёлке коксо-газового завода, жила семья работника заводской охраны Ивана Васильевича Сержанова. Уютный домик, хорошая, обжитая квартира, полученная от завода, где, кроме главы семьи, работают его супруга, Акулина Евдокимовна, и сын, Николай Иванович.

Вот в этом доме, в этой рабочей семье и состоялся недавно один из таких семейных советов. Присутствовали на «заседании» и другие дети Сержановых: сын Анатолий, слесарь фабрики имени Ленина в Волоколамске, дочери — Тамара и Мария и невестки — Татьяна Кожантинговна и Нина Георгиевна.

«Повестка дня» включала один вопрос: об участии семьи Сержановых в освоении целинных земель.

«Председательствовал» сам Иван Васильевич. Рассказал о своих мыслях:

— Решил ехать на целину. Но одному трудно будет. А что, если тронуться всей семьёй?

«Прения» были коротки. Главу семьи единодушно поддержали жена, дети, невестки.

Кое-кто из соседей и знакомых, правда, недоумевал: «Покинуть Москву? Оставить хорошую квартиру?» Но Сержановы были тверды в своём решении. На следующий

день Иван Васильевич принёс в Москворецкий райком партии заявление: «...Наша семья состоит из восьми человек взрослых, трудоспособных, и пятерых детей. До войны мы работали в колхозе, и поэтому наш труд может пригодиться там, на целинных землях. Мы отдаём себе отчёт в том, что нас ждут трудности и некоторые лишения, но мы их не боимся и обещаем с честью оправдать доверие нашей родной Коммунистической партии. Семья Сержановых».

Просьбу семьи патриотов удовлетворили.

— В добрый путь, товарищи! — сказали им в райкоме.

И теперь они уже в Казахстане, в армии, ведущей великое наступление на целину...

Поистине: масштабами своими и значением для Родины освоение целинных и залежных земель встаёт в ряд наиболее крупных мероприятий, которые осуществлял наш народ под руководством Коммунистической партии за тридцать шесть советских лет. У каждого, кто думает об этом, не может не появиться желания сказать деятелям литературы и искусства — прозаикам, поэтам и драматургам, кинематографистам и композиторам, художникам и артистам: не опоздайте на сей раз, будьте в гуще жизни, вместе с народом; покажите в своих произведениях эту жизнь, этот новый всенародный подвиг. И ещё хочется сказать мастерам пера и кисти, творцам фильмов и спектаклей: только, пожалуйста, без сусальности, без злоупотребления розовато-голубоватыми красками. Освоение целины — дело очень нелёгкое, и тот, кто берётся за него, идёт на трудовой подвиг. Пусть же лягут на страницы книг и на холсты картин мужественные, правдивые слова и краски. Пусть со сцены и с экрана мы услышим голоса не «счастливчиков», перед которыми сами собой ложатся ковры плодородных земель, но героев, трудом, напряжением воли добывающих новое счастье для родной отчизны, для всего народа. Мы не верим в падающую с неба благодать. Мы верим только в добытое нашими руками и нашим умом. Но это — реальное, зримое. Это — наше навсегда...

Вот что должны отобразить в своих произведениях советские художники!

Поднимать целину! Эти слова пользуются сегодня особой популярностью в народе. Однако советские люди вкладывают в них широкий смысл, далеко выходящий за пределы даже такой огромной задачи, как освоение миллионов гектаров новых земельных массивов. Вдохновлённые мудрыми решениями февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, советские люди так понимают задачу подъёма целины: везде и во всём, в сельском хозяйстве и в промышленности открывать новые возможности повышения могущества страны, пробуждать к жизни на благо Родины, на благо народа ещё нетронутые резервы, неосвоенные ресурсы.

А нетронутых резервов и неосвоенных ресурсов у нас много, очень много ещё во всех областях социалистической экономики: и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и на транспорте, и в строительстве. И сил у нас теперь так прибавилось, что нам по плечу стала задача освоения и использования этих резервов до конца.

Далеко вперёд шагнула социалистическая тяжёлая индустрия, являющаяся стержнем хребтом нашей экономики; больших высот достигла советская наука и техника; выросли многочисленные кадры отличных организаторов хозяйства; поднялась трудовая активность и инициатива широчайших народных масс, вдохновлённых намеченной партией программой борьбы за коммунизм. Какие новые, гигантские дела можно делать! И уже положено начало многим из этих дел.

Примеров, подтверждающих это, можно привести великое множество, больших и малых примеров, но одинаково значительных, ярких, говорящих о том, что известные нам до сих пор материальные богатства наши далеко не исчерпывают всех ресурсов, которыми располагают Советская страна, советский народ.

Веками беспечно растрачивали свою могучую энергию десятки рек-силачей. Им бы приводить в движение гигантские машины, питать электричеством фабрики и заводы, освещать города и сёла! Они текли, сливаясь с другими реками, сбрасывая свою неиспользованную мощь в океаны и моря.

Советские люди, осуществляя директивы XIX съезда Коммунистической партии, решили использовать неосвоенные возможности этих рек. В первые месяцы 1954 года мы узнали о новых трудовых подвигах строителей гидроэлектростанций на Ангаре и Оби, на Волге, Каме и Нарве.

Целый каскад гидрофабрик электричества возникнет на славной сибирской реке Ангаре, которая по потенциальным запасам водной энергии превосходит Волгу и Каму, Днепр и Дон. Уже зримо железобетонные очертания первой на Ангаре Иркутской гидроэлектростанции. По количеству вырабатываемой электроэнергии она более чем в два раза превзойдёт первенца довоенных пятилеток — Днепрогэс. Недалеко то время, когда весь каскад заработает на полную мощность. На базе дешёвой электроэнергии и местных источников сырья ещё шире разовьются в приангарском крае алюминиевая, химическая, горнорудная и другие отрасли промышленности.

Великую силу двигательной энергии даст промышленности и сельскому хозяйству Западной Сибири и Алтайского края Новосибирская ГЭС, сооружаемая на Оби. Ещё шире развернёт свои неисчерпаемые возможности индустриальный Урал, когда заработают гигантские турбины Камской гидроэлектростанции. Новые силы вдохнёт в промышленность Советской Эстонии, Ленинграда и Ленинградской области возводимая в зоне знаменитых Нарвских водопадов мощная Нарвская ГЭС.

Близится время, когда полностью осуществится гениальное ленинское предвидение — Советская власть, опираясь на электрификацию всей страны, откроет перед нами все несметные богатства материальной и духовной культуры, приведёт нашу Родину к торжеству коммунизма!

Коммунизм — максимально высокая производительность труда на всех предприятиях, во всех отраслях экономики. Советские люди всё ближе подходят к коммунизму. 1954 год сулит нам новые успехи на этом пути.

Чтобы ещё раз убедиться в этом, достаточно внимательно вникнуть в смысл и значение опубликованного в газетах 3 апреля письма-обязательства коллективов двадцати восьми передовых предприятий столицы нашей Родины Москвы и Московской области. Выполнив свои социалистические обязательства, — а они их обязательно выполняют! — только предприятия Москвы — инициаторы соревнования за дальнейшее повышение производительности труда — выпустят в 1954 году продукции дополнительно к плану на сумму 151,4 миллиона рублей. Они дадут сверх плана сотни грузовых автомобилей, полторы тысячи различных электрических машин и аппаратов, двадцать тысяч часов «Молния» и «Победа», 1 миллион 251 тысячу метров шерстяных и шёлковых тканей и много других изделий.

Начало положено. А в нашей стране не бывает так, чтобы благородный почин в делах, полезных для Родины, не нашёл широкого отклика и поддержки в народе.

3 апреля было опубликовано письмо москвичей. Со следующего дня газеты начали печатать один за другим следовавшие отклики на этот благородный патриотический призыв о развёртывании социалистического соревнования за дальнейший рост производительности труда. Рабочие Ленинграда, Киева, Ташкента, шахтёры Донбасса и Кузнецка, железнодорожники, строители включились в соревнование, обязуясь дать больше продукции сверх плана за счёт неиспользованных внутренних резервов, за счёт лучшего освоения механизмов, совершенствования технологического процесса.

Кто открывает Родине эти безграничные возможности всё нового, всё более быстрого движения вперёд?

Советский народ безмерно богат людьми талантливыми, инициативными, умеющими личные интересы подчинять интересам общественным, которые в наших условиях отнюдь не противоречат первым, но только шире их, ибо вбирают в себя судьбы всего народа. Всё новые и новые тысячи и миллионы советских людей, каждый на своём участке, проявляют неуклонную целеустремлённость в достижении поставленной цели, твёрдость характера, ясный новаторский ум. Всё шире и шире проявляется ещё в самом зародыше прозорливо увиденная великим Лениным подлинно коммунистическая сознательность советских людей — «самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охра-

не каждого пуда хлеба, угля, железа и других предуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей...»¹.

...Николай Куприянович Сербинович работал шофёром в строительном управлении шахты № 1 имени Челюскинцев в Донбассе. Когда внимание партийных организаций было обращено на необходимость увеличения партийной прослойки среди горняков, занятых на подземных работах, он одним из первых по собственной инициативе спустился в лагу.

Но и здесь Николай Куприянович не выбрал себе относительно более лёгкий путь работы по старинке.

Существует созданная советскими конструкторами замечательная машина — горно-проходческий комбайн «ШБМ». Однако она была предназначена только для прохождения штреков по мощным угольным пластам Кузбасса. Как применить её в более сложных геологических условиях донецких шахт, где штрек проходит по породе? Возможно ли это?

Николай Сербинович взялся делом ответить на этот вопрос. И ответил, подчинил «строптивный характер» машины работе в новых для неё условиях, предложив ряд остроумных конструктивных усовершенствований.

Кузбасский комбайн начал рубать донецкий уголь. Вначале с помощью «ШБМ» проходчики давали в месяц 100—150 погонных метров нового штрека. Потом — 200—244. И, наконец, — 700! Производительность труда проходчиков, работающих на комбайне, возросла более чем вдвое, а стоимость прохождения каждого погонного метра нового штрека стала дешевле на 240 рублей...

Но прежде, чем судить о значении новаторского начинания Николая Сербиновича, учтите: мы привели данные только по одной бригаде, а нужно иметь в виду колоссальный Донбасс, где теперь работает комбайн «ШБМ»; нужно мысленно представить себе и количество всех бригад и общее количество погонных метров новых штреков, проходимых ежегодно по бассейну в целом; нужно, наконец, иметь в виду, что людей, подобных Николаю Сербиновичу, — сотни тысяч в нашей стране, во всех отраслях нашей гигантской экономики. Тогда только во всём великом значении и полноте вы ощутите значение трудового подвига одного советского человека, на своём участке явившего пример подлинного коммунистического отношения к труду.

Растут, мужают в своей коммунистической сознательности советские люди. Их глубокая забота о благе Родины, о её могуществе и славе, уже давшая и дающая свои новые прекрасные и внушительные результаты, всё больше и больше приближает нас к нашей высокой, светлой цели — к коммунизму.

От рабочих, колхозников не отстают советские учёные. Самая передовая в мире советская наука, вдохновляясь идеями коммунизма, пользуясь безграничной поддержкой партии и правительства, добилась серьёзных успехов во всех отраслях знания. Всё более тесное единение науки с производством позволяет достигать новых высот в развитии экономики, в совершенствовании промышленности и сельского хозяйства. Мы являемся свидетелями нового подъёма всей научной деятельности в стране, которым советские учёные отмечают 1954 год в ответ на решения сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС об ускоренном развитии сельского хозяйства.

Учёные Советского Союза не пожалеют сил, чтобы выполнить благородное задание Родины, задание партии, данное советской интеллигенции в приветствии ЦК КПСС состоявшемуся 2—7 апреля в Москве Второму съезду Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний: ещё теснее связать научно-просветительную работу с практикой коммунистического строительства, приложить все силы и знания для оказания необходимой помощи колхозникам, работникам МТС и совхозов в новом мощном подъёме сельского хозяйства; нести в народные массы бессмертное учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, новейшие достижения современной науки и техники, широко распространять передовой опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства во имя дальнейшего укрепления могущества нашего социалистического государства.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 394.

Советский народ набирает новые силы для новых свершений, для новых побед.

Вспоминаются замечательные слова Алексея Максимовича Горького, обращённые к советским людям: «Вы все — рабочий класс — хозяева самой богатой, самой великой, самой обширной в мире страны, богатства которой неисчерпаемы... В страну пришёл новый, молодой, энергичный хозяин и начинает хозяйствовать, и хорошо хозяйствовать. Вы хозяева, и, если чего-то сейчас для вас не хватает,— ваше дело сделать так, чтобы всем хватало, и вы это сделаете».

Советские люди, сильные, энергичные, всё сделают для того, чтобы им, ставшим хозяевами своей страны, в изобилии иметь плоды её неисчерпаемых богатств. Они уже сделали многое. Они идут дальше, вперёд, поднимая к жизни всё новые и новые пласты целины неисчерпаемых возможностей нашей Родины.

Господа из окружающего нас империалистического лагеря весьма активно реагируют на каждый новый шаг, который мы делаем в нашем движении вперёд, на каждый новый этап в развитии Советского государства. Так было всегда на всём протяжении прошедших тридцати шести лет. Наши зарубежные недоброжелатели в эти моменты особенно напрягают зрение, обращённое в нашу сторону, и стараются гальванизировать свои многократно терпевшие крах надежды: не произойдёт ли в Советском Союзе что-нибудь, способное ослабить социалистический строй?

Так было и на сей раз. В преддверии и в самые первые дни и недели 1954 года оживились правящие круги капиталистических стран. Новые задачи, вставшие перед нами, новые планы подъёма советской экономики на новую, бóльшую высоту кое-кто из них попытался окрестить началом «великого московского отступления», «стратегическим отступлением коммунистов и Советского правительства в деревне», возвратом к нэпу и т. д. и т. п. Вскоре, правда, на страницах буржуазной прессы появились иные оценки новых явлений в развитии СССР. Научный сотрудник Мичиганского университета в США Джордж Пик, например, в газете «Нью-Йорк таймс» писал, что производство в Советском Союзе и в странах народной демократии является «настолько здоровым и энергичным, что несколько знатоков русских дел видят величайшую угрозу Западу не в военной или идеологической области, а в области экономики». Американский журнал «Репортер» напечатал статью, в которой говорилось: «Дальнейшее экономическое развитие Советов и нынешнее загнивание Европы служат для Советов почти полной гарантией достижения в конечном счёте превосходства... Россия может переключить часть своей растущей промышленности на производство предметов широкого потребления, чтобы подорвать Европу одной только силой примера». Не обошлось, естественно, и без столь модной и распространённой сейчас в капиталистическом мире архивизгливой истерии. Так, один из «знатоков русских дел», английский экономист Т. Балог, по поводу советских планов дальнейшего подъёма благосостояния народа кричал со страниц журнала «Нейшн»: «Экономическая бомба России! Подлинная угроза — это экономика».

Что бы, однако, ни вешали буржуазные борзописцы, выражая мнение и надежды своих хозяев, им не удастся ни остановить, ни замедлить наше победное движение вперёд. История не подвластна доллару.

Новым трудовым и политическим подъёмом были отмечены первые месяцы нынешнего года в Советской стране. Демонстрацией нерушимого единства Коммунистической партии, Советского правительства и народа явились выборы в Верховный Совет СССР.

Выборы проходили под лозунгами, сформулированными в предвыборном Обращении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям. Они вылились в генеральный смотр деятельности всех звеньев советской системы, советского государственного аппарата. Они были новой проверкой крепости единения Коммунистической партии, Советского правительства и всего народа.

В Советской стране избирательная кампания всегда проходит под знаком самокритики и критики недостатков во имя их устранения. Понятно поэтому, что наши зарубежные недоброжелатели так внимательно следили за ходом выборов в СССР. Они пытались в своих грязных целях использовать деловую самокритику и критику,

звучащую в дни избирательной кампании, и, извратив, фальсифицировав факты, представить дело так, будто рядовые советские люди критикуют партию и правительство.

И что же? Они действительно услышали (вернее, подслушали) много критических выступлений простых советских граждан. Но как смешались все их карты, когда столь же суровой и беспощадной критике серьёзные недостатки и ошибки в различных звеньях аппарата подвергли в своих предвыборных выступлениях и кандидаты в депутаты Верховного Совета — руководители партии и правительства! Опять незадача: выходит, что партия, правительство и народ едины во взглядах на отрицательные явления и одинаково враждебно к ним настроены; выходит, что партия, правительство и народ, уверенные в своих силах, не боятся доставить зарубежным господам удовольствие знать о наших недостатках.

Да, именно так: советские люди считают, что из удовольствия, полученного врагами от наших критических и самокритичных речей по поводу недостатков, они себе, как гласит народная поговорка, «шубу не сошьют», а открытая, нелицеприятная критика и самокритика помогут нам завтра жить и работать лучше, чем вчера, а послезавтра — лучше, чем сегодня. И можно представить, как не только разочарованы, но напуганы были зарубежные господа словами предвыборной речи главы Советского правительства товарища Г. М. Маленкова: «Советские люди законно гордятся достигнутыми успехами и твёрдо уверены, что наша страна достигнет нового, ещё более мощного подъёма экономики. Однако надо признать, что в нашей практической работе ещё много недостатков, а порой отсталости и запущенности, мешающих движению вперёд. Ликвидация недостатков зависит от нас самих, от руководителей, от советских людей. Мы вскрывали и будем вскрывать эти недостатки, не обращая внимания на то, что своей самокритикой на какое-то время доставляем радость злопыхателям и врагам из-за границы. Мы будем вести решительную борьбу за быстреее преодоление отсталости и запущенности на всех тех участках нашего социалистического строительства, где они имеют место».

Да, именно напуганы были этими словами заграничные злопыхатели и враги, ибо так говорить о недостатках, призывать к критике их можно только при условии, если крепка уверенность в быстром преодолении недостатков. А советский народ крепко уверен в этом.

18 марта печать и радио обнародовали сообщение об итогах выборов в Верховный Совет СССР. Сто двадцать миллионов избирателей во всех избирательных округах нарекли своими посланцами в верховный орган государственной власти всех кандидатов народного блока коммунистов и беспартийных. Тем самым советский народ единодушно одобрил политику Коммунистической партии и Советского правительства, во весь голос заявив о своей готовности и впредь самоотверженно бороться за претворение её в жизнь, за новые победы коммунизма в нашей стране. Мир не знает ни одной не только открыто буржуазной, но и замаскированных разными фальшивыми вывесками прислуживающих буржуазии партий, способных рассчитывать на такое единодушное одобрение избирателями своей политики!

Сто двадцать миллионов — цифра для наших заграничных врагов и злопыхателей нерадостная. Они не запишут её в свои досье — зачем лишний раз расстраивать себя. Победы наши они резонно воспринимают, как свои поражения. И радость советских людей напоминает им о бренности их мира.

Рост мощи Советского Союза, мудрая, миролюбивая внешняя политика правительства СССР позволили нам отметить начало нынешнего года известными успехами в деле разрядки напряжённости в международных отношениях. Наша страна, наш народ будут и впредь со всей энергией бороться за мир во всём мире. «Но мы знаем, — говорил в своей предвыборной речи министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, — что не прекращаются попытки строить козни против миролюбивого Советского Союза. Нельзя не считаться с тем, что у всех на глазах реакционными силами проводится политика подготовки новой войны. Поэтому партия и правительство, стремясь к разрядке напряжённости в международных отношениях, не могут не заботиться о всемерном усилении могущества Советского государства, о дальней-

шем и неуклонном укреплении и совершенствовании вооружённых сил Советского Союза, охраняющих мирный труд советского народа и безопасность нашей Родины».

Единство партии, правительства и всего советского народа, нерушимая дружба народов, так ярко проявившаяся на выборах в Верховный Совет СССР, освещают всю нашу жизнь. Озарённая этой дружбой, прошла в столице нашей Родины — Москве декада литературы и искусства литовского народа. Светом дружбы озарено празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Гениальный Кобзарь Тарас Шевченко мог только мечтать о том времени, когда его родная Украина, восстав и разорвав цепи рабства, будет жить

...в семье великой,
В семье вольной, повой...

Украинский народ в великой, вольной советской семье торжественно отмечает знаменательную дату своей истории. Вместе с украинским и русским народами эту дату, как большой национальный праздник, отмечает вся дружная, в полном согласии живущая семья советских народов.

В исторических победах, одержанных Украиной за советские годы, все народы СССР видят свою судьбу, свою осуществлённую мечту о свободной, радостной жизни.

Изобилующая полезными природными ископаемыми, колоссальными запасами энергии и сил, населённая талантливым, трудолюбивым народом, Украина встретила девятьсот семнадцатый год, скованная цепями экономической и культурной отсталости. Октябрьская революция, победа социализма в СССР в корне преобразили Украину. Широко расправил свои плечи замечательный украинский народ и зажил полноценной жизнью.

Расцвела экономика Украины. По сравнению с досоветским периодом, в семнадцать раз вырос выпуск продукции крупной промышленности. Более чем в тридцать семь раз возросла за это время выработка электроэнергии, продукция металлообрабатывающей промышленности выросла почти в семьдесят раз, добыча угля — более чем в четыре раза, выплавка чугуна — в четыре с половиной раза, стали — почти в пять раз.

Есть ли в нашей стране уголок, где б не знали о гордости Советской Украины — прославленной всесоюзной кочегарке Донбассе, о крупнейших металлургических комбинатах «Запорожсталь» и «Азовсталь», о самой крупной в Европе Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина!

Расцвела культура украинского народа, социалистическая по содержанию, национальная по форме. Свыше 80 процентов населения старой Украины было безграмотным. Страной сплошной грамотности является сегодня Украинская Советская Республика. В тридцати тысячах школ учатся украинские ребятишки, юноши и девушки заполняют аудитории ста сорока четырёх высших учебных заведений. Выросла и продолжает расти выпестованная партией и Советской властью многотысячная армия украинских учёных, деятелей литературы и искусства. Есть ли в нашей стране уголок, где б не знали имён прославленных учёных Украины — академиков Богомольца и Палладина, где б не восхищались искусством выдающихся мастеров сцены Бучмы, Паторжинского, Ужвий, не читали книг Корнейчука, Бажана, Тычины!

Славный юбилей — 300-летие воссоединения с Россией — Украина встречает на значительно расширившихся просторах своих земель. Совместным постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР, утверждённым Президиумом Верховного Совета СССР, Крымская область передана из состава Российской Федерации в состав Украины. Это — акт большого государственного значения, акт дружбы народов нашей страны. Об этой присущей отношениям между всеми народами-братьями атмосфере взаимопонимания и взаимоуважения хорошо сказал Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР О. В. Куусинен: «Только в нашей социалистической стране возможно, что великий народ — такой, как русский народ, — без всяких колебаний великодушно передаёт

другому братскому народу одну из своих ценнейших областей. Только в нашей Советской стране возможно, что такие важнейшие вопросы о территориальном вхождении отдельных областей и районов в состав той или другой республики разрешаются между братскими республиками без всяких затруднений, дружно и согласованно, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности для экономического и культурного развития, руководствуясь общими интересами Советского государства и интересами дальнейшего укрепления дружбы и доверия между братскими народами».

Но главное не только в том, что Украина стала богатой страной, что невиданно расцвела её культура. Главный итог советского периода истории Украины характеризуется тем, что все несметные богатства её, добытые трудом народа, принадлежат народу и народ обладает неограниченным правом использовать их по своему усмотрению, в нужных ему целях, в своих интересах. В этом — смысл ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии и Советской власти, в этом — триумф её.

Скоро на залитые майским солнцем улицы Киева, на торжества, посвящённые 300-летию воссоединения Украины с Россией, придут посланцы народов нашей многонациональной отчизны. Все народы-братья с новой силой ощутят в эти дни, как щедро одаривает их своим теплом и светом немеркнущая Советская Звезда. И на всех языках всех народов будет звучать Гимн, прославляющий Родину-мать, первого среди равных — русский народ:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Хорошо начался нынешний год! Поражающие величием планы и значительность уже выполненного, осуществлённого в первые четыре месяца, свидетельствуют, что это будет большой, знаменательный год, год новых свершений, двигающих нас вперёд по пути постепенного перехода от социализма к коммунизму.

С таким чувством, с такой уверенностью особенно приятно и радостно встречать весну, праздник Мая.

Май, весна... По-деловому просто, конкретно сформулированные постановления сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС говорят о большой весне, о бурном расцвете социалистического сельского хозяйства, о подъёме миллионов гектаров целинных и залежных земель, которые уже в самом ближайшем будущем дадут богатейшие всходы.

Весна идёт, хорошо подготовленная, оснащённая всем необходимым.

Уже двинулись эшелоны с сельскохозяйственной техникой. Это — в счёт выделяемых в 1954 году МТС и совхозам районов освоения новых земель ста двадцати тысяч тракторов, десяти тысяч комбайнов...

Создаются новые зерновые совхозы, которые вместе с существующими ныне будут поднимать целину, осваивать залежные земли под посевы зерновых культур.

Едут на Восток люди из центральных районов страны — пионеры освоения новых земельных массивов.

По всей необъятной Советской стране широко развернулся весенний сев — первый после постановлений сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС.

Советские люди знают: впереди — большая работа, немало сложных препятствий встретится на пути осуществления её. Крутой подъём не видится им лёгким шествием, не требующим больших сил, большого труда.

Советские люди знают: чтобы скорее наступил, чтобы ярче был праздник торжества коммунизма, надо усилить трудовое напряжение будней, работать ещё лучше, ещё энергичнее. Только так можно приблизить праздник, и он будет тогда по-настоящему светлым, радостным, большим.

Вдохновлённая призывами Коммунистической партии, советская колхозная деревня подняла знамя массового социалистического соревнования за право участия на откры-

вающейся 1 августа 1954 года Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, за выполнение и перевыполнение государственных планов развития сельского хозяйства.

Новыми успехами в труде встречают весну советские рабочие, с удвоенной энергией укрепляющие индустриальную мощь родной отчизны. Исторические документы партии и правительства служат им источником вдохновения, ещё выше поднимающим их трудовой энтузиазм. В этих документах они черпают новые силы для новых побед.

Советский народ с великим единодушием одобрил решения, принятые Верховным Советом СССР на состоявшейся в конце апреля первой сессии Верховного Совета СССР четвёртого созыва. Советские люди приложат все силы к тому, чтобы под руководством своего родного Советского правительства достичь в нынешнем году новых больших успехов в борьбе за осуществление задач, поставленных Коммунистической партией, в борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

Великое чувство — сознать себя строителем коммунизма. Приятно и радостно сознать, что у тебя, у твоего народа есть разработанная партией и правительством боевая программа действий, что армию, в рядах которой ты идёшь, возглавляет испытанный и закалённый авангард — Коммунистическая партия. С таким чувством, с таким сознанием можно двигать горами, можно творить чудеса. Это и делают советские люди, являя миру пример строительства новой жизни, нового общества.

Радостно сознать, что ты вносишь свой вклад в дело осуществления мечты всего передового, прогрессивного человечества, укрепляя свою Родину — укрепляешь незыблемый оплот мира и дружбы между всеми народами земли. Этим сознанием наполнены сердца советских людей. Их труд, их борьба сливаются воедино с усилиями всех, кто в Европе и Азии, в Америке, Африке и Австралии встал на пути беснующейся империалистической реакции, кто поднял свой мощный голос против поджигателей новой войны, за мир во всём мире, за счастье для всех людей.

Мы прожили первые четыре месяца 1954 года. Мы ещё больше укрепили свою Родину. Мы умножили силы борцов за мир.

Впереди — новые месяцы большого года, новый труд, новые свершения. Впереди — новое счастье. Советские люди уверены в нём, ибо они сами, своим трудом добывают его.

В. ВЛАДКО

★

НАКАНУНЕ ВСЕНАРОДНОГО ПРАЗДНИКА

Письмо из Киева

Снова пришла весна на украинские земли, привольно раскинувшиеся от курских и брянских лесов до Черноморского побережья, где находится самая молодая область УССР — Крым.

День ото дня могущественнее, богаче и краше становится Советская Украина. В минувшем году украинские заводы и фабрики выпустили продукции в полтора раза больше по сравнению с довоенным 1940 годом; колхозы и совхозы сдали государству знаменитой украинской пшеницы больше на 134 миллиона пудов.

Повышают производительность труда передовики производства Украины. Ныне работает уже в счёт 1965 года бригада токаря-карусельщика Харьковского турбогенераторного завода, лауреата Сталинской премии В. Кислякова. На 1 000—1 200 процентов выполняет сменные нормы токарь Харьковского тракторного завода комсомолец Виктор Сукачёв, мастерски овладевший приёмами силового резания металла. Растут ряды прославленных мастеров высоких урожаев, новаторов колхозного производства.

Воодушевлённый историческими решениями XIX съезда КПСС, постановлениями сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК партии, украинский народ побоевому взялся за претворение в жизнь важнейшей задачи, поставленной партией и правительством,—добыть крутого подъёма всех отраслей сельского хозяйства, в ближайшие два—три года создать в стране достаток всех товаров народного потребления и сырья для лёгкой и пищевой промышленности.

В эти дни небывалое оживление царит в столице Украины.

Киев... Древний стольный град Киевской Руси, «мать городов русских». Сердце и мозг Украинской Советской Социалистической Республики, её политический, экономический и культурный центр.

Пожалуй, не так уж много городов может сравниться по красоте с Киевом. Высокие кручи, одетые кудрявой зеленью. Парки, сады, сбегające вниз к самым днепровским берегам. Ленты асфальтированных дорог. Город, залитый белым кипением цветущих широколистных каштанов, город-сад.

Есть здесь своеобразная прелесть в сочетании памятников седой старины и сооружений советской эпохи.

Вот древние остатки Золотых ворот, воздвигнутых ещё в 1073 году. А рядом стремительно возносится в небо 190-метровая вышка телевизионного центра.

Над тысячелетним Софийским собором с его немеркнувшей мозаикой и неповторимыми фресками ныне проносятся стремительные самолёты, поднявшиеся с бетонных взлётных дорожек Киевского аэропорта.

Мариинский дворец — творение Растрелли — и рядом с ним огромный стеклянный купол строгого здания Верховного Совета УССР с развевающимся на ветру национальным государственным флагом Советской Украины.

А дальше за Киевом, по Днепру,—озеро Ленина, покрывшее своей зеркальной гладью знаменитые днепровские пороги, веками стоявшие на пути судоходства. Некогда тут была прославленная в думах и легендах, повестях и песнях Запорожская Сечь; здесь набирала силы казачья вольница, непокорная, свободолюбивая, — передовой заслон Украины от

татарских набегов. И сюда, на Запорожскую Сечь, посылал украинский народ своих лучших сынов в войско Богдана Хмельницкого, когда гетман собирал полки для решительных боёв с польским шляхетским войском.

Русский народ горячо сочувствовал освободительному движению на Украине. Московское государство оказывало ему всяческую поддержку. В 1654 году Переяславская Рада провозгласила воссоединение Украины с Россией.

Киевляне бережно хранят памятники революционной борьбы.

На улице Кирова есть дом, где собирались на свои тайные собрания члены «Южного общества» — декабристы Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и другие.

Небольшой домик стоит на Дорогожицкой улице. В нём жил один из первых деятелей социал-демократического движения в Киеве — Ю. Д. Мельников. Здесь же помещалась и нелегальная школа для подготовки пропагандистов из рабочих. На улице Шолом-Алейхема в 1897 году помещалась подпольная типография «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса», где печаталась социал-демократическая «Рабочая газета». Для этой газеты В. И. Ленин прислал из ссылки свои статьи: «Наша программа», «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос».

После октября 1917 года киевский пролетариат под руководством Коммунистической партии вёл ожесточённую борьбу против националистической контрреволюции — Центральной рады, Директории, гетмана Скоропадского, авантюристов Петлюры, Винниченко.

Среди киевлян можно встретить немало участников вооружённой борьбы рабочих Арсенала в январе 1918 года с войсками Центральной рады. На помощь восставшим подошли революционные отряды харьковских, екатеринославских, донецких, а также московских и петроградских красновардейцев и отряды красного казачества. Вооружённое выступление завершилось победой пролетариата. Власть в городе перешла в руки Советов.

Теперь в Киеве, на улице Январского восстания, возвышается высокая пирамида из красного гранита. На ней установлена полевая пушка, из которой рабочие-арсе-

нальцы сделали первый выстрел по врагам.

Много бед причинили Киеву интервенты в 1918—1919 годах, тяжёлые следы оставили здесь украинские буржуазно-националистические и белогвардейские бандиты во время гражданской войны. Но всё это не могло итти ни в какое сравнение с чудовищными погромами, учинёнными гитлеровцами.

За два года оккупации фашистские захватчики разрушили более 800 промышленных предприятий Киева, сняли большую часть трамвайных путей, взорвали мосты через Днепр, сожгли и разрушили более шести тысяч жилых домов и около тысячи зданий культурных и административных учреждений. Гитлеровцы уничтожили много исторических сооружений Печерской лавры, главный корпус университета с его прекрасными музеями и лабораториями, старейшую публичную библиотеку, консерваторию, ряд театров. Из Софийского собора немецкие фашисты вывезли фрески XII века — исключительный по своему культурному значению памятник средневековой живописи — и многие другие музейные ценности. Всего, по далеко не полным данным, оккупанты причинили Киеву убытков более чем на десять миллиардов рублей.

6 ноября 1943 года трагедия Киева кончилась. На рассвете этого дня части Советской Армии под командованием генерала Ватутина освободили столицу Украины.

С тех пор прошло десять с половиной лет. Срок небольшой.

А как много сделано за этот срок в советском городе Киеве!

Трудно, очень трудно сейчас представить себе Киев в развалинах, дымящийся, окровавленный Киев 1943 года, в те незабываемые дни, когда Советской Армией были выброшены из города фашистские оккупанты. На танках, бронемашинах, с оружием наперевес, уничтожая яростно огрызавшегося врага, продвигались с боями всё дальше на запад советские воины. В одном строю шли русские и украинцы, белорусы и узбеки; шли сибиряки и вятичи, грузины и казахи; шли москвичи и одеситы, ленинградцы и киевляне. Каждому из них была одинаково дорога Украина, истерзанная гитлеровскими варварами. Весь советский народ героическими подвигами

своих сынов на полях сражений, самоотверженным трудом в тылу помогал украинским братьям освободиться от фашистских захватчиков.

И вот вновь поднялся из руин древний Киев. В послевоенные годы он стал ещё более красочным, ещё более живописным. И снова указывает булавой на восток, на Москву, Богдан Хмельницкий, вздыбив своего коня на гранитной скале. Снова с высокого постамента задумчиво и мудро смотрит вдаль великий Кобзарь украинского народа — Тарас Шевченко.

Центральная магистраль города — Крещатик. В этом районе в годы войны было уничтожено свыше 350 крупных домов. Теперь вместо них уже возвышаются прекрасные новые многоэтажные здания со светлой керамической облицовкой. Вот огромный ансамбль пассажа. Вот новые светлые, радостные здания напротив улиц Ленина и Свердлова. А около них, с обеих сторон широкого Крещатика, из строительных лесов поднимаются новые сооружения — этаж за этажом, дом за домом. Здесь строится ныне 16 многоэтажных жилых домов, 12 административных зданий и в том числе монументальный дом городского Совета депутатов трудящихся, занимающий почти целый квартал. Тут же растёт большой Дом связи, воздвигается новое здание консерватории с огромным концертным залом.

На площади Калинина начинается новый студенческий сад, который широкими террасами поднимается к будущему высотному зданию Центральной киевской гостиницы. А левее полным ходом восстанавливается архитектурный памятник классического стиля, прославленного «русского ампира», — здание, сооружённое в прошлом веке по проекту известного русского архитектора В. Беретти. Здесь будет Дворец культуры промкооперации с самым большим в Киеве залом — на 2400 зрителей.

Новые здания сооружаются всюду, во всех районах города. Эта радостная для глаза и сердца работа не прекращается в Киеве ни днём, ни ночью.

За послевоенные годы киевляне получили уже около полутора миллионов квадратных метров новой жилой площади. В городе появилось полтораста новых улиц, и специальная комиссия горсовета не успевает придумывать для них названия. Недовольны этим разве лишь почтовые работники,

которым приходится иметь дело с «Новой № 123», «Новой № 146» и десятками других «новых улиц», отличающихся друг от друга в перечнях только номерами.

То, что сделано в Киеве за последнее десятилетие, — это только начало невиданных в истории города работ по строительству и благоустройству.

В текущем году начинается строительство огромного, на целый квартал, многоэтажного здания на улице Кирова — Дома научно-исследовательских институтов Академии наук УССР. Обсуждается сооружение колоссального гидропарка на левом берегу Днепра, на Трухановом острове с его чудесным мелкопесчаным пляжем. Этот гидропарк, разбитый на площади в 900 гектаров, обогатит и остров и весь город новым большим массивом зелени, прекрасными водноспортивными станциями.

Французский писатель Бальзак, побывавший в Киеве в прошлом столетии, писал о нём: «Киев — вечный город Севера, Северный Рим... На протяжении 15 или 20 дней контрактной ярмарки в Киеве, куда съезжаются со всех концов России, — столько движения, дел, развлечений, что невозможно писать письма».

Что же сказать о теперешнем Киеве, городская черта которого охватывает площадь в 600 квадратных километров, большую, чем территория Парижа! О советском Киеве, где за один лишь прошлый год трамвай, автобусы и троллейбусы перевезли свыше 331 миллиона пассажиров!

Городской транспорт связывает в Киеве все районы города. Он приводит пассажиров и к великолепному новому цельносварочному мосту — гордости киевлян. Мост этот открыт прошедшей осенью и носит имя его создателя — выдающегося деятеля украинской науки, академика Е. О. Патона.

Заводы и фабрики Киева разбросаны по всему городу, однако их трудно различить издали. В столице Украины мы не увидим типичных заводских кварталов и районов с огромными, подавляющими своей массивностью фабричными корпусами: они как бы теряются между жилыми кварталами, скверами, парками и окружающими лесами. Между тем в городе свыше 1200 промышленных предприятий. А ведь в старом, до-революционном Киеве насчитывалось всего-навсего 175 промышленных предприятий, большинство которых представляло собой мелкие, полкустарные мастерские.

Конечно, Киев не является главным индустриальным центром Украины, в нём нет таких могучих заводов, как в Донбассе, Харькове, Днепропетровске, Днепродзержинске. Но у киевской промышленности есть свои особенности. Современный Киев — город машиностроения и металлообработки, лёгкой и пищевой промышленности. Здесь сооружены большие предприятия транспортного машиностроения, заводы, выпускающие трамвайные вагоны, производящие популярные мотоциклы «Киевлянин». Пароходы, построенные на киевской судостроительной верфи, можно видеть не только на Днепре, но и на многих реках Советского Союза и даже за его рубежами.

В Киеве развито также производство машин и оборудования для химической, текстильной, швейной и пищевой промышленности. В числе таких предприятий завод «Большевик» — один из индустриальных гигантов химического машиностроения Советского Союза, «Ренток», выпускающий сложнейшие рентгеновские установки, «Укркабель», снабжающий своей продукцией энергетическое хозяйство страны, и, наконец, замечательный по совершенству своего оборудования станкостроительный завод имени Горького. Нельзя не упомянуть и о новом в СССР производстве отличных миниатюрных фотоаппаратов «Киев», заслуженно пользующихся признанием и специалистов и любителей-фотографов.

Столица Советской Украины — один из крупнейших в нашей стране центров научной работы. Ещё в самые первые годы существования советской власти в Киеве была создана Академия наук Украинской ССР, при которой ныне работает свыше 50 научно-исследовательских институтов, лабораторий и экспериментальных баз.

Труды виднейших украинских учёных способствовали развитию медицинских и биологических наук. В этой области широко известны, например, исследования академика А. А. Богомольца и нынешнего президента Академии наук УССР А. В. Палладина. Прогресс отечественных физико-математических и технических наук во многом обязан таким прославленным учёным, как Е. О. Патон, С. А. Лебедев, Н. Н. Боголюбов и другие. Значительных успехов достигли украинские учёные, работающие в области общественных наук. Недавно вышли в свет первый том научного труда

«История Украинской ССР», первый том «Истории украинской литературы». Институт истории Академии наук УССР и Институт истории Академии наук СССР издали трёхтомный сборник документов и материалов «Воссоединение Украины с Россией».

Институты Академии наук Украины установили тесную связь с промышленностью, новостройками и сельским хозяйством, деятельно помогая новаторам производства в разрешении практических вопросов. Ведущее место в этом направлении занимает Научно-исследовательский институт электросварки имени академика Патона. Работники института разработали и внедрили в практику ряд новых высокоэффективных способов сварки металлов. Это позволило резко повысить производительность труда и заменить тяжёлую ручную работу сварщиков автоматическими механизированными процессами уже более чем на 700 заводах нашей страны.

Кроме Академии наук, на Украине создана Академия архитектуры. В республике работает 475 научно-исследовательских учреждений. В различных отраслях народного хозяйства УССР в настоящее время работает свыше 340 тысяч специалистов с высшим образованием — почти на 80 процентов больше, чем было до войны.

Отряд учёных и научных работников непрерывно пополняется. В 144 вузах Украины обучается вместе с заочниками более 275 тысяч человек.

В прошлом году только вузы Киева дали стране свыше шести тысяч молодых специалистов.

Впрочем, и у студентов есть своя надёжная смена — это учащиеся средних школ. На Украине сейчас около 30 тысяч школ, в них обучается свыше 6,5 миллиона учащихся.

Славится Киев и своими театрами.

Академический театр имени Ивана Франко широко знают в Советском Союзе. Работающие здесь мастера украинской сцены и артистическая молодёжь свято хранят лучшие традиции старого украинского революционного театра, обогащённые замечательным опытом передового русского театрального искусства.

Заслуженной популярностью пользуется также столичный русский драматический театр имени Леси Украинки, знакомящий украинских зрителей с лучшими классиче-

скими образцами русской драматургии и наиболее интересными произведениями русских советских драматургов.

Театральное искусство украинского народа имеет свою особенность. Издавна украинский театр известен тем, что в нём органически сочетаются элементы драмы, вокала и танца. Музыка всегда была его неотъемлемой составной частью. Эта традиционная особенность находит и теперь своё воплощение в деятельности многочисленных музыкально-драматических театров Украины.

Народность является отличительной чертой и украинского советского оперного искусства. Весь мир знает мелодичные, певучие, то лирически-печальные, то искристо-жизнерадостные украинские народные песни. В песенном творчестве сказывалась музыкальность свободолобивого украинского народа. В своё время эта музыкальность нашла воплощение в классических операх «Запорожец за Дунаем» и «Наталка-Полтавка», не сходящих и поныне со сцены театров.

Но, конечно, никогда оперное искусство не было на Украине столь близко народу, как в наше время. И не только потому, что на неизмеримо высокий уровень поднялась культура советского человека, что ныне в республике работает пять театров оперы и балета. Интерес к опере вызывается также и тем, что современные оперы и балеты теснейшим образом связаны с украинскими народными мелодиями и фольклором.

Киевский театр оперы и балета имени Шевченко собрал в своём коллективе крупнейшие исполнительские силы Украины. В 1953 году он поставил в новой редакции оперу К. Данькевича «Богдан Хмельницкий». Мелодическое и оркестровое богатство этого значительного произведения, глубокие и выразительные музыкальные характеристики персонажей — героев освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов — обусловили большой успех спектакля.

Уже сказанного было бы достаточно для того, чтобы характеризовать столицу Украины как город высокой театральной культуры. Но ведь, кроме того, в Киеве работают ещё Театр музыкальной комедии, Театр юного зрителя, областной Драматический театр, республиканский Театр кукол, филармония, эстрада, симфонический оркестр,

капеллы «Думка» и бандуристов, украинский народный хор, ансамбль танца. И это не говоря уже о крупных самостоятельных хоровых, драматических и танцевальных коллективах.

Украинское театральное и концертное искусство во всех своих жанрах идёт по пути дальнейшего развития и расцвета, по пути социалистического реализма. Оно служит народу и питается животворными соками вечно юного народного искусства.

Всё больше и больше увеличивается на Украине количество изданий художественной литературы. Только в 1953 году издано 511 названий книг общим тиражом свыше 20 миллионов экземпляров. Это в пять раз больше, чем было издано в 1940 году. За последние два года писатели Украины опубликовали более ста книг — новых прозаических и поэтических произведений.

К всенародному празднику 300-летия воссоединения Украины с Россией украинская литература пришла с новыми крупными произведениями. Это — второй том «Переяславской Рады» Н. Рыбака, исторические романы В. Кучера «Устим Кармалюк», Ю. Мушкетика «Семён Палий», роман Ю. Смолича «Рассвет над морем» и другие произведения. Сборники стихов и поэмы дали П. Тычина, М. Бажан, М. Рильский, В. Сосюра, А. Малышко, П. Воронько.

Украинские художники встречают славный юбилей интересными произведениями. М. Хмелько выступает с новым вариантом своей большой картины «Навеки с Москвой», а также с портретом гетмана Богдана Хмельницкого. Историческим темам посвятили свои работы и другие художники. Большое полотно «Богдан Хмельницкий отдаёт в залог хану Ислам-Гирею своего сына» написал В. Задорожный. И. Резник закончил картину «На Сечь!», В. Кондратюк — «Кобзарь призывает крестьян в войско Богдана Хмельницкого», И. Манец — «Разгром Хмельницким польской шляхты под Батогом».

Приготовили свои подарки и киевские скульпторы. А. Олейник и М. Вронский представляют большую, трёхметровую фигуру Богдана Хмельницкого для памятника в Переяславе-Хмельницком. Скульптурные портреты великого гетмана создали также И. Кавалеридзе, А. Ковалёв, Е. Белостоцкий, О. Супрун.

В Киеве в дни всенародного праздника будет проведена декада русской литературы и искусства. В столицу Украины приедут виднейшие представители культуры русского народа — писатели, художники, композиторы, крупнейшие московские театры и музыкальные коллективы. Они познакомят киевлян и приезжих гостей из братских союзных республик с лучшими образцами своего творчества.

По решению Правительства СССР начнется сооружение новых зданий Киевского государственного университета на территории, занимающей около 200 гектаров. Здесь будут воздвигнуты многоэтажные учебные корпуса и жилые дома для профессоров, преподавателей и студентов. В центре нового университетского городка будет высится большой памятник Тарасу Шевченко, чье имя носит университет.

При въезде в Киев сооружается монументальная триумфальная арка в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, а на одном из бульваров открывается памятник легендарному герою гражданской войны на Украине Н. Щорсу.

В конце мая в столице Украины соберутся специальная сессия Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики и специальная сессия Академии наук УССР, посвященные знаменательной дате.

Песнями и музыкой, цветами и фейерверками, танцами и салютами будет встречать праздничный Киев десятки тысяч дорогих гостей со всех концов Советского Союза и из стран народной демократии, радостно приветствуя посланцев дружбы и братства.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

МАРК ЩЕГЛОВ

★

„РУССКИЙ ЛЕС“ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Многие, вероятно, помнят первые выступления Леонида Леонова в защиту леса, который он зовёт «Зелёным Другом». Дорогая автору идея сохранения этого чудесного богатства России лежит и в центре романа «Русский лес».

Можно ли, однако, сказать, как это часто говорят о других книгах и в связи с другими вопросами, что темой «Русского леса» является борьба между представителями разумного и экономичного лесопользования и теми, кто нехозяйственно, хищнически тратит лесные ресурсы? Можно, но нехорошо и далеко не достаточно. Народнохозяйственная (очень важная и интересная) проблема лесоустройства представлена в романе Л. Леонова в самом широком плане — как тема жизни, определяющая всю сюжетную, образную, идейную связь романа.

«Ваш урожай будет зреть долго, редкий из вас застанет жатву. Но однажды взволнованно и с непокрытой головой вы пройдёте по шумящим, почти дворцовым залам в Каменной степи, где малахитовые стены — деревья, а крыша — слепительные, рождённые ими облака. Сам Докучаев и его вдохновенные подмастерья видели их лишь в своём воображении. Мечта для строителя людского счастья — такой же действенный инструмент, как знание или идея, а лесовод без мечты совсем пустое дело... И, кто знает, когда седыми вы придёте под сомкнутые кроны своих любимцев, не испытаете ли вы гордость вдесятеро большую, чем создатели иных торопливых книг, полузаконченных зданий или столь быстро стареющих машин».

Так говорит главный персонаж романа, профессор Иван Матвеевич Вихров, обращаясь к студентам. И мы видим, что лес в книге — это нечто большее, чем только то,

из чего строят дома, что пишут на картинах, где собирают землянику, и о чём спорят специалисты-лесоводы. Лес — это у Леонова сияющий и мощный «храм жизни», мечта о счастливых и чистых людях на прекрасной, солнечной земле будущих времён.

Величание лесу воспринимаешь у Л. Леонова как хвалу всему хорошему на земле: благоденствию, мудрости, родине, самой жизни. Именно поэтому в отношении к проблеме леса с особой остротой решаются вопросы «положительности» или «отрицательности» героев. Карьерист и вредитель профессор Грацианский, промышленник-лесоистребитель Кнышев, маклак Золотухин-старший, помещица Сапегина, «петербургская» дворянская Россия, окутанная дымом лесных пожаров, заморские грабители русского леса — всё это вражьи, чёрные силы в романе. И, наоборот, лесной заступник и мудрец Вихров, добрый леший — старец Калина, комсомолка Поля Вихрова и другие — это друзья леса, и читатель романа должен в свою очередь стать им другом.

Лес — действующее лицо романа. Это и великолепные, добрые дебри с вечно пульсирующим сердцем-родничком в овражке, на всю жизнь околдовавшие Ивана Вихрова; это и лес, который горит, истлевает на корню в духоте безвременья; это и лес как экономический фактор, всецело оценённый в своей важности для России; наконец, лес — это витязь и друг, провожающий разведчицу Полю в тыл к фашистам, закрывая её от вражеских пуль своими стволами.

В произведении Л. Леонова лес вместе с тем есть основа, из которой развивается общефилософская и моральная идея вечной новизны, возобновляемости жизни, идея оптимизма и человеческой чистоты. Она с осо-

бенной чёткостью звучит и в философском споре в салоне Грацианских и в ночном разговоре Чередилова с Вихровым.

Вспомним, как в одном из этих эпизодов одинокий и не особенно счастливый человек в ответ на роковой вопрос: зачем жизнь? — восклицает: «...когда человеку дарят солнце, неприлично спрашивать, к чему оно». Это горячее признание жизни также навеяно свежей близостью леса, а именно тем, что, по словам Вихрова, «некоторые кабинетные мудрецы» называют «био-гео-фитоценоз» — то есть связью и взаимозависимостью живых существ в природе, общностью, ответственностью и бессмертием дела жизни.

Как мы увидим, русский лес — это в какой-то степени и художественный образ самого романа с его «ветистостью», чередованием солнечных полянок и мрачных зарослей, с его как бы тропами в извивах, ведущими далеко вглубь.

Учёные-лесоводы (по крайней мере, часть из них) считают неоправданным и ошибочным то, что спор между персонажами романа решается в пользу Вихрова с его теорией сбалансированного «лесовозобновления», при котором годовая вырубка повсеместно равнялась бы годовому приросту древесины. Мы не хотим касаться этого вопроса, не обладая специальной осведомлённостью. Конечно, печально, если писатель действительно не до конца уяснил себе научную и практическую проблему, поставленную им в центр борьбы, ведущейся на страницах романа; но ведь главное, что остаётся в сознании читателя, когда он хочет уяснить себе позиции Грацианского и Вихрова, — это не разница между лесопользованием и лесовоспроизводством. Главное различие между ними состоит в том, что именно Вихров, как рассказывает нам Леонид Леонов, почти в одиночку борется за сохранность и увеличение «зелёного золота», заботясь о пользе для будущих поколений. Грацианский же представляет собой другую тенденцию, которая в романе связана с лесными делами, но может проявляться в различных областях. Заключается она в том, чтобы, демагогически оправдывая своё преступление, стирать с лица земли то, чего не вернуть, — неповторимые дары природы, памятники древности, искусства. Грацианский в лохотной и выпренней форме лишь повторяет ту мысль, которую в романе по-своему выразил лесопромыш-

ленник Кнышев: «Как же русскому-то ближнему не пожить?.. Не жалею, стегай её втрое, трать, руби... хлеще вырастет!»

(Кстати, в романе профессор Вихров призывает студентов: да не будет для вас слова ненавистнее, чем дрова! Но мы удивились бы, если бы владельцы печей прислали протест писателю.)

Итак, для нас в этой статье главным является не реально-хозяйственное решение, но образно-идейное значение проблемы леса в романе Л. Леонова. По отношению к лесу в нём решаются все художественные характеристики, в связи с лесом сопоставляются многие образы и выражается ощущение духа истории в последние полвека, ощущение советского патриотизма.

Детство главного героя романа, Ивана Вихрова, приходится на конец девятнадцатого столетия. Дикая сущность капиталистического господства и хозяйствования выражена в картинах, оставшихся в памяти Вихрова на всю жизнь; именно тогда в сердце крестьянского мальчика запала боль за уничтожаемый лес.

В романе есть картина порубки Облога хищником-лесостребителем, купцом Кнышевым, — картина битвы железной силы капитализма, когда он ещё был в разгуле, с лесной обречённой красотой и мощью. Отдельные черты этого драматического описания воскрешают в памяти древнерусские воинские повести о несчастных битвах со злым татаровьём: «Целых дня два бор стоял несокрушимо, словно каждую ночь свежая смена заступала место павших, к концу третьего, когда артель врубилась в чашу, Облог дрогнул и заметно попятился». В образе Василия Кнышева, предводителя жестокого войска «в тысячу топоров», мы встречаем не просто черты отратительного маклака, — это «почти былинный молодец» в «белой, как кипень, вышитой рубашке», но жутко захваченный жадной истреблением, кондотьёр наживы. Вышедший из простых дровотёсов, Кнышев не лишён обаяния, какое есть у человека в счастье (рядом с ним какжется особенно отталкивающим неудачник Золотухин, «измождённый, как бы сам себя съедающий»), есть в нём и удаль и недожинная хватка. Но на какое противоестественное дело устремлены его силы! Ярko живописен эпизод, в котором Кнышев самолично рубит вековую прекрасную сосну — мать Обло-

га». В тексте романа здесь бесконечно много выражено: и странно захватывающее дикое зрелище губительства, и тайный суд народа над «застоявшимся» хозяином, с удовольствием «разминавшимся» в палаческой и щегольской расправе с красавицей сосной, и, наконец, полная боли картина смерти изумительного дерева, застигнутого гибелью в беззащитном зимнем сне. «По всему было видно, что он хорошо умел это, но только это и умел он на земле», — таким определением искони разрушительной природы кнышевской силы заканчивается сцена.

Второй характерный момент романа, где судьбы героев изображены в связи с судьбами леса, — это начало жизни героев в Петербурге в начале XX века. Россия страдала тогда от страшных засух и лесных пожаров. Чуткий современник Александр Блок во многом верно чувствовал это время: «сумрак годов, предшествующих первой революции», лето 1911 года, такое жаркое, «что трава горела на корню», «ряд красивых воздушных пегель, полётов вниз головой, падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов»; «наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции» (предисловие к поэме «Возмездие»). Всё это очень близко психологически, по ощущению действительности, тому, что пишет в романе «Русский лес» Л. Леонов. Когда такая близость возникает между совсем не сходными художниками, это верный знак, что она предопределена характерными чертами самой действительности.

Вот в годы, когда начинает тлеть дворянская империя, Вихровы приезжают в Петербург. «Мать с сыном долго блуждали по длинным улицам, концы которых терялись в белёсой мгле бедствия, охватившего тогда всю Россию. Медноватое, на заходе, солнце придавало пугающую призрачность соборам и дворцам, коляскам и мундирам, внезапно проступившим в десятке шагов, — бронзовым царям, грифонам на мостах...»

Здесь как будто воплощён тот «мистический сумрак», о котором писал Блок.

Дальше идут страницы романа, говорящие о поре упадка и разложения: ещё не начался новый революционный подъём, не подросла смена новых борцов за красное знамя, а над вчерашним полем битвы «за-

кружились призраки»; сцены на авиационном поле, гибель авиатора Мадиевича; идея «миметизма», зародившаяся в воспалённой головёнке Саши Грацианского, провокации, аресты; лесные истребления, засухи, а над страной «небо безветренное, безжалостной красоты и какого-то кроткого цвета, только нижний край его пылал и плавился...»

День убийства Столыпина в романе вpletён непосредственно в ход сюжета, как день постыдного провала Саши Грацианского. Наконец, во время одной из его любовных прогулок по ночному Петербургу с полицейской красавицей Эммой их пролётка встретилась с группой оборванных и несчастных людей на мосту. «Это, по всей видимости, хлебопашцы из-за Волги... Леса-то повыврубили, вот и терпят теперь... Ведь у них там всегда что-нибудь такое», — разглагольствует Грацианский, а девочка в лапотках, крест-накрест опоясанная полушалком, привалившись к коленям старухи, «глядела на студента смутными глазами цвета зимней мглы». Лес, пришедший в барский Петербург со своим горем, попадает на пути паскудно журующего Грацианского, будто усевещивая его.

Лес в этой книге помогает оценивать духовные качества героев; оставаясь наедине с его прелестью и чистотой, они становятся нам до конца ясны; друзья раскрываются во всей своей человечности, враги сами себя изобличают, не выдерживая такой «очной ставки».

Не нужно много говорить о важности леса для характеристики образа профессора Вихрова; в лесу — весь смысл его жизни. Друг Вихрова, коммунист Крайнев, служа дипломатом в далёких странах, как привет с родины воспринимает страницы книги Вихрова о лесу: «словно горстку русского снега прислали с родины», — признаётся он.

И в жизни Грацианского самым разоблачительным эпизодом является его непосредственная встреча с лесом во время приезда в лесничество к Вихрову.

Бирюковатый лесник Иван Вихров ведёт петербургских приятелей по своему Облогу и по Пустошам; они изумлены той тщательной работой, которую один, в годы бед и войн, Вихров проводит в своём лесу. И затем он, охваченный доверием и робостью, безмолвно ведёт их к своей святыне. В сухом чистом овражке они находят тот дивный студёный родничок, который есть всему начало: от него идут реки, омывающие и

кормящие пол-России — леса и поля древней родины. Мы позднее скажем о той всё же преизбыточной многозначности деревьев и ручьёв, какая есть у Л. Леонова. Но, значит, всё-таки не одна личная, не интимно-вихровская, детская святость есть в том родничке, а есть нечто и от того, что чтит русский человек в Волге и в «Повести временных лет».

«...Не крикнула желна — теперь сам Вихров был хранителем святыни... всё так же сурово колыша песчинки, билась во впадинке вечная мускулистая струйка...». «Вот... таким образом, — отступив в сторону, сказал Вихров и оглянулся с видом человека, который показывает чужому ладанку матери или карточку невесты...»

Грацианский смотрит в ручей, не слыша вопросов и не видя ничего вокруг.

«Какая-то смертельная борьба чувств происходила в его побледневшем лице, как если бы перед ним билось обнажённое от покровов человеческое сердце. Словно зачарованный, опершись на свой посошок, и сквозь пенсне на шнурочке он шурко глядел туда, в узкую горловину родника, где в своенравном ритме распахивалось и смыкалось песчаное беззащитное лонце. — Сердитый... — обнажив зубы, протянул Грацианский и вдруг, сделав фехтовальный выпад вперёд, вознил палку в родничок и дважды самозабвенно провернул её там, в тёмном пятнышке его гортани».

Это происшествие во время лесной прогулки приятелей-коллег выглядит, как сцена осквернительного убийства. В эпитетах и образах, в эмоциональной сгущённости мы чувствуем жестокую «сцепку» жизни, всего святого в ней и — мертвящего отрицания, низости. Становится ясно, кто такой Грацианский, что несёт в себе «грацианщина».

Лесу, жизни лесной природы, её чудесам посвящены лучшие страницы, лучшие слова романа. Особенно острая чуткость и прелесть есть в описании упомянутого выше родника, истока поэтической речки Склани и многих иных рек, который играет в романе роль символа чистоты, любви к своей земле, радостной щедрости.

Три раза на протяжении романа мы вместе с Вихровым встречаемся со святым родничком на Облоге, с этим маленьким «чудом света». В первый раз «голом падающей воды позвал мальчиков вниз... Из-под камня в пространстве не больше детской

ладони роилась ключевая вода. Порой она вскипала сердитыми струйками, грозясь уйти, и тогда видно было, как вихрились песчинки в её безостановочном биении. Целого века не хватило бы наглядеться на него». Второй раз это «вечная мускулистая струйка» и «песчаное беззащитное лонце», которое «смыкалось и распахивалось в своём ритме». И, наконец, в финале романа Вихров видит, «как вздымался в своей норке хрустальный бугорок и сплетались струйки бессонной воды...» От этих строчек веет лесным, ключевым холодком.

Так образно, в разных планах, с разной задачей автор романа воплощает тему леса. Это оказалось под силу талантливому художнику.

Но здесь же обнаруживается и немалое читательское несогласие с автором, возникающее от того, в основном, что постоянная связь (прямая или косвенная) идей и представлений о народном счастье, о высоте и чистоте духа с образом леса имеет в романе несколько навязчивый и неоправданный смысл.

Прекрасен и громаден лес Л. Леонова, но с какой-то минуты (должно быть, после того, как, войдя в лесной овражек, мы почти кощунственно коснулись «лонца», из которого вытекают воды, кормящие пол-России) начинаешь ощущать сначала томление, а потом и ясное желание противодействовать этой непрерывной возвышенности, этому «храмовничеству»; начинаешь тосковать по обыкновенному лесу, чувствуя, что тебя слишком глубоко завели в этот второй «лес», в глубокомысленно символический план всего сущего. И уже хочется освободиться от этого лесного наваждения, которое продолжается и захватывает так, как будто тебя уже водит по чаще та мохнатая «блазна» — «местная разновидность нечистой силы», — которая чудилась мальчонке Ване Вихрову в ближнем лесу. И когда в конце романа старик Вихров приходит к своей святыне — чистому лесному источнику, около которого он в детстве встретил старца Калину, открывшего ему все лесные тайны и волшебства, и на том же самом месте, потрясённый, сталкивается с мальчиком, которого также зовут Калинка, с той же самой шербинкой на виске, сохранившейся «после переплава (?) от расщеплённой брови Калины», — то испытываешь уже лёгкое смятение. Как ни уверяет нас автор, что «это не было чудом, ни даже удивительным

совпадением, а самое обыкновенное в природе продолжение жизни», — всё это кажется таким случаем, при котором в старину вскрикивали: «Чур-чур!»

Думается, что та роль символа вечного круговращения жизни, роль символа всех высоких и добродетельных начал, которой наделён в романе лес и «лесной вопрос», является всё-таки слишком прензбыточной и экстагичной. Ручьи, травы и деревья не выдерживают такого груза. Ведь для Ивана Вихрова студёный ключ в овражке — не просто даже русских рек начало, а какой-то Грааль, бестелесная, «слепительная» святыня, служить которой можно, лишь приняв какой-то «крест», дав, например, обет безбрачия. Дерево же, лес, тоже выступает как царственное воплощение чего-то, чему вот-вот и нужно будет, как древнеязыческому священному древу, приносить жертвы.

И мы видим, что герои романа приносят эти жертвы. Отстаивание светлых красот настоящего леса и «леса жизни» обращается в романе, повторяем, в некое «храмовничество», принять которое имеют право лишь Вихров, терпящий всякие бедствия за свою привязанность, таинственные «бородатые лесники» и те юные герои, которые уходят в бой, «отрешившись от дома и ближних».

Вот какого тяжёлого послуга требует себе «Зелёный Друг»! Так «милое, маленькое, как ёжик, сердитое лесное божество» в романе Л. Леонова порою оборачивается... Лесным царём из баллады Гёте, который тоже начал с мягких, заворачивающих призывов: «Дитя, оглянися! Младенец, ко мне! Весёлого много в моей стороне», а кончил железным: «Неволей иль волей, а будешь ты мой!»

Жизнь драгоценна, и прожить её надо чисто — такой мыслью пронизаны многие страницы романа Л. Леонова. Может ли быть что-нибудь трогательнее, сердечнее и чище, чем те слова о «чистоте», которые говорит Поля Вихрова своему отцу перед отправлением на фронт: «...что такое чистота на земле? Это чтоб не было войны и чтоб жить без взаимной обиды, чтоб маленьких не убивали, чтоб на ослабевшего не наступил никто... каждый может ослабеть в дороге, правда? И чтоб дверей не запиравать, и чтоб друг всегда за спиной стоял, а не враг, и чтоб люди даже из жизни уходили с улыбкой... И ещё чтоб трудились все, потому что человек без труда хуже лю-

бой твари становится, ему тогда весь мир взорвать нипочём...»

Если бы везде в романе звучала эта мысль! Если бы гуманизм повсеместно был в нём так прост и невымыслен!

Но порою идеалы героев Л. Леонова становятся выпреними и нерадостными.

Какие холодно-рассудочные, бессердечные слова и образы рождаются у юных девушек — у той же Поли Вихровой и её подруги Вари Чернецовой, — когда они говорят о прошлом человечества, об истории, о целях человека на земле! «Ты оглянися на эту... столбовую дорогу человечества... кажется порой, какое-то безудержное вдохновение пополам с корчами, караван слепых... однако всё вперёд и вперёд, во что бы то ни стало к ледниковым вершинам. Вот за это и надо любить людей...» Поля, напоминающая стихи «как раз про это», отвечает: «Про людей стишок, как однажды зародившись где-то в лагуне с циановыми водорослями, медленно поднимаются они к заоблачным вершинам и как «больно и страшно дышать им разрежённым воздухом гор». И дальше... кончалось:

...но с этой стремнины холодной
Никто ещё не сходил
Назад в колыбель, в первородный,
Привычный и тёплый ил».

Нам представляется довольно отгалкивающим этот странный оптимизм и это странное человеколюбие. Холодно-холодно от ледниковой чистоты и ясности, к которой подчас поднимает своих героинь Л. Леонов из «привычного и тёплого ила» (каким кажется им, вероятно, всё обыкновенное, сердечное, просто человеческое). Ничего не осталось здесь от той простой и сердечной чистоты, которую мы отметили выше. Постепенно в романе исходящие из доброго леса веяния сменяются то тёмной путаницей, где за каждым углом чудится ни-весть что, то такой уж «трудной даже для выговора огневетровы сью», от которой тянет льдом и альпийской гордыней. Отсюда самый подвиг героев приобретает какой-то тягостный оттенок. Отсюда, между прочим, и бездушное, выдуманное писателем выражение — «новаторский подвиг Гастелло».

О том, что «лесному божеству» Л. Леонова нужны человеческие жертвоприношения, говорит история злоключений Поли Вихро-

вой — дочери верховного жреца в храме леса, профессора Вихрова.

С самого начала романа «Русский лес» нас уведут вглубь его лабиринта многочисленных нити. Уже после прочтения первых страниц мы так или иначе знакомы со всеми основными его персонажами. Герои романа не только объединены в «систему образов», они связаны меж собой и внешне сюжетно. Их судьбы пересекаются подчас по несколько раз, все они имеют прямое или косвенное отношение к основным конфликтам произведения, и встречи их всегда особо знаменательны. С самого начала случайная соседка Поли Вихровой оказывается не случайной, и первый встречный москвич, поднёсший Поле чемодан на вокзале, не уходит из её жизни — эта встреча тоже нечто большее, чем случайность. Постепенно мы привыкаем в романе Л. Леонова к многозначительности происходящего, к особой «предназначенности» встреч и упоминаний. Здесь, как в вольтеровском философском романе, «случая не существует — всё... есть либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предусмотрение». Это накладывает своеобразный отпечаток на сюжет «Русского леса», таинственно объединяющего многих действующих лиц вокруг «лесной проблемы».

В первой половине романа центральное место занимает драма Поли Вихровой, разгадка мучившей её тайны мнимых преступлений отца перед отечеством и странной истории связи и разрыва между родителями. Постепенно, глава за главой, мы узнаём и то и другое. Вторая половина романа в основном объясняет нам другую тайну — историю жизни противника Вихрова, профессора Грацианского, подводит нас к пониманию обстоятельств, при которых могло создаться противоестественное положение, когда дельный и честный учёный слывёт «подозрительным», а пустой и жестокий демагог находится в чести. Одновременно перед нами проходит в романе целая панорама жизни дореволюционной России, столицы и усадьбы, картины послереволюционной деревни и Москвы, эпизоды Великой Отечественной войны.

Все пласты жизни, поднятые Л. Леоновым, резко разбиты в двух направлениях. Глубочайший «горизонтальный» раздел разбивает их: это тот «длинный перегон» между поколениями после революции, который делает подчас врагами отцов и детей. В романе

это представлено на примере судьбы Поли Вихровой и её названного брата Сергея. Другой раздел, как бы «вертикальный», лёг между современниками, ровесниками, он сделал врагами учёных-коллег и приятелей юности: это конфликт между Вихровым и Грацианским, между всем честным и чистым в нашей действительности и скверным, античеловеческим, враждебным. Понять два этих конфликта и их единство, увидеть ту жизненную правду и порой ту неправду, которую они вобрали и выразили, — значит понять и объяснить все сильные и слабые стороны произведения Л. Леонова.

Вот приезжает в Москву на учение с Севера смешная и прелестная (судя по тому, как полгорода ухаживает за ней) девочка-провинциалка — Поля Вихрова. Бродит это едва подростковое существо по южному, как празднично рисует его на этих страницах автор, городу Москве, где граждане, шагающие по панелям, не просто попутчики, а «доверенные представители умного человечества». И никто из них, вместе с читателем, не знает, какой тенью подёрнется для Поли жизнь, как странно уязвлена душа этой кипучей и как будто малоозабоченной комсомолки. Но женщина, встретившая Полю на пороге её жилища, вдруг становится свидетельницей отчаянной исповеди, во время которой выясняется, что Поля «ненавидит» своего отца, учёного-лесоведа, якобы оставившего её мать, о котором так разоблачительно и жестоко пишут советские журналы («хлещут», — говорит Поля). «Ладно ещё, что подружки этих статей не читают, а то затравили бы Полю насмешками да допросами, где ухитрилась себе такого родителя подобрать». Оказывается, и в весёлом мире полевой молодости так недалеко до горя и обиды! Ненависть к ближайшему после матери человеку, «ил», скопившийся в душе, боязнь «травли» за испорченную генеалогию — всего этого достаточно для нешуточного «надлома». Оказывается, молодость, вопреки тому, что сказано на первой странице романа, ещё не служит «охранной грамотой от несчастий».

Самый факт семейного «расслоения» во время революции, при котором черта, делящая «прошлое» и «сегодняшнее», чуждое и «наше», проходит между родителями и детьми, между старшими и младшими братьями, не выдуман. Незачем на это закрывать глаза. Литература не имеет права обходить эти вопросы. Однако нельзя за-

крывать глаза и на то, что всякое упрощение и преувеличение ведёт здесь к ещё худшей неправде. Редко бывает так, чтобы «дети» в случаях действительной отсталости, хуже того — преступности «отцов» испытывали к ним одну лишь ненависть. С уважением к такту и таланту писательницы мы отметим сцену ареста и самоубийства Борташевича в романе Веры Пановой «Времена года», где чистые советские ребята, ненавидящие всем сердцем стяжательство, не радуются, однако, над трупом павшего и убившего себя стяжателя-отца. Все эти вопросы — очень сложные и трудные, они требуют большой осторожности и трезвости от художника. Здесь один неверный штрих может внести фальшь в картину.

К сожалению, в романе «Русский лес» в историю Поли Вихровой внесено немало напрасного вымысла. Стараясь привести конфликт «отцов и детей» в соответствие с широким морально-философским замыслом романа, Л. Леонов поступается известной долей психологической и художественной правды.

Поля Вихрова ненавидит своего отца. За что? Писатель объясняет нам это чувство героини так, что в нём неоправданно много места занимают подозрения Поли в отношении общественной честности отца; она способна видеть в отце врага, а себя, в силу лишь естественного родства, — его сообщницей; даже взаимоотношения отца с матерью она склонна рассматривать во вторую очередь, как следствие его «чуждости». И всё это лишь на том основании, что Вихрова «хлещут» в научных журналах. Это, конечно, неестественно, а если и попробовать допустить такой случай, то не радость и даже не сочувствие должен был вызвать он. Эта ненависть — плод болезненного восприятия действительности. Поля говорит о травле, которой её подвергли бы подруги, если бы узнали, какого родителя она «ухитрилась» себе «подобрать». Пусть это тоже нервное преувеличение. Но всё-таки что же это такое, вот это возможное отношение к ней подруг? Хорошо это или плохо? Поля говорит об этом, во всяком случае, как о неизбежном. Неужели это и есть та «чистота», которой нужно добиться в жизни? Если так, то это как раз та «ледниковая» чистота, где так «страшно и больно дышать».

Вихров — не преступник. Что известно о нём его дочери в начале романа? Лишь то, что, «судя по редким и всегда недоброже-

лательным статьям в специальной печати, это был угрюмый, несговорчивый, устаревшего мировоззрения человек, далёкий от понимания задач современного лесного хозяйства... и дай бог, чтобы описываемые там промахи да ошибки получались у него бессознательно! Надо думать, в сочетании с неуживчивыми чертами его характера это и стало причиной распада семьи». Вот и всё. Но посмотрите, с какими мыслями, в каком возбуждении идёт Поля на встречу с отцом! Опасаясь «по-девчоночьи разреветься» и вопреки естественному чувству, она взвинчивает себя до невыносимой степени. Собираясь «отомстить за мать» и высказать своё «честное комсомольское суждение» в лицо отцу, она уже не видит ничего, кроме какого-то «исчадия капитализма», «массивного, как мясной прилавок, письменного стола с бездарной бронзовой чернильницей», — и по ту сторону ждал её холодный, изготовившийся к поединку человек, с судьбою назначенный ей в отца». Так мрачно, так натужно чувствует та самая девочка, при одном взгляде на которую только что люди улыбались «с такими осветлёнными лицами, словно слушают перекличку ранних птиц в лесу, ещё обрызганном росой»!

Здесь как нельзя рельефнее выступают две стороны морально-эстетического идеала романа «Русский лес», где иной раз напряжённая выпренность соседствует с красотой, а задумчивость — почти с бездушием.

Много страниц романа посвящено розыскам, которые ведёт Поля, с тем чтобы установить, кто же её отец — враг или друг. Причём делает она это странно, всё больше по приметам и уликам, через вторые и третьи лица, исследуя труды Вихрова и с пристрастием внимая повести его жизни, которую слышит из уст тётки Тансы. И всякий раз, когда уже ничего тайного не остаётся, Поля находит ещё лишний повод, «крючок», который всё оттягивает и оттягивает момент встречи отца и дочери. На этом построена искусственная в своей большей части сюжетная интрига романа.

Бросается в глаза одна странная и однообразная закономерность, по которой расположены судьбы героев романа «Русский лес» в пору войны — высшего для них испытания и подъёма.

Поля стремится в бой, но обязательно чистоты ради, чтобы избавиться от ядо-

витого, расслабляющего соприкосновения с чёрным прошлым, которое она находит в своей семейной истории. Автор упорно проводит эту линию в характере своей героини. «Что-то мешало ей подняться в... трудную даже для выговора о гнев ет ровы сь, означавшую в переводе на полин язык человеческую чистоту. Выбившись из сил, она взглянула на ноги себе — её держал свинец всё той же отцовской тайны». И у ни в чём не повинной советской девочки рождаются поразительные «надрывные» слова: «Я заслужу прощение всей жизнью моей... я буду делать самое трудное... уж когда все откажутся, а я пойду и сделаю. Я за нас обоих отработаю... Она отца своего имела в виду».

Это Поля. Но вот её ровесник, приёмный сын Вихрова, сын раскулаченного — Сергей. Он тоже идёт в бой, собираясь мстить не только за подлость фашистских замыслов, но и за себя самого, связанного, как он постепенно чувствует, неотъемлемой нитью родства с тем, что клянут его ум и сердце. Больше того, даже детство, проведённое им в стенах профессорского домика, кажется ему порочащим. Он жаждет «раствориться в коллективе». О рабочих он рассуждает почти как кающийся интеллигент: «...признание безмерного рабочего множества», «великое посвящение... из рук старого неулыбчивого человека, который... отождествлялся со всем рабочим классом». Желая раствориться в этой рабочей массе, мальчик, воспитанный в семье учёного, только что рассуждавший об «Исповеди» Толстого и называвший Вихрова «фатером», начинает говорить, подражая мнимому «пролетарскому» жаргону: «Я от хорошего дела не отказчик... Я тоже не прочь с устатку... Только время, на мой взгляд, не шибко подходящее». А в эпизоде прощания, перед отправлением на фронт, Сергей ожесточённо вскипает: «Какую личную корысть преследовал господин Грацианский... напомина мне, что я сын раскулаченного... и что мне надо ещё заработать, кровью смыть моё новое имя?»

Мы спросим: разве так уходили на войну комсомольцы 1941 года? Все эти тяжёлые психологические атрибуты отнюдь не делают привлекательнее энтузиазм юных героев романа, которым всё время свойственна странная возбуждённость общественного сознания; в нём есть сдвиг, который заставляет их (иногда в очень неподходящих

обстоятельствах) воспринимать всё вокруг в какой-то символической, болезненно реагировать на всё, что не соответствует отвлечённым идеям «правды», «чистоты» и т. д.

Порою это передаёт настоящую моральную требовательность советской молодёжи; но иногда писатель не чувствует нормальной меры вещей, и наши герои впадают в неврастение. Как, например, трудно поверить, что разведчица Красной Армии, пусть почти девочка, идя на задание, от которого зависит жизнь людей и развитие военных действий на фронте, всё-таки не в силах не прихватить с собой в немецкий тыл святыню — камень с московской мостовой, который и подводит её роковым образом. А вот уж прямо какой-то египетский эпизод, где Поля и Серёжа на фронте, под вражескими снарядами, предаются ритуальному погребению найденную ими руку любимого комиссара, на которой ещё не стали часики.

Понятно, что, живя в таком порыве к «огневетровыси», в таком трепете, который диктует мало реальные чувства и поступки, Поля Вихрова не в силах была примириться с тем, что у неё небезупречный «родитель». Для Поли, для её «чистоты» невозможно признать отцом человека с недостатками. Если её подруги не затравят, она себя сама сумеет затравить.

И автор нигде, ни одним словом не осуждает такую «совестливость»! Даже наоборот — на деяниях во имя этой «чистоты» построен, как мы упоминали, основной сюжет романа «Русский лес».

Сколько раз, если судить просто, по-человечески, Поля должна была броситься на шею отцу! По сути дела, это должно было случиться уже после первого её посещения вихровского дома. Она должна была также раньше понять или хотя бы почувствовать правоту Вихрова и гадкость его противника Грацианского. Но автор ещё и ещё разводит Полю с её отцом. И даже после прослушанной ею лекции Вихрова, которая и со специальной-то стороны всё раскрыла Поле, ей всё ещё биография отца представляется «сырым и полутёмным погребом».

Поистине лес, в котором, томясь и волнуясь, бродит Поля Вихрова, кажется порою лесом из трёх сосен, и не к «старикам», а к самым юным представителям рода человеческого в романе относишь слова её подруги: «Почитай в их книжках, как они сами затрудняли самые естественные, казалось бы, людские отношения».

Юные герои Л. Леонова затрудняют не только родственные отношения, но и все естественные людские отношения просто даже ко всем встречным людям. И в результате всего этого рядом с торжественной романтикой, рядом с выразительным описанием исторического парада в Москве 7 ноября 1941 года, рядом с чудесным Сапожковым и милыми детскими ладошками с тополиными пушинками на них — рядом с гуманизмом и живым страданием в романе существует неприятная обстановка недоверия и расследования. Снова берёт нас «блазна» и уводит совсем не в ту сторону, куда мы хотим.

Поля изощряет свои следовательские способности; постепенно в методичный разбор «дела Грацианского — Вихрова» втягивается и Варя; тётка Таиса подглядывает за Грацианским в щёлочку, придя с мирным поручением передать ему вновь вышедшую книгу Вихрова; Грацианский выслеживает Вихрова; Крайнев подозревает Грацианского; Морщихин — книжник Морщихин! — явившись за консультацией по задуманной им диссертации к профессору Грацианскому накануне своего ухода на фронт, сразу, ещё не зная, что и зачем, тонко-шантажистски доводит профессора до столбняка. Но, конечно, совсем иное дело те факты, которые возникают в самом конце романа, когда в квартиру Грацианского начинают проникать тёмные личности «с того света» (в которых мы по дикции узнаём иностранцев), таинственно осведомлённые о нечистом прошлом этого «выдающегося деятеля» и заинтересованные, видимо, в новых его услугах. Здесь писатель вправе насторожить всех.

В образах молодых героев романа есть привлекательность и есть правда. (Нас восхищает, например, описание полиных прогулок по Москве, встреча с Сапожковым и т. д. Много зоркости и подлинного психологизма есть в характеристике духовного созревания Серёжи и в связи с этим в понимании переживаний нашей современной молодёжи.) И всё же общий их склад кажется подчас вымышленным. Хочется упрекнуть автора и в невысокой индивидуализации образов этого ряда. Интересные, глубоко-мысленные разговоры Поли, Вари, Серёжи, ведущиеся типичной леоновской письменной прозой, очень любопытно читать; но это не их мысли, не их язык. Слишком много в их взаимоотношениях «умственности», мысли-

тельной эссенции, превращающей, например, встречи Поли и Вари в философско-экономикополитико-нравственные дискуссии. Странно обращаться с подобными замечаниями к Л. Леонову, мастеру речевой характеристики, но ведь никак не можешь себе представить вчерашнюю школьницу Полю, с её непосредственностью, сообщающей миру, например, такие вещи: «...если бы каждый всерьёз подзаялся... хоть на десяток шажков вокруг себя, — и Поля прищурилась, мысленно умножая цифру π на квадрат радиуса круга, — да прибрал бы эти триста четырнадцать квадратных метров, как комнату свою, как рабочее место, как стол, где пища твоя стоит, да кабы приласкал в полную силу, да хоть бы вишенку посадил, пускай одну за всю жизнь». Да это же никакая не Поля Вихрова, это Леонид Леонов говорит своим собственным голосом! И не спасает здесь ни «подзанимался», ни «школьное» число «пи». Не могла бы Поля произнести; не засмеявшись над собою сама: «Пустоша стоят пока неприкасаемо, во всей своей сытой и рыжей красе». И немислимые вещи заставляет писатель говорить московского мальчишку Серёжу: «Все эти романы скроены на одну колодку, везде происшествия жизни нанизываются на нитку любовных отношений. Я бы заменил этот жанр чем-то вроде документальной летописи, с усилением полезно-познавательной нагрузки. Пора, пора и литературе вешать свой рабочий табель на общую доску наравне с прочими строителями будущего!» Этаким пятнадцатилетним конструктивист! В описании серёжиного умственного развития есть и верные и забавные черты — например, его упрёк Христу в том, что он «не учёл опыта Спартака». Но в речи, в рассуждениях Серёжи и его ровесниц в романе есть элемент образной и интеллектуальной перегруженности, и это — художественный просчёт.

Впрочем, подчас наши претензии к автору в том, чтобы оформление речи персонажей романа всё же соответствовало их возрасту и званию, оказываются беспредметными. Л. Леонов временами и не ставит себе такой задачи: в его книге мы часто наблюдаем своеобразный приём, при котором прямая речь персонажей является по сути авторской речью. Дело в том, что самым определяющим внешним признаком стиля в романе является как бы «сказовость» — не в смысле сближения со стили-

стикой народных «сказов», а в том смысле, что почти повсюду здесь господствует речевой слой авторской, типично леоновской речи. Достоинство этого приёма в том, что он предоставляет возможность чрезвычайно гибкой интонационно-смысловой авторской оценки происходящего. В сочетании с элементами объективными это производит порой очень сильное впечатление. Но наряду с достоинствами есть в этой манере и слабости. Одна из них — чрезмерно интеллектуальное восприятие действительности, передающееся от автора почти всем персонажам (в силу самой «сказовой» тенденции). Многие же из этих персонажей к такому восприятию никак не приспособлены. И бывает так, что именно в тех диалогах и «лирически-публицистических» местах, которые должны бы захватить читателя сильнее всего, больше всего ощущаешь холодок придуманности.

Действие романа «Русский лес» ограничено узким кругом основных персонажей, так или иначе связанных между собой, но этому произведению свойственна также широкая «панорамность». Основные герои помещены здесь в густую среду, в поток полувековой жизни. («И вот былинку понесла река», — повторяет в романе Поля Вихрова.) Здесь — дореволюционная и пореволюционная Россия, крестьяне, помещики, купцы, интеллигенты, революционеры и т. д., картины далёкого и недавнего прошлого. И, быть может, самые реалистические и яркие страницы романа, самые живые «куски жизни» — это образы, картины и реалистические детали «второго плана» панорамы.

Это особенно видно, если сопоставить с образами юных героев и героинь, занимающих в романе первые места, образы их ровесников и ровесниц, играющих эпизодическую либо подчинённую роль. Вот два молодых героя нашего времени — комсомольский вожак в глухой лесной стороне Марк Ветров и секретарь московского райкома комсомола Сапожков. Появляясь на страницах романа ненадолго, они успевают самым своим обликом ясно убедить нас, что, кроме ледовитого идеала чистоты, которым порою мучится Поля Вихрова, есть более земной, естественный, коммунистический облик человека. Мало того, что он во многом обаятельнее, истиннее, что в нём гораздо больше коммунистического, — весь

смысл работы этих героев, неназванный, без жертвенности, органичность для них того высокого дела, которому они служат, — всё это встаёт в известное противоречие с ореолом, который создал Л. Леонов вокруг своей юной героини. И странно, это единственно положительные герои романа, не имеющие никакого отношения к лесу...

Полушубовский избач — вездесущий, готовый на тысячу дел комсомолец Марк, «молодой ветеран революции», которому бы учиться и учиться, если бы не кулацкие и папы римского козни, не финэстафеты по району да не полезная народу работа избачом. С тёплым юмором Л. Леонов рисует встречу Елены Ивановны Вихровой и молодого «просветителя» с приходским образованием, но зато с той школой человечности и душевной ясности, которую дала ему революция. На таких-то вот в первую голову охотились кулаки, таким была первая злодейская пуля. Незабываем эпизод, в котором тяжело раненый Марк доносит до избы драгоценный груз, предел его мечтаний — ламповый приёмник, раздобытый им для избы-читальни. У него «нашлось воли сходу вбежать в избу и сложить на лавку драгоценную ношу. «Не пугайтесь, мамаша, я живой!..» — успел сказать он, как бы прислушиваясь к чему-то, и свалился замертво».

Один из памятейших образов наших современников, созданных Л. Леоновым, это коммунист Сапожков, который становится всего после двух-трёх страниц романа так дорог читателю, что известие о простой фронтальной смерти Сапожкова вызывает неподдельную боль в сердце, как гибель родича или друга. Одной из самых замечательных сцен в романе является приход Поли Вихровой к Сапожкову и весь их разговор. При несколько ином «наклоне» авторской оценки эта сцена могла бы быть ещё значительнее, так как здесь есть очень чуткое, но не выдержанное сопоставление двух складов душ: одной — стремящейся к великим и героическим идеям не без нервозности и усилий, и другой — несущей эти идеи так же естественно и непринуждённо, как свою собственную кровную мысль, чувство, просто живущей ими. Конечно, Сапожкова не может не тронуть эта девочка, готовая на подвиг за правое дело, но что-то в ней вызывает его невольное раздумье и возражение. На заявление Поли о том, что она бесславной смерти боится,

секретарь отвечает совершенно неожиданно, «несколько нахмурясь»: «Мысль, несомненно, интересная...» и дальше: «хотя гораздо больше следует бесславной жизни опасаться». И после беседы с Сапожковым, нарисовавшим перед ней захватывающие дух картины грядущего покорения человеком «невзвзданных стихий», Поля, хотя и с закружившейся от прилива счастья головой, всё-таки, бедняккая, не успокаивается и выпрашивает у Сапожкова с интонацией неожиданного для этой девочки скепсиса: «Ну, а дальше что?.. Через сто лет... когда всё необходимое будет построено, враги побиты и старый мир останется позади?» И вновь секретарю приходится только хмуриться. Так в этой сцене рядом с тем, какой жизнью, красочностью, какой близкой к земле радостью и оптимизмом полны речи Сапожкова сразу блёкнет возвышенность Поля Вихровой.

Мы думаем, исходя из психологической обрисовки образа Поля, что известно о гибели Сапожкова должно было если не совершить переворот, то что-то нарушить в привычном её мировосприятии. Говорил, говорил о жизни, о природе, о стихиях и человеку и... так просто умер, — это в романе должно было что-то доказать Поле Вихровой, чем-то устыдить её.

Такие люди, как Сапожков и Ветров, со сложной, но не о сложной, не отягощённой психологией, становятся нам наиболее милыми и дорогими.

Но, конечно, интересны нам и люди другого склада, другой судьбы. Ведь и в них часто есть подлинная внутренняя ценность.

Когда сложности характера реалистически обоснованы, Л. Леонов рисует психологию людей, освобождающихся от какого-то тяжёлого духовного «недуга», правдиво и интересно. Это доказывает история кулака Демида Золотухина в «Русском лесе», купившего, подобно Фёдору из «Нашествия», своё прошлое подвигом, — особенно же развитие образа Елены Сергеевны Вихровой. Вся болезненность, которая есть в психологии этой героини, оправдана обстоятельствами её жизни. Кто она? Девочка-подкидыш, полуслужанка-полувоспитанница, «шпитонка», как зовут её крестьяне, выросшая в полурусской-полунемецкой помещицкой семье, забава, а потом и предмет порочных приставаний барчуков и капризного деспотизма баронессы, полумёртвой хозяйки русского леса. Мечта о «По-

мерании», куда увезёт её хозяйка, привычка к унижению и услужливости, а в глубине души — твёрдый и строгий нрав русской девушки-лесовицы и чёрная тень «отверженности»; томительный страх перед «мужиками» с кольями и дубинами, перед их надругательством, которым пугает её барыня, отравляющая перед своей гибелью всё кругом; унижительные мечты о замужестве за кого угодно, за соседнего трактирщика или за лесника Вихрова, только бы уйти из этого обречённого дома. И вот это «унижённное и оскорблённое» создание дозревает до глубокой самооценки, до героического порыва к искренности и свободе, заставляющего её уйти от любящего её и ценимого ею человека, её спасителя, и строить жизнь заново, «на народе», как равной среди равных, чистой от любых крапинок на душе. Есть глубина и верность в том, как описано это духовное «выздоровление» Елены Вихровой, и есть литературный такт в том, что безусловно положительный герой романа. Иван Вихров, в иные моменты оказывается по натуре ниже Елены Сергеевны, выращенной им самим. Вспомним, как под влиянием мудрых книг, честных и незлобивых людей, великой музыки в душе Елены закипает страшная нравственная работа; а хороший человек Вихров лишь продолжает в это время добросовестно-профессорски сеять «разумное, доброе, вечное». И вот та Лёночка, которую он видел ущемлённой и заискивающей, теперь первая отшатывается от него навсегда. Есть редкая бережность и нежность в этом проникновении писателя в мир сложных и надломленных чувств, в объяснении, которое даёт он житейской драме, к каким мы привыкли подходить лишь с точки зрения правоты или виновности одной из сторон. Особенно тонко во всей истории прослежена писателем эта злосчастная нелюбовь Елены к человеку, которого она, казалось бы, должна была боготворить. В момент отъезда Вихрова в Москву, когда произошло меж ними решающее объяснение, Лёночка ссглащается стать женою Вихрова, «полная нахлынувшего признательного чувства». А ещё ранее, во время одной из прогулок, когда Лёна быстро убегает вперёд и мило кричит Вихрову: «Чего вы там застыли? Боже, неповоротливый какой!..», она совсем забывает, что «он был хромым, он не мог быстрее». Подумайте: во всей

истории их любви он старается, чтобы всё было «поторжественнее», он говорит ей, что всем своим на три четверги обязан ей, что страшное горе причинил бы ему её отказ, а она отвечает ему «признательным чувством» и в момент затянувшегося объяснения «...всё ждала, что теперь-то он и догадается сказать ей, как немыслимо ему существовать без неё, а она сразу согласится... и тогда они даже поспеют к последнему чаю». Последний тонкий штрих в эту грустную повесть вносит один из заключительных эпизодов романа, в котором спустя много лет Вихров и Елена Сергеевна, постаревшие, много пережившие, снова встречаются. И здесь, на прифронтовой дороге, близ тех мест, где протекала их молодость, сердце Елены остаётся безжалостным. На окрик Вихрова она «обернулась не раньше, чем сообразила, кто ещё на земле, если исключить чудо, мог позвать её давним именем детства: — Ах, это ты, Иван?.. Как же ты напугал меня! — держась за сердце, сказала она и прибавила что-то незначашее, чтоб скрыть маленькое разочарование».

Вспоминается место из романа «Кто виноват?», объясняющее характер Любоньки Круциферской. Эти слова легко приложимы к судьбе Елены Вихровой: «Пошлые обстоятельства, в которых она находилась, скорее способствовали усилению мощного роста. Как? Это тайна женской души. Девушка или с самого начала так прилагивается к окружающему её, что уже в четырнадцать лет кокетничает, сплетничает, делает глазки проезжающим мимо офицерам... готовится в почтенные хозяйки дома и в строгие матери, или с необычайной лёгкостью освобождается от грязи и сора, побеждает внешнее внутренним благородством. Каким-то откровением постигает жизнь и приобретает такт, хранящий, напутствующий её».

О том, с каким искусством Л. Леонов умеет нарисовать тот или иной жизненный эпизод во всей реалистической верности деталей, говорят многие удачные «жанровые» отрывки его романа, лишённые туманящего и охлаждающего налёта философской символики. Прежде всего это относится к самым тонким и проникновенным в романе страницам, посвящённым детству и юности Вихрова.

Вот, например, эпизод, когда мальчонка Ваня Вихров от чьего-то озорного пинка

влетает в комнату, где кутит лесопромышленник Кнышев. В картине, которая перед ним открывается, есть что-то от жанровых полотен «передвижников», и, кроме того, это сделано Л. Леоновым так, будто это буквально ты сам пролетел полкомнаты по воздуху и шлёпнулся на пол, потирая ушибленное место и озираясь «в довольно просторной комнате, расписанной синцой под казанское мыло, и с красной плюшевой мебелью. На диванчике, лицом к спинке, спал в одних носках курчавый толстозадый дядька в гусарке с прорезными карманами на распахнутых фалдах; лакированные, с кокардами сапоги его стояли возле. Поодаль, у зеркала, пудрилась какая-то долговязая, без кровинки в щеках, но с бездонными промоинами под нарисованными бровями, и на ней было чёрное, шемящей красоты платье и шляпища с ниспадающими перьями... она курила длинную папиросу, а дым тонкой струйкой вытягивался в окно, как бы в обход пророка. Последний оказался рыжим раскольничьим, не с Ветлуги ли, начётчиком в долгополом, замасленном и в обтяжку полукафтаны, с ремённой лестовкой, которую зачарованно трогал лапкой откуда-то взявшийся котёнок...» Как хорош здесь «мальчишеский» угол зрения (шляпища, толстозадый дядька) — вплоть до того, что котёнка под креслом лучше всего видеть именно с полу, и точнейшее ощущение догорающего грубо-порочного кутежа, переданное уже недетски в «бездонных промоинах» глаз кокотки и в тихом, в обход кого-то, движении струйки дыма. И далее, при появлении самого Кнышева, ещё ощутимее становится атмосфера типичного судорожного «загула» хищника, испуганного стихией, которую он сам разбудил.

А вот другой мир, другая картина. Салон мадам Грацианской, атмосфера декадентской сумеречности, вычурности, соединённая с педантичным барственным «порядком»: «...уютная барская квартирка, с мерцаньем зеленоватых торшерных ламп на коврах, — а лица и мысли оставались в тени! — с декадентскими водорослями на бархатных портьерах и уставленная развесистыми пальмами, мимо которых с ловкостью золотых рыбок сновали молоденькие горничные». Забавно, как постепенно барская квартирка превращается в... уютный аквариум с золотыми рыбками и пря-

чуцимся в тени водорослей какими-то более значительными рыбинами (кстати, несколькими строками ниже хозяин дома прямо сравнивается с «уснулой рыбиной в сюртуке»). И какой интонационно-смысловой ход в одной фразе! Сначала слова уменьшительные и неполного качества, говорящие об уюте, полусвете, — квартира, мерцание, зеленоватые лампы; затем слова как будто с французского, рисующие колорит благоустроенности и живописности — торшерные лампы, пальмы, бархатные портьеры — и вместе с тем передающие характер излишества, вычур, неожиданности, — развесистые пальмы, водоросли... И в зеленоватом мерцании меж водорослей бесшумно и ловко двигаются «золотыми рыбками» горничные (ведь золотые рыбки всегда были в услужении, «на посылках»). И постоянно держишь в уме оценку всей картинке — «лица и мысли оставались в тени».

Мы подчас видим излишнюю напряжённость, экзальтацию, а иногда и тягостную односторонность в идеальных порывах, в любви и восторгах положительных героев романа «Русский лес». Но столь же обострённую ненависть этих героев ко всему чёрному на земле — к «фашизму в любом его виде», к «двойной игре, удару из-за угла...» — читатель разделит целиком. Это чувство — живое, современное. И то обстоятельство, что Л. Леонов отразил смертельную борьбу зла с добром и увидел знаки этой борьбы в нашей действительности, придаёт особую ценность его произведению.

«Она огляделась, и всё до кончиков пальцев похолодело в ней, это был тот самый кабинет... Стопка чистой бумаги лежала посреди стола под охраной бронзового зверя на чернильнице, и сквозь хрусталь, налитая наполовину, поблёскивала самая ложь — тусклая жидкость такого невероятного сгущения, что капли её хватило бы очернить любое на земле... Она увидела перед собой осунувшееся, складками вниз, как при неумолимом недуге, лицо с холодными, предельного беспощадства глазами в нём... Но, значит, и он узнал в ней свой призрак, мучивший его наяву и в сновидениях, — по этим гневно взведённым бровям, по гадливо опустившимся углам рта, по чуть печальному речевому складу, как-ким обычно произносится приговор... И от

того ли, что всё равно не дотянуться ей было до него или вспомнила милицейские запреты поступков такого рода, но только в последнюю минуту она переменила своё решение. Чернильницу нашарила рука, и, прежде чем тот успел закрыться наглухо, Поля в упор выплеснула её Александру Яковлевичу в лицо».

Так заканчивается роман «Русский лес». Правда, за этой сценой следует ещё несколько страниц — поездка Вихрова на родину, встреча с Еленой, с детьми, самоубийство Грацианского, — но это всё уже потом, это как облегчающий выдох после патетической нестерпимости сцены этого сведения счёта с прошлым, этого самосуда советской девочки над некоей опасной мерзостью в обличье прославленного профессора.

Чтобы убедиться во всей необходимости и блеске этой долины расплаты, нужно вспомнить эпизод, где Грацианский в фехтовальном выпаде с ненавистью вонзает тросточку в беззащитное лонце, из которого вытекает живая родниковая вода. Такой мсмент, в его символическом значении, не мог остаться не отомщённым, не очищенным, и он не мог быть отомщён и очищен, скажем, сценой прихода милиционера к Грацианскому. Только равноценный по экспрессии эпизод мог удовлетворить чувство автора и читателя. Таким эпизодом и стала в романе конечная встреча Поли с Грацианским в кабинете с тёмными портьерами, когда светлый, «сердитый» ручеек настиг-таки своего осквернителя в его дурном гнезде и дал сдачи.

В приведённых сценах две враждебные силы в романе сходятся ближе всего, грудь в грудь. В промежутке между этими эпизодами течёт «река жизни» с ежедневной службой, работой, идейной борьбой с переменным успехом, несчастьями и радостями, с приятельством и даже с посылкою книг в дар противнику. И только на всемирном экране отражается та потаённая, крепкая, до конца взаимоненависть между персонажами романа, которая находит, в конечном счёте, выражение в сценах страшной войны, начатой фашистами. Недаром же в момент окончательного расчёта с Грацианским Поля думала, что лицо у него «совсем как у того, кто кружил над нею в ночи московских налётов и однажды в чистом поле расстрелял старика Афанасьева... и кто вел её за руку к немецкой

землянке в Шихановом Яму, и который позже выпытывал у неё в допросе какие-то сокровенные сведения о восточном про-странстве».

Возникает, однако, сам собою вопрос: откуда эта ненависть именно к Грацианскому? Почему здесь ведётся битва, такая тяжёлая и опасная, что если бы людские потери здесь выражались в тех же формах, что и в настоящих боях, то страницы «Вестников», библиографических отделов, трибуны дискуссий окрасились бы кровью? Ведь грацианские ни заводов не взрывают, ни скот не травят, и, в конце концов, только возбуждённая фантазия могла воспринять эпизод с палочкой, воткнутой в ключевой песочек, как кошмарное злодейство.

Эту загадку необходимо разгадать.

Л. Леонову всегда было свойственно умение в особенно резкой форме показать жестокость взаимноисключающей борьбы во всех сферах деятельности и морали. Им создана целая галерея образов врагов, одинаково отвратительных и обречённых, — будь то профессиональный диверсант, разведчик капитализма, или развращённый, тупой насильник — солдат фашистской армии, или человек, купивший себе жизнь ценой сознательной подлости, или, наконец, воинствующий мещанин, ко всему приспособленная личность, которую так же трудно «вывести», как жирные пятна на скатерти. Иногда Л. Леонову бывает свойствен даже излишний интерес к душевному «подполью» отрицательных персонажей, ненужное «раскапывание» неинтересных и часто мнимых «глубин».

Это говорилось о Л. Леонове не раз, и это, в общем, верно. Но в изложении спора Грацианского и Вихрова и той драмы, в которую этот спор вылился, Л. Леонов идёт, в основном, по пути больших наших писателей, в особенности же путём Горького в «Климе Самгине». Л. Леонов создаёт в Грацианском тип той гнусности, которая, умело и с изощрённой лживостью прикрываясь высокими понятиями и идеями, возможна на виду у всех и в нашем обществе, к глубочайшему вреду для великого дела.

В самом деле, что происходит между Вихровым и Грацианским?

В течение десятилетий в социалистической науке о лесе царит раздор: два течения борются между собою. Одно, почти

единолично представленное трудами профессора Вихрова, защищает идеи прогрессивного русского лесоводства. В период послереволюционного восстановления и стройки, в условиях величайших лесных трат Вихров призывает не относиться к лесу варварски, лишь как к строительному материалу и топливу, не транжирить советское «зелёное золото», но брать лес бережно, с разумом. Это продиктовано высоким взглядом на проблему леса, при котором в учёт берутся и счастье будущих поколений и сегодняшнее процветание, так как именно лес поддерживает плодородие, климат и т. д. Казалось бы, что здесь спорного? Но, при неполном понимании, тем более при известной передержке, это вихровское воззрение может показаться одиозным; даже друг Вихрова, крупный партизек Крайнев, называет его теории «преждевременными».

Что же касается противников Вихрова, темпераментно предводительствуемых другом его юности профессором Грацианским, то они выглядят настоящими революционерами и слугами народа. Главное для них — требование «момента»: никто не смеет ограничивать использование всех благ земных, говорят они, народом, строящим новый мир; не должно быть места никакому устарелому, провинциальному сентиментализму, когда речь идёт об увеличении темпов социалистической индустриализации! Всякая книга Вихрова вызывает блестящую отповедь Грацианского; он бьёт пулемётным боем в очередной том соперника, накалявая из него «щепы», как острая его приверженцы. В статьях Грацианского блестящий анализ убеждений Вихрова сочетается с блестящей демагогией и блестящей клеветой; но эти статьи воспринимаются как полезнейшее и убедительнейшее указание со стороны вдохновенного представителя передового крыла советской науки.

С годами дело доходит до того, что помеченная репутация Вихрова «не просыхает ни на одни сутки» и само благополучное течение его жизни всё время находится под угрозой. В конце концов Вихров, утомлённый ядовитыми публичными «разносами», в обстановке вражды и недоверия к нему, приходит на старости лет к мысли об уходе от научной работы — снова в лес, к невидным занятиям своей молодости. И всё выше в глазах современников поднимается фигура

Грацианского, бдительного и неотступного охранителя прогресса и идейной ясности.

Лишь постепенно люди начинают понимать, что «наука» Грацианского лишена положительного содержания, что она, по существу, бесплодна и живёт чужими соками, что она точна до полной расплывчатости и бдительна до беспринципности, что не было бы Вихрова — не было бы и блестящих «критик» на него. (Впрочем, как знать, — тогда Грацианский выплыл бы в кого-нибудь другого.) Деятельностью Грацианского заинтересовываются высокие инстанции, которые обеспокоились, не слишком ли у нас сводятся леса. Но действительная гибель Грацианскому приходит с другой стороны: о нём вспоминают «хозяева», глубоко ценящие и понимающие подлость. Тени прошлого обступают Грацианского. Отмщенные идёт и с этой стороны. Настаёт наконец встреча с дочерью публично очернённого им честного учёного Вихрова. И Грацианский окончательно распадается и почти мистически спасается в смерти. Вслед за тем торжествует правда нашей жизни: беззаветный труженик, друг леса Вихров оправдан, ему предстоит важная государственная работа по сохранению и приумножению лесных богатств нашей страны.

Л. Леонов не спешит расправиться с враждебным ему и нам персонажем каким-нибудь административным способом, хотя поводов для того в романе сколько угодно, — мы неоднократно видим зло почти торжествующим, упоённым. С другой стороны, положительные силы у Леонова не возносятся «просто так», по природе своей, без борьбы. Эпизоды борьбы передового, внутренне жизнетворного с безнадёжно старым, мертвящим не решаются «в два счёта», и сами эти понятия и явления выступают не в лабораторной чистоте, но в действительной противоречивости.

Какие же всё-таки типы, какие условия нашей действительной жизни вобраны этими центральными образами романа «Русский лес»? Чем подвигнут некто Грацианский на свершение своих противостественных и громких дел? Что означает конфликт, исследованный Леонидом Леоновым?

Образ Александра Яковлевича Грацианского — деятеля «на ниве, пускай несколько неопределённого профиля, однако ни в малой степени не подлежащего обсуждению смертных», как сказано в романе, написан с сарказмом, на первый взгляд не

знающим границ. Художник в каждой строке, посвящённой Грацианскому, двигаясь из глубины его психологии, всё беспощаднее дискредитирует его. Но, несмотря на жёсткость образа, мы видим, что почти всюду писателем соблюдена та мера, при которой бесконечно антипатичный экземпляр рода человеческого всё же не выходит за рамки реально возможного. Почти нигде у читателя не возникает такого чувства: «Почему же герои романа не видят, что перед ними «гротеск», а я вижу? Так не может быть». Грацианский, при всём его цинизме и отчуждённости подлости, живёт на страницах романа как особь несколько странной, но несомненно существующей породы.

Быть может, основное, что выделяет автор в Грацианском, — это его неуловимый, двоящийся, ускользающий в «мелкой колдовской ряби» духовный облик. В юности у него, пылкого основателя тайного общества «Молодая Россия», на книжной полке — Маркс и Рамачарака, в барской квартире — динамит для террористических актов и рояль для «симфоний цвета». В освободительной борьбе против царизма, которой он неподкупно увлечён, Грацианский избирает самый странный, граничащий с психопатией способ «миметизма» — проникновения в органы правящего в России класса, чтобы доводить их палаческие методы до кошмара и абсурда, обман — до суперобмана, расстрелы — до массовых истреблений и тем самым добиться народного возмущения и развала монархии. Но монархия разваливается совсем по другой причине и без помощи Грацианского, «вождистские» его намерения не сбылись.

После революции Грацианский становится крупнейшим авторитетом в самой мирной отрасли науки — в лесоведении. Он «убежал» в лесоведение. В начале романа из уст Натальи Сергеевны мы узнаём, впрочем, что он «не совсем лесник... я бы скорее назвала его просто выдающимся деятелем в этой области. И вообще — это человек большой трагической судьбы и разнообразнейших дарований». А в начале второй главы есть новые сведения о Грацианском из иных уст: «...всесторонняя, кроме самого леса, эрудиция, рзязщий сарказм и великодушная недоговорённость относительно причин вихровских заблуждений».

Ничего уловимого, определённого, кроме одного, доминирующего — «просто выдающийся деятель».

С течением событий эта черта — зыбкость, неопределённость — выделяется всё более. «Двусмысленные печальные вздохи при встрече с Вихровым: дескать, мы-то всё понимаем с тобой, брат... но что поделаешь: эпоха! И хоть это вовсе не огносятся к делу, почему-то глаза у него раздвигались при этом, так что один проникновенно и, можно сказать, вполне перпендикулярно уставлялся в переносицу собеседника, другой же отъезжал в сторону и чуть поверх плеча, куда-то в недоступный никому тайничок».

Двусмысленные улыбки, фантастические двойные глаза...

Потом встреча с Полей в бомбоубежище: «...образово-показательная внешность стойкого бойца за нечто в высшей степени благородное», но скользкая, неточная речь, в которой «временами явственно вскипал газированный ядок сомнения», и плед, повернутый клеткой вниз, чтобы не очень выделяться среди «простых людей».

И ещё одно внушительное сопоставление: «...продолговатое, аскетической худобы, овеванное непримиримым величием лица» — и рассказ Таисы о том, как, заглянув в щель двери Грацианских, она увидела, что «они там при раскрытых окнах рис на полу проветривают... Про чёрный день, ежели что... пока не наладится».

Так на протяжении всего романа — или издевательскими примечаниями автора к тому или иному моменту «героической» деятельности Грацианского, или просто гадливостью и подозрительностью, которые этими моментами вызываются в читателе, — всем вместе создано впечатление нехорошей, блудящей, сумеречной фальшивости облика и поведения «просто выдающегося деятеля».

В самом конце романа, когда всё уже, в общем, ясно, Грацианский вдруг опять ускользает от нас в том эпизоде, когда Вихров неожиданно даже для себя откапывает в душе своего удачливого и почтеного противника невиданную в наши веки мертвечину — целую научную систему автоподготовки к наложению на себя рук. А когда в последней сцене, после полевой выходки, «всё существо Александра Яковлевича как бы раздвоилось, и одна, уже покинувшая его половинка его души как

бы спрашивала другую: скоро ты там?» — вдруг чувствуешь Грацианского уже не как человека и деятеля, хотя бы и неопределённого профиля, но как наваждение, как «местную разновидность нечистой силы».

Прекрасно найдена писателем «индивидуализация» образа от внешних деталей — длинноволосости, ножичка и пенсне в замшевых футляриках, частых упоминаний о мифической «гороховой похлёбке», ежедневных прогулок для накопления гемоглобина и фальшивой «согбенности» — до деталей поведения в удивительной историйке с «обобщением» кокетки Эммы. И везде этот двойной ход, двуслойчатость: внешне — героизм и талант деятеля, а по существу — такая мизерность, которая делает «героя» и «деятеля» мельче сыщика Гиганова и недостойнее наёмной полицейской «незнакомки».

Насколько разработана у Леонова психологическая сущность этого образа, показывает, например, эпизод с попыткой привлечь Грацианского в жандармские провокаторы. Несмотря на то, что в течение всей этой сцены Грацианский жалок, положительно жалок, особенно рядом с мудрым змием, полковником Чандвецким, писатель не позволяет ему пасть здесь же, сейчас же (хотя, в сущности, глубже пасть нет возможности). Грацианский уходит от жандарма «героем», судорожно и недостойно дерзя ему, — уходит для того, чтобы через некоторое время так напачкать, так бездарно «вляпаться», что торжествующий Чандвецкий вправе соединить руки провокатора по профессии Гиганова и провокатора по внутреннему расположению Грацианского в одном уравнивателе их жатии. И посмотрите, чего униженно и отчаянно просит, забыв о рояле для «цветовых симфоний», Саша Грацианский у своего повелителя. Подумайте только, что, по его мнению, может спасти и очистить его: «Не найдёте ли вы возможным, господин полковник, дать распоряжение о моём аресте... хотя бы на месяц-другой?» Он настолько, во всяком случае, чист, что после совершенной пакости не может не попросить посещать себя немножко.

К художественно-образительным средствам обрисовки Грацианского нужно причислить не менее важные места, которые объясняют формулируют его духовный мир, — например, рассуждение о том, чем была для Граци-

анского Россия: «...Грацианский, возможно, и любил Россию, только без радостного озарения, без молчаливой готовности проститься с жизнью ради неё, как это свойственно тем, кто создаёт повседневные ценности и славу своего отечества. Грацианский любил её как необыкновенной прелести экзотическую тему, зародившуюся в распадные годы его созревания».

Огромное значение имеет в романе также очерк «революционной» психологии индивидуалиста и приспособленца, сделанный жандармским полковником Чандвецким. Здесь есть мысль, открывающая некоторые загадки психологии ничтожеств, которые в иных исторических обстоятельствах становятся «божыми бичами», «фюрерами» и т. д.:

«...Осознанное ничтожество не меньшая сила — тот же талант, лишь с обратным знаком... Такие-то и нужны нам... Я не сулю вам хорошо меблированного философского покоя, Грацианский, и не на должность Гиганова приглашаю вас, но в главные демоны, которые оставляли самые глубокие, донныне кровотокающие следы в истории этой злосчастной планеты. Лишь крупного шага человек способен перешагнуть этот ров, отделяющий вас, может быть, от подлинного величия... с обратным знаком, разумеется!»

Многие черты образа Грацианского сближают его с образом Климата Самгина из эпопеи А. М. Горького. Но Грацианский — это Самгин, переживший революцию, это мещанин, вползший в социализм и источающий уже сюда, к нам, свои яды.

Л. Леонов писал когда-то: «Считаю мещанство самой злой и непреодоленной покуда опасностью... Ветхозаветный мещанин ничто в сравнении со своим пореволюционным потомством. Нынешняя отрасль его, прокалённая огнём революции, хитра, предприимчива и мстительна... Защищённый отовсюду всевозможными жетонами благонадёжности и стопроцентности, он тихо поедает корешки здорового дерева». Грацианский — птица более высокого полёта — не только корешки поедает, он принимает и прямо за крону; поэтому век его короче, но и эффектнее. Грацианский — носитель патетического мещанского радикализма, выступающего в ореоле бдительности и мнимой идейной принципиальности. Это одна из самых опасных разновидностей замаскированного буржуа. В образе Грациан-

ского сцеплены некоторые ничтожные по сути, но злые силы ума и сердца, помогающие получеловекам вырваться даже в первые ряды деятелей науки и брать на себя роль «перста указующего».

Глубокая, органическая духовная прокажённость делает невозможным для грацианских, несмотря на их любовь к телесным радостям, полюбить жизнь — так её полюбить, что

умрёшь за то, чтоб люди жили,
которых ты не видел никогда.

(Назым Хинмет)

Грацианские — это «сверхчеловеки». Грацианскому втайне нужно бессмертие, но бессмертие лишь для одного себя. Жить в мире, где всё проходит, всё умирает, а ему бы пусть не дано было смерти, — так представляет он себе крайнее удовлетворение и счастье. О, тогда бы Грацианский смог выступить и подлинным героем и защитником угнетённых, потому что он, кроме всего, и дьявольски честолюбив! А без этого личного, телесного бессмертия вся жизнь его — тяжба с роком, отпустившим на всех равный и довольно краткий срок дыхания и зрения.

Как жить Грацианскому в мире, где люди поставили себе целью — построить лучшую, справедливую жизнь не столько даже для себя самих, сколько для детей и внуков? Но, как бы там ни было, нужно жить, и Грацианский примыкает к светлому и честному миру, хотя нет людей, более чуждых ему. Грацианский сам говорит, что «предпочёл бы прочесть всё это потом, в учебнике начальной школы, на трёх страницах с приложением подобающей картинки... о взятии Зимнего дворца».

Грацианские подчас выглядят убеждённое, героичнее и безупречнее, чем «простые смертные», пашущие землю и берущие штурмом дворцы. Но это оттого, что, не в силах органически войти в жизнь, которой «вещества» их органы не усваивают, грацианские умело улавливают некоторые ведущие тенденции, принципы, требования и вцепляются в них и как-то так их повёртывают, чтобы те оказались им по росту. С этого момента начинается решающий этап деятельности грацианских — деятельности, «неопределённый профиль которой, однако, не может быть подвергнут никакому обсуждению». Во всём, что они совершают, высоко и особенно воинственно

неся знамя самых святых идей века, мы видим лишь одно их око, уставленное «перпендикулярно» и, можно сказать, вполне «перпендикулярно», другого же не видим — оно, помните, отъезжает в некий «тайничок», который всегда у них есть. Грацианские, если они работают в науке, пишут «вполне перпендикулярные» предисловия и громящие каких-нибудь дельных учёных «перпендикулярные» статьи. В искусстве грацианские — представители тех «перпендикулярных» теорий и направлений, которые лишают искусство его «крыльев» и жизненно правдивого содержания. Они во всём умеют видеть прежде всего ошибки. Не занимаясь сами изучением новых проблем, они живут только тем, что ищут ошибки у других. И чем больше находят ошибок, тем веселее движется кровь в жилах грацианских. По существу, их временное торжество — это, говоря словами Л. Леонова, «торжество трусливой силы» и, прибавим, бездарности. Впрочем, порою это и не в прямом смысле бездарность: Александр Грацианский, как говорит о нём женщина, которая его любит, — «человек трагической судьбы и разнообразнейших дарований». Однако Сальери тоже ведь был не бездарен, но мог лишь творить сверхправильное, а не живое в музыке и носил в кармане яд Моцарту; так и у грацианских во всей их даровитости есть какая-то скванность, в сущности — смерть. Это навсегда отделяет их невидимой завесой от подлинной, непринуждённой творческой силы, им недоступной. И никогда никому они не прощают своих разочарований, своей «трагической судьбы» — ни в политике, ни в любви, ни в искусстве.

Своё главное оружие — миметизм — они употребляют не только для осуществления своих бонапартистских замашек и надежд, пытаясь стать во главе масс в их справедливой борьбе против зла. Нет, грацианские переделывают свой подрывной метод на разные лады. Они фабрикуют для того, чтобы возвыситься над свободным народом, новые варианты «миметизма» — в форме ложной ортодоксии, умения взрывать изнутри любое ценное мероприятие, любую животворную идею, доведя их до абсурда. Идейную чистоту в искусстве они пытаются превратить в «лакировку», в обман, лесопосадки, скажем, — в бессмысленное втыкание веток в сухой песок, борьбу против преклонения перед всем чужеземным — в

вынос портретов Ньютона из школьного кабинета или в споры о том, кто первый изобрёл велосипед, и т. д. И ничего полезного, позитивного не дав, лишь «изымая», «удаляя», «накалывая щепы», грацианские стараются добиться того, чтобы их признали наставниками, чтобы при одном их имени у людей их профессии слабели колени от восторга и от чувства опасности. В том, что И. В. Сталин назвал «аракчеевским режимом» в науке, также проявляется одна из разновидностей грацианщины.

Так скрытная и скомканная мешанская душа, в силу своего неистовства, приобретает ореол высочайшей мудрости («хотя и без определённого профиля»). У честно и просто работающих людей, которые на самом-то деле гораздо выше во всех отношениях и первые по праву встретят коммунизм, рождается порой смущение: «...может, и вправду так нужно, может, мы... с пережитками?» И скверный «газ недоверия» ползёт от грацианских.

Чем больше заподозренных и скомпрометированных, тем величественнее позиция у «просто деятеля в этой области». Но лишь только оказывается, что мир хорош и люди правы, что доверие лучше недоверия, — должны умолкнуть грацианские, бессильные во всём, кроме умения «двигаться в будущее на плечах идущего впереди».

Грацианским трудно, им труднее даже, чем их антиподам. Они всего опасаются — неожиданного звонка, незваного гостя; для поддержания своей должностной внешности «мыслителя» они должны (как это делал Грацианский из «Русского леса») подбирать себе лбы и т. д. Но пока не случится с грацианскими того, что всегда случается в конце их долгих бесчинств, пока не разглядят люди всю их бесплодность и вредность, сколько плодотворных работ бывает остановлено, сколько людей сбито с панталыку, сколько крови испорчено!

Таков смысл «грацианщины», одного из тяжелейших социально-психологических пережитков капитализма в наши дни.

Приходится иногда читать рецензии и статьи, в которых превозносится смелость того или иного писателя, если он вывел в своём произведении в качестве отрицательного героя не мелкую сошку, а, скажем, секретаря обкома. Утверждают, что в этом-то и важность обличения. На самом же деле похвалы такого рода должны быть

обидны художнику, ибо появившись завтра книга с плохим секретарём край кома — и вчерашнее смелое обличение секретаря об кома будет забыто. Дело художественной сатиры осмеивать явления, а не личности, и не должность тут важна. Приходится вновь и вновь напоминать слова Добролюбова об обличении двух родов, из которых одно «заставляет замирать на юридической почве», а другое «будит в вас человеческое чувство и мужественную мысль». И кстати вспомним, что «человек в футляре», вместивший в себя дичь и гнёт «безвременья», — это всего лишь учитель Беликов, «унтер Пришибеев» — отнюдь не шеф жандармов, а Тартюф — во всяком случае не кардинал.

Но в образе Грацианского совсем не третьестепенным является тот факт, что это профессор, идеолог.

К сожалению, именно в области науки, искусства, литературы складываются чаще, чем в других областях, возможности временного процветания и торжества «грацианщины». Здесь меньше определённости, меньше возможности быстро и убедительно отделить дело от безделья, подлинное знание — от самоуверенного невежества, подлинное новаторство — от карьеристской авантюры. Здесь легче формируются ложные авторитеты, подавляющие подлинную критику, и аргументом в спорах становятся не истины, не доводы, а ряд магических формул, пользуясь которыми грацианские делаются чуть ли не игом совести. И вот в такой стеснённой обстановке Грацианский, не способный выдержать во чистом поле настоящего боя, говорит уже от имени целого коллектива и судит, кто «наш», а кто «не наш». Это он-то судит, несчастный душевный карла, самгинское семя!

В «миметизме» Грацианского Л. Леонов с содроганием запечатлел приспособляемость мещанского индивидуализма, его вместительный диапазон — от мелкого пакощения до горячечной «левизны», до грозного арбитража над человеческим трудом, подвигом, трагедией. Агрессивный мещанин в жажде бессмертия и впрямь питается живой прометеевой печенью, дабы хоть цветом лица с ним сравняться, как говорит об этом в романе жандарм Чандвецкий.

Но для того, чтобы эта зловещая роль коршуна была видна и очерчена наиболее ясно, в романе должен быть и Про-

метей прикованный. Антагонист Грацианского в романе, профессор Вихров, не кажется нам таким Прометеем.

Если в образе Грацианского присутствуют черты, доводящие его порою до мрачного символа определённого социального зла, то Вихров — просто человек. Он во всём, до нарочитости, противоположен Грацианскому — во всём, кроме своего одиночества, — но об этом ниже.

Вместо «величия борца», вместо подозрительного благородства черт у Грацианского — у Вихрова «внешность мастерового полунинтеллигентной профессии», хромота, татарские усы и т. д. Вместо «практической смётки и смертельной хватки» Грацианского, вместо его комфортабельного кабинета и плеча — неспособность устроить свои материальные дела, невзыскательность, старенький, заношенный пиджак, рядовое рабочее жильё. Вместо фосфорической младости Грацианского — простая, «дельная», с воловьим трудом и лишениями молодость Вихрова. Главное в Вихрове — его безоглядная, и поэтическая и трезвая, любовь к лесу, преданность делу его спасения. «Я особенно люблю людей, которые что-нибудь любят», — признавался в одной из статей Л. Леонов, и мы видим, сколь щедро он одарил способностью «любить» своего героя. Бесплодная трескотня Грацианского в Вихрове противопоставлена положительная, без расчётов на сегодняшний эффект деятельность, затеянная на долгие годы негероическая, будничная работа в реальном направлении.

Широкое поэтическое звучание занятиям Вихрова придаёт постоянная мысль о лесе, любимый «образ леса». Есть один чудесный момент перед началом вступительной лекции Вихрова в институте, когда случайно падающий на кафедру ответ от окна, с растущим за ним вплотную деревом, окрашивает не только графин на столе в зелёный цвет, но и на складки пиджачка старого профессора кладёт зелёные блики. И в этом зелёном лесном сиянии «берендей» Вихров читает студентам свою лекцию — песнь русскому лесу. Вихров наделён в романе и энергией учёного-бойца, защитника правого дела в науке, ломоносовской «упрямой». Подчас он отвечает бешеными вспышками гнева на коварные нападения Грацианского. Но слышен в его речах также и стон Ломоносова, уловимый, например, в письме к Шувалову о Сумарокове:

«Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у господя прошу, чтобы мне с ним не знаться. Будь он человек знающий и искусный, пускай делает он пользу отечеству, я по малому таланту также готов стараться. А с таким человеком обхождения иметь не могу и не хочу, которых и духу не смыслил».

Но у Ломоносова и в такие часы усталости чувствуется огромная сила, делающая его символом героической борьбы за правду. В Вихрове же есть черты слабости, незащитности, уступчивости, придающие всему конфликту его с Грацианским характер слишком «данного случая». Хромой, одинокий, покинутый профессор, его горбатая сестра, скудный, чуть что не с акридами стол, эпизод пропажи продуктовой карточки (особенно по контрасту с изысканными лакомствами, которые дарит Вихрову высокопоставленный советский дипломат Крайнев, друг его детства) и т. п. — всё это вносит в облик Вихрова нечто чуть-чуть и смешное, и жалкое, и грустное. Но в целом образ Вихрова, честного и беспокойного исследователя, молчаливо и бескорыстно посвятившего свою жизнь большому народному делу, вопреки всем патетическим и провокационным нападкам, лишениям, одиночеству убежденно работающего для блага родины, говорит о настоящем героизме, о подлинной — без фраз и заклинаний — патриотичности, о действительно честной и чистой жизни, которая всё же лучше «счастья».

Однако есть в истории борьбы Грацианского и Вихрова одна недостаточность, с которой трудно мириться читателю. Оба героя не только в эмоциональной среде, но и в своих делах оставлены совсем один на один, и отсюда, может быть, происходит в романе особенный упор на проблему совести, на индивидуальные психологические различия. Заботы о лесоустройстве и патриотические задачи становятся здесь слишком «личным», немного даже частным делом. Отсюда, надо сказать, и та излишняя терпимость, которую проявляет Вихров к своим врагам. Есть случаи, при которых даже и от кроткого Вихрова ожидаешь бури, возмущения, жалобы. Пример — встреча Вихрова со своим бывшим другом, ныне грубым чиновником Чередиловым, когда уставший, вымокая под дождём, Вихров торжественно и как-то святошески выгова-

ривает бывшему приятелю высокие истины, презирая оскорбления и физические неудобства (он стоит перед Чередиловым, задрал к нему, ко второму этажу дачи, голову, прямо под ливнем). Такие эпизоды, повторяясь, вносят в облик Вихрова сходство с тем философом, который имел страсть утверждать, будто всё хорошо, когда в действительности всё плохо. Есть в этих чертах также та жертвенническая тенденция, которая сквозит и во многих других персонажах. Но это и отличает, например, Вихрова с его внутренней несвободой от близкого ему по устремлениям доктора Астрова из «Дяди Вани» Чехова.

Наиболее ярко пафос кроткой и беспомощной доброты Вихрова выражен в словах Поли, обращённых к Грацианскому: «Мне в книжке одной попалось: есть вши такие на моржах, что и на суше едят их и под водой... и чем быстрее он движется, безрукий и большой, тем прочней они держатся на его коже». Это твёрдо входит в концепцию романа и в ней находит своё оправдание (вспомним беззащитный родничок), но всё же как-то протизвишься признать за непокорного Прометея этого «большого и безрукого», поедаемого паразитами и не могущего от них освободиться и на дне морском.

Лишь этой преувеличенной «безрукостью» сил правды и добра могла бы быть объяснена становящаяся с какого-то момента необъяснимой безнаказанность Грацианского.

Повидимому, то же чувство смущало автора, и потому-то Грацианский в романе не «укоренён» в нашей действительности; Л. Леонов здесь явно ограничил свою задачу.

Невольно чувствуешь разочарование, когда оказывается, что «гайничком», куда «отъезжал» второй глаз Грацианского, было скрываемое воспоминание о дореволюционной, почти случайной связи с жандармским управлением (которая всё же не могла быть, конечно, прощена Грацианскому никогда — ни даже накануне его выдвижения в члены-корреспонденты Академии наук СССР). Артистична по изложению история падения студента Александра Грацианского, эпизоды его связи с «дамой Эммой», путешествия по Петербургу, великоллепны господин Чандвеецкий и «Бродячая собака», эпизод с розами и т. д. Но, обосновывая, в конечном счёте, появление в советской среде такого образчика, как Грацианский,

авантюрной историей с жандармами и особой провиденциальной ролью полковника Чандвеекого, автор соскальзывает на точку зрения, по которой в социальных явлениях и процессах отводится чересчур много места отдельным лицам и обстоятельствам (Герцен называл это «уголовной точкой зрения»). Не жандармы сделали Грацианского таким, какой он есть, а ряд общественных условий, создавших пореволюционную поросль старого мещанства, пытающегося сохранить чуждые социалистическому обществу тенденции, приспособиваясь к новым условиям, и потому, как писал сам Леонов, особенно агрессивного и пользующегося самым отравленным оружием. Этими общественными условиями были и «распадные годы», предшествовавшие Октябрю, и нэп, и некоторые ещё не выкорчеванные в нашей жизни черты и явления, от которых литература подчас с лёгким сердцем отделяется, объявляя их легко исчезающими пережитками и «родимыми пятнами» капитализма, как бы не требующими поэтому серьёзной борьбы. А нам ведь нужна не только констатация наличия пережитков капитализма, но и исследование их, борьба с ними, умение их обнаружить в их новейшей, подчас внешне «советской» форме. Грацианский у Леонова всю жизнь балансирует на кончике иглы, боясь разоблачения своей преступной связи с царской охранкой; но это лишь один из возможных случаев, причём самый детективный. Чаще грацианские в жизни боются разоблачения в более простом смысле, они боются остаться без облачения в придуманные ими для себя достоинства, ибо тогда-то и откроется бездарная, себялюбивая, скверная их сердцевина.

В конце концов, вот уже тридцать семь лет прошло с того дня, когда на свете не стало ни царизма, ни царской охранки. Грацианский — один из последних, кто был связан с нею и дожил до наших годов. Если бы то зло, какое представляет такой Грацианский, и не покончилось с собой само, по-скорпионьи жала себя в голову, оно всё равно скоро исчезло бы: это само по себе вымирающее зло.

Повторим ещё раз, так как вопрос этот — важный, удалось ли Л. Леонову изобразить обречённость не этого Грацианского-охранника, а того Грацианского — пореволюционного мещанина, ещё совсем не старого по возрасту, усвоившего марксист-

скую фразеологию и изучившего все уязвимые стороны нашего обихода, позволяющие ему делать карьеру, не считаясь ни с чем больше? Нет, найдя подлинные черты этого Грацианского, высказав о нём немалую правду, Л. Леонов, непонятно почему, выразил великолепно-верный социально-психологический сюжетный конфликт через не-обязательную полудетективную интригу, своеобразно захватывающую читателя, но несомненно поверхностную. А это имеет очень серьёзное последствие для романа.

Ни биографическое начало вредности Грацианского, ни завершение его жизнеописания в романе не обладают той реалистической точностью, широтой и основательностью, которые привели бы к убеждению, что не только А. Я. Грацианский, но и самая грацианщина неминуемо и скоро исчезнет.

Мы указывали уже, в чём мы видим неправду в «Русском лесе»: это надуманные положения в судьбе Поли и Серёжи, а также многое, что относится в этом романе к изображению войны. Эта художественно нереалистическая часть романа так резко отслаивается от ценной его части, что почти ей не вредит (при этом, однако, вредя роману в целом). Больше дурных последствий имеет, так сказать, полуправда — как в случае с началом и концом биографии Грацианского. Но не только здесь. Трудно сказать что-нибудь определённое ещё об одном персонаже романа — о большевике-студенте, потом видном революционере и, наконец, известном советском дипломате Крайневе, друге Вихрова. Нравится нам юноша Крайнев, нравится определение его основной большевистской черты — «честной, прямой, весёлой силы»; нравится нам Крайнев и в сцене диспута у Грацианских, его великолепное по идее и выполнению «слово» там; нравится его расправа с провокатором Слезневым. Но не может понравиться Крайнев выросший — например, встреча в консерватории, когда Елена увидела в ложе почётных гостей незнакомого мужчину — Крайнева, разглядывавшего её, и, «оправив волосы и отложной воротничок», стала чувствовать в нём представителя «какой-то всезавершающей человеческой науки». Не хороши, наконец, своей искусственностью «внутренние диалоги» Вихрова с Крайневым в трудные минуты и т. д.

Несмотря на своё влияние на главного героя, Крайнев всё же имеет постороннее отношение к действию романа. А учитывая его реальную общественную силу и значение — хотя бы просто по его служебному положению, — можно было бы ждать от него не одних только расспросов о вихровских несчастьях. В такой холодности при виде человеческого несчастья и неустройства — пусть даже Крайнева и отвлекают государственные заботы — есть ведь тоже черта «грацианщины». Впрочем, в одном месте Л. Леонов восхищённо характеризует (правда, устами Грацианского) героев типа Крайнева как людей «ледяного блеска». А мы помним, какой безрадостный оттенок вносит в понимание человеческой чистоты и величия этот характерный эпитет, образ «ледниковых вершин» духа.

Есть в романе ещё некоторые художественно недостаточные решения частных проблем, неясности в разработке характеров. Но, вопреки всей излишней усложнё-

ности, а во многом и недопустимой упрощённости и в развитии общей идеи романа и в психологической разработке отдельных персонажей, мы можем дать себе отчёт в значении поставленных Леонидом Леоновым вопросов и в том, что смертельное столкновение добра и зла, света и тьмы, счастья и горечи изображено в романе порою с большой силой. Грацианский с его «миметизмом» — это образ, яркий и разящий, который поможет людям распознавать некоторые характерные формы реакции, выдающей себя за прогресс, не верить корыстолюбию и эгоизму, выдающим себя за народолюбие и идейную принципиальность. Одного этого было бы достаточно, чтобы признать «Русский лес» произведением незаурядным.

Но, кроме того, есть в романе и привлекательные, светлые образы, которые убеждают в обречённости грацианских и грацианщины. Это делает новый роман Леонида Леонова произведением оптимистическим.

Е. ГОРОДЕЦКАЯ

★

УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Послевоенные годы — пора быстрого и во многих отношениях примечательного роста украинской поэзии для детей.

До войны украинские поэты, обращаясь к детям, лишь изредка, и то большей частью неуверенно, вводили в своё творчество мотивы советской действительности. Такие произведения политического значения, как, например, «Избушка над озером» Н. Заби-лы или её же «Про всех», насчитывались единицами. Иную картину мы наблюдаем в послевоенные годы. Явления и события большой советской жизни всё более широким потоком вливаются в украинскую поэзию для детей и ныне в ней главенствуют. Начало этому движению положила война, всколыхнувшая до глубин всю жизнь народа, вошедшая в каждый дом, в каждую семью. Ведь дети были не только свидетелями и жертвами великой битвы, но порой и её активными участниками, случалось, и героями.

Знаменательно, что «Сирітка» Павла Тычины — произведение, исполненное драматизма, — адресовано детям. В деревне, истреблённой фашистами, осталась одна живая душа — маленькая девочка. Она лежит на земле, взывает к матери и брату, замученным палачами, спрашивает, что ей делать. На её горестные думы мёртвые откликаются живыми голосами. Они повелевают ей идти к партизанам. И вот она уже больше не сиротка, которая плачется на свою горькую долю, а вестница страшного преступления, требующая мщения. Голоса мертвецов в этих стихах — не условность, они звучат реально и властно. Трагизм тут сочетается с неукротимой волей к жизни, к торжеству справедливости.

Обогащению тематики сопутствует дру-гой, не менее важный процесс.

Стихи для детей ещё очень редко отражают внутреннюю потребность поэта поговорить со своими читателями о том, что волнует, радует или мучит его самого. Они обычно пишутся впрок и потому, что, по приблизительным представлениям автора, могут оказаться полезными детям или послужить пособием воспитателю. Даже умело написанные стихи часто производят впечатление изделий, выполненных ремесленником более или менее высокого разряда, и лишены живого огня. Решительный поворот к большим событиям и жгучим вопросам современности выводит поэзию для детей на широкий путь, создаёт простор для проявления индивидуальности.

Литературная деятельность Платона Воронько — одного из наиболее талантливых поэтов послевоенного призыва — свидетельство того, что те признаки нового понимания задач поэзии для детей, которые мы отметили, говоря о «Сирітке», не случайны. В лучших стихах Воронько для детей живо ощущается дыхание времени, высокая волна чувств, поднятая в народе бурными событиями. Вместе с тем они носят отпечаток личности поэта, нередко автобиографичны.

В первой книжке Воронько («Три счастья») помещена вдохновенная маленькая поэма «З Німеччини в Чернечину». Образ Катруси, юной героини поэмы, дышит подлинной жизнью. О Катрусе говорится очень мало, а кажется, что она стоит перед глазами — простая, ясная, несмотря на пережитые страшные испытания. Она очень сдержанна в жалобах и совсем не произносит возвышенных слов; она радуется обновке, первым делом просит «насыпать» ей борща. Но какая в ней чувствуется сила! С захватывающей живостью изображено стремление девочки, неудержимо, как птица, прорывающейся тысячеверстный

путь из немецкого плена на родину сквозь встречный поток наступающих советских армий. Читателя увлекает порыв, пронизывающий всю ткань произведения.

Лучшие стихи Воронько сюжетны и вместе с тем проникнуты лиризмом — явление, не совсем обычное в поэзии для детей.

Вот стихотворение «Сад». Простые строки, доступные любому возрасту.

Півтонна бомба впала в сад,
І сад згорів, пропав.
Тоді з війни прийшов солдат —
Він яму закопав,
Осколки викидав у рів,
Зносив головошки.
І знов під тінню яворів
Приймаються грушки.
І знову ранні солов'ї
Співвають у саду.
І знову косять перії
І полять лободу,
І знову червень дощовий
Плоди пояливав,—
Аби господар був живий,
Земля буде жива.

Для ребёнка это бесхитростный маленький очерк о саде, который был разрушен и потом восстановлен. Для взрослого читателя — дума о стране, возродившейся из пепла. Заключительное двусишие запомнится, как поговорка. Содержание таких стихов растёт вместе с читателем, по мере того, как обогащается его способность к ассоциациям.

Платон Воронько не поучает детей, не растолковывает им элементарных истин, не разговаривает с ними, как наставник. Он делится с детьми своими мыслями и чувствами, созданиями своего творческого воображения. и делает это такими средствами, что дети его поймут.

Можно сказать, что «Липка», например, учит бережному обхождению с растением. Так оно и есть. Однако в этом стихотворении нет ни одной назидательной интонации; липка Воронько вызывает нежность, как живое существо. Можно сказать, что задача маленького стихотворения «На жнивях» — объяснить важность собирания колосков. Однако в нём нет никаких напоминаний о долге. Есть дети, солнце, поле, колоски на колхозном току и колоски в советском гербе, сливающиеся в одну полную значения картину. И мальчик Помогай — не притча, сочинённая в пример или в укор нерадивым, а весть о том, что такой мальчик есть, что он живёт среди нас. Помогай реален,

как реален неутомимый Никодим из стихотворения «Полевод» или солдат, которого сейчас, в мирном труде, как и раньше, на войне, не могут остановить никакие преграды («Солдат»).

Разговор поэта с детьми становится более задушевым и серьёзным. Это — важное событие в поэзии для детей, где личность писателя обычно не чувствуется, а произведения делаются для такого-то возраста, а дальше, как недомерки, ни для кого не годятся. По-иному, чем прежде, звучат стихи писателей старшего поколения, однако ещё примечательнее появление целого ряда молодых поэтов, посвящающих своё дарование детям и движущих детскую литературу вперёд.

Интересный цикл стихов, характерный для нового этапа в украинской поэзии для детей, написал молодой поэт Богдан Чалый. Стихи знакомят юных читателей с послевоенными событиями в ряде зарубежных стран: в США, Англии, Малайе, Греции, Испании, Китае, Японии, Венгрии, Албании. При работе над такой тематикой недолго оступиться: впасть в сочинительство или ограничиться общими схемами. Чалый в большинстве случаев избежал этой опасности. В лучших произведениях этого цикла поэту удалось дать нечто существенное и достоверное, нечто определённое в отношении места и времени.

Удачен прежде всего выбор ситуаций, рассчитанных на то, чтобы осветить узловый момент в послевоенной истории той или иной страны.

Юный партизан-разведчик попадает в Афины, узнаёт, что немцев прогнали, но хитосы при поддержке английских империалистов предприняли поход против рабочих и крестьян.

Осиротевшую Ван-го, странствующую со своими сестричками в джонке по реке Хуан-Хэ, мы встречаем в те дни, когда Япония разгромлена, в стране хозяйничают китайские реакционеры и американцы, но где-то на берегу реки уже твёрдой ногой стоят народно-освободительные войска.

Из стихов Чалого читатель узнаёт, какие способы враги применяют в борьбе против стран народной демократии, кто вдохновляет и финансирует шпионов и диверсантов; он узнаёт, как в Нью-Йорке встретили храброго негритянского солдата, вернувшегося на родину после войны с фашистами, и т. д.

Вогдан Чалый создал на этом материале свой жанр небольшого сюжетного произведения, названного им балладой. Политически острый замысел, рациональная композиция, драматическое развёртывание события, рисунок скупой, чёткий, небогатый оттенками, но достаточно выразительный, сжатое, энергичное изложение — таковы свойства лучших баллад Чалого.

Наиболее крупное и наименее удачное произведение этого цикла — поэма «Будеш, дівчинко, рости». Главное действующее лицо поэмы — сиротка Дженни. Отца убили на войне, мать умерла, девочка нищенствует. Голодная, утомлённая, она засыпает в подъезде какого-то богатого дома. Полисмен толкает её ногой, ругает за нарушение порядка. В этот момент прибывают хозяева дома, кинофабрикант и его жена, они вступают за Дженни: она кажется им подходящей для роли юной корейской партизанки в новом фильме. Уже в эту минуту поведение девочки вызывает некоторое недоумение: только что она, по словам автора, просила на улице милостыню у американцев-господ, а тут она вдруг заявляет незнакомым людям, вступающим за неё: «Вы буржуи, не хочу к вам».

Так или иначе, после такой завязки ожидаешь, что дальнейшее содержание поэмы составит конфликт между Дженни и её хозяевами. Мы всячески подготовлены к этому автором: Дженни знает о Советском Союзе, о Сталине, о Зое Космодемьянской; полицейскому, который хочет отвести её в участок, она бросает в лицо: «Скоро вам будет крышка»; к хозяевам дома она соглашается идти только потому, что они артисты.

Роль маленькой корейской партизанки Дженни играет с подлинной страстью, отождествляя себя с героиней. Мы ждём, что с этого начнётся ряд столкновений между юной актрисой и её работодателями. Отлично понимая выгоды, которые ему сулит природный талант девочки, кинофабрикант постарается подчинить его своим интересам, придать образу партизанки своё толкование, будет действовать на девочку то подкупом, то нажимом и встретит сопротивление. К сожалению, история работы Дженни над ролью скомкана. Только сцена казни партизанки использована автором. Дженни плюёт в глаза палачам. Это не было предусмотрено сценарием и вызывает гнев хозяина. Он избивает девочку. И снова

мы недоумеваем: Дженни молчит, причём её молчание автор считает героизмом — ведь Зоя молчала, когда её пытали. Но не странна ли такая интерпретация? Молчать, когда тебя истязают гестаповцы, требуя, чтобы ты выдал товарищей, — это героизм. Но какой героизм в том, чтобы молчать, когда тебя избивает работодатель?

Дальше поэма поворачивает в совершенно новом направлении. Не используя реальной жизненной ситуации с фильмом о Корее, автор вступает на путь условностей и выдумок. Фильм благополучно закончен и вышел на экран. Пресса отзывается с восхищением об игре маленькой артистки. Дела кинофабриканта поправились. Он подумывает о новой постановке с участием Дженни, но вот беда — девочка растёт. Начинаются лихорадочные поиски средств, способных остановить рост Дженни. Её моят голодом, не выпускают на свежий воздух. Фабрикант приглашает врача и требует от него средств, могущих задержать рост девочки. Как же себя ведёт во время всех этих истязаний гордая, свободолубивая Дженни? Автор нам об этом ничего не сообщает. Мы узнаём только, что в конце концов ночью, когда хозяева уснули, Дженни убежала.

Ясность замысла и строгая логичность композиции — свойства лучших баллад Чалого. На этот раз поэт изменил своим хорошим правилам, пошёл по пути неубедительных комбинаций.

Большую и ответственную задачу поставил себе Иван Нехода. Он написал для детей повесть в стихах — «Солдат Мао Цзэ-дуна».

Малолетний рабочий шелкопрядильни, выведенный из терпения истязаниями и преследованиями, бежит в стан Мао Цзэ-дуна, затем вместе с победоносными народными войсками возвращается в родные места. Герой повести продельывает, как видим, большой путь в пространстве и во времени. Такой сюжет предоставлял возможность дать широкую картину великого движения, закончившегося торжеством китайского народа. Иван Нехода использовал эту возможность в очень скромной мере.

Первые главы, рисующие положение детей на фабрике, бегство юных героев, их пребывание у рыбаков на реке Янцзы, написаны эмоционально. Автор оперирует достаточно известным, но всё же реальным материалом. Много слабее главы, которые

должны познакомить читателя с Народно-революционной армией, с её борьбой и победой. Облик юного героя, характер которого намечался в первой части, не только не обогащается новыми чертами, но совершенно расплывается, теряет выразительность. Его роль в качестве разведчика неясна, туманный рассказ о его действиях неубедителен. Описания боёв неконкретны. Людей нового Китая, бойцов и командиров Народно-революционной армии в повести нет. Всё повествование в этой части лишь весьма поверхностно и условно связано с китайской действительностью.

Поэтам, в том числе и тем, которые пишут для детей, надо дерзать. Иван Нехода проявил большую смелость, избрав такую тему, но не проявил необходимой энергии и воли, чтобы завершить своё произведение, по крайней мере, на том уровне, на котором он его начал.

Наталья Забила — детская писательница по призванию. Она превосходно знает и чувствует свою аудиторию. Тон её — ровный, спокойный, материнский, проникнутый доверием к маленькому читателю. Главное действующее лицо её стихов — чаще всего девочка, добрая, ясная, с открытой душой. Естественный, благозвучный стих, безошибочный выбор слов, всегда уместных, конкретных, не слишком замысловатых, не слишком броских, но достаточно богатых оттенками, — почти неизменные достоинства её произведений. Предмет стихов Н. Забилы в большинстве случаев — непосредственно окружающие ребёнка явления: природа, семья, детский сад. Сюжеты просты, жизненны. Изобретательство, эксцентричность, неожиданные взлёты фантазии чужды дарованию Н. Забилы. Пожалуй, её высшим художественным достижением надо считать «Крабенья». Рассказ о том, как ребёнок поймал в море крабёнка-несмышлёныша и затем выпустил его на волю, пленяет игрой живых красок и интересным развитием события, ничем, казалось бы, не замечательного. Лишь изредка Н. Забила принималась за темы, не входящие в тесный круг повседневной детской жизни, но и тогда она умела находить путь к детскому сердцу. Такова, например, её «Избушка над озером» — рассказ о днях, проведённых Лениным в доме финского рабочего над озером Кафи-Ярви.

Наиболее значительными произведениями Забилы и по размерам и по идейному за-

мыслу являются «Повесть об Октябре» и «Наша родина».

В «Повести об Октябре» Забила использовала традиционный приём: маленький Лесик спрашивает, дедушка отвечает. Тон беседы задушевный, доходчивый. Писательница оживила беседу, ввела в неё драматический момент. Оказывается, что, рассказав о мальчонке, измученном непосильной работой на заводе, дедушка рассказал о себе самом, о своём собственном детстве, что маленькая бедная пастушка, в награду за труд получавшая побои да ругань, — это бабушка Лесика.

Гораздо более сложную задачу поставила себе Н. Забила и гораздо менее подготовленной подошла к решению своей задачи в произведении «Наша родина». Дать детям развёрнутое образное представление о великой советской Родине — дело важное, но и не лёгкое. Недостаточно сообщить читателю кое-какие сведения о стране. Надо воздействовать на его чувства, будить его мысль. Красочным, интересным должен быть каждый отрывок в отдельности, увлекательным — расположение частей, развёртывание картины в целом. «Наша родина» — произведение смешанного жанра, частично поэма, частично учебное пособие в стихах.

И север есть у нас и юг,
Сады цветут на юге,
На севере снега вокруг —
Там холода и вьюги.

Такого рода сообщения читатель найдёт здесь и про колхоз, и про завод, и про шахту, и про многое другое, но очень редко встретит строки, которые его обрадуют, взволнуют, захватят воображение, пробудят интерес к тому, что последует дальше.

«Солдат Мао Цзэ-дуна» Ивана Неходы и «Наша родина» Забилы при всех своих недостатках представляют собою всё же серьёзные попытки решения актуальных и трудных задач, выдвинутых самой жизнью. Эти попытки поучительны и содействуют росту литературы.

Наблюдаются, однако, в украинской поэзии для детей истораживающие явления.

Мария Пригара, одна из детских писательниц старшего поколения, раньше была известна своими зарисовками детского быта, детских характеров. В этих зарисовках ощущается влияние Барто, но в них есть и

оригинальные, метко схваченные чёточки реальности, есть юмор, есть чувство жанра. Мария Пригара владеет стихом. Правда, она не всегда до конца реализует своё умение, порой бывает невзыскательна к себе, но способна писать хорошие стихи и в тех случаях, когда у неё есть ясная идея и логичный жизненный сюжет, создаёт содержательные произведения.

В послевоенные годы М. Пригара пробует свои силы на больших темах. Эти попытки можно было бы рассматривать, как шаг вперёд, если бы соответственно выросло сознание ответственности писательницы. Поэма «Яринка», самое крупное произведение Пригары для детей, заставляет в этом усомниться.

Начало войны. Отец Яринки уходит к партизанам. На прощание он сообщает дочурке свой лесной адрес и условный вызов: «Только свистни трижды».

Немцы приходят в село и начинают хватать гусей, пасущихся на лугу. Яринка быстренько бежит в лесную чащу, и немедленно оттуда выползают партизаны и громят грабителей.

Метёт выюга, идёт бой. Жители терроризированы, прячутся по домам. Яринка, глядя в окно, замечает, что фашисты пробираются к оврагу. Это кажется ей подозрительным. Она немедленно огородами направляется к полю боя, спускается в окоп и, видя, что немцы закладывают мины, без оглядки спешит навстречу нашим наступающим солдатам. Её постигает вражеская пуля, но она успевает сказать: «В поле мины, не ходите».

У автора, очевидно, были серьёзные намерения. В поэме есть эмоциональные строфы. Но в ней даёт себя знать порок, свойственный многим произведениям детской литературы, — тенденция приписывать юному герою необычайные, изумляющие поступки, отмечая, как что-то неуместное, требования жизненной правды. Предполагается, что чем поразительнее поведение героя, тем более сильное впечатление оно произведёт на читателя-ребёнка, возбуждая в его душе стремление к подвигу. Это, конечно, вредное заблуждение. Это противоречит принципам, лежащим в основе системы коммунистического воспитания, противоречит задаче возвращать волевых, деятельных, революционно мыслящих людей, глубоко знающих жизнь и её закономерности.

«Яринка» — не единственное произведение Пригары, где видно пренебрежение к требованиям реализма. То же приходится сказать и о поэме «В горах». Цель этой поэмы — показать любовь угнетённых людей зарубежного Востока к Советскому Союзу, их мечту увидеть страну, где трудовой человек — сам хозяин своей судьбы. Есть здесь и взволнованные строчки и драматические моменты. Но вся эта поэтическая энергия оказывается затраченной даром, потому что произведение в целом построено на ненадёжном фундаменте.

Путь каравана лежит через пограничный с советской землёй район. Погонщик собирается ночью уйти за горы, в страну социализма. Верблюд с поклажей срывается в пропасть, купец убивает погонщика, но его маленький сын осуществляет мечту отца.

Героем оказывается мальчик, о котором нам сообщено, что он только сейчас, в пути, узнал от отца о существовании Советской страны, что он измучен, выбился из сил, жалуется, что не в состоянии идти дальше. И вот, вдобавок потеряв отца, он ночью, один, по неведомым тропам, через высокие горы, направляется в неведомую страну. Правдоподобно ли это? Допустим условно, что он всё же совершил этот поступок. Но тогда автор должен был как-то показать внезапно овладевшее мальчиком страстное желание увидеть страну, о которой говорил отец, взрыв отчаянной решимости уйти от бед, угнетавших его доселе, и, наконец, его упорство в преодолении трудностей пути. Ничего этого в поэме нет. Образ мальчика фактически отсутствует. Но если ход событий неправдоподобен, а герой представляет собой пустое место, кто же тогда является носителем идеи произведения?

Есть ещё одна «детская» болезнь — чисто утилитарное применение стиха для сообщения элементарных сведений из тех или иных разделов школьной программы.

Спора нет, стихи должны не только воспитывать чувства, но и обогащать познания детей. Самые общезвестные вещи могут стать предметом поэзии, если они предстают как движение, поиски, борьба, как событие и действие. Эмоциональности требовал А. М. Горький даже от научно-популярной литературы: «Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где

конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиций». Но если «склад готовых открытий» — ещё не научно-популярная литература, то с ещё меньшим основанием можно считать его поэзией, даже если сведения изложены короткими строчками, которые рифмуются.

Валентин Бычко наряду с И. Неходой, Н. Забилой и М. Пригарой — один из основных украинских советских поэтов старшего поколения, пишущих для детей. О походах пионеров, об их забавах и серьёзных делах он пишет с тем запалом и с той конкретностью, которые дают почувствовать: эти темы избраны автором не только потому, что они интересуют читателей, но также потому, что они близки ему самому. Разносторонне охватывая явления пионерской жизни, стихи Бычко создают в своей совокупности широкую картину, реалистически отражающую характер советской детворы, её жизнерадостную активность, юный пыл, способность взглянуть иногда на себя со стороны. Пионерские стихи В. Бычко чаще всего написаны в форме песни. Сочетание песенности и реализма — особенность лучших стихов В. Бычко. Превосходен его «Барабанщик Иван». Случай с пионером, отстукивавшим на своём барабане с таким увлечением и самодовольством, что никого и ничего не замечал, оторвался от отряда и, наконец, оглянувшись, увидел, что он один, — этот поучительный случай рассказан и смешно и убедительно. Выразительно и живо изображены и забавное событие и облик барабанщика.

И вот тот же Валентин Бычко совершает вместе с детьми путешествие в три республики: Россию, Украину, Белоруссию. Задача — в основном та же, что и в книжке Забины «Наша родина», только менее обширная. Кроме того, здесь есть связующая нить — путешествие. Казалось бы, эти обстоятельства предоставляли автору какие-то преимущества. Но если в «Нашей родине» скучная информация перемешивается с поэтическими строфами и удачными отрывками, то книга «Три сестры» бедна фактами и ещё более бедна образами.

Раздел «Россия» начинается со вступления, которое должно, очевидно, дать представление о русском ландшафте. Однако ничего характерного для русского ландшафта в этих стихах нет. Автор перечисляет всё, что видно из окна вагона: города большие и малые, заводы, шахты, домны,

колхозные поля, шоссе, железные дороги и т. д. Никакой картины это перечисление не создаёт, нет здесь ни одной живописной детали, ничего, что говорило бы сердцу, запомнилось бы. И так как все названные приметы в одинаковой мере характерны для всех республик и краёв Советского Союза, то автор, переходя к описанию Урала, например, снова их повторяет:

Заводи, заводи, заводи
В цвіту електричних вогнів.

Вот мы в Москве, на заводе имени Сталина.

Тут нас зустрічають гостинно,
В цехах нам показують все...
Виходить із цеху машина
І мякко пливе по шосе.

Если автору на заводе показали всё, то остаётся пожалеть, что он не поделился своими впечатлениями с юным читателем.

То, что В. Бычко написал слабую книжку, ещё полбеды. Хуже то, что её недостатки симптоматичны.

Мария Познанская, впервые выступившая после войны (книжки: «Мій квітник», «Буду піонером») и порадовавшая нас изящной простотой своих стихов и поэтичностью некоторых сюжетов, в последние годы пишет всё равнодушнее и скучнее. Из десяти стихотворений, входящих в сборник «Де сонце і квіти», только «Яблунька» и «Буду пасти ягнят» согреты живым чувством, содержат элементы образности. Всё остальное — подобие учебника. В гладких рифмованных строчках сообщается детям, что цыплятам в первые дни надо давать не просо, а кашу, сыр, витамины, что в мичуринском саду груши, как дыни, а яблоки разные — и ранние и поздние и т. п.

Недоумение вызывает стихотворение «Про Ірпінську заплаву». Начинается оно рекламно. Бабушка приходит из магазина с полной кошелёчкой, которая так тяжела, что внук, против обыкновения, не может её поднять. Оказывается, что в кошелёчке картошка, каждая весом в кило. Надо сказать, что не менее, чем размеры картошки, удивляет предположение, что кило крупных клубней тяжелее, чем кило клубней обыкновенной величины. Но последуем за бабушкой и её внуком на Ирпеньскую пойму, ибо эта замечательная картошка возвращается там. Увы, поймы-то автор и не показал читателю. Доводится до нашего све-

дения, что мальчик и его бабушка благополучно доехали до какой-то станции, видели, что там действительно есть огород, а садовник им сказал, что раньше на этом месте было болото, почему оно и называется поймой. И это всё. Ни рассказа о том, как пойма была освоена, ни живого описания огорода, ни людей, ни их труда в этих стихах нет.

Стихотворный художественный очерк может способствовать внесению в поэзию для детей новых реалистических образов, новых сюжетов, свежих деталей и красок. Но для этого писатель должен подходить к работе над произведениями такого жанра со всей выскательностью художника.

У нас есть хорошие очерки для детей — в области родиноведения в частности, — очерки, вводящие юного читателя в процесс исследования, показывающие человека за работой, поучительный ход его поисков. Естественно сочетая элементы эмоциональные и познавательные, такой очерк увлекает читателя и вооружает его для самостоятельного мышления. Опыт прозаиков В. Бианки, М. Ильина и других следовало бы изучить и поэтам, работающим над очерками для детей.

М. Упеник облёк свой стихотворный очерк «Про Донбасс» в форму лекции-беседы. Беседа происходит в вагоне. Времени много, а слушательница, маленькая Маринка, терпелива.

Упомянув о походе князя Игоря, коснувшись происхождения каменного угля, вкратце рассказав о положении шахтёра при капитализме, автор переходит к описанию участия Донбасса в гражданской войне и его достижениям при советской власти, говорит о том, что Донбасс даёт и производит, о его роли во время Великой Отечественной войны с гитлеровцами, о послевоенном восстановлении Донбасса.

М. Упеник забыл, что художественное произведение не справочник. Он поставил себе задачу сказать всё. В результате беседа оказалась лишённой живого ядра. Взять ли строфы о гражданской войне или о Великой Отечественной войне — все они лишь играют роль перехода к какой-нибудь другой теме, не сообщая ничего существенного, ограничиваются пересказом общеизвестных вещей и именно поэтому кажутся многословными. Некоторые темы затронуты до того поверхностно, что представляют собою совершенно пустое место.

Неудачна также избранная автором форма беседы. Вместо условной встречи с девочкой в вагоне и длинного доклада, который она будто бы охотно выслушала, мы предпочли бы почитать о встрече писателя с живыми людьми Донбасса и их делами.

В книжке попадаются хорошие строфы.

Сам творець тепла і світла
Жив без світла і тепла.
.....
Чорний камінь під землею —
Світлий промінь на землі

и другие.

Жаль, что эти сжатые и меткие строчки, действенные, как поговорка, тонут в массе безразличных стихов.

Попрежнему бичом детской литературы являются бесконечные вариации на одни и те же мотивы, кочующие из одного стихотворения в другое, от одного автора к другому, примелькавшиеся аксессуары, пустячки, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу.

Почти каждый поэт, пишущий для детей, считает своей обязанностью посвятить стихи первокласснице, почти во всех этих стихах вы встретите одни и те же детали: портфель, тетрадки, пенал, торопящуюся школьницу, улыбающуюся мать. Что ж, всё это не выдумано; но зачем без конца повторяться?

Лидия Компанеец умеет разговаривать с детьми сердечно и естественно. Ей не чужд юмор. В её стихотворении «У всіх у нас діла» есть и колорит места (Горловка), и прелесть весеннего утра, и ребёнок, радующийся этому утру, с гордостью сознающий себя членом трудовой семьи, — девочка идёт в школу, одновременно с ней направляется на шахту брат, отец в это время возвращается с шахты. Хорошие стихи.

«У всіх у нас діла» — не случайная удача у Л. Компанеец. Выразительное единство составляют рядом поставленные молоденький дубовый росток, храбро поднявшийся наперерез сухоеву, и столь же завязтый, полный жизненных сил малыш («Молодий дубок»).

Тут есть та законченность мысли и формы, которая делает стихи произведением поэзии.

Тем досаднее, когда у той же писательницы читаешь стихи, где нет ни картины, ни события, ни живого движения чувства. Название стихотворения «Весна». Девочка выбежала на минутку из дома, увидела вдаль трактор, и ей тоже захотелось водить

трактор. Слово «трактор» тут единственный признак колхозной весны, а девочки и вовсе не видно. Кто она — дошкольница или подросток, давно ли и всерьёз ли её влечёт трактор или это случайно и внезапно взбрело ей в голову — неизвестно. Что хотел автор сказать этими стихами — непонятно. Трактор, упомянутый впустую, ибо автор не позаботился о том, чтобы связать с ним какое-нибудь содержание, составляет единственный признак колхозной весны и в стихотворении «Просто диво», варианте на тот же мотив.

От бессодержательной версификации не совсем свободны и некоторые произведения лучших поэтов. Неинтересно, на низком уровне написан цикл стихов П. Воронько «Железная дорога». Попадаются бесцветные стихи у Н. Забины.

Как разнообразны лица детей, их движения, манеры, оттенки ума, темперамента, характера! И как они похожи друг на друга в произведениях поэтов!.. Похожи потому, что сделаны по двум-тремя утвердившимся, привычным моделям.

Не берёмся теперь установить, кто первый написал про звеньевую и чувства её ребёнка, увидевшего в газете портрет своей матери. Во всяком случае это был свежий сюжет, подсказанный нашей действительностью. Прочитав о том же в стихах другого поэта, можно подумать, что это случайное совпадение. Но когда ты в третий, четвёртый и пятый раз читаешь о ребёнке той же звеньевой, о её портрете и т. д., — эта вполне жизненная история как бы теряет реальность и начинает восприниматься как литературный штамп. О силе стандарта говорит и облик старой заслуженной учительницы, одинаковые черты которой повторяются в стихах многих поэтов.

Постоянная борьба со штампами, воздвигающими стену между писателем и живой жизнью с её неисчерпаемым богатством красок и полными значения неожиданно-стями, нужна в детской литературе в не меньшей степени, чем в литературе общей. Она особенно необходима в поэзии, у которой способности сопротивляться штампам меньше, чем у прозы.

Украинская поэзия для детей выросла в значительное общественно-литературное явление. Она стала содержательнее, актуальнее. Однако для того, чтобы исполнить своё назначение как фактор коммунистического воспитания, она должна гораздо многогран-

нее, богаче и ярче отражать тот большой мир, которым живут и дышат советские дети, и гораздо смелее вторгаться в него.

Стихи о колхозе, например, в большинстве случаев пишутся по схеме: упоминаются трактор, комбайн, собиратели колосков. Очень редко встретишь в этих стихах свежую, выразительную деталь, примечательный отзвук того нового, что происходит в жизни колхозов. Вообще повседневный труд и быт советских людей едва затронут поэтами.

Необходимо постоянно обновлять и расширять галерею детских образов, более жизненно и разнообразно показывать пути роста советского ребёнка.

Время от времени появляются стихи, высмеивающие те или иные недостатки детей, но круг их тем крайне ограничен. Сатира, критика детских слабостей, пороков, предрассудков может сыграть серьёзную роль в воспитании подрастающего поколения; но для этого критика должна быть не книжной, не игрушечной, а реальной, должна поражать реальные, хорошо разведанные цели. Сатира должна быть сатирой, язвительной, сильной, социально-насыщенной.

Снова и снова мы читаем стихи, высмеивающие лень, списывание, подсказывание и тому подобные грехи. Но разве не встречаются и в наше время дети, заражённые другими, более серьёзными недостатками, причём эти недостатки зачастую являются результатом безнадзорности, плохих влияний, неурядиц в семье, бытовой неустраиваемости и других причин? Разве дети изолированы от взрослых, в среде которых ещё встречается немало носителей пережитков прошлого?

Наконец, детям нужны просто смешные, весёлые, празднично-забавные стихи.

Дела хватит и сатирику и юмористу.

Дети, особенно малыши, любят стихи, легко их запоминают, охотно повторяют. Эта особенность может способствовать художественному воспитанию ребёнка, но может быть употреблена и во вред.

Нельзя забывать, что художественное воспитание в советском понимании этого дела есть одновременно воспитание нравственное, воспитание отвращения к гнили, фальши и ханжеству, к убожеству и пустозвонству, воспитание вкуса к слову правдивому и меткому, богатому живым содер-

жанием, воспитание способности отличать подлинное от поддельного.

Художественную чуткость надо развивать в ребёнке с малых лет.

Разумеется, возможности малыша ограничены, его восприимчивость к поэзии имеет свои особенности. Однако это вовсе не такого рода особенности, которые только скоывают размах творческой мысли поэта, заставляют её держаться пройденных ступеней. Ребёнок глух ко всяким туманностям, отвлечённостям, замысловатым психологическим осложнениям, неврастеническим переживаниям, к резонёрствующему морализированию, к многословной риторике, к гвернёрским интонациям. Зато он жаждет к открытиям и событиям, расширяющим его представление о мире, зато ему родственна игра поэтического воображения. Его словарь небогат. Но ребёнок удивительно способен радоваться красочному слову, удачной словесной находке. Он равнодушен к юмору и остроумию. Он требует ясности и пластичности выражения, динамического развёртывания сюжета, законченной композиции, — но ведь это требования подлинного искусства! Недаром бессмертные поэтические творения народа так близки и понятны детям, а в лучших произведениях, предназначенных для детей, мы часто находим черты, сближающие их с народной поэзией.

Андрей Малышко, один из талантливейших украинских поэтов, прежде, насколько нам известно, не писавший для детей, опубликовал в последние годы интересный цикл стихов для маленьких, интересный как своими удачами, так и неудачами.

А. Малышко не всегда находится в контакте со своей юной аудиторией. Вот стихи под названием «Дитяче». В образе зайчика, этого традиционного персонажа детских стихов, выражено совсем не детское чувство взрослого, которому хотелось бы хоть на миг вернуть утраченное детство.

Може, ще зустрінеться
Та весна дитяча,
Зайчиком, бігайчиком
Під вікно прискаче?

Чаяние, совершенно чуждое детям.

То же можно сказать о стихотворении «Десь дочка моя, Валюшка мила». Это стихи не о Валюшке и не для Валюшки, а опять-таки о себе, о тех состояниях, «що

словом зроду не опишеш». И напрасно поэт в этих стихах сравнивает себя с ветром, что влюбился в простую веточку. Менее всего в них простоты.

Тем с большей радостью мы в этом цикле встречаем стихи, исполненные очарования подлинной поэзии и действительно созданные для малышей.

Бабуня-трава жовтокоса й тиха
Глянула з-під снігу — а в небі сонце,
Глянула вдруге — жайворон в'ється,
Молоточками дзвонить в синю тарілку.
— Еге ж, виходьте, мої травенята,
Везезень!

І висипали малі травенята
Рястом, проліском, білим роменом,
В луг, на підвір'я, поїд ворота,
А чотири травки в глиняний горщик.
Вскочили на підвіконня,—
Заглядають в хату.

Тут всё сказочно и всё реально, всё знакомо и всё ново. Таяние снега под солнцем («Сніг»), журавль, стоящий на одной ноге («Журавель»), — старые темы — заиграли у Малышко новыми красками, пленяют свежестью. Но это — между прочим. Нам хочется подчеркнуть другое. «Детская специфика» не только не помешала поэту, а, наоборот, побудила его извлечь из тайника кое-что из лучших своих даров, которые иначе, может быть, оставались бы под спудом. Не случайно художественно выше те стихи, которые более всего подходят для детей.

Специфика детской литературы не выдуманна. Она существует. Она представляет собой сложный комплекс, ждущий своего исследователя. Ясно одно: нет никаких оснований понимать эту специфику как обстоятельство, вынуждающее поэта обеднить своё искусство, искать компромисса между велениями вдохновения и требованиями педагогики. Стихотворение должно войти в жизнь ребёнка, как открытие, как нечаянная радость, как неожиданно услышанный им голос самой правды, оно должно явиться для него важным событием. Только тогда оно исполнит и своё воспитательное назначение. Полноценная высокая поэзия для детей необходима и возможна. Она есть. Надо добиваться, чтобы вся она стала таковой.

Вклад Украины в советскую поэзию для детей ощутителен. Стихи украинских поэтов часто издаются на русском языке в

Москве и в Киеве. В связи с этим серьёзное значение приобретает вопрос о качестве переводов. Не имея возможности заняться в настоящей статье подробным разбором работы переводчиков, ограничусь для примера несколькими замечаниями к переводам стихов П. Воронько, выпущенных Детгизом в 1951 году под названием «Наше счастье».

Вот первая строфа стихотворения «Костёр дружбы» (перевод В. Державина):

Шли отряды с двух сторон,
Радостны, певучи,
Пионерских двух колонн —
И сошлись на Збруче.

Бывают колонны отряда или отрядов, но как понять такое сочетание слов, как «отряды двух колонн»? В оригинале — «Загони піонерів».

Вот «Баллада про дружбу» в переводе В. Рождественского. Небольшой отряд ковпаковцев в Галиции. Местные косари извещают партизан, что их выследили, предлагают им взять косы и приняться вместе с ними за работу. Один из ковпаковцев — шахтёр, косить не привык; ничего, научим! Об этом шахтёре поэт говорит: «Шахтёр грабки перекосив», то есть по неопытности искривил крюк. В переводе: «шахтёр косцов перекошил». Это не только ошибочное толкование слова «грабки», а нелепость, которая ложится на добротную ткань стихотворения тяжёлой кляксой. Человек заявил, что никогда не имел дела с косой, и вдруг обогнал старых косцов.

П. Воронько использует это положение так: шахтёр никогда не косил, но без промаха рубанул косой старосту, когда тот хотел его задержать. Переводчик, нарушив логический ход события, выдумал в дальнейшем какое-то ведро, о котором в оригинале и помину нет, но дела этим не поправил.

В каждом хорошем стихотворении есть ударения, интонации, слова, играющие особенно ответственную роль. Зачеркнуть или изменить такого рода оттенки — значит обеднить произведение или придать ему другой смысл.

Возвращается воин домой. Уже близок родной дом, уже слышится печальная песня матери, встревоженной мрачными думами. Ей в ответ сын восклицает:

Я в сідельці, мамо, на коні!

Эта ответственная строчка переведена так:

Мама, мама, я в седле живой!

Мужественная весть о победе, достигнутой в тяжёлых боях, заменена взволнованным лепетом мальчишка, который рад, что вышел живым из огня. А ведь перевод как будто точен, только два раза повторено обращение «мама», опущено слово «на коне» и прибавлено «живой». Перевод почти дословен, а образ искажён.

Ещё более грубые искажения допустил переводчик (А. Андреев) в третьей строфе того же стихотворения.

Ой, лети, как ветер, вороной,
Скинул воров из седла лихой
Пулей сына молодого
Среди поля золотого
В стороне чужой.

Так выглядит в переводе песня матери. Если даже не обращать внимания на искусственное и неуклюжее размещение слов в строфе, нельзя не заметить, что всё, вместе взятое, лишено смысла. О каком коне тут идёт речь, куда и зачем мать убитого воина предлагает коню лететь? В оригинале совсем не то. Мать поёт: «Ой, літа», то есть «Ох, годы — вы кони вороные, — скинули вы на войне моего сына молодого...» и т. д. С конями вороными тут сравниваются бурные годы войны, никуда мать фронтовика им не предлагает лететь, а просто изливает своё смятение в песне.

Примером поверхностной, мнимой точности при совершенно безразличном отношении к наиболее ценным элементам стиха может служить перевод Б. Лихарёвым стихотворения «Солдат». Суровое чеканное слово оригинала, волевой ритм, неудержимое движение — от всего этого осталось в переводе только бледное отражение.

Когда солдат на бой вставал
Во мгле глухих ночей,
Патрон в патронник досылал
И, не страшась смертей,
Шагал во мглу
И по утрам,
В дождь,
В снег, спешил итти,
Сбивали с ног его ветра —
Лишь с ног,
А не с пути.

И «во мгле глухих ночей», и «не страшась смертей» вместо «всем смертям на-

встречу», и невразумительное «шагал во мглу и по утрам», и косноязычное «спешил итти», и «лишь с ног», и «шагай — зовут мечты!» (немного дальше) — все эти литературные заменители придают стихам банальный характер, в котором автор не повинен.

Плохо переведены Г. Абрамовым стихи «На жнивях» (в переводе — «Колоски»). Берём начало. У Воронько:

То не маки цвітуть на горі,
Не з волошок летять пелюстки...

У Абрамова:

То не розы горят на горе,
На заре не летят лепестки...

Переводчику, очевидно, казалось, что он украсил стихи, заменив маки розами. Но это не так. Маки, васильки — полевые цветы, они ассоциируются с алыми галстуками, с синими майками. Розы же взяты из альбома, а лепестки, летящие на заре, — вообще неопределённого происхождения и цвета. Не лучше сделаны вторая и третья строфы того же стихотворения.

Можно привести ещё немало примеров искажений, небрежности, ошибок, неудач. Но мы не ставим себе в этой статье задачу обзора. Мы хотели только дать представление о путях роста украинской поэзии для детей в послевоенные годы и напомнить поэтам и переводчикам, что успехи объявляют,

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

ДИН ЛИН

★

О ЛИТЕРАТУРЕ И ПИСАТЕЛЯХ

Выдающаяся китайская писательница Дин Лин известна советскому читателю по роману «Солнце над рекой Сангань» и по статьям, которые печатались в наших газетах и журналах.

Дин Лин отдаёт много сил литературно-общественной деятельности. Она—член президиума Всекитайского объединения работников литературы и искусства, заместитель председателя Союза писателей. Её многочисленные статьи по вопросам литературы и, в частности, о воспитании литературной молодёжи, собранные в книге «Шагать в ногу с новой эпохой», пользуются большой популярностью.

Мы публикуем с небольшими сокращениями две статьи, не появившиеся в русском переводе.

Т О ЛИТЕРАТУРНОМ ВОСПИТАНИИ

Товарищи просят ответить на ряд вопросов, которые задают в своих письмах читатели «Вэньбао»¹. Они спрашивают: «Как создавать типические образы?», «Как писать о рабочих?», «Как добиться того, чтобы произведение взволновало читателя?» и т. д. Конечно, об этом спрашивают неопытные в литературе люди, которые чувствуют влечение к литературной деятельности и желают получить «рецепт творчества». Боюсь, что ответить их желанию не так-то просто. Что касается меня, то не знаю, как рассказать вам о том, о чём мне самой хотелось бы услышать. Мне кажется, не стоит сейчас говорить о «рецептах».

У нас сейчас много трудового героизма в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, и справедлив упрёк, что мы всё ещё не умеем достаточно ярко и убедительно изображать его в наших произведениях, не умеем создавать типические персонажи. У нас есть разногласия даже относительно того, что такое типичность и каким должен быть герой литературного произведения. Но если бы мы и сумели сговориться относительно того, что такое типичность, и наметить характерные черты нашего героя,— всё равно, одними такими разговорами мы не разрешили бы главной литературной проблемы.

На мой взгляд, у каждого писателя, до того как он приступит непосредственно к работе над произведением, должен быть более или менее длительный период подготовки, накопления впечатлений и знаний. У каждого из нас должен быть своего рода «ящик», куда мы собираем все ценные наблюдения и знания. Когда мы задумаемся написать нечто, надо прежде всего тщательно обдумать всё относящееся к делу, пересмотреть запасы, которые хранятся в «ящике», и пополнить их.

Возьмём для сравнения торговца вразнос. Что он будет продавать, если короб, в котором он носит товары, пуст? Если он на одном рынке приобрёл по мелочи товаров и сразу же пошёл на другой рынок, чтобы их продать, может быть, он кое-что и выручит, но не столько, чтобы прокормить свою семью. И как бы он ни изнурял себя целый

¹ Лекция, прочитанная Дин Лин в воскресном лектории по вопросам литературы. Текст опубликован в двухнедельном литературно-критическом журнале «Вэньбао» («Литература и искусство»).

год таким трудом, прибыли он не получит никакой, а короб его как был, так и останется пустым.

По своей идеологии мы — противники частной собственности. Но что касается нашего литературного производства, такой собственный «ящик» для накопления знаний о жизни, на мой взгляд, необходим. Мы должны при каждом удобном случае обнаруживать в окружающей действительности всё, что нам полезно знать, накапливать полученные впечатления и складывать всё это в наш «ящик». К его содержимому надо относиться бережно, надо время от времени проверять собранное, как это делают скряги со своим добром, и всё время увеличивать наше богатство. Мы должны постоянно думать о том, чем владеем, чтобы нам самим расти от этого и крепнуть. Тогда мы сможем, как только понадобится, распорядиться своими знаниями и впечатлениями.

Так называемое «литературное воспитание» представляет собой, в первую очередь, длительный процесс, предшествующий непосредственной работе над произведением.

На днях в театре «Пинань» был показан один кинофильм, сам по себе неважный, но содержащий нечто, о чём следует поговорить. Этот фильм для нас поучителен тем, что в нём изображено обучение балетному искусству. Балетное искусство требует ежедневных многочасовых упражнений в течение всей жизни; и стоит только прервать на время эти упражнения, как вся предыдущая работа пойдёт насмарку.

Нечто подобное случается и в литературной деятельности. И здесь надо непрерывно жить, учиться и работать; этот цикл, повторяясь, и означает «творчество». Если вы скажете: «Я устал, я не могу писать», то ваша предшествующая работа может пойти насмарку.

Обучение балетному искусству, которое мы видели в кино, кажется процессом несложным, а составляющие его повторные простые действия — неинтересными. Однако интерес и привлекательность заключаются здесь в том, что без чёрного труда нельзя создавать ценности, поэтому такой труд и даёт удовлетворение и приносит заслуженную награду.

Литературную деятельность составляет трудовой цикл: жизнь, учение и постоянная творческая работа, о чём я уже сказала. В процессе творчества мы глубже узнаём жизнь и открываем в ней новое. Это трудно? Конечно, трудно. Но настоящий писатель сам не захочет себе другого дела, полегче.

Проблемы, которые мы с вами сегодня затронули, очень серьёзные, их нельзя разрешить быстро и нельзя разрешить окончательно, — тем более, что у каждого из нас есть свой собственный метод работы, есть определённые творческие наклонности. Жизненный опыт, теоретические знания и постижение литературных стилей дают тот или иной творческий результат лишь в связи с индивидуальностью автора.

...Мне уже приходилось говорить в прежних лекциях о том, что я считаю важнейшей стороной литературного обучения, — о великом значении, которое имеет для писателя изучение марксизма-ленинизма, повышение идейного уровня, выработка мировоззрения. Сегодня, вновь затрагивая вопрос о необходимом писателю обучении, я скажу о той его части, которую составляют чтение и разбор литературно-художественных произведений других авторов.

В произведениях других писателей содержится много полезного для нас. Только из них мы можем узнать и усвоить чужой литературный и жизненный опыт; ведь именно в художественных сочинениях писатели наиболее полно и верно выражают своё миропонимание; только из произведений мы можем позаимствовать то, что писатель прежних лет извлёк из самой жизни, исследуя её. На литературных образцах мы можем учиться тому, как познаются типические люди и явления.

Существуют ли какие-то поддающиеся изучению способы «писать типические образы»? Да, такие способы существуют. Правда, понять их не так-то легко, — нужно долго и много трудиться, чтобы постигнуть опыт другого писателя, преуспевающего в искусстве. Но ни один писатель не может скрыть секрета своего мастерства; ведь его произведения являются конкретным воплощением его художественного опыта.

Однако было бы ошибкой слепо пользоваться чужим опытом. Поступать так, значило бы обманывать самого себя, создавая видимость творческой работы. Чужой опыт

должен усваиваться постепенно, изучаться вдумчиво. К сожалению, мы обычно уделяем мало внимания связанному с этим вопросам.

Один университетский профессор как-то раз сообщил, что студенты литературного факультета читают с увлечением книги и статьи по теоретическим вопросам, упорно осваивают теорию литературы, они знают, что такое романтизм, что такое реализм. Однако они не любят читать художественные произведения, и, когда им приходится прочитать хоть что-нибудь для дискуссии, они выбирают книги покороче. Спрашивается: как можно научить литературе тех, кто, подобно этим студентам, не интересуется творческим опытом, который можно почерпнуть из произведений других писателей с пользой для себя?

Как-то я беседовала с одним поэтом. Он сказал мне, что сочиняет стихи лишь на основании своих личных ощущений и поэтому не читает книг. Конечно, поэтическое творчество должно основываться на личном восприятии жизни. Но не читать книг, не учиться у других поэтов, полагаться только на свои непосредственные ощущения, — это для меня просто непостижимо! Я спросила его: «Скажите, пожалуйста, когда вы только начинали писать, почему вы разбивали всё ваше стихотворение на строки, которые чередовались в определённом порядке? Разве вы не научились этому, читая других поэтов?»

Как бы там ни было, не читая много и усердно, нельзя стать ни поэтом, ни прозаиком.

Нам никогда не приходилось жить среди русских аристократов, но тем не менее мы имеем некоторое представление об их жизни; и если в спектакле, где будет показано русское аристократическое общество, какой-нибудь актёр исказит реальный образ, мы почувствуем фальшь в его игре. Почему? Да потому, что мы читали произведения Толстого и других великих русских писателей и из них узнали русскую аристократию.

Мы не жили и среди босяков и бродяг; но, прочитав книгу типа «Шанхайские тайны», мы представляем себе босяков и бродяг с их разговорами, песенками и нравами. И, если зайдёт разговор про таких людей, похоже будет, что и у нас есть о них своё мнение.

...Писатель не может сам прожить все жизни и перечувствовать все чувства своих героев. Часть своего личного опыта он создаёт, творчески перерабатывая опыт других писателей.

Мы пишем о рабочих. Всем известно, что среди наших рабочих есть ещё отсталые люди. Причину отсталости этих рабочих нужно искать в том, что в их сознании есть пережитки старой идеологии и психологии. В произведении, написанном о таких рабочих, наш автор постарается изобразить процесс перевоспитания и покажет, как возрастает сознательность у отсталых элементов нашего общества. Но может ли автор выполнить эту задачу, совсем не зная старого общества? А ведь оно не вернётся никогда! Так как же быть? Вот тут-то и поможет изучение жизни в старом обществе по книгам.

Вспомним писателя Лянь Ко-жу. Он не участвовал в Великом походе (25 000 ли)¹, однако сумел написать его историю. Как же он написал её? Он слушал рассказы об этом походе, собирал сведения, внимательно изучал документы. Но больше всего ему помогло то, что он кропотливо изучал «гуцзы»², посвящённые героическим будням воинов Китайской Красной Армии. Для нас с вами, для писателей, чтение книг имеет особое значение. Чем больше мы читаем, тем больше расширяется наш кругозор, тем богаче и полнее становятся наши представления о жизни.

Изучение памятников классической литературы может дать много пользы. Правда, ещё есть среди нас люди, которые придерживаются другого мнения. Но мнение этих людей несправедливо, ибо в старых китайских классических романах — «Хунлоумэн», «Шуйхучжуань», «Саньгояньи» — мы видим такое умение рассказать о людях, которое всегда будет служить для нас образцом. Несмотря на то, что понимать эти произведения бывает нелегко, так как, например, многие места «Сиюцзи» написаны стилем, основанным на ритмическом параллелизме, чтение их всегда доставляет нам наслаждение.

¹ Великий поход Китайской Красной Армии на северо-запад в 1934—1935 годах.

² «Гуцзы» — род стихов (или песен), исполняемых под аккомпанемент барабана.

Следует отметить, что способы обрисовки персонажей в классическом романе во многом отличны от тех способов, которыми пользуются современные авторы. Наши писатели, создавая роман, делают упор главным образом на описательной стороне, и часто бывает так: автор как будто бы описал всё правильно, он объяснил свою идею и изложил обстоятельства дела, — но вот читатель прочёл произведение, идею понял, а впечатления от книги никакого не получил. В старых же романах мы находим множество интересных историй, оттеняющих индивидуальность и настроение персонажей.

...В классической литературе, полученной нами в наследство, немало есть такого, чему следует поучиться. В произведениях писателей-классиков люди кажутся живыми, все детали исторических событий выписаны, как на картине; несколько коротких строк — и вот готов живой образ, который с полным основанием можно назвать и типическим образом. Читая произведение, мы видим людей, слышим их голоса. Конечно, мы не можем перенимать взгляды героев, выведенных в классических романах; люди типа Цзя Бао-юя¹ отошли в прошлое: у него был только один выход в жизни — стать монахом... Но мы должны учиться у писателей-классиков умению на фоне крайне обыденной и ничем не примечательной повседневной жизни вычерчивать яркие типы людей, как это сделано, например, в том же романе «Хунлоумэн». У нас же зачастую бывает так: создавая образ какого-либо человека, мы изо всех сил стараемся выяснить корни его идеологии, рассказать о его семье, происхождении и т. д. и в другой раз пишем столько, что за всей этой излишней писаниной не увидишь и самого героя.

Наряду с классиками мы должны изучать произведения наших современников. Если какое-нибудь произведение в целом не удалось и в нём есть лишь один удачный отрывок или же один хорошо написанный персонаж, то и в этом случае следует учиться всему хорошему, что в этом произведении есть. Все удачи современной литературы мы должны по зёрнышку собирать и складывать в наш «ящик», чтобы, переработав, превратить их в своё достояние.

Есть среди нас люди с болезненной склонностью критиковать всё и вся. Они вечно жалуются, что у нас мало хороших произведений, выискивают у современников только недостатки и не замечают достоинств. В действительности же вы почти всегда можете найти в чужом произведении хоть некоторые достоинства, которых нет в ваших собственных произведениях. А тому положительному, чего не хватает тебе, следует поучиться у других.

Надо учиться также, читая классическое наследие иностранной литературы, произведения современных прогрессивных иностранных авторов и, в особенности, советских писателей. Но при этом, даже изучая самые высокие образцы, следует избегать слепого подражания. По этому поводу на Западе некогда было сказано: «Первый, кто сравнил женщину с цветком, был гений, повторивший это вслед за ним — бездарность».

Поговорим теперь о собственном жизненном опыте писателя.

Писатель должен жить в гуще жизни — это стало уже для нас непреложной истиной. Тем не менее, нам часто приходится слышать от некоторых наших товарищей: «У меня нет материала, я не могу писать». Повидимому, жизнь существует для этих людей лишь как «материал» для литературы, и они идут на завод или едут в деревню только в поисках «материала». Придя на завод, они понуждают рабочих рассказывать им этот «материал», пользуются каждым удобным случаем, чтобы отыскать побольше подходящего «материала». Когда же они пишут книгу, у них получается лишь изложение этого собранного «материала», произведение сухое, безжизненное. Прочитав его, читатель лишь покачивает головой, сокрушённо вздыхает и говорит: «Где же тут смысл?» Если товарищи нуждаются только в «материале», то зачем им утруждать себя и ездить по заводам или в деревню? Разве подобные поездки не ведут к расточительству народных денег? Ведь газеты помещают на своих страницах корреспонденции и жалобы рабочих, крестьян и солдат, и из них можно узнать столько же. Быть в гуще жизни каждому из нас необходимо. Но жизнь — это не «литературный материал».

Нелегко составить себе должное представление о людях, о которых вы хотите писать. Прежде всего необходимо, чтобы вы могли чувствовать то же, что чувствуют

¹ Один из героев романа «Хунлоумэн».

ваши герои. Возьмём, например, такой случай. Какой-нибудь интеллигент переживает сложную и ответственную пору своей жизни: под влиянием событий и марксистско-ленинского учения изменяются его прежние, годами сложившиеся представления. И вот во время такой идеологической перестройки этот интеллигент раскритикован за некоторые свои отсталые взгляды. Нам, выходящим из интеллигенции, понятно, насколько труден для него весь этот процесс и как болезненно переживает он в это время критику. А какой-нибудь юнец, встретив подобную ситуацию, мог бы, пожалуй, рассердиться на этого интеллигента и, горячась, спросить: «Ведь ты же сам знаешь, что у тебя есть недостатки! Ты их сам признал. Что же тут ещё переживать?» Такое отношение молодого человека к этому жизненному факту объясняется тем, что он не представляет себе ни внутреннего облика нашего старого интеллигента, ни природы его повышенной самооценки. И если этот молодой человек — писатель и если он захочет создать образ интеллигента, о котором идёт речь, — из этой затеи ничего не получится.

Подобно этому, если мы хотим писать о рабочих, надо быть вместе с ними, надо добиваться полного слияния наших мыслей и чувств с мыслями и чувствами рабочих. Это вовсе не значит, что вы непременно сами должны стать рабочими или постоянно участвовать в деятельности рабочего союза.

Понять жизнь крестьян — тоже дело нелёгкое. Обычно они даже между собой очень мало разговаривают. Поэтому только из разговоров с ними уяснить их реальное положение очень трудно. Для того, чтобы правдиво писать о крестьянах, нужно близко подойти к жизни и борьбе крестьянских масс. А разобравшись в их новом положении и стремлениях, в их новых боевых и горячих чувствах, вы ощутите перемены, происходящие и в ваших собственных ощущениях. Благодаря участию в боевой жизни масс ваш ум станет более ясным, острым и живым, вы всегда и везде будете думать о других, а не только о себе.

Вы полагаете, что солдаты, получившие приказ и без колебаний идущие в атаку, не знают, что они могут погибнуть? Конечно, знают. Но в эти мгновения все их мысли и желания прикованы к одному — к тому, чтобы уничтожить врага; в это время они думают лишь об общем благе. Для того, чтобы понять их чувства, нужно быть участником той же борьбы, которую ведут они. Это обогатит вас новыми для вас чувствами, это свяжет вас теснее с бойцами, ваши помыслы и их помыслы будут едины.

Деревенская женщина, которая при разделе имущества могла несколько дней подряд ворчать и браниться из-за какой-нибудь пустой коробки, сама посылает своего сына в бой. Можете ли вы правильно понять и оценить такого человека, не участвуя в народной жизни? Если вы будете представлять себе «служение народу» чисто теоретически, вы не поймёте такого человека. Теоретически представить себе лозунг «Служить народу!» — очень просто. Но для того, чтобы по-настоящему проводить его в жизнь, надо встать в один строй с народом, воспитывать себя в совместной с ним борьбе, воспитывать себя на примере жизни людей из народа, расширять свой жизненный кругозор, глубже проникая в настроения и чувства народных масс. Только при этом условии вы сможете создавать настоящую литературу. А произведения, написанные по способу «собираания материала», никогда не будут иметь подлинного жизненного значения.

Я хочу остановиться ещё на вопросе о совершенствовании литературного мастерства.

Писателю мало одного лишь изучения жизни и чтения книг: надо учиться писать, учиться своему ремеслу. Написал плохо — переписи ещё раз, написал и на этот раз недостаточно хорошо, работай ещё. Можно с уверенностью сказать, что упорное учение будет давать всё лучшие результаты.

Мастерство приобретается медленно, но это не должно нас разочаровывать и ослаблять наше упорство, вызывать желание как-нибудь миновать трудную тренировку. Известно, что спортсмен может пробежать сто метров примерно за 14 секунд; а вы, предположим, считаете, что будете в состоянии пробежать ту же дистанцию за 12 секунд. Хотя разница всего в двух секундах, вам придётся для того, чтобы достигнуть такого результата, тренироваться каждый день. «Я хочу бегать быстро» ещё не значит «я могу бегать быстро».

Достигнув некоторого успеха, не следует чваниться. Если написанное вами месяц назад удовлетворяет вас и вы хвалите себя: «Вот это уж по-настоящему хорошо!» — это значит, что за истекший месяц вы ни на шаг не продвинулись вперед.

Не следует считать писателем всякого, кто смог кое-что написать. Ведь и школьники в начальной школе пишут сочинения!

О чём писать? Пишите о том, что вам нравится, о том, что вас волнует, пишите о том, что вы хорошо знаете. Но как добиться, чтобы то, что понравилось вам, пришлось по вкусу народу и было нужно ему?

Здесь прежде всего необходимо, чтобы ваши собственные чувства соответствовали чувствам масс и нашей идеологии. Для этого надо много трудиться. Но, помимо трудолюбия, есть ещё качества, которыми должен обладать писатель. Он должен быть до конца предан народному делу; никогда и никакие меркантильные интересы не должны побуждать его к литературной работе; писатель не должен пользоваться своим особым положением в обществе и уклоняться от общих тягот; он раз и навсегда должен спуститься с пьедестала, якобы уготованного ему историей, он должен мужественно и честно видеть и исправлять свои недостатки. Правда, говорят, что на земле есть люди, которые никогда не делали ошибок и не терпели неудач. С точки зрения мещанской личной выгоды можно сказать, что они живут счастливо; но они неспособны переживать то, что переживает народ, им недоступны большие чувства и высокие стремления, они не знают ни горя, ни радости. И если такие люди берутся за перо, у них не получается, не может получиться нечто значительное. Мы, люди иного склада, хотим закаляться в трудностях практической борьбы, мы хотим учиться. Главная задача писателя — воспитывать в людях человеческое достоинство, высокие нравственные качества, проповедовать возвышенные идеалы. Впрочем, это относится не только к писателю, но также к каждому гражданину.

Вся наша литература — один боевой отряд. Её успехи — это достижения, добытые не каким-либо одним, пусть самым выдающимся писателем. В этом отряде все бойцы — и те, что идут со знаменем впереди колонны, и те, что с флажками её замыкают, — движутся к общей цели. Каждый из нас должен делать то, что может, и не надо портить свою работу, делая то, чего вы не можете. Если вы решите непременно писать о рабочих в связи с развернувшейся в настоящее время индустриализацией, но не знаете жизни рабочих, — такое творчество, к которому вы сами себя принудили, не даст вам желаемых результатов. Если вы знаете крестьян, то пишите о них, о перспективах деревни в связи с индустриализацией. Но если вы напишете, что крестьяне будто бы превозносят кустарный способ сельскохозяйственного производства, — это будет означать, что вы не следуете цели, которую и они и все мы перед собой поставили. Если вы знаете городскую мелкую буржуазию, пишите, как изменяется её жизнь в новом обществе. Пишите о людях любого класса. Важно только, чтобы вы описывали все явления верно; чтобы ошибки, возникающие в процессе вашего творчества, подвергались справедливой критике, чтобы вы не допускали идеологических ошибок.

Если у вас есть идея и сюжет, если вы берётесь за перо не из низменных интересов, — пишите. Но помните при этом, что мы не должны замыкаться в кругу уже изученных жизненных вопросов. Мы должны упорно трудиться, чтобы расширять и углублять наши познания о жизни народа и двигаться вперед вместе с рабочими, крестьянами и солдатами.

В тот период, когда вы учитесь писать, не следует создавать больших произведений. Ведь для того, чтобы их написать, необходимы богатый жизненный опыт и композиционное умение. Пока у вас этого нет, лучше писать короткие вещи. Таким образом вы сможете повышать ваше мастерство и в то же время выполнять свой писательский долг, давая литературную продукцию.

Когда пишешь, недостаточно быть только внимательным и осторожным. Не менее необходимы мужество и твёрдость духа; надо смело и решительно использовать литературные средства, нужные для того, чтобы наиболее жизненно и глубоко выразить идейное содержание произведения, не придерживаясь только определённого комплекса старых, установившихся литературных приёмов.

В заключение я хочу сказать несколько слов о личных качествах, необходимых писателю в учёбе, жизни и творчестве.

1) Нужно быть скромным, то есть не оценивать себя непомерно высоко. Я ясно отдаю себе отчёт в моих реальных возможностях и прекрасно знаю, что существует большая разница между тем, чего я хочу, и тем, что я могу сделать. Я владею литературным мастерством лишь в незначительной степени, и моё литературное умение ещё ни в коей мере не соответствует требованиям современности.

Старая поговорка гласит: «Скромность приносит пользу». Скромный писатель во всём найдёт полезное для себя. Прочитав книгу, он никогда не скажет: «Здесь мне поучиться нечему». Вполне возможно, что часть наших литературных произведений из жизни рабочих неполноценна, но, если мы будем скромнее, мы, безусловно, найдём в этих книгах немало поучительного.

2) Надо быть честным и правдивым. Скромность отнюдь не обязывает вас твердить: «Я только ученик». Вы знаете немного — так говорите об этом немногим, ибо всё же знание — это знание, а незнание — это незнание. Только ни в коем случае не притворяйтесь, будто вы почувствовали и поняли больше, чем это есть на самом деле. Вы никого не обманёте, и читатель, прочитав ваше произведение, всё равно почувствует, что вы ещё недостаточно знаете то, о чём пишете.

3) Нужно иметь свою собственную точку зрения. Скромность вовсе не препятствует этому. Никогда не следует идти вслед за другими и повторять то, что говорят другие. Все мы видим у входа в каждый магазин и в каждую лавчонку такого рода объявление: «Товар без подделки, цены без запроса». Однако это вовсе не гарантирует от того, что нам не попытаются сбыть плохую вещь.

Все говорят, что роман «Хунлоумэн» — хорошее произведение. Но чем же оно всё-таки хорошо? Надо в этом самому разобраться и составить себе определённое мнение о достоинствах и недостатках этого романа. Нужно постоянно расти и на основе знаний, приобретённых в течение длительного времени, пересматривать свои взгляды.

4) Нужно быть настойчивым. Говорят, что для литературной деятельности необходим талант. Но что такое талант? Это, по сути дела, накопление опыта. Поэтому все мы должны неуклонно и настойчиво стремиться к своей цели, несмотря на все удары судьбы, несмотря на неудачи и поражения, которые нам приходится переносить. Некоторые люди нецелестремлённы по своей натуре и перебрасываются всё время с одного на другое: сегодня они увлекаются одним, через несколько дней — другим, и так без конца. Такая разбросанность не приведёт к желаемым результатам.

Вы должны правильно относиться к похвалам. Достаточно иной раз нескольких слов похвалы в ваш адрес, и вы уже на седьмом небе от радости, — а ведь это недопустимо! У многих из нас ещё сохранилась старая привычка говорить в лицо только приятные вещи, а о недостатках умалчивать. Но не следует забывать, что, каков бы ни был спектакль, в публике всегда найдётся несколько зрителей, которые хлопают... Поэтому остерегайтесь, чтобы медовые речи не кружили вам голову.

На этом я кончаю. Надеюсь, что присутствующие хоть немного пополнили свои запасы и что «ящички» наши станут хоть немного полнее!

1950 г.

ЗАМЕТКИ О «ДВИЖЕНИИ 4 МАЯ»¹

Серьёзной проблемой, волнующей в настоящее время нас, писателей, является проблема идейности художественной литературы. Идеиное содержание наших произведений и их политическая значимость нас не удовлетворяют. Чтобы преодолеть эти недостатки, писатели, зачастую явно не к месту, насыщают свои произведения разговорами о политике, которые ведёт либо герой произведения — руководитель учреждения, директор завода, секретарь партийной организации, — либо сам автор. Кончат говорить

¹ Статья напечатана в сборнике «Шагнём в новую эпоху». Пекин, 1951 год.

«Движение 4 мая» 1919 года возникло, как говорит Мао Цзэ-дун, «в ответ на призыв мировой революции, призыв русской революции, призыв Ленина». Это было антифеодалное и антиимпериалистическое движение. В области идеологии оно ярче всего выразилось в литературе.

один, за ним сразу же начинается другой. Однако желаемый результат этим не достигается, и политическая мысль произведения не приобретает энергии.

Приходится иногда слышать мнение, что мы живём в эпоху, когда время стремительно бежит вперёд, и, как бы мы за ним ни гнались, посвящая свои произведения злостным задачам, — всё равно нам за жизнью не угнаться; поэтому, возможно, было бы лучше, если бы мы писали медленнее.

Другие возражают, что главное для нас — непрерывно находиться в центре жизненного течения, ни на минуту не отставая от него, ведь сейчас так быстро всё меняется! И если мы будем немного отставать от жизни сейчас, то позднее совсем уж не сможем её догнать.

Нужно сознаться, что нам сейчас, действительно, приходится очень нелегко — мы чувствуем, что не удовлетворяем идейных запросов наших читателей. В чём же всё-таки корень зла? Почему мы так отстали? И что нам нужно для того, чтобы подняться до уровня требований, предъявляемых нам?

Эти вопросы постоянно волнуют нас всех, мы не раз касались их на наших писательских собраниях и совещаниях; мы принимали даже решения по этому вопросу... Однако никаких сдвигов пока не видно, и проблема идеологически содержательного искусства попрежнему остаётся самой актуальной для нас.

Я думаю, что наша озабоченность создавшимся в литературе положением — явление не случайное. Наша молодая литература имеет свои достоинства и свои недостатки.

Раньше мы требовали в первую очередь, чтобы писатели шли в самую гущу рабочих, крестьян и солдат, изучали их язык, описывали их быт. И это дало хорошие результаты. Те из молодых писателей, которые хотя бы недолго пробыли в старых освобождённых районах, в какой-то степени узнали жизнь населения этих районов, особенно жизнь крестьян. Быт и язык крестьян отражены во многих наших произведениях. Растущий интерес писателей к жизни крестьян и солдат можно показать на многих фактах. Это заслуга нашей литературы.

Но вспомним литературные произведения эпохи «Движения 4 мая». За небольшим исключением, жизнь отражалась в этих произведениях ещё довольно поверхностно и язык был менее народен, чем в нашей современной литературе. Однако мы должны признать, что в большинстве своём писатели «Движения 4 мая» не только ставили, но отчасти и разрешали проблему идейности литературы, ту проблему, с которой, казалось бы, в современных условиях справиться намного проще.

Создалась противоречивая и неудовлетворительная для нас с вами ситуация: в первую очередь мы добиваемся политической, социальной значительности наших литературных произведений; на деле же оказывается, что их политическая устремлённость и страстность меньше, чем в произведениях периода «4 мая». А ведь мы живём в эпоху великого наступления и великих преобразований в области политики и экономики! Именно поэтому мы особенно остро чувствуем, насколько наша литературная деятельность не соответствует великому времени.

Революционная эпоха даёт нам богатейший жизненный материал; мы вооружены указаниями Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы; в период тяжёлой антияпонской и освободительной войны писатели теснее сблизились с народными массами. Всё это является благодатным источником для нашего творчества и должно вдохновлять его. Однако мы, писатели, ещё очень немощны.

Многие из нас были освобождены, не успев на собственном опыте по-настоящему почувствовать горечь жизни в старом обществе, другие же этого общества и не знали. Наши познания очень ограничены, наши мысли незрелы.

Партия воспитывает нас, мы получаем марксистско-ленинское образование, мы в некоторой степени знаем настроения масс; однако в большинстве случаев коммунистическое мировоззрение усваивается нами далеко не достаточно, многие из нас не умеют применять полученные знания в вопросах практической жизни и в своём творческом труде.

В практической работе мы приобретаем определённые познания. Но это — тот же опыт, который могут получить в определённой обстановке и рядовые кадровые работники. Мы ещё не воспитали в себе взглядов более глубоких, более острых и более

правильных, чем у них. Поэтому и в наших произведениях не проявляется политическое понимание жизни более высокое, чем политическое сознание рядовых практических работников. Мы не воспитываем в себе той глубины и силы мировоззрения, которые достигаются лишь серьёзным и всесторонним изучением марксизма-ленинизма в связи с действительным знанием, правильной оценкой, пониманием жизни. И уж раз мы сами знаем свою слабость, ясно, что нам нужно непрестанно учиться, изучая историю общества, современную практику классовой борьбы, теоретическую и художественную литературу. Без этого мы не станем квалифицированными мастерами литературы.

Вспомним писателей периода «Движения 4 мая». Они понимали несостоятельность старого общественного уклада, который причинял им страдания. Они стремились к свержению этого уклада революционным путём и стали авангардом революционного движения своего времени. Они возглавили литературную революцию, резко выступая против литературы на «вэньяне»¹ — за приближение литературы к реальной действительности. Свои лозунги они осуществляли на практике. Выступая против «вэньяня», они писали новые произведения на «байхуа»² и прозой и стихами. При этом следует отметить, что они писали не потому, что литература была их профессиональным занятием, и не потому, что им хотелось делать изящные и совершенные по форме литературные безделушки для развлечения читателя, и не потому, что только искусство казалось им занятием возвышенным, — нет, определяющим мотивом их творчества была борьба против феодализма и империализма.

Нанося сокрушительные удары прогнившей литературе на «вэньяне», они не стремились проявить особую изобретательность в создании новых форм и приходили к новой форме лишь тогда, когда она была нужна, чтобы лучше выразить определённую мысль.

Эта новая литература сослужила тридцать лет назад прекрасную службу в политической борьбе. Когда она возникла, в среде писателей как будто бы и не было людей, сомневающихся в связи литературы с политикой. Просматривая журнал того времени «Новая молодёжь», легко убедиться в том, что авторы всегда стремились высказаться по актуальным вопросам, используя для этого публицистические статьи, художественную прозу, стихи.

Теперь наши писатели находятся в гуще жизни, они могут её наблюдать и изучать, непосредственно участвуя в жизни масс и публикуя хорошие рассказы, в которых картина реальной жизни больше, чем в прежней литературе. Однако произведения наших писателей ещё слишком слабо отражают великий смысл переживаемой нами эпохи (в этом отношении дело обстоит более благополучно в поэзии).

Я считаю, что мы сейчас должны приложить самые большие усилия к тому, чтобы расширить наш кругозор, учиться политически мыслить, участвовать в политической жизни страны — именно всей страны, а не ограничивать всю сферу своих интересов какой-либо одной частью рабочего класса или какой-нибудь одной деревней.

Нужно больше писать прозой, освещая разносторонний конкретный материал, выявляя содержащиеся в нём идеи. Нужно развивать в себе потребность высказываться по тому или иному общественному вопросу. Нужно, чтобы каждое произведение содержало идею, а не один лишь описательный материал, и добиваться того, чтобы сюжет, все образы и события служили одной цели — лучшему выражению идеи. Но, чтобы писать так, надо знать цель и органически усвоить дух политики, проводимой нашей партией. Соблюдение этих условий принесёт огромную пользу нашему творчеству.

Появление произведений на «байхуа» создало литературную революцию, и они сыграли роль в революционном изменении литературы, несмотря на политическую мягкотелость и соглашательство некоторых писателей, принадлежавших к «Движению 4 мая».

Помню, как я впервые читала литературу, характерную для этого движения; я всё поняла, хотя не всё могла произнести! Пропагандируемая писателями того периода литература на «байхуа» ясно показала, что мёртвый язык неприемлем в современной литературе, что писатели должны как можно больше пользоваться, как основой

¹ Старый литературный язык.

² Современный литературный язык, основанный на разговорной речи.

литературного языка, живой разговорной речью. Правда, в силу целого ряда причин, мешавших в то время творчеству прогрессивных писателей, литература «Движения 4 мая» смогла использовать преимущественно разговорный язык интеллигенции, а не всё богатство народного языка,—и это сделало литературный язык произведений того периода несколько монотонным, недостаточно живым по колориту. Однако, читая эту литературу, мы всё же обнаруживаем в ней стремление приблизить язык художественных произведений к языку простых людей, наличие множества народных слов, ясность композиции, простоту стиля. Всё это делает произведения периода «4 мая» достойными изучения. Критиковать же литературу «4 мая» за несходство её языка с языком широких народных масс того времени, забытых нуждой, изнемогавших от тяжёлого труда, совсем неуместно.

В период, последовавший за «4 мая», движение в пользу реформы письменности и языка не получило дальнейшего развития. Большая часть китайской литературы пошла по пути украшательства. В художественных произведениях появилось множество европеизированных слов, плеоназмов, запутанных подлежащих и дополнений, замысловатых выражений. Писатели начали вставлять пустые, изящные обороты, заключённые в скобки, растягивая этим изложение. Некоторые писатели стали вводить «гувэнь»¹, чтобы показать свою образованность. Всё это было характерно для буржуазных писателей, которые создавали свои произведения исключительно для забавы и приятного времяпрепровождения и вовсе не заботились о приближении литературы к народу. К сожалению, это оказало влияние на прогрессивную интеллигентную молодёжь и стало модой. Дошло до того, что произведения, написанные не так, не считались литературой.

Шанхайская «Лига левых писателей», возглавляемая Лу Синем и Цю Цю-бо, во весь голос требовала сделать литературу доступной для широких народных масс. Однако борьба «Лиги левых писателей» не могла привести к значительным результатам ввиду препятствий, чинимых правящей реакцией.

У литераторов следующего поколения не хватало знаний и энергии их предшественников — литературных деятелей «Движения 4 мая» — для того, чтобы, понимая весь вред иностранщины для творчества, раз и навсегда отречься от неё так, как в период «4 мая» прогрессивные писатели решительно отреклись от «вэньяня». Мы также чувствовали вред такой «модной» литературы, но не могли отказаться от неё совсем. Так продолжалось до тех пор, пока Мао Цзэ-дун в своих выступлениях на совещании по вопросам литературы и искусства чётко и ясно не разрешил вопрос — «для кого писать». Он показал нам, насколько важно учиться у народа, чтобы повысить наше знание жизни, призвал изучать и использовать в литературных произведениях живой народный язык.

Мы уже предприняли в этом направлении первые шаги и достигли некоторых результатов. Наша задача заключается в том, чтобы продолжать начатое «Движением 4 мая» с энергией и непреклонностью, которые были присущи деятелям этого движения. Мы продолжим работу по реформе письменности и языка. При этом надо поменьше злословить и насмехаться над нашими предшественниками, памятуя о том, что молодые поколения движутся вперёд, осваивая опыт прошлого. Многие конкретные дела, совершённые писателями «4 мая», отошли в прошлое в силу непрекращающегося развития. Но революционный дух этого движения всегда будет достоин подражания.

«Движение 4 мая» ознаменовало собою рождение новой китайской литературы. Эта новая литература была неотделимой частью революционного движения, она сильна и действительна именно потому, что носит острый антифеодальный и антиимпериалистический характер.

Среди создателей этой литературы мы в первую очередь должны назвать Лу Синя. Его рассказы и небольшие произведения, известные под названием «Пёстрые заметки», изданные в сборниках «Могильный курган» и «Ключ», написаны тридцать лет тому назад, но до сих пор продолжают волновать читателей.

В рассказах Лу Синя мы рельефно ощущаем всю мерзость и бесчеловечность феодального общества. Так, например, в ранних произведениях: «Записки сумасшед-

¹ Древний литературный язык.

шего», «Лекарство» и других, Лу Синь даёт нам картины современного ему Китая, показывает человека, которому все пути заказаны. Пусть он уже не хочет терпеть эту жизнь, полную страданий и противоречий, жизнь, полную тяжёлого труда, подавляющего всё в человеке, жизнь, в которой страданиям нет границ. Тогда единственное, что остаётся такому человеку,— это начать новую жизнь, которой ещё никто не испытал. Но где же путь к этой жизни? И Лу Синь даёт нам ответ: «Как на земле: дороги нет, а пройдут много людей и проложат дорогу». Люди сами пробьют себе дорогу к новой жизни!

...В своих рассказах Лу Синь не навязывает идею читателю. Но разве, прочитав его рассказы, вы не почувствуете отчётливо всей мерзости феодального общества? Разве вы не почувствуете необходимости свергнуть его?

Через тридцать лет произведения Лу Синя не только сохранили свою исторически-познавательную ценность, они нужны сейчас, помогая в решении современных проблем. Хотя в сочинениях Лу Синя и не описывается производство и, казалось бы, эти рассказы не имеют непосредственного отношения к нашей сегодняшней работе, тем не менее они очень полезны для нас, они повышают идейное развитие наших людей. Эти произведения помогают нам бороться с пережитками в сознании людей, оставшимися в наследство от старого общества.

В период «Движения 4 мая» многие писатели, помимо Лу Синя, писали хорошие, резко антифеодальные рассказы. Среди них следует прежде всего назвать Е Шао-цзюня. Стиль этого писателя необычайно прост и выразителен. В его рассказах нет ни малейшей фальши. Писатель не увлекается иностранными словами и «гувэнэм», он не засоряет своих произведений ни устаревшими выражениями, ни избитыми фразами.

...Особенно сильное впечатление производит рассказ «Пугало», написанный Е Шао-цзюнем в раннюю пору его творчества.

День и ночь стоит пугало на поле и сторожит рис, размахивая сломанным тростниковым веером. Оно сочувствует своей хозяйке — бедной старой крестьянке. Но, когда на поле приползают муравьи, которые пожирают рис и откладывают там яйца, у пугала нет сил, чтобы прогнать их, нет и возможности сообщить об этом старой женщине. Это причиняет ему невыносимые страдания. Дальше рассказывается о том, как на берег приходит рыбачка. Пугало видит, что в её сеть ничего не ловится. А у бедной женщины дома больной сын лежит при смерти... Наконец, пугало видит, как на берег приходит другая женщина. Жестокое обращение довело её до мысли о самоубийстве, и она бросается в реку. Пугало снова изо всех сил хлопает своим веером, но не может ускорить рассвет и разбудить крестьян. В конце концов пугало, измученное этими бедами, сваливается само на поле.

«Пугало» Е Шао-цзюня имеет глубокий смысл. Чувства, подобные тем, какие испытывало пугало, могли обуревать 30 лет назад и какого-нибудь интеллигента; ясно, что такое сочувствие не может достаточно помочь, — народ должен сам подняться на борьбу и надеяться только на свои силы.

Ценность этого произведения Е Шао-цзюня в том, что оно заставляет людей глубже задуматься над жизненными вопросами. А это и есть одна из важнейших задач литературы.

Перевод с китайского Г. Голсьнева.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. Алимян. Стихи молодого поэта.— **В. Борисов.** Новые веяния в арабской литературе.— **Ник. Арденс.** Л. Н. Толстой в Китайской Народной Республике.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Кандидат исторических наук **И. Греков**, кандидат исторических наук **А. Мальцев.** Единство навсегда.— **Е. Шведов.** Друзья и враги немецкого народа.— Кандидат сельскохозяйственных наук **С. Воробьёв.** Книга об освоении целинных земель.— **Руд. Бершадский.** Без ясной цели.

Литература и искусство

Стихи молодого поэта

Рассвет в горах» — первая книга стихов молодого армянского поэта Ваагна Давтяна, вышедшая на русском языке. В неё включены избранные стихи, взятые из трёх сборников В. Давтяна, изданных в Армении в 1947—1953 годах.

Героем первой книги поэта — «Первая любовь (1947) — был «тысячу раз выдавший смерть» и с победой вернувшийся в родной дом солдат, у которого ещё свежи воспоминания о недавних боях. Этот солдат с честью выполнил свой долг перед Родиной и теперь опять занят мирным созидательным трудом. Вторая книга стихов В. Давтяна — «Утро мира» (1950) — как бы продолжает его первый сборник. Герой книги — тот же солдат; он «только сменил военную форму, а сердце — нет». Некоторые стихотворения этого сборника принадлежат к лучшим образцам послевоенной армянской поэзии (как, например, «Клятва вождя», «Легенда моей жизни», «У костра», «Баллада о Кирове», отрывки из поэмы «В Туруханском крае»). В третьей книге стихов В. Давтяна — «Дорога сквозь сердце» (1953) — ощущаются поиски новых тем, и написана она в художественном отношении менее уверенно.

Для В. Давтяна характерно стихотворение «Легенда моей жизни», где поэт рассказывает о славном пути своего поколения.

Стихотворение построено на контрасте — радостные, мужественные мотивы переключаются с горькими и печальными, когда

Ваагн Давтян. «Рассвет в горах». «Молодая гвардия», М. 1953.

поэт обращается к тяжёлому, полному унижений прошлому своего старого деда, лицо которого «в бороздах печали, «седины инеем тяжёлых лет блистали». Мы видим большое достоинство лучших стихотворений Давтяна в том, что изображённые в них картины жизни всегда дают толчок воображению читателя, ведут его к значительной обобщающей мысли. Часто ею заключает стихотворение сам поэт (например, «У костра»). Но, когда он этого не делает, читатель придёт к определённом чувству и выводу сам. Это характерная черта лиризма в солдатских стихах В. Давтяна. Убитый в бою солдат спит и, «чуткое ухо прижав к земле, слушает шаги нашей победы» (стихотворение «Я и сегодня забыть не могу»). Всего несколько строк, но они ведут читателя к глубоким переживаниям и мыслям, связанным для нас с памятью о героях, павших в боях за Родину. Мы вспоминаем и своих друзей, которые погибли в бою, но не ушли из нашей жизни. Мы вспоминаем слова приказов Верховного Главнокомандующего о героях, павших в боях за Родину. Целый мир чувств заключён в этом небольшом стихотворении.

Хороши многие стихи В. Давтяна, посвящённые дружбе советских народов. Среди них отметим стихотворение «Русскому брату», привлекающее не только благородством мысли, но также теплотой и искренностью, с которой в нём выражена любовь к народу, вынесшему главаную тяжесть в войне против фашизма.

Свою лучшую поэму — «В Туруханском

крае» — В. Давтян написал в 1949 году по поводу семидесятилетия И. В. Сталина. (Небольшие отрывки из этой поэмы помещены в сборнике «Рассвет в горах».) Произведение отличается художественной цельностью, разнообразием картин, которые делают живым и убедительным оптимизм всей вещи.

В. Давтян хорошо начал свою поэтическую деятельность.

Однако не все стихотворения В. Давтяна равноценны. Частое повторение некоторых поэтических приёмов бросает тень однообразия даже на его удачные стихи.

Одно из лучших качеств Давтяна — его способность делать читателя своим активным соучастником в творческом мышлении — проявляется далеко не везде. Читателю иногда достаточно прочесть лишь первые строки, и он легко уже угадывает, к чему всё сведётся в конце стихотворения («Весна в окопе», «Ночь возвращения»). Иногда большое стихотворение, лишённое непрерывного психологического развития, существует только ради последних строк. Такие стихи не дают никакого художественного наслаждения, потому что читатель, ещё далеко не дойдя до конца, догадывается, что всё дело в нём, а остальное читать не стоит. Поэт, пользуясь такими композиционными схемами, не достигает своей цели, — хорошо лишь то стихотворение, где не чувствуются профессиональные приёмы поэта, где каждая строка раскрывает перед читателем какую-то сторону или часть общего замысла.

В. Давтян продолжает писать солдатские стихи, но наряду с ними пишет и о людях города и деревни, строящих коммунизм в послевоенный, мирный период. И надо сказать, в произведениях этого последнего ряда не ощущаются действенная сила и страсть, которые свойственны солдатским стихам поэта. Конечно, и среди произведений, изображающих мирный труд, есть хорошие стихи, как, например, «Девушка, собирающая чай», «Садовник», где автору удаётся ярко показать духовную жизнь людей советской деревни. Но, к сожалению, таких стихов немного.

Мы надеемся, что В. Давтян преодолеет оказавшиеся для него очень большими трудности перехода к новой тематике и создаст новые произведения, охватывающие многообразную жизнь нашей страны, рав-

ноценные его солдатским стихам. Мы считаем, что он имеет все данные для этого — его поэтические способности незаурядны.

Быть может, читателю русских переводов этих стихов покажется, что мы преувеличили достоинства поэзии В. Давтяна. Но это мнение может сложиться лишь потому, что переводы, в которых представлены произведения В. Давтяна, в общем неудовлетворительны, а некоторые из них очень плохи. Отметим немногие удачные переводы: «Легенда моей жизни», «Хикмет на свободе» (В. Звягинцева), «Первая любовь» (Ю. Гордиенко), «Баллада о Кирове» (Л. Гинзбург), «Русскому брату» (М. Максимов), «В поезде» (Е. Николаевская и И. Снегова), «В Туруханском крае» (Н. Глазков). Но это исключения. Большая же часть переводов — не что иное, как импровизация на темы поэта. Приведём пример.

Вот концовка стихотворения «Песня моря» (переводчик Ю. Гордиенко). В оригинале написано: «Море, распростёршееся от берега до берега, это бурное и недремлющее море, поёт песню о подвигах и величии, посвящённую смелому человеку моей родины». Переведено:

Иодом пахнут
Морские травы.
Стою над летописью
Голубой.
И, как страницы,
В той книге Славы
Листает волны
Морской прибой.

Это уже не вольный перевод и не пересочинение («из Давтяна», «по Давтяну»), а целиком принадлежащее переводчику сочинение. Здесь даже мысль стихотворения подменена, не говоря уже о средствах поэтического выражения. Так же неузнаваемо искажены в переводе стихотворения «Клятва вождя» и «Баллада о каменотёсе» (переводчик М. Максимов).

Нужно отметить, что подобная импровизация встречается даже в отдельных строфах удачных переводов. Читатель вправе требовать от переводчиков, чтобы они отказались от произвола, подходили к переводу, как к настоящему искусству, имеющему свои принципы и законы. Наличие нескольких хороших переводов в сборнике «Рассвет в горах» — яркое доказательство того, что переводчики могут это делать, когда хотят.

А. АЛИКЯН.

★

Новые веяния в арабской литературе

Новый подъём национально-освободительного движения, вызванный второй мировой войной, охватил и арабские страны. Народы Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Туниса, Алжира, Марокко всё решительнее борются за национальную независимость, включаются во всемирную борьбу за мир. Эта борьба не могла не отразиться в творчестве арабских писателей.

Чтобы лучше понять сдвиги, происходящие в современной литературе арабских стран, надо вспомнить, в самых общих чертах, её историю.

Расцвет арабской литературы относится к средним векам; именно тогда она дала миру сказки «Тысячи и одной ночи». Но турецкое завоевание XVI века привело общественную и культурную жизнь арабских стран в упадок. Лишь в середине XIX века в Алжире, Египте стало пробуждаться национальное самосознание арабов, взявших за оружие против французских и английских колонизаторов. В конце XIX века выдвигается ряд общественных деятелей, отразивших это национально-освободительное движение в блестящих публицистических произведениях. В передовых слоях народа и среди писателей стал возрастать интерес к прошлому, в котором они видели источник самобытных национальных традиций; появляется исторический роман. Однако эти произведения, интересные как документы борьбы арабов за независимость и сыгравшие известную роль в формировании современного арабского языка, были ещё очень незрелыми и неуверенными с точки зрения художественного мастерства: в них преобладал элемент описательства.

Первой собственно художественной формой в новой арабской литературе стала новелла.

Советский арабист академик И. Ю. Крачковский первый обратил внимание на появление в двадцатых—тридцатых годах в Сирии, Ираке и особенно в Египте этой «новоарабской литературы». Быстро становятся популярными в образованных кругах арабских стран имена Джебрана, Амина-ар-Рейхани, Михаила Нуайме (Сирия и Ливан), Махмуда Теймура, Тага Хусейна, Тевфика аль-Хакима (Египет), Зу-н-Нуна (Ирак).

Произведения этих писателей уже отмечены сознательным стремлением к решению формально-художественных задач; очевидно знакомство авторов с зарубежными литературами, в частности с рассказами Чехова и Горького. Однако этот формально-художественный прогресс ещё не открывал перед арабской литературой пути для развития в подлинно национальную, большую литературу. Если в произведениях публицистов и беллетристов конца XIX и начала XX века была ясно выражена антифеодалная и антиимпериалистическая направленность, то на творчестве писателей двадцатых — тридцатых годов уже сказалось разочарование интеллигенции, её отход от политики, вызванный предательством буржуазных политиков, их сговором с империализмом. Писатели, о которых мы упомянули, чаще всего обращались к абстрактным, общечеловеческим психологическим вопросам, то есть ограничивали круг своих интересов специфическими психологическими проблемами интеллигентного буржуа. Под влиянием западноевропейского декаданса они порой углублялись в фрейдистский психоанализ. Лишь некоторые из этих писателей (Зу-н-Нун, Теймур) иногда описывали и жизнь трудового люда — безысходную нужду, невежество, вымирание от болезней. Но ни Зу-н-Нун, ни тем более Теймур не делали попытки вскрыть причины нищенской, беспросветной жизни крестьян и рабочих. Они видели в народе лишь инертных, тёмных, забытых, утративших надежду людей.

Вторая мировая война, борьба против фашизма вызвали новое движение рабочих и крестьян арабских стран за национальную независимость, за жизненные права. В послевоенные годы борьба за мир во всём мире выдвинула на большую политическую арену представителей народных масс. Но в творчестве названных писателей эти явления, составляющие главную новую черту, можно сказать — основное содержание современной жизни арабских народов, не нашли отражения. Под предлогом «борьбы с коммунизмом» реакционные правители арабских стран вводят строжайшую цензуру и преследуют людей, выражающих прогрессивные взгляды. Правдиво, реалистично отображать социальную действительность, описывать всё усиливающую-

ся непримиримую борьбу трудящихся, призывать к дружбе с Советским Союзом опасно. Это удерживает арабских писателей, уже завоевавших себе почётное место в буржуазном обществе, от вмешательства в действительность. В этом отношении характерен пример ливанского писателя Михаила Нуайме, который в своих критических статьях не раз призывал отражать «современную жизнь во всех её проявлениях», а сюжетами своих пьес избирает события времён царя Соломона и царицы Савской, не используя и эти легенды для выражения своих взглядов на проблемы современности.

Этот отрыв от народа и его интересов приводит к тому, что на творчестве арабских буржуазных писателей всё больше сказывается влияние упадочнической, пессимистической культуры современного Запада. В тридцатые годы египетские писатели Тага Хусейн в повести «Дни» и Тевфик аль-Хаким в повести «Возвращение духа» ещё описывали правдиво и сочувственно жизнь феллахов и рост национально-освободительного движения. Сейчас эти писатели склоняются к туманному символизму.

Возрождение арабской литературы берёт своё начало в консолидации антифашистских демократических сил. Оно выдвинуло новых писателей, создающих антивоенную, демократическую, национальную литературу. В 1941 году в Бейруте вышел первый номер журнала «ат-Тарик» («Путь»), вокруг которого объединилась большая группа прогрессивных журналистов во главе с видным общественным деятелем Омаром Фахури. Большой публицистический талант Омара Фахури, его страстные, прогрессивные выступления сделали его любимым писателем рабочих, крестьян и передовой интеллигенции Сирии и Ливана. После смерти Омара Фахури, в 1946 году, его товарищи и ученики продолжают самоотверженную борьбу с империализмом, борьбу за мир, отстаивая жизненные интересы трудящихся. Журнал «ат-Тарик» становится органом сторонников мира не только Сирии и Ливана, но и всего арабского Востока. В 1950 году он получил признание мировой общественности, удостоившись золотой медали Мира.

В последние годы много пишет Мухаммед Ибрахим Дакруб. В своём обращении к писателям Дакруб призывает «писать о

народе и для народа». Этот призыв находит отклик среди писательской молодёжи: в журнале «ат-Тарик», на страницах других прогрессивных изданий всё чаще печатаются рассказы о рабочих и крестьянах, о том, как пробуждается их классовое самосознание. Это — явление совершенно новое в арабской литературе. Нов и язык этих писателей: в отличие от эстетски вычурного языка буржуазной литературы, он прост и доходчив. Творчество молодых писателей не свободно от серьёзных недостатков. Они ещё не овладели искусством композиции, строгого отбора материала, не вполне освободились от старых штампов, в частности от сентиментальности. Политическая незрелость писателей сказывается и в том, что в их произведениях мало ответственности, свойственной активным борцам арабских народов, и преобладают рефлексия, рассуждения о неизбежности, необходимости и справедливости народной борьбы. Характерен в этом смысле рассказ Дакруба «Пять пиастров», где главное действующее лицо — рабочий — лишь говорит о «необходимости действовать». Он рассуждает так: «Мне приходится каждый пиастр добывать ценой страшных усилий и мук. В этом нет героизма. Я не один, ведь миллионы мне подобных так же борются и так же страдают. Героизм же здесь в том, что я, как и миллионы других, сохраняю веру в приход того дня, когда можно будет беззаботно вынуть из кармана деньги, купить хлеба и насытиться...» О путях, ведущих к этой жизни, автор пишет лишь отвлечённо, да и то в описании сна, которым заканчивается рассказ: «...Вот я в воздухе, лечу и... падаю на землю. Кругом дикие звери, грязь, тьма, колючие шипы, завывание злого, холодного ветра... Но там, далеко на горизонте, ослепительно яркий свет; к нему со всех концов земли стремятся миллионы рабов, миллионы рабочих, миллионы голодных, страдающих. Они поют. Их громовой голос грозно несётся по миру».

При всей своей незрелости эта молодая литература оказывает серьёзное влияние на общество: она будит в читателях ненависть к угнетателям, поддерживает веру в лучшее будущее, призывает трудящихся к единению. Теперь есть признаки того, что эта прогрессивная арабская литература поднимается уже на более высокую ступень.

В 1953 году в бейрутском издательстве «Знание — миллионам» вышла повесть Жоржа Ханна «Жрецы храма». Её автор — известный в арабских странах борец за мир, член Всемирного Совета Мира. В его книге впервые показаны рабочие, организованные ведущие борьбу за свои жизненные права, за национальную независимость, за мир, выведен на сцену пролетариат, осознавший свою классовую сущность. Первые в арабской литературе показаны и непримиримые враги народа и слуги империалистов — местные капиталисты и продажные политические дельцы.

Действие происходит в одной из арабских стран, на заводе Гафара — беспринципного дельца, нажившего в Америке миллион долларов и вернувшегося на родину грабить своих соотечественников. Гафара не удовлетворяют невиданные прибыли, текущие в его карман. Используя безработицу и растущую дороговизну, вызванную войной в Кореи и обстановкой военного психоза, Гафар ставит рабочим ультиматум: если они не согласятся на понижение заработной платы, он уволит часть рабочих. Рабочие отвечают забастовкой. Забастовочный комитет арестовывается властями. Когда же возмущённые рабочие требуют освобождения заключённых, полиция открывает огонь по толпе. В ответ на эту расправу рабочие города объявляют всеобщую забастовку, к ним присоединяются учащиеся. Спешно созывается совет министров. Как ни настаивают самые ярые реакционеры на расправе с народом, «чтобы не потерять расположения дружественных держав», то есть англо-американских империалистов, большинство членов кабинета, видя силу народного возмущения, решает освободить арестованных и выдать пособие семьям убитых и раненых сразу же, как только установится «порядок», и создать «комиссию» для изучения требований рабочих. Явный саботаж, проводимый этой комиссией, вызывает новые забастовки и демонстрации под лозунгами: «Смерть тем, кто наживается на хлебе народа, смерть эксплуататорам!», «Долой поджигателей войны, долой империализм!» Снова вооружённая расправа. Снова жертвы.

Рабочий Кемаль, один из организаторов демонстрации, бежит в горы. С ним — его подруга Сальма. Найдя приют в глухой деревушке Заатар, они продолжают там революционную работу, пробуждая в невеже-

ственных, забытых крестьянах сознание человеческого достоинства, говоря о необходимости бороться против помещичьей эксплуатации.

Местные власти арестовывают Кемалья и Сальму. Но семена правды брошены ими в благодарную почву: в день суда над Кемалем и Сальмой бастуют рабочие того города, где их держат в тюрьме. Спускаются с гор и жители деревни Заатар, чтобы поддержать хотя бы своим сочувствием борцов за справедливость, открывших им глаза на мир.

Царящее в городе возбуждение, мужественная речь Сальмы на суде, выступление молодого адвоката Мухтара, чья защита превратилась в обвинение существующего строя, вынуждают даже этот буржуазный, заранее предубеждённый суд отказаться от расправы над обвиняемыми: Сальма освобождена, тяжело больной Кемаль приговорён к трём месяцам заключения. Повесть заканчивается его смертью в тюрьме. Но читатель закрывает книгу с чувством уверенности в том, что борьба только начинается, что народ победит.

Автору удалось нарисовать широкую картину общественной жизни страны, показать не только рабочих и крестьян, но также представителей всех слоёв общества. Он описывает представителей интеллигенции, связавших свою жизнь с жизнью рабочих, — врача Керима, журналиста Меджда, адвоката Мухтара, а на примере владельца газеты Семира автор показывает, как засасывает капиталистическое болото талантливого, но корыстного и беспринципного человека: некогда способный и подававший надежды журналист Семир становится беспринципным писакой, который получает доходы «за информацию, которую печатает, и за информацию, о которой умалчивает», а больше всего за лживые статьи, которыми он пытается удержать рабочих от активной борьбы.

Книга едко высмеивает лицемерие буржуазной «законности», показывает механику покупки голосов на выборах и обличает тайные сговоры капиталистических политиков, сеющих слухи об агрессии, которая будто бы угрожает стране и заставляет «искать защиты» у американского империализма. Действует в книге и покровитель всей этой стаи хищников — американский посол, навязывающий экономическую, техническую и прочую «помощь».

Стиль писателя отличается простотой и лаконизмом. Ему часто удаётся немногими словами создать живой, запоминающийся образ, хотя мы почти нигде не встретим описания внешности. Нашему читателю было бы непривычно читать многие главы, где краткое изложение прерывается длинными публицистическими рассуждениями, которые вкладываются в уста героев; но для арабского читателя такие монологи не нарушают цельности произведения — они традиционны в арабской литературе, и автор пользуется ими искусно. Также традиционная в арабской литературе сентиментальность, думается нам, всё же вредит художественному качеству книги; это одна из тех старых черт литературы, которая, по видимому, будет постепенно преодолена.

«Жрецы храма» — первое крупное произведение арабской литературы, правдиво и

многосторонне показывающее жизнь рабочего класса, рост политического сознания народных масс, рост влияния компартии в арабских странах, борьбу народов этих стран за мир, за лучшую жизнь. Эта борьба ещё недостаточно целенаправлена, трудящиеся ещё мало сплочены и неорганизованы. Жорж Ханна хорошо знает это. Но от его книги веет верой в близкое будущее. Журналист Меджид говорит, обращаясь к слугам эксплуататоров — продажным газетчикам и политикам: «Народ знает вас, и вы не уйдёте от его мщения, когда настанет расплата. Уже трещит храм, в котором вы живёте и который вы окружаете фальшивой святостью. День, когда будут разбиты кумиры вашего храма, уже недалёк». В этих словах выражена основная идея книги.

В. БОРИСОВ.

★

Л. Н. Толстой в Китайской Народной Республике

Русская классика XIX—XX веков, особенно Л. Толстой и А. Чехов, и советская литература с М. Горьким во главе нашли в широких читательских массах Китая живое признание. Уже в конце прошлого века Лу Синь и его соратники поняли и оценили высокую идейность прогрессивной русской литературы. «Русская литература, — писал Лу Синь, — является нашим учителем и другом, потому что она дала нам возможность за агрессией Российской империи в Китае разглядеть тот знаменательный факт, что в мире существуют два рода людей: угнетатели и угнетённые». По мнению Лу Синя, «русская литература и культура богаче, чем любая другая иностранная литература и культура... Русская литература переведена на китайский язык в гораздо больших размерах, чем литература других стран, и имеет огромное влияние в Китае».

О влиянии нашей литературы в Китае говорит и крупнейший писатель нового, народно-демократического Китая Мао Дунь: «Советская литература раскрыла нам глаза и воспитала наших революционных и прогрессивных работников литературы и искусства».

Имена всех крупнейших представителей русской классической и советской литературы хорошо известны и широко популярны в Китае. Но, не боясь ошибиться, можно сказать, что наибольшее распространение

среди читательских масс получили сочинения Льва Толстого и Максима Горького.

Творчество Толстого начало заинтересовывать китайскую прессу и прогрессивные общественные круги ещё с семидесятых — восьмидесятых годов, и к концу века китайский книжный рынок стал обогащаться переводами крупнейших произведений Толстого.

Со времени Великой Октябрьской революции требования на произведения русских классиков и на советскую литературу возрастают в Китае из года в год. Творчество Толстого, гениально объяснённое В. И. Лениным, указавшим на мировое значение «великого писателя земли русской», глубоко волнует читателей Китая, борющегося за своё освобождение от собственных и иноземных угнетателей.

В популяризации Толстого большую роль сыграл известный китайский классик-переводчик Линь Сюй. Он перевёл на китайский язык в 1915—1919 годах «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Крейцерову сонату» и другие произведения Толстого¹. Линь Сюй положил начало

¹ Материалы для настоящей статьи были собраны по указанию товарища Го Мо-жо научными сотрудниками Комитета по делам культуры и просвещения при Центральном Народном Правительстве КНР товарищами Ли Сы-ми, Ци Чжи-фын и другими. Приношу этим товарищам глубокую благодарность. — Н. А.

требовательному отношению к переводческой работе над Толстым, и его переводы отличаются высокой художественностью. В двадцатые годы появляются новые переводы «Воскресения» (перевод Гэн Цзи-чжи в 1923 году) и «Живого трупа» (перевод Вэнь Фань-цунь), а также «Фальшивого купона» и другие. В то же время китайская критика начинает углублённое изучать литературное наследство Толстого. Журнал «Сяо шо» в специальном номере, посвящённом изучению русской литературы, публикует ценную статью Чжан Вэнь-тяня «Взгляды Толстого на искусство». Издательство «Шан'у», напечатавшее немало произведений Толстого (в частности, переводы Линь Сюя), издаёт «Историю русской литературы», составленную китайскими литературоведами, под редакцией Чжен Чжень-до, и в ней мы находим специальный раздел «Достоевский и Толстой» (1924). Шанхайское издательство «Мир» публикует биографию Толстого — «Жизнь Л. Н. Толстого» под редакцией Ван Чжоу-жань, а в издательстве «Дадун» выходит книга Лан Цзин-сяо «Жизнь и учение Толстого» (Шанхай, 1929).

В следующее десятилетие всё ширится распространение сочинений Толстого в Китае и усиливается научный интерес к его творчеству. Го Мо-жо переводит «Войну и мир», которая в 1931—1933 годах публикуется издательством «Вэньшудянь» и далее, в 1935 и 1942 годах, переиздаётся издательствами в Шанхае и Чунцине. Гао Чжи даёт новый перевод «Воскресения» (1936). Через три года после него «Воскресение» снова переводится Цю Чаном и Чжан Ю-ци и издаётся в двух томах в Шанхае (издательство «Цимин»). Широкий интерес к Толстому побуждает китайские издательства обратиться к выпускам его подробной биографии. В 1933 году появляется известная «Биография Л. Н. Толстого» Ромен Роллана в переводе Сюй Моу-юн (издательство «Хуатун» в Шанхае). Хун Цзинь-тао издаёт работу «О Л. Н. Толстом» (Шанхай, 1932).

Стремительный рост переводов Толстого на китайский язык наблюдается в сороковые и особенно в начальные пятидесятые годы нашего века, когда старый, раздираемый империалистами и внутренними предателями Китай добился своего освобождения и зажил свободной жизнью.

Все крупнейшие и мелкие по объёму про-

изведения Толстого, наряду с выдающимися произведениями советских писателей, появляются на книжном рынке Китая в новых переводах, в виде отдельных книг и сборников. Такие сборники выпускают издательства «Тайдуншущю» и «Шан'уиншугуань» (в переводах Чуй Цю-бая и Гэн Цзи-чжи). «Война и мир» переводится во второй раз Гао Чжи (1942) и в третий раз — Дун Цю-сы (1949). Тот же Гао Чжи даёт новый перевод «Детства», «Отрочества» и «Юности» (1947). В 1949 году «Детство» снова переведено Цзянь Лу, а в 1951 году публикуется ещё один перевод «Отрочества», сделанный Мэй Ци. В рассматриваемые годы два раза публикуется «Анна Каренина»: в 1947 году в переводе Чжоу Цзянь и Ло Цзи-хань и в 1950 году в обновлённом переводе Чжоу Цзянь. «Воскресение» переводится в четвёртый раз Гао Чжи (1946) и в пятый раз Жу Луном (1952). Три раза издаётся всё в новых переводах «Хаджи Мурат» (над ним работают — Лю Ляо-и в 1948 году, Хань Дай-хэн в 1950 году и Пэн Хуэй в 1952 году). Вэнь Ин снова переводит «Живой труп» (1950), который вместе с «Плодами просвещения» (перевод Ли Цзянь-у, 1950) становится достоянием народной сцены свободного Китая. В конце сороковых годов появляются в Китае новые переводы «Семейного счастья» и «Смерти Ивана Ильича» (Фань Цзиня), «Казаков» (Хан Дай-хэн), «Власти тьмы» (Вэнь Ина). Обильна переводческая продукция 1952 года. Помимо упомянутых изданий «Воскресения», «Анны Карениной», «Хаджи Мурата», изданного Пекинским педагогическим институтом (в переводе Пэн Хуэя), издаются Севастопольские рассказы (в переводе Чжу Ши-цой), «Кавказский пленник» (в переводе Лю Да-цю), «Крейцеров соната» (в переводе Шэнь Фэн-чен), «Исповедь» (в переводе Хэ Фан), новый перевод «Смерти Ивана Ильича» (Гу Шоучана) и другие произведения Толстого.

Вместе с переводческой работой над произведениями Толстого в самые последние годы множится и критическая литература о великом писателе. Прежде всего в переводе Лин Хуа публикуются статьи В. И. Ленина о Толстом (1950), которые с этого времени получают широкое распространение среди китайской читающей и учащейся массы. Шанхайское издательство «Эпоха» выпускает в свет статью с высказываниями о Толстом Лу Синя («Лу Синь

о Л. Толстом», В. Рогова, 1949 год). Издательство «Синьвэньи» издаёт обширное пособие «О русских писателях» (Шанхай, 1950), где даются статьи советских литературоведов, в том числе и статья Н. Гудзия «Война и мир» Л. Толстого». Снова в 1947 году переиздаётся «Биография Л. Толстого» Р. Роллана в переводе Фу Лэй. Издательство «Пинмин» публикует «Воспоминания о Л. Толстом» М. Горького (в переводе Ба Цзиня, Шанхай, 1950). «Эпоха» печатает брошюру Н. Гудзия «Л. Н. Толстой» в переводе Чжу Цзи (Шанхай, 1950).

Все эти данные красноречиво свидетельствуют о том глубоком и всестороннем интересе, какой так отчётливо выявился по отношению к русской литературе вообще

и к Толстому в частности в Китайской Народной Республике.

Китайский научный работник Ли Сы-ми, изучивший вопрос о распространении сочинений Толстого в Китае, приведя слова Мао Цзэ-дуна, что «Китаю следует впитывать в больших количествах прогрессивную культуру иностранных государств», заключает: «Реалистические произведения великого русского писателя Л. Н. Толстого несомненно являются лучшими образцами, по которым должны учиться китайские писатели».

Так подтверждается пророческая мысль В. И. Ленина о мировом значении, которое приобретут сочинения Толстого у свободных народов.

Ник. АРДЕНС.

★

Политика и наука

Единство навсегда

Советские люди с огромным интересом изучают многовекковую героическую борьбу украинского народа против иноземного порабощения, за воссоединение с великим русским народом в едином Российском государстве

Перед советской исторической наукой стоит задача — выявить, систематизировать и опубликовать наиболее значительные и существенно важные документы, характеризующие многосторонние исторические связи Украины с Россией, борьбу украинского народа против магнатско-шляхетской Речи Посполитой и помощь, оказанную ему в этой борьбе братским русским народом. В настоящее время эта задача в известной мере решена. В свет вышли три тома документов и материалов «Воссоединение Украины с Россией», изданные Институтом истории Академии наук СССР совместно с Институтом истории Академии наук УССР. В работе по подготовке сборника приняли активное участие сотрудники научных учреждений Москвы, Киева, Львова.

В трёхтомник включено 747 документов, большая часть которых извлечена из архивов и публикуется впервые. Остальные были помещены в своё время в различных

изданиях, ставших в настоящее время библиографической редкостью. Теперь они напечатаны после сличения их с оригиналами (в тех случаях, когда это было возможно).

Издание включает документы русские, украинские и польские. В нём помещены «челобитные» украинского казачества, адресованные русскому правительству, указы послам, статейные списки (дневники-отчёты послов), государственные грамоты, материалы Земских соборов, донесения (отписки) царских воевод, письма и грамоты Богдана Хмельницкого.

Вместе с тем в трёхтомник вошли польские описания шляхетских имений на Украине, переписка должностных лиц Речи Посполитой, королевские универсалы. Документы опубликованы на языке оригиналов, польские и латинские тексты снабжены переводами на русский язык. В каждом томе имеются примечания и указатели, значительно облегчающие пользование изданием.

Материалы сборника раскрывают крайне тяжёлое положение украинского народа накануне освободительной войны 1648—1654 годов.

В этот период происходил усиленный рост магнатского и шляхетского землевладения как на Правобережной, так и на Левобережной Украине. Достаточно сказать, что на одной Брацлавщине (район

«Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах». Издательство Академии наук СССР, М. 1953.

Южного Буга) вельможе Конецпольскому принадлежало 170 местечек и городов, не считая 740 сёл. Ему же принадлежали обширные земли на Левобережье. Только в аренду он отдавал «город Гадяч с сёлами и всеми хуторами... город Лютенки... город Ришаву».

Огромные земли были захвачены на Украине польскими магнатами Потоцкими, Калиновскими, Замойскими, а также низирировавшимися украинскими феодалами Вишневецкими, Киселями, Острожскими и другими. Потоцкий был обладателем всего Нежинского староства, Кременчуга и других городов; Вишневецкому принадлежала вся Полтавщина с 40 тысячами крестьянских и мещанских хозяйств.

Документы, вошедшие в сборник, хорошо отображают экспансию католической церкви на территории, населённые украинским народом, подавление католической церковью украинской культуры.

Преследуя и искореняя православную веру, униатская церковь, а вместе с ней польско-литовские феодалы стремились не только подчинить своему духовному влиянию украинский и белорусский народы, не только обеспечить своё политическое господство на Украине и в Белоруссии, но и разобщить украинский и белорусский народы с братским русским народом, ослабить культурные и политические связи между Россией, Украиной и Белоруссией.

Характеризуя дальнейший рост магнатского и шляхетского землевладения, показывая экспансию римской курии на украинские и белорусские земли, материалы сборника вместе с тем отмечают всё более ухудшающееся положение украинского крестьянства, казачества и мещанства.

Рост феодального землевладения на Украине происходил в значительной мере за счёт насильственного захвата земель, обрабатываемых крестьянами, мещанами и казаками, и сопровождался усилением феодально-крепостнического гнёта.

В первой половине XVII века, как явствует из документов, украинские крестьяне отбывали барщину чуть ли не всю неделю, причём рабочий день крестьянина длился от раннего утра до глубокой ночи. Если же крестьянин трудился на барщине меньше недели, то он должен был выполнять другие повинности, как натуральные, так и денежные. Так, документ 1642 года сообщает, что крестьяне, «которые работают 4 дня в

неделю, субботу и четверг имеют свободными... в эти свои дни должны ехать за 2 мили для уборки хлебов и с хлебом на рынок».

Исключительно тяжёлым было положение крестьян в тех имениях, которые сдавались в аренду. В отдельных имениях паны-арендаторы «подданных... обнажылы, зубожылы, проч розогнали». В других случаях арендатор позволял себе «взимать с подданных упомянутых деревень сверх обычая и инвентаря необычные подати, которые отдавать принуждал угрозами, избиением, тюремным заключением, захватом скота и другого имущества».

Отдельные арендаторы принуждали крестьян сверх всякой «нормы» отдавать свой хлеб, скот, деньги. Так, трембовльский староста Г. Балабан сумел «захватить десятки волов и другой скот, а также захватил и отобрал у упомянутых подданных хлеб и наличные деньги и причинил им многочисленные обиды и насилия, чем привёл их к большой нищете».

Жизнь и имущество крестьянина находились в полном распоряжении феодала. За малейшее неповиновение крестьянину грозили тюрьма и жестокие пытки. Непокорных паны приказывали вешать и сажать на кол. Но крестьяне терпели не только от «своих» панов. В деревнях зачастую расквартировывались шляхетские войска, которые требовали себе жилья, провианта, денег.

Магнатское своеволие и феодальная анархия в Речи Посполитой усугубляли тяжёлое положение украинского и белорусского народов. Как показывают документы, крестьяне страдали и от непрекращающейся вооружённой борьбы между отдельными шляхетскими группировками, которые постоянно осуществляли «наезды» на владения друг друга, разоряли и грабили украинские сёла и города.

Сталкиваясь с фактами классового сопротивления крестьянства, польско-литовские феодалы часто прибегали к помощи короля. В таких случаях король требовал от крестьян полного подчинения господам. «Категорически приказываем вам, — обращался король в своём универсале к крестьянам, — чтобы вы, не мешкая, выполняли повинности, в противном случае знайте о том, что от суровой кары нашей не уйдёте».

Господствующий класс Речи Посполитой требовал решительного наказания не-

покорных украинских крестьян. Польский феодал Конецпольский предписывал своим подчинённым, чтобы они, расправляясь с восставшими, не останавливались ни перед чем: «Если бы ваши милости не могли задержать их, то вы должны карать их жён и детей и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножились изменники е. к. м. и Речи Посполитой».

Украинский народ испытывал жесточайшие притеснения и от турецких и крымских захватчиков. Постоянные вторжения на украинские земли со стороны Крыма и Турции опустошали целые районы Украины, приводили к массовому угону населения в неволю, на рынки работорговли.

Правящие круги Речи Посполитой, не ведя борьбы против татаро-турецкой агрессии, игнорировали национальные интересы и своего польского народа. На захваченных западных польских землях росли и крепили немецкие воинственные государства. А тем временем польские феодалы были поглощены планами дальнейшего расширения сферы феодальной эксплуатации на Востоке за счёт украинских, белорусских и русских земель.

Всё это создавало условия, при которых дальнейшее пребывание Украины в составе Речи Посполитой угрожало самому существованию украинского народа, вело к полной деградации производительных сил страны, создавало смертельную опасность для украинской культуры.

Политика социального и национального угнетения, проводившаяся господствующим классом Речи Посполитой на Украине, вызвала всё возрастающее сопротивление широких народных масс.

Материалы и документы, собранные в трёхтомнике, свидетельствуют, что борьба украинского народа против магнатско-шляхетской Речи Посполитой проявлялась в самых различных формах. Украинские крестьяне отказывались от выполнения повинностей, с оружием в руках выступали против помещиков, уничтожали панские поместья, массами уходили от своих панов, чаще всего в Запорожье и на южные окраины Русского государства. В ходе этой борьбы образовалось украинское казачество, возглавившее военные силы народа. Многие документы характеризуют большой вклад Запорожской Сечи в борьбу за освобождение

«Новый мир», № 5.

Украины, раскрывают её прогрессивную роль в истории украинского народа.

Стихийный протест населения Украины часто выливался в крупные казацко-крестьянские движения, направленные против магнатско-шляхетской Речи Посполитой. Материалы сборника дают богатейшие сведения о восстаниях этого периода. Хорошо охарактеризовано большое восстание 1630 года под руководством Тараса Федоровича (Тараса Трясило), охватившее ряд районов Левобережной и Правобережной Украины; документы подробно сообщают о восстании 1635 года, когда запорожские казаки под руководством Ивана Сулимы разрушили шляхетскую крепость Кодак; дают картину большого антифеодального движения на Украине в 1637—1638 годах.

Ведя борьбу против иноземного порабощения, украинский народ постоянно обращал свои взоры к великому русскому народу, к Русскому государству.

Спасаясь от жестоких преследований польско-литовских феодалов, крестьяне и горожане массами переселялись на территорию России. В украинском народе было широко распространено мнение, что, если в борьбе против польской шляхты украинцы будут терпеть неудачи, они смогут переселиться на территорию Русского государства. Так, в 1632 году русский воевода из Путивля сообщал в Москву об этих настроениях украинского народа: «А будет де их мочи не будет, и они де хотят итить все на твое государево имя».

Документы сборника позволяют полнее и глубже проследить развитие экономических, политических и культурных связей Украины с Россией, дают возможность изучить совместную борьбу русского и украинского народов против крымско-турецкой агрессии, они хорошо раскрывают прогрессивную роль Русского государства в истории Украины, подчёркивают огромную притягательную силу России для украинского, белорусского и других народов нашей страны. Только Русское централизованное государство было способно оградить Украину от иноземного порабощения, создать условия для дальнейшего экономического и культурного развития украинского народа.

Отмечая постоянное стремление украинского народа к воссоединению с русским народом в едином государстве, источники сообщают, что в 1620 году в Москву прибыли представители Запорожья. Здесь они за-

явили от имени всего запорожского войска, что «оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими попрежнему». Через год запорожские казаки и население Киева вновь высказывали желание украинского народа войти в состав Русского государства.

Все эти документы свидетельствуют о том, что украинский народ в борьбе против иноземного порабощения стремился связать свою судьбу с судьбой русского народа. Исторические решения Переяславской Рады были не случайным явлением, как это пытались изобразить буржуазные националисты, враги украинского народа, а явились результатом всего предшествующего исторического развития двух великих братских славянских народов — «близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹.

Большой и ценный материал посвящён годам освободительной войны, которая возникла как массовое всенародное движение.

Великой заслугой выдающегося государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого было то, что он, правильно поняв стоявшие тогда перед Украиной задачи, возглавил борьбу украинского народа против магнатско-шляхетской Речи Посполитой, за воссоединение с русским народом. Документы, помещённые в сборнике, отражая огромную роль Богдана Хмельницкого, вместе с тем показывают, что решающей силой освободительной войны был украинский народ, прежде всего крестьянство, казачество и беднейшие горожане.

Очевидцы, прибывшие в Москву в начале 1649 года, сообщали, что «все де у него (Богдана Хмельницкого. — Авт.) черкасы, да земские пашенные люди, покиня дома свои, все у него в собрание, многие с рогатины и с топоры, у иных косы ввязаны в деревье». Ещё раньше, летом 1648 года, русские воеводы доносили правительству: «...безпрестанно де, государь, своевольные люди — мещане и мещанские дети, из будбудники и всякие люди к казакам приставают и копятца вместе».

Угнетённые украинские крестьяне массами вливались в казацкое войско. Со всей Украины «запорские казаки и всякие деревенские пашенные люди конные и пешие все пошли к запороскому к казачью гетману к Богдану Хмельницкому в сход». В тех райо-

нах Украины, где ещё властвовала шляхта, крестьяне поднимались на панов. В июле 1648 года стародубский подстароста писал: «Холопи наши, кабальные все подданные маестностей наших, взбунтовавшиеся противу нас, панов своих, собравшиеся в одно место, немало шкот починили, панов своих поубивали и все казну и маестности немалые позабирали». Представители польской шляхты летом 1648 года с горечью отмечали: «Восстала целиком Заднепровская Украина, Киевская и Брацлавская».

Победы казацких полков под руководством Богдана Хмельницкого при Жёлтых Водах и под Корсунем, а позднее при реке Пилявке имели огромное значение. Разгром польско-шляхетских войск создал благоприятную обстановку для развития освободительной войны по всей Украине, которую охватила волна крестьянских восстаний.

Вместе с украинским народом против гнёта польских и литовских феодалов, за воссоединение с Россией боролся братский белорусский народ. Активное участие в освободительной войне украинского народа принимали крестьяне Молдавии.

Богдан Хмельницкий рассчитывал, что освободительная борьба украинского народа против польских панов найдёт широкий отклик и сочувствие среди польского крестьянства, страдавшего от гнёта своих феодалов: «Поможет ми то чернь вся по Люблин і Краков, которой я не одступлюсь, бо то права рука наша, — люди, коториее, холопства не витерпів, ушли в козаки. Буду мати двісті, триста тисяч своїх».

Публикуемые материалы говорят о том, что украинский народ с самого начала освободительной войны поставил вопрос о воссоединении Украины с Россией. Об этом можно судить и по многочисленным высказываниям рядовых украинских казаков, крестьян и горожан, получившим отражение в сборнике, об этом же свидетельствует и официальная переписка гетмана с русским правительством. Уже в июне 1648 года русский воевода в Севске доносил в Москву о желании жителей Украины воссоединиться с Россией. Выражая волю всего украинского народа и выполняя решение созданной под Корсунем войсковой рады, высказавшейся за воссоединение с Россией, Богдан Хмельницкий поставил вопрос об этом перед русским правительством.

Русские воеводы в ноябре 1648 года писали правительству, что «запорские де, го-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 74.

сударь, казаки и белорусцы черные люди во всех городах все бога молят... хотят тово, чтоб им всем быть под твоею царскою выскою рукою».

В январе 1649 года Хмельницкий направил в Москву своё первое посольство во главе с полковником Силуяном Мужилковским. Через присланного в том же году русского посла Михайлова гетман вновь обратился с просьбой о воссоединении Украины с Россией. В сборнике опубликованы интересные материалы о дальнейших переговорах Хмельницкого с русским правительством, продолжавшиеся вплоть до кануна Переяславской Рады.

Не имея возможности в силу внутривнутриполитических и внешнеполитических причин сразу решить этот вопрос, Россия оказывала всемерную поддержку борющемуся украинскому народу — помогла ему продовольствием, оружием, деньгами, разрешала украинским войскам проходить через русскую территорию для борьбы с сосредоточенными в Белоруссии шляхетскими войсками, угрожавшими вторжением на Украину.

Уже с первых месяцев освободительной войны украинского народа русское правительство разрешило в своих городах запорожскому войску хлеб и соль и всякие товары покупать и с торговых их людей пошлин не брать. В годы освободительной войны торговые люди из русских южных городов «хлеб и соль и мед пресной» на Украину «возили беспрестанно». Документы отмечают, что во время освободительной войны «хлеб де в Киеве и в-ных городех за рубежом добре дорог, а продают де хлеб из Московского государева ис Путивля и ис Комаритцких волостей, а только б де не продавали, и в литовской бы де стороне (имеется в виду Украина.— Авт.) голод был большой». Из России на Украину непрерывно поступали также «порох, и свинец, и денежная казна многая».

Русский народ оказывал украинскому народу также вооружённую помощь. Многие русские люди добровольно уходили на Украину и были «де за рубежом в казацких полках». Уже в первых сражениях весной 1648 года в составе казацкого войска принимали участие «государевы русские люди казаки». Простые русские люди — крестьяне, донские казаки, горожане — плечом к плечу с украинскими повстанцами сражались за освобождение Украины.

В 1653 году русские послы Лодыженский,

Стрешнев и Бредихин сообщили украинскому гетману решение русского правительства — осуществить в ближайшее время воссоединение Украины с Россией. Вскоре эти решения были подтверждены Земским собором, состоявшимся в Москве 1(11) октября 1653 года.

Земский собор, в котором участвовали представители различных слоёв населения, от лица всей Украины земли дал согласие на принятие Украины в состав России и объявление войны шляхетской Польше. В решении Земского собора говорилось: «Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять». Причём в постановлении особо отмечалось, что Украина с Богданом Хмельницким во главе принята в состав России «по их челобитию».

На Украину было направлено большое посольство во главе с В. В. Бутурлиным с известием о решении Земского собора. Население Украины радостно встречало это посольство. 8(18) января 1654 года в Переяславе была создана Рада, на которой присутствовали посланцы всех полков Украины, а также представители крестьянства, казачества и горожан. На Переяславской Раде, «явной всему народу», могучим волеизъявлением украинского народа было провозглашено воссоединение Украины с Россией.

Все эти исключительной важности исторические события получили яркое отражение в сборнике. Среди его документов мы находим решение Земского собора, «Статейный Список» Бутурлина, в котором изложены все обстоятельства, связанные с историческим решением Переяславской Рады.

Трёхтомник «Воссоединение Украины с Россией» представляет огромную ценность, читатель почерпнёт из него много интересного и полезного. Тем более досадно, что издание не свободно от некоторых недостатков.

Если трёхтомник с достаточной полнотой и яркостью характеризует теснейшие связи между двумя братскими народами, громадную и многообразную помощь, оказанную русским народом Украине накануне войны 1648—1654 годов и в ходе её, то тема самой освободительной войны разработана в нём менее обстоятельно. Недостаточно освещён такой важнейший этап, как начало освободительной войны. Среди опубликованных в сборнике более чем 70 документов Богдана Хмельницкого, к сожалению, отсутствуют

универсалы первых месяцев 1648 года, сыгравшие немалую роль в подъёме народного движения по всей Украине. Более широко, на наш взгляд, следовало осветить ход военных действий и, в частности, крупнейшие битвы освободительной войны.

Приводя почти исключительно актовый материал и отказываясь от использования хроник, летописей, записок современников, в том числе таких, как летописи Самовидца, Грабянки, сочинения Боплана, составители искусственно ограничили рамки издания и тем самым лишили читателя сведений, которые могли существенно пополнить представление о многих событиях и в первую очередь о Переяславской Раде.

Составители публикаций допустили и другую, более важную ошибку, не включив в сборник материалы об освободительной борьбе белорусского народа, о крестьянских выступлениях в Молдавии, об антифеодальном движении крестьянства и городской бедноты в Польше, усилившемся под влиянием освободительной борьбы украинского народа. Эти материалы давали бы много для оценки выдающегося значения борьбы украинского народа, поддержанного русским народом, в истории всей Восточной Европы.

К сожалению, в сборник не вошли некоторые документы, раскрывающие отношение России и русского народа к освободительной войне украинского народа, например, решение Боярской думы, состоявшейся в начале 1653 года. Не использованы ценные источники, характеризующие экономические связи России и Украины накануне войны. Совершенно отсутствует картографический материал.

Нет в издании материалов, которые передали бы сложную международную обстановку, в какой происходила освободительная война 1648—1654 годов, и те внешнеполитические трудности, какие приходилось преодолевать русскому и украинскому народам в их борьбе за воссоединение в едином Российском государстве.

Здесь, несомненно, сказалось стремление составителей избежать перегрузки и разрастания сборника, боязнь заслонить большим дополнительным материалом документы, относящиеся к основной и важнейшей теме издания. Однако подобные мотивы нельзя признать решающими, когда речь идёт о монументальном труде, призванном стать основным изданием документов, рассказывающих об одной из самых славных страниц в истории украинского народа.

Следует отметить отдельные недочёты, связанные с археографической обработкой документов, неуместность модернизации графики украинских документов XVII века, опечатки и неточности, встречающиеся в тексте документов (особенно на польском и латинском языках) и в научно-справочном аппарате. Немало досадных погрешностей и в переводах документов, приведённых в сборнике.

Трёхтомник «Воссоединение Украины с Россией», как и каждое значительное явление в науке, несомненно, будет способствовать возникновению новых научных задач и перспектив. Эти перспективы открываются как в области анализа опубликованных материалов, так и в дальнейшей разработке и публикации исторических памятников.

Выход в свет трёхтомного издания «Воссоединение Украины с Россией» — событие большой научной и общественной значимости. С чувством патриотической гордости прочтут советские люди документы о героической борьбе Украины за воссоединение с Россией. В дни всенародного праздника — праздника нерушимой дружбы народов СССР — с особенной силой звучит со страниц сборника торжественная клятва, произнесённая 300 лет назад на площади Переяслава: «чтоб есми во веки вси едино были!»

Кандидат исторических наук
И. ГРЕКОВ.

Кандидат исторических наук
А. МАЛЬЦЕВ.

★

Друзья и враги немецкого народа

Состоявшееся в феврале нынешнего года Берлинское совещание министров иностранных дел четырёх великих держав

Karl Wittel. „Die Feinde der deutschen Nation“. Berlin, 1953. (Карл Виттель. «Враги немецкой нации». Берлин, 1953.)

показало, что политика правительств США, Англии и Франции в отношении Германии полностью подчинена планам создания так называемого «европейского оборонительного сообщества». Этот курс, связанный с возрождением германского милитаризма, его

военно-промышленного потенциала и фашистской армии, предполагает включение Западной Германии в агрессивный Североатлантический блок.

Американские империалисты и их сателлиты стремятся форсировать ратификацию боннского и парижского военных договоров, с тем чтобы устранить возможность объединения Германии мирным путём, сделать практически невозможным заключение с нею договора, создать непреодолимую пропасть между немцами запада и востока.

Боннское и парижское соглашения, являясь логическим продолжением многолетней политики США, Англии и Франции, направленной на раскол Германии, ведут к такому серьёзному бедствию, как возможность возникновения братоубийственной войны между самими немцами. Над германским народом снова нависла угроза его истребления.

Книга профессора Карла Виттеля «Враги немецкой нации» разоблачает эти преступные замыслы американско-английских и французских империалистов, возникшие ещё в ходе второй мировой войны. Автор книги — видный учёный и прогрессивный деятель, ныне директор Института современной истории в Германской Демократической Республике, — рассматривает позиции западных держав в германском вопросе за период с 1941 по 1949 год. Содержащийся в книге большой фактический материал, в значительной своей части публикуемый впервые, позволяет полнее и глубже понять всю фальшь и лицемерие широко вещательных заявлений представителей США, Англии и Франции (сделанных ими на Берлинском совещании и после него), с помощью которых они пытаются изобразить себя сторонниками единства Германии.

Книга К. Виттеля лишний раз свидетельствует, что выдвинутый министром иностранных дел Англии Иденом пресловутый план так называемых «свободных выборов» является всего лишь манёвром, рассчитанным на обман мирового общественного мнения. Он преследует вполне определённую цель — увековечить раскол Германии, с тем чтобы можно было использовать материальные и людские ресурсы её западной части в осуществлении военных планов американских и английских монополистов. «Раскол Германии американскими импери-

листами проведён для того, — пишет Виттель, — чтобы полностью использовать её в своих военных целях: территориально — в качестве военного плацдарма, экономически — в качестве арсенала и физически — в качестве поставщика солдат».

Автор отмечает, что в антигитлеровской коалиции существовало различие во взглядах на войну и на задачи послевоенного устройства мира. Если Советский Союз считал основной целью ликвидацию фашизма, предотвращение возможности новой агрессии со стороны Германии и восстановление и укрепление демократических порядков в Европе, то американско-английские империалисты стремились избавиться от таких опасных конкурентов, какими являлись Германия и Япония, и утвердить своё монопольное господство.

В ходе второй мировой войны, говорится в книге, американские империалисты рассчитывали не только переделить заново мир, захватить новые источники сырья и рынки сбыта, но и вынашивали абсурдные планы полного уничтожения Германии.

К. Виттель, подробно излагая эти планы, указывает, что, начиная с 1941 года, они находились в центре внимания виднейших государственных деятелей США и Англии. Автор упоминает книгу американца Кауфмана, вышедшую в Нью-Йорке под красноречивым названием «Германия должна погибнуть». В ней намечалось ликвидировать Германию как государство, а её территорию разделить между Францией, Бельгией, Голландией и другими соседними державами. Помимо этого, предусматривалось тотальное физическое уничтожение населения, уцелевшего после воздушных бомбардировок. В Англии получил в то время широкое распространение план уничтожения немецкой нации путём стерилизации сорока миллионов мужчин.

Предлагалось покончить с германским народом и другими способами. К. Виттель приводит заявление Дугласа Миллера, до войны являвшегося американским торговым атташе в Берлине. Д. Миллер писал в газете «Нью-Йорк таймс», что было бы бессмысленным оставлять в центре Европы семьдесят миллионов немцев, и потому, по его мнению, ввоз в Германию сырья и продовольствия после окончания войны следовало регулировать таким образом, чтобы в живых осталось не более сорока миллионов человек. Иными словами, тридцать миллио-

нов немцев обрекались на вымирание от голода.

Позднее на свет появились многочисленные другие «проекты» полного уничтожения Германии или расчленения её на три, пять, семь и более отдельных частей.

С января 1942 года госдепартамент США вплотную начал заниматься разработкой планов по расколу Германии. Статс-секретарь Уэллес передал рассмотрение этого вопроса «Консультативному комитету по изучению послевоенных проблем», образованному в начале 1942 года. Планом по расчленению Германии отводилось основное место в работе комитета. Кроме него, этой проблемой занималась также специальная исследовательская группа, составленная непосредственно из сотрудников госдепартамента.

Какое огромное значение США и Англия придавали осуществлению своих проектов, направленных на раскол Германии, ярко видно из официальных переговоров представителей этих стран в 1943—1944 годах, на чём подробно останавливается К. Виттель.

Ещё в марте 1943 года английский министр иностранных дел Иден во время посещения Вашингтона открыто поставил вопрос о расчленении Германии на мелкие государства. Эта же тема была предметом переговоров между Иденом и государственным секретарём США Хеллом на Квебекской конференции в августе 1943 года. Аналогичные «идеи» западные державы пытались протолкнуть и на Московской конференции министров иностранных дел, причём здесь своё желание расколоть Германию они замаскировывали предложением о создании пресловутой Дунайской федерации.

На состоявшейся в конце 1943 года конференции руководителей трёх держав в Тегеране делегация США вновь внесла предложение о разделе Германии. По замыслу его вдохновителей страна разбивалась на пять мелких автономных государств с выделением под международный контроль Рурской области, Саара, а также Гамбурга, Кильской гавани и Кильского канала. Тогдашний премьер-министр Англии У. Черчилль выразил согласие с американским планом и со своей стороны предложил присоединить вновь созданные южногерманские государства к образующейся Дунайской федерации. Только благодаря по-

следовательной политике Советского Союза эти предложения были отвергнуты.

Тем не менее попытки англо-американских правящих кругов в этом направлении продолжались. Министр финансов США Генри Моргентау выдвинул свой план уничтожения германского государства. Согласно его проекту к Франции должны были отойти Саарская область и граничащие с нею территории между Мозелем и Рейном. Из Рурской области и примыкающих к ней промышленных районов создавалась международная зона. Оставшаяся территория Германии делилась между двумя государствами — южно- и северонемецким. План Моргентау был принят специальным правительственным комитетом, занимавшимся разработкой и обсуждением проектов по ликвидации Германии. На отдельной конференции между США и Англией, состоявшейся в Квебеке спустя несколько дней после принятия плана Моргентау, была выработана программа, предусматривавшая ликвидацию промышленного потенциала Германии. «Эта программа,— говорилось в секретном квебекском соглашении,— ставит своей целью превратить Германию в страну, в которой прежде всего развивалось бы земледелие и скотоводство». Таким образом, обращение Германии в аграрную страну давало возможность навсегда избавиться от неё как конкурента на мировых рынках.

Касаясь отношений английских правящих кругов к плану Моргентау, американский журналист Флинн в своё время сообщал о разговоре, который произошёл между Моргентау и Хеллом. Моргентау заявил последнему, что он убедил Черчилля в том, что «разрушение Рурской области даст возможность занять немецкие рынки сбыта».

В книге приводится секретная директива, направленная в мае 1945 года бывшим президентом США Трумэном генералу Эйзенхауэру, в то время главнокомандующему оккупационными войсками в американской зоне Германии. Директива обязывала Эйзенхауэра всеми средствами содействовать «децентрализации политической и административной структуры страны и развитию местного самоуправления». «С этой целью,— говорилось в ней,— Вы должны поддерживать все стремления к автономии у провинциальных местных и городских самоуправлений». В области экономики директива предлагала военным властям «ни при каких

обстоятельствах не делать в Контрольном Совете предложений или поддерживать предложения, которые имели бы целью установление централизованного контроля над немецкой экономикой».

От своих замыслов раскола Германии западные державы не отказались и на Потсдамской конференции, где Трумэн предложил создать в центре Германии северонемецкое государство; из Австрии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Венгрии образовать южнонемецкое государство со столицей Веной; западную же часть, включая Рейнскую и Саарскую области, отделить от Германии и подчинить международному контролю.

Однако все эти планы, отмечает К. Виттель, потерпели крушение в результате справедливой, отвечающей интересам немецкого народа политики Советского Союза. Правительство СССР неоднократно заявляло, что оно не имеет никаких намерений расколоть или уничтожить Германию. Твёрдая и последовательная позиция Советского Союза обеспечила принятие демократических решений на Потсдамской конференции, направленных на создание единого независимого демократического миролюбивого германского государства, на установление прочного мира в Европе.

В то время как на всех последующих международных конференциях по германскому вопросу советская делегация всегда выступала против попыток раскола Германии и требовала соблюдения принципов, закреплённых Потсдамским соглашением, западные державы взяли курс на срыв этих соглашений. Не добившись согласия на расчленение Германии и создание ряда зависимых от США марионеточных государств, американские правящие круги стали открыто проводить сепаратную, раскольническую политику. Они приступили к восстановлению военно-экономического потенциала и возрождению милитаризма в Западной Германии.

Сорвав работу четырёхстороннего Контрольного совета по Германии, оккупационные власти США и Англии образовали двухзональный экономический совет. В конце 1946 года бывший статс-секретарь США Бирнс и министр иностранных дел Англии Бевин подписали соглашение о «бизонии». В книге К. Виттеля приводятся документальные материалы, показывающие, что эти решения были направлены на длительный

раскол Германии. Так, например, лондонская газета «Обсервер» писала по этому поводу, что в основе американско-английских решений лежит пятилетний план, который исходит из того, «что не должно быть восстановлено экономическое единство Германии». Далее газета сообщала: «С американской стороны тогда был выдвинут такой план урегулирования имущественных отношений в немецкой тяжёлой промышленности, который вёл к свободной распродаже шахт и заводов ключевых отраслей индустрии». Путём скупки за бесценок немецких предприятий заокеанские монополисты стремились укрепить свои позиции в германской экономике и полностью поставить её на службу своим военным планам.

После появления доктрины Трумэна и плана Маршалла, означавших открытый военный курс американской политики, правящие круги США начали особенно спешно проводить мероприятия по завершению раскола Германии. Американский банкир Варбург, касаясь последствий, которые имели доктрина Трумэна и план Маршалла по отношению к Германии, писал: «Начиная с этого времени (то есть с опубликования доктрины Трумэна. — *Е. Ш.*), Германия стала одним из многих полей битв, на которых ведётся «холодная война» между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом. Следствием этого явился раскол Европы и раскол Германии».

Созданием в Бонне западногерманского правительства во главе со ставленником германских и американских монополистов Аденауэром был полностью завершён политический и экономический раскол Германии. Американский журнал «Ньюс Уик» откровенно заявил тогда, что важно «спасти для западных держав», по крайней мере, хотя бы часть Германии. Именно поэтому, по словам журнала, правительственные круги Вашингтона занимались «образованием сепаратного правительства в Западной Германии».

В ноте Советского правительства правительствам Франции, Великобритании и США от 31 марта 1954 года указывалось, что правящие круги Западной Германии открыто проводят ускоренную ремилитаризацию и уже не скрывают своих агрессивных целей в отношении соседних с нею государств. «Итти по пути возрождения германского милитаризма и создания военных группировок в Европе,— говорится в ноте,— это зна-

чит не только не содействовать укреплению мира, а, напротив, вести дело к подготовке новой войны».

Закljučая свою книгу, К. Виттель пишет, что изложенный в ней материал «даст возможность немецкому народу понять, что среди великих держав он имеет единственного друга и защитника в своей борьбе за единство Германии. Этот друг — великий Советский Союз».

Книга профессора Виттеля поможет понять не только немцам, но и всем простым людям мира, почему западные державы отвергали и продолжают отвергать все предложения Советского Союза, направленные на восстановление единства Германии, на скорейшее заключение с ней мирного договора и вывод из Германии всех оккупационных войск.

Е. ШВЕДОВ.

★

Книга об освоении целинных земель

Наше социалистическое сельское хозяйство располагает большими резервами для дальнейшего расширения посевных площадей и, следовательно, роста производства зерна и других продуктов.

В Советской стране, как подсчитали почвоведы, в сельскохозяйственном использовании находится всего лишь 40 процентов всей площади чернозёмов, 7 процентов каштановых почв сухих степей, 5 процентов дерново-подзолистых почв. Во многих районах имеются колоссальные массивы неосвоенных земель с плодородными чернозёмными и каштановыми почвами. На них можно получать высокие урожаи, причём без больших дополнительных капиталовложений.

Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед страной как важнейшую государственную задачу — резко увеличить производство зерна продовольственных, фуражных, крупяных и зерно-бобовых культур. Для расширения посевов первостепенное значение приобретает освоение новых земель. В 1954—1955 годах должно быть дополнительно введено в сельскохозяйственный оборот не менее 13 миллионов гектаров целинных и залежных земель, с тем чтобы уже в будущем году получить с них 1 100—1 200 миллионов пудов зерна.

Дело это требует напряжённых усилий всего советского народа и в первую очередь работников, непосредственно связанных с колхозным и совхозным производством. Большую помощь здесь окажут обобщение и популяризация опыта передовиков сельского хозяйства и исследовательская работа учёных.

С этой точки зрения представляет инте-

рес книга кандидата сельскохозяйственных наук М. А. Павловского, в которой освещены основные вопросы освоения и использования новых земель. В своей работе автор рассказывает о способах освоения целины, методах обработки почвы, о том, как в результате этого изменяются почвообразовательные процессы, о включении вновь осваиваемых земель в полевые и кормовые севообороты.

В постановлении Пленума ЦК КПСС, принятом 2 марта 1954 года, подчёркивается, что для успешного решения задачи увеличения производства зерна необходимо наряду с освоением целинных и залежных земель в восточных и юго-восточных районах страны также и значительное расширение посевных площадей в нечернозёмной полосе. Это должно быть проведено за счёт распашки неиспользуемых земель, малопродуктивных лугов и пастбищ, расчистки кустарников, лесных зарослей и осушения болот. Таким образом, в густо населённых районах страны, имеющих высокоразвитую промышленность, в ближайшие годы увеличатся посевы зерновых и других сельскохозяйственных культур и благодаря этому значительно улучшится снабжение населения городов и промышленных центров свежими овощами, картофелем, молоком и мясом.

Земельные массивы нечернозёмной полосы огромны. Эта зона дерново-подзолистых почв, включая болотные, охватывает площадь в 11 520 тысяч квадратных километров — около 52 процентов всей территории СССР. Однако используется пока что лишь незначительная их часть. Эти земли отличаются большим разнообразием естественного плодородия.

Структура дерново-подзолистых почв является непрочной и под влиянием обработки довольно быстро разрушается. Чтобы

М. А. Павловский. «Освоение земель нечернозёмной полосы». Сельхозгиз, М. 1953.

повысить плодородие целинных почв, улучшить их природные свойства, требуется применение целой системы агротехнических мероприятий. Поэтому освоение новых земель в нечернозёмной полосе представляет собой нелёгкую задачу. Её решение может быть намного облегчено путём изучения и внедрения тех достижений, которыми уже в настоящее время располагают наша наука и сельскохозяйственная практика.

В книге М. Павловского «Освоение земель нечернозёмной полосы» сделана попытка такого обобщения. Для этого автор использовал результаты личных экспериментов, проводимых им в течение ряда лет по освоению и окультуриванию целинных земель, а также опыт новаторов сельскохозяйственного производства и данные научно-исследовательских учреждений.

В нечернозёмной полосе в составе пахотных земель имеется много перелогов и залежей, не обрабатываемых со времён Великой Отечественной войны. Это земельный фонд, освоение которого потребует наименьших затрат. Огромная площадь занята естественными сенокосами и пастбищами. В большинстве случаев они дают низкие урожаи трав, и поэтому эти земли могут быть лучше использованы, если их освоить и превратить в пашню. Известно, что с каждого гектара возделываемой земли получается гораздо больше корма для скота, чем можно собрать с той же площади на таких малопродуктивных естественных угодьях.

На основании анализа почв нечернозёмной полосы автор приходит к правильному заключению, что в первую очередь здесь следует осваивать лучшие земли, стремиться к укрупнению массивов пашни, чтобы более производительнее использовать первоклассную технику.

Освоение новых земель, проводившееся в дореволюционной России, сопровождалось огромными трудностями. Наряду с распашкой степей осваивались и таёжные земли. Этому способствовало заселение Сибири. «В течение первых лет,— говорится в книге М. Павловского,— переселенцы вели полуголодное существование. Болезни и высокая смертность были спутниками таёжного переселения. Оседание переселенцев в тайге проходило медленно, бегство назад доходило до 60 процентов. Таёжные переселенцы начинали давать товарное зерно лет через десять после своего водворения, да и то

в незначительном количестве». В те годы при освоении применялись самые примитивные средства. Лесная растительность уничтожалась огнём, кольцеванием или с помощью пастбы скота. Машины и взрывчатые вещества совершенно не использовались. При расчистке с помощью огня уничтожались огромные лесные массивы, так как огонь с места расчистки переходил на лес.

Читая подобного рода описания, невольно думаешь о том размахе работ, о тех условиях, которые создаются ныне для освоения целинных и залежных земель в Советском государстве. Ведь только в текущем году в эти районы завозится 120 тысяч тракторов в 15-сильном исчислении, 10 тысяч комбайнов и много другой сельскохозяйственной техники. Люди будут иметь там газеты и журналы, смотреть кинофильмы и спектакли, слушать концерты. Там будут созданы и больницы, и школы, и клубы.

В своей работе М. Павловский подробно рассказывает о современных индустриальных способах расчистки земель от поросли и осушения болот. Для этого у нас применяются специальные кустарниковые плуги, прицепляемые к мощным гусеничным тракторам. Такие плуги запахивают весь кустарник и деревья, имеющие до двух метров высоты и шесть—восемь сантиметров в диаметре. Благодаря механизации стоимость расчистки снизилась в два—четыре раза по сравнению с ручными методами. Кроме того, органическое вещество древесины способствует повышению плодородия почвы.

Сочетание кустарникового плуга с кусторезом и специальной корчевальной бороной позволяет полностью механизировать все процессы по освоению земель, покрытых мелколесьем. Кусторезы срезают кустарник и деревья толщиной до 50 сантиметров. Для корчевания леса и пней используются бульдозеры, корчевальные машины, взрывчатые вещества.

Высокой степени достигла механизация работ по осушке заболоченных земель. Советские конструкторы создали мощные канавокопатели, которые за один проход делают канаву глубиной более метра. За час машина прокладывает от одного до полутора километров канав.

Достоинством книги является то, что в ней рассматриваются как преимущества, так и недостатки тех или иных машин и

орудий. К сожалению, автор не показал эффективности комплексного использования техники при освоении крупных массивов новых земель с применением индустриальных методов организации работ. Для нечернозёмной полосы, как указано в постановлении февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, это особенно важно.

Распашкой целинных земель и посевом не заканчивается работа по их освоению. Чтобы превратить малопродуктивные, сильно оподзоленные почвы в плодородные, необходимо проводить специальную агротехнику, которая должна быть направлена на увеличение в почве перегноя и улучшение её структуры, на понижение кислотности, создание благоприятных условий для разложения органических веществ. Эти вопросы достаточно полно освещены автором в отдельной главе.

В книге показано, как изменяется почва под влиянием различных агротехнических приёмов. Большое значение в улучшении свойств почвы М. Павловский придаёт внесению органических удобрений, извести, посеву многолетних трав. Однако при этом автор иногда впадает в противоречия. Так, например, на странице 109 он утверждает, что «ни навоз, применяемый в обычных дозах, ни зелёное удобрение, ни известь не могут создать структурной почвы без культуры многолетних трав». Но из приведённых в третьей главе результатов анализа целинных и старопашотных почв видно, что наибольший процент перегноя содержат приусадебные огородные земли. Они же являются, очевидно, и наиболее структурными. Известно, что на этих участках многолетние травы обычно не возделываются.

Для окультуривания вновь освоенных земель, удалённых от усадьбы, М. Павловский рекомендует более продолжительный период пользования многолетними травами при условии соблюдения высокой агротехники. Однако несколькими строками ниже он отказывается от этого предложения, так как там, где применяется высокая агротехника, многолетние травы лучше развиваются и не требуется удлинять срок их использования.

Значительный интерес представляет глава книги о системе удобрений. В ней показаны особенности действия органических удобрений на почву целины. Внесение навоза даёт большую прибавку урожая на вновь осваиваемых землях нормального увлажнения,

если вносить его не под вспашку, а под перепашку или культивацию. Ещё большие прибавки урожая получают при внесении навоза одновременно с минеральными удобрениями. На целинных землях в опытах автора наибольшую прибавку урожая дали фосфорные и калийные удобрения. Азотные удобрения оказались малоэффективными. Недостаток меди в почве вызывает у зерновых, конопли, льна, овощных культур и некоторых посевных трав особую болезнь. На таких почвах влияние медного удобрения на урожай огромно. Оно может повысить урожай в три-четыре раза.

Вопрос о применении удобрений на вновь осваиваемых землях рассмотрен в книге довольно обстоятельно. Тем не менее отдельные положения автора остались недоказанными. Это относится, например, к его заявлению, что «из всех культур севооборота многолетние травы стоят на первом месте по оплате удобрений урожаем». На пяти страницах пространно излагаются общие сведения о торфе и торфяных компостах, а несколько ниже приведена таблица, из которой видно, что торфонавозный и торфозольный компосты дали большее снижение урожая картофеля по сравнению с удобрением навозом. Большой производственный опыт освоения песчаных и супесчаных целинных земель показал, что лучшим средством повышения плодородия этих почв служит всё же посев люпина на зелёное удобрение. На целинных песчаных землях, как говорится в книге, люпин может давать свыше 50 тонн с гектара зелёной массы, после запашки которой урожай зерна повышается от 4 до 10 центнеров с гектара.

Автор приводит убедительные аргументы, подтверждающие высокую эффективность известкования кислых целинных почв, особенно когда известь вносили вместе с минеральными удобрениями.

Наше сельское хозяйство располагает различными почвообрабатывающими орудиями, что позволяет хорошо обработать целину. В книге описываются различные способы обработки и указываются условия применения каждого из них.

В нечернозёмной полосе разложение дернины (поверхностный слой почвы, пронизанный корнями травянистых растений) идёт медленно. Поэтому сильно задернённые целинные почвы автор рекомендует пахать весной или летом и обрабатывать в течение

лета, как пар. Опыты показали, что озимые культуры, посеянные по целине, поднятой в мае, повысили урожай в ряде случаев на 50 процентов по сравнению с июльской и августовской вспашкой.

Много внимания уделено в работе М. Павловского глубокой пахоте целинных земель. С помощью цифровых материалов автор пытается доказать целесообразность «сверхглубокой» пахоты, как он называет вспашку на 60 сантиметров. Однако тщетно искать в них данные, которые показали бы урожай сельскохозяйственных культур по такой вспашке. Автор высказывает удовлетворение тем, что углубление вспашки залежи с 20 до 45 сантиметров не вызвало снижения урожая первых культур, а в большинстве случаев дало небольшую прибавку. Но окупает ли эта прибавка произведенные затраты, остаётся загадкой.

Результаты опытов М. Павловского на другой опытной базе с углублением до 26 сантиметров также не дают ему основания столь настойчиво доказывать целесообразность углубления вспашки при подъёме целины даже на 4—6 сантиметров, не говоря уже о более значительной припашке подзола. Остаётся неоправданным столь большое место, которое отведено в книге такому приёму. К тому же раздел этот, на наш взгляд, перенасыщен сложными и не очень ясными таблицами.

Обилие табличного материала вообще затрудняет чтение. Всего в работе сравнительно небольшого объёма помещено 117 таблиц; отдельные из них занимают по целой странице. В книге встречаются рекомендации устаревших приёмов и методов освоения целинных земель, как, например: разбросной посев по нераскорчёванным гарям с заделкой семян многолетних трав при помощи прогона скота. При современной технике нет необходимости засеивать нераскорчёванные площади и затрачивать много труда на ручную уборку урожая. Гораздо рациональнее провести предварительно раскорчёвку и применять на этих площадях наши высокопроизводительные машины.

Существенное значение для расширения сельскохозяйственного производства имеют заболоченные земли. В СССР свыше 133 миллионов гектаров таких земель, из них низинные болота занимают более 33 миллионов гектаров. На этих почвах после их осушения

можно получать высокие урожаи овощей, картофеля, зерновых и кормовых культур.

Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС признал необходимым в первую очередь приступить к работам по осушению и освоению крупных массивов, как, например, Мещерская низменность (особенно в районах Рязанской, Владимирской и Московской областей).

Большой интерес представляет опыт колхозов Белорусской ССР по освоению заболоченных земель ускоренными методами. В процессе скоростного мелиоративного строительства были опрокинуты многие положения, считавшиеся раньше в науке бесспорными. Мелиораторы Кировской области разработали новый способ осушки болот, позволяющий одновременно прокладывать осушительную канаву на всём её протяжении. По-новому осваивались заболоченные земли в пойме реки Яхромы (Московская область), в Барабинской низменности и в других местах. Эти методы, основанные на наиболее полном использовании современной мелиоративной техники, являются наиболее прогрессивными при освоении крупных массивов новых земель в нечернозёмной полосе.

К сожалению, подобные новаторские работы не заняли в книге М. Павловского подобающего им места, тогда как некоторым примитивным методам, имеющим лишь историческое значение, автор уделил незаслуженное внимание.

В книге «Освоение земель нечернозёмной полосы» читатели найдут ряд ценных указаний по возделыванию яровой пшеницы, овса, ячменя, озимой пшеницы и ржи, гречихи и проса, льна, картофеля и многолетних трав на целинных землях. Опыт научных учреждений и передовых колхозов показывает, что на таких землях при правильной агротехнике можно получать высокие урожаи продовольственных и технических культур.

Несмотря на некоторые недостатки, работа М. Павловского представляет собой полезное пособие по освоению новых земель в нечернозёмной полосе; она поможет колхозам, совхозам и МТС в выполнении насущной всенародной задачи — крутого подъёма сельского хозяйства в нашей стране.

Кандидат сельскохозяйственных наук
С. ВОРОБЬЕВ.

Без ясной цели

Перед нами небольшая, хорошо изданная книжка, носящая заманчивое название «Из глубины веков». На её страницах помещены не менее увлекательные иллюстрации, воспроизводящие «седую древность»: охоту первобытного человека на мамонта, побоище русских витязей с кочевниками, скифов, скачущих с копьями в руках, торг у стен Новгорода и т. п. Короткие главы украшены концовками в славянском, древнерусском и восточном духе. Всё это вызывает желание ближе познакомиться с книгой.

Во введении Б. Ляпунов следующим образом определяет содержание своей работы. Он отмечает, что в мастерской М. М. Герасимова, создателя метода восстановления лица по черепу, можно увидеть питекантропа, неандертальца, кроманьонцев, воина из государства Урарту, скифов, гуннов, словом, «портретную галерею... наглядно показывающую, как развивался человек, как выглядели древние люди, населявшие в прошлом нашу великую Родину... И я расскажу вам о том, — продолжает Б. Ляпунов, — как создавались необыкновенные портреты».

Вчитываясь в книжку, видишь, однако, насколько неясную цель поставил перед собой автор. Если он хотел рассказать об открытии М. Герасимова, то не было нужды создавать отдельные новеллы о жизни тех людей, чья портретная галерея воссоздана учёным. Если же Б. Ляпунов хотел показать, как последовательно развивался человек вообще, то в таком случае неправильно исходить только из реконструкций М. Герасимова: в распоряжении науки куда больше материала на эту тему. Да и кстати, сегодня портретная галерея восстановленных М. Герасимовым лиц исчисляется десятками. Спустя какое-то количество лет это число увеличится. Что же, писать и дальше всякий раз отдельную новеллу о судьбе и жизни каждого человека, чьё лицо будет восстановлено? Чем сборник таких новелл поможет лучшему пониманию сущности метода Герасимова?

А Б. Ляпунов избрал именно такой принцип. Восстановил М. Герасимов по черепу лицо, случайно оказавшееся лицом скифского царя Скилура, — следует состоящий из

общих слов рассказ о скифах. Восстановил М. Герасимов лицо князя Всеволода Святославича, упоминаемого в «Слове о полку Игореве», — следует краткая биографическая справка о Всеволоде Святославиче с непременным цитированием соответствующего места из «Слова». Можно и перетасовать почти все главы, — от этого ничего не изменится. Книжка, которая поначалу кажется привлекательной, в конце концов распадается на отдельные отрывочные главы, никак друг друга не развивающие.

Заклячая свою книжку, Б. Ляпунов пишет: «Мы проследили с вами творческий путь Михаила Михайловича Герасимова. Мы узнали о том, что сделано им за двадцать пять лет работы, о том, какие трудности ему встречались и как их приходилось преодолевать».

Если не касаться синтаксиса, то в этих двух фразах правильно изложены те основные требования, которые мы вправе предъявить к любой научно-популярной работе, посвящённой тому или иному деятелю науки. Однако Б. Ляпунов, как нам кажется, напрасно утверждает, что читатель его книжки получит верное представление о творческом пути М. Герасимова. Как раз о тех трудностях, которые мешали учёному на протяжении более двадцати лет и доставляли ему наибольшие огорчения, мы из книжки Б. Ляпунова не узнаём ни слова.

Нет ничего тягостнее для учёного, чем непонимание его товарищами по науке того, что он делает. Между тем многие из коллег Герасимова смотрели на его работы с недоверием и относились к нему недоброжелательно.

М. Герасимов впервые воспроизвёл по костям черепа лицо человека, которому данный череп принадлежал. Это казалось чудом. Тогда, для проверки, М. Герасимову стали давать черепа людей, чьи фотографии сохранились. Результаты показали, что Герасимов, не зная, существуют ли изображения этих людей, реконструировал их лица с документальной точностью.

Учёный установил, что мягкие ткани лица находятся в постоянной зависимости от костного остова головы. Если, например, человек был толстощёким, то жировые отложения, раздвигая кость, должны сделать надкостницу рыхлой, пористой, шероховатой. Наоборот, гладкая, глянцевитая, как

Б. В. Ляпунов. «Из глубины веков». Госкультпросветиздат, М. 1953.

бы отполированная надкостница свидетельствует о сильной и сухой мускулатуре лица покойного. Точно так же можно определить по прикусу форму рта, по костям позвоночника — посадку головы, воспроизвести разрез глаз, крылья носа и т. д. Иначе говоря, по черепу можно воссоздать облик человека. И в руках М. Герасимова вдруг оживает Ярослав Мудрый, портретов которого не сохранила история, взглянет из-под нависших бровей неандерталец с короткой шеей и наклонённой вперёд головой. Перед нами не фантазия на тему, как выглядели люди, жившие за тысячелетия до нас, а подлинные их портреты.

Открытие М. Герасимова с совершенно неожиданной стороны било по приверженцам реакционной расистской теории, в основе которой лежит то положение, что к людям разных рас якобы неприменимы единые и общие законы развития. М. Герасимов доказал, что соотношение мягких тканей лица и черепа одинаково для всех людей, без различия их расовой принадлежности.

М. Герасимов работает над этой проблемой с 1925 года и уже к 1941 году сумел восстановить облик Тимура и ряда тимуридов. В 1950 году он был удостоен за свои труды Сталинской премии.

Но трудно было переубедить противников М. Герасимова, особенно таких, аргументация которых сводилась просто к словам: «Не верю — и basta!» Вдобавок ко всему, теоретические выкладки М. Герасимова отставали от его практики. Реконструировать лица он научился ещё до того, как написал книгу «Основы восстановления лица по черепу», подводящую под его метод прочную научную базу.

Правда, далеко не все учёные, сталкивавшиеся с работами М. Герасимова, проявляли такую косность. Виднейшие антропологи, археологи, этнографы (их имена несправедливо не упомянуты в книжке Б. Ляпунова) — С. П. Толстов, А. Я. Брюсов, М. С. Плисецкий, Я. Я. Рогинский,

А. П. Окладников, — хоть и жестоко спорили с М. Герасимовым по поводу многих его суждений и их теоретической обоснованности, тем не менее горячо сочувствовали его новаторским поискам. В меру своих сил они старались помочь М. Герасимову, создавали вокруг его работ атмосферу творческой заинтересованности. Не будь этой поддержки (в том числе и поддержки суровой критикой), неизвестно, как сумел бы М. Герасимов завершить своё научное открытие.

У автора книги не нашлось ни слов, ни красок, чтобы рассказать о том, как распространялся успех учёного-новатора. Вслед за М. Герасимовым начали воспроизводить лица по черепам его лаборанты, действующие при этом совершенно самостоятельно и не являющиеся скульпторами. Теперь уже невозможно было не признать, что М. Герасимовым создан новый раздел науки, основанный на определённых закономерностях.

Б. Ляпунов упомянул об учениках М. Герасимова буквально в двух словах, глухо и нечленораздельно, так, что читатель почти ничего не узнаёт о них. В результате метод учёного предстаёт сложившимся, готовым, не будучи показан в процессе его совершенствования.

Любая тема, как бы ни был «выигрышен» её материал, требует от автора глубокого, вдумчивого подхода, ясности и определённости. Б. Ляпунов пренебрёг этими требованиями. Читая его книжку, кажется, что автор вообразил, будто можно ждать от читателя скидки на «интересность» предлагаемого ему материала. Это — заблуждение. Читатель может отдать должное лишь полезности книжки Б. Ляпунова — в той мере, в какой она даёт общее представление о методе М. Герасимова: главные положения труда «Основы восстановления лица по черепу» Б. Ляпунов изложил доступно и правильно. Впрочем, справедливо будет заметить, что и у самого М. Герасимова они изложены достаточно живо и, кроме того, подкреплёны большим количеством примеров.

Руд. БЕРШАДСКИЙ.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Н. С. Хрущёв. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 23 февраля 1954 г. 64 стр. Цена 60 к.

А. М. Андреев. Борьба литовского народа за Советскую власть. 1918—1919 гг. 164 стр. Цена 2 р.

Д. Бахшиев. Партийное строительство в условиях победы социализма в СССР (1935 г. — июнь 1941 г.). 256 стр. Цена 4 р.

Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. 400 стр. Цена 6 р. 50 к.

Е. Касимовский. Режим экономии. 104 стр. Цена 1 р.

М. Митрохин. Шире внедрять в сельское хозяйство достижения науки и передового опыта. 136 стр. Цена 1 р. 60 к.

Е. И. Солдатенко. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. 296 стр. Цена 4 р. 20 к.

Трёхсотлетие воссоединения Украины с Россией — всенародное торжество. 104 стр. Цена 1 р.

М. Я. Сонин. Подготовка квалифицированных рабочих на производстве. 212 стр. Цена 3 р. 55 к.

О. Феофанов. Буржуазная культура на службе империалистической реакции. 164 стр. Цена 1 р. 50 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Семён Бытовой. На счастливой реке. 360 стр. Цена 6 р. 70 к.

С. Диковский. Повести и рассказы. 428 стр. Цена 7 р. 10 к.

В. Ермилов. А. П. Чехов. Издание дополненное. 404 стр. Цена 8 р. 50 к.

Виталий Закруткин. Кавказские записки. 1942—1943. 460 стр. Цена 7 р. 60 к.

Вадим Кожевников. Люди нового Китая. Очерки. 192 стр. Цена 4 р. 10 к.

Ю. Лукин. А. С. Макаренко. Критико-биографический очерк. 208 стр. Цена 3 р.

Иван Новиков. Тургенев — художник слова. 124 стр. Цена 2 р. 60 к.

Л. Островер. На большой волне. Повесть. 228 стр. Цена 4 р. 30 к.

Вероника Тушнова. Пути-дороги. Книга стихов. 176 стр. Цена 2 р. 75 к.

Анатолий Чивилихин. Стихотворения. Поэмы. 192 стр. Цена 4 р. 85 к.

А. Шаров. Путешествие продолжается. Повесть и рассказы. 312 стр. Цена 5 р. 40 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Мартин Андерсен Нексе. Собрание сочинений в десяти томах. Том 7. Автобиографические повести. Перевод с датского. 584 стр. Цена 11 р.

С. Б. Болотин, Т. С. Сикорская. Песни простых людей. Избранные переводы песен народов зарубежных стран. 404 стр. Цена 8 р.

А. А. Жаров. Избранные произведения в двух томах. Том 1. Стихотворения. Песни. 336 стр. Цена 6 р. 25 к. Том 2. Поэмы. Переводы. 244 стр. Цена 6 р. 55 к.

Сильва Капутикян. В добрый путь. Перевод с армянского. 208 стр. Цена 5 р.

Абулькасим Лахути. Избранное. Перевод с персидского. 311 стр. Цена 7 р. 20 к.

Русская повесть XVII века. 479 стр. Цена 8 р. 55 к.

Уолт Уитмен. Избранное. Перевод с английского. 307 стр. Цена 5 р. 10 к.

Арнольд Цвейг. Воспитание под Верденом. Перевод с немецкого. 508 стр. Цена 9 р. 35 к.

И. Г. Эренбург. Сочинения в пяти томах. Том 5. Очерки. Статьи. 888 стр. Цена 12 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Б. Бурков. Труд во имя победы. (О работе комсомольских организаций советского тыла в годы Великой Отечественной войны). 80 стр. Цена 1 р. 10 к.

Ярослав Галан. Свет с востока. Перевод с украинского. 432 стр. Цена 9 р. 15 к.

Книга вожакого. Сборник. 544 стр. Цена 21 р. 90 к.

Сабит Муқанов. Сыр-Дарья. Роман. 563 стр. Цена 9 р. 95 к.

Валентин Пикуль. Океанский патруль. Роман. 844 стр. Цена 17 р.

И. Пешкин. Павел Петрович Аносов (1799—1851). «Жизнь замечательных людей». 360 стр. Цена 6 р. 50 к.

Е. Спангенберг. Из жизни натуралиста. 528 стр. Цена 11 р. 15 к.

ДЕТГИЗ

- Ф. Вигдорова.** Дорога в жизнь. Повесть. 456 стр. Цена 9 р. 45 к.
А. Гайдар. Сочинения. 712 стр. Цена 15 р.
С. Георгиевская. Отрочество. Повесть. 332 стр. Цена 8 р. 95 к.
С. Григорьев. Александр Суворов. Историческая повесть. 320 стр. Цена 7 р.
Б. Емельянов. Мечта. Повесть. 208 стр. Цена 6 р. 10 к.
А. Малинина. Жизненный путь Марины. Литературная запись М. Яновской. 192 стр. Цена 4 р. 40 к.
Г. Тушкан. Чёрный смерч. 648 стр. Цена 12 р. 85 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

- Английская буржуазная революция XVII в.** Том 1. 493 стр. Цена 27 р. 45 к.
Н. Д. Зелинский. Собрание трудов. Том 1. 519 стр. Цена 31 р. 50 к.
В. Д. Корольюк. Ливонская война. 109 стр. Цена 1 р. 85 к.
М. Н. Пеунова. Общественно-политические и философские взгляды Н. В. Шелгунова. 109 стр. Цена 4 р. 30 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

- Н. Доников.** Водолазы. Рассказы. 117 стр. Цена 2 р. 80 к.
Б. Зубавин. Несмолкающая батарея. Рассказы. 142 стр. Цена 2 р. 10 к.
С. Д. Клементьев. Управление машинами и механизмами на расстоянии. 160 стр. Цена 2 р. 50 к.
И. Лапоногов. Венгерская Народная Республика. 175 стр. Цена 2 р. 85 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Жоржи Амаду.** Красные всходы. Издание 2-е. Перевод с португальского. 311 стр. Цена 9 р. 80 к.
Пьер Гамарра. Дети нищеты. Перевод с французского. 144 стр. Цена 3 р. 85 к.
Индия говорит. Стихи индийских поэтов. Издание 2-е. 119 стр. Цена 2 р. 40 к.
Индийские и пакистанские рассказы. 288 стр. Цена 9 р. 55 к.
Джордж Марион. Остановите печать! Перевод с английского. 254 стр. Цена 6 р. 55 к.

«ИСКУССТВО»

- И. Я. Гремиславский.** Композиция сценического пространства. 114 стр. Цена 7 р. 10 к.
А. Губер. Микельанджело. 199 стр. Цена 13 р.
Идейность и мастерство. 319 стр. Цена 14 р. 20 к.
К. Лагутин. Архитектурный образ современных общественных зданий. 235 стр. Цена 17 р. 65 к.
Г. Фильдинг. Комедии. 412 стр. Цена 13 р. 60 к.
В. Фролов. О советской комедии. 339 стр. Цена 16 р. 35 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

- Во имя дружбы.** Сборник. 232 стр. Цена 4 р. 50 к.
И. В. Вострышев. Великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. 48 стр. Цена 90 к.
М. Поляков. Тарас Григорьевич Шевченко. 68 стр. Цена 1 р. 20 к.

ГОСЛЕСБУМИЗДАТ

- Н. А. Морозов.** Специальные деревообрабатывающие производства. 378 стр. Цена 9 р. 60 к.
А. С. Сергеева. Химия древесины и целлюлозы. 140 стр. Цена 4 р. 10 к.

МАШГИЗ

- А. А. Васильев.** Подготовка квалифицированных кадров на машиностроительном заводе. 116 стр. Цена 3 р. 95 к.
В. И. Ганштак. Себестоимость продукции в машиностроении. 148 стр. Цена 3 р. 20 к.
П. П. Горбатов. Машины для посева, уборки и обработки овощных культур. 72 стр. Цена 1 р. 15 к.
В. И. Кухтаров. Опыт работы слесаря А. П. Московского по изготовлению штампов. 74 стр. Цена 1 р. 40 к.
К. В. Лакур. Мои методы обработки металлов резанием. 61 стр. Цена 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР

- И. В. Бородин.** Проектирование газовых сетей и установок. 328 стр. Цена 8 р. 40 к.
Г. И. Лебедев. Передовой опыт в акклиматизации древесных и кустарниковых пород. 138 стр. Цена 4 р. 90 к.
Л. Б. Луни. Проектирование городских зелёных насаждений. 212 стр. Цена 12 р. 30 к.

МЕДГИЗ

- Б. А. Архангельский, Г. Н. Сперанский.** Мать и дитя. Школа молодой матери. 172 стр. Цена 4 р. 25 к.
С. М. Багдасарьян. Николай Нилович Бурденко. 248 стр. Цена 10 р. 40 к.
В. М. Бехтерев. Избранные произведения. 528 стр. Цена 20 р. 50 к.
С. Е. Копелянская. Права матери и ребёнка в СССР. 152 стр. Цена 2 р. 35 к.
Э. М. Конос. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). 404 стр. Цена 13 р. 90 к.
А. Л. Мясников. Гипертоническая болезнь. 392 стр. Цена 19 р. 45 к.
Санитарное просвещение. 490 стр. Цена 12 р. 25 к.
Сочинения И. Е. Дядьковского. Том 1. 392 стр. Цена 18 р. 80 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

- Здравствуй, Москва!** Сборник стихотворений советских поэтов. 275 стр. Цена 7 р. 25 к.
Партийная работа в колхозе. Сборник статей. 127 стр. Цена 1 р. 50 к.

МУЗГИЗ

И. Бэлза. История польской музыкальной культуры. Том 1. 334 стр. Цена 13 р. 70 к.

Оперные либретто. Краткое изложение содержания опер. 638 стр. Цена 22 р. 50 к.

А. Хохловкина. Жорж Бизе. 458 стр. Цена 8 р. 40 к.

ПРОФИЗДАТ

Г. Боровиков. Строитель. Документальная повесть. 132 стр. Цена 2 р. 25 к.

Подмосковье. Туристские маршруты. 368 стр. Цена 7 р. 20 к.

М. Рожнева, Л. Кононенко. В родной семье. 136 стр. Цена 3 р. 10 к.

Н. Рытиков. Расовая дискриминация — орудие классового угнетения трудящихся. 184 стр. Цена 3 р. 15 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

Г. М. Гусейнов. Новая система орошения в передовых хлопководческих колхозах. 72 стр. Цена 1 р. 5 к.

Б. Г. Каган, О. В. Мяделец, С. А. Яковлева. Эксплуатация машин в социалистическом земледелии. 380 стр. Цена 7 р. 55 к.

ГОСТЕХИЗДАТ

Ф. Р. Гантмахер. Теория матриц. 491 стр. Цена 20 р. 90 к.

Н. А. Капцов. Электроника. 467 стр. Цена 10 р. 35 к.

Б. А. Кордемский. Математическая смекалка. 568 стр. Цена 9 р. 10 к.

М. И. Корсунский. Изомерия атомных ядер. 327 стр. Цена 10 р. 80 к.

В. Д. Кузнецов. Кристаллы и кристаллизация. 411 стр. Цена 19 р.

ТРАНСЖЕЛДОРИЗДАТ

Н. Т. Кисляков. Основы анализа эксплуатационной работы железных дорог. 126 стр. Цена 3 р. 45 к.

А. Г. Напорко. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. 288 стр. Цена 11 р. 90 к.

ГОСФИНИЗДАТ

Д. Моляков, А. Шувалов. Финансовый план промышленного предприятия. 84 стр. Цена 2 р. 80 к.

П. Парфаньяк. Вопросы банковского контроля рублём в промышленности. 144 стр. Цена 4 р. 85 к.

ГОСЭНЕРГОИЗДАТ

О. Б. Брон. Электрическая дуга в аппаратах управления. 532 стр. Цена 20 р. 85 к.

Л. С. Кусков. Водное хозяйство гидроэлектростанций. 254 стр. Цена 11 р. 50 к.

С. М. Лосев. Паровые турбины и конденсационные устройства. Теория, конструкции и эксплуатация. 368 стр. Цена 25 р. 30 к.

«АЗЕРНЭШР»

Самед Вургун. Знаменосец века. Поэмы. Перевод с азербайджанского. 68 стр. Цена 2 р. 25 к.

Мехти Гусейн. Утро. Роман. Перевод с азербайджанского. 352 стр. Цена 7 р. 35 к.

ИРКУТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. М. Марков. Строговы. Роман. 520 стр. Цена 9 р. 20 к.

КРЫМИЗДАТ

Н. В. Козлов. Огни. Роман. 394 стр. Цена 5 р. 35 к.

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Самуил Эйдлин. Стихи и сказки. 64 стр. Цена 2 р.

ЛЕНИЗДАТ

Е. Катерли. Бронзовая прялка. Роман. 300 стр. Цена 6 р. 50 к.

С. Напалков. В империи доллара. Из записок морского инженера. 224 стр. Цена 3 р. 50 к.

Г. В. Пагирев, А. Н. Чепуров. Песня о счастье. Стихотворения. 100 стр. Цена 1 р. 50 к.

НОВОСИБИРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. Винкман, Е. Иванов. Это было в горах. Повесть. 160 стр. Цена 4 р. 10 к.

В. Мастеренко. Три года. Повесть. 255 стр. Цена 5 р. 30 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

С. П. Антонов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора),

В. П. Катаев, С. С. Смирнов (зам. главного редактора),

С. Б. Сутоцкий, К. А. Федин, М. А. Шолохов

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 25/III-54 г.

А 01080. Формат бумаги 70×108²/₁₆. 9 бум. л.— 24,66 печ. л. Тираж 140.000. Заказ № 822.

Подписано к печати 10/IV-54 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Свирцова-Стельцова. Москва, Пушкинская пл., 5

Цена 7 руб.